

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

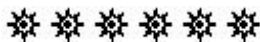

ЛЬДЫ И КРЫЛЬЯ

*Антология
советской
фантастики
20-х – 30-х
годов XX века*

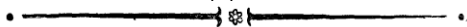

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

АЛЕКСАНДР АБРАМОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ГЕЛИКОМОБИЛЕ

Фантастический очерк

Путешествие НА ГЕЛИКОМОБИЛЕ

А. АБРАМОВ

Рис. Д. Смирнова

Мой геликомобиль стоял в гараже, тут же во дворе. Я осмотрел его, проверил, исправно ли работает поглотитель углекислоты, поставил новый баллон с кислородом и вернулся к себе в комнату.

Вылететь я решил завтра в 9 часов утра, идти спокойно со скоростью километров 500 в час — тогда я прибуду как раз к вечернему чаю. Рассчитывая на 12 часов полета, я приготовил на дорогу несколько бутербродов, большой апельсин, три плитки шоколада и налил в термос горячее молоко.

...Я проснулся. В комнате было темно: открытые окна закрывались на ночь шторами, не пропускающими света. Я нажал кнопку, и на потолке появилось огромное отражение светящегося циферблата:

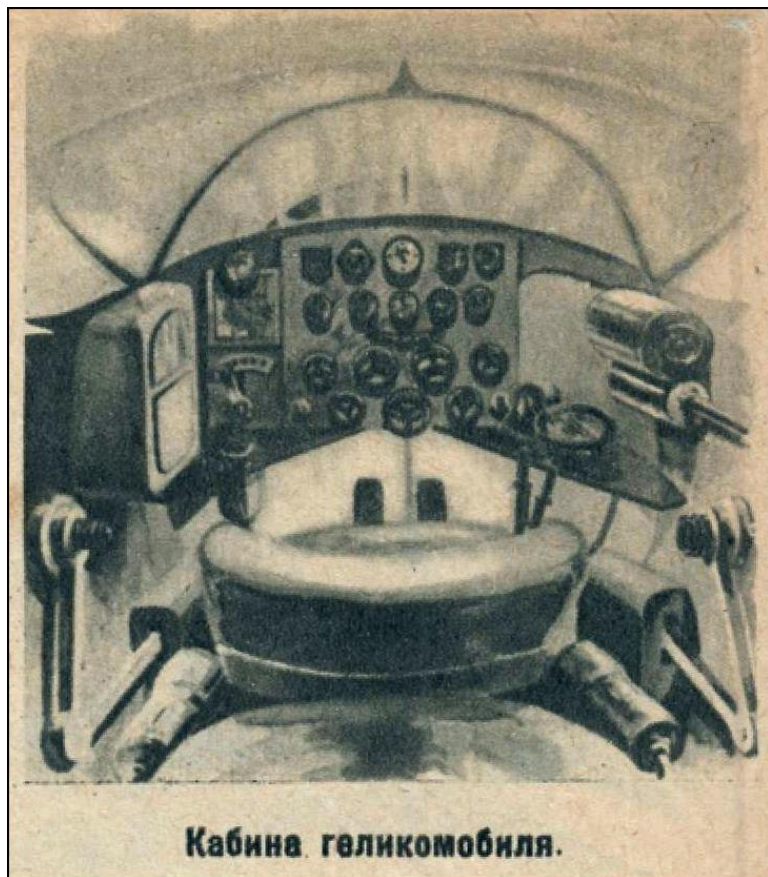
8 часов!

Быстрая гимнастика, холодное обтирание, легкий завтрак — и я в гараже.

Утро пасмурное. Придется забираться повыше и идти по приборам. Ничего: не в первый раз.

В кабине геликомобиля очень удобно. На доске передо мной чуть поблескивают круглыми стеклами два ряда приборов. Ниже несколько баранок, похожих на рулевые колеса автомобиля. На баранках надписи:

- «Колеса» — выдвинуть, втянуть;
- «Крылья» — уложить, выставить;
- «Крылья» — выдвинуть, втянуть;
- «Вертушка» — подъем, спуск;
- «Вода» — впуск, выпуск;
- «Малый винт» — снаружи, внутри.

Под ногами — педали скорости и торможения. У правой руки — рукоятка направления и высоты. Слева рукоятка включения четырех моторов, и тут же, в стенке кабины, шкапчики с продовольствием и медикаментами.

Надо мной прозрачная крыша обтекателя, а снизу прозрачный пол. Боковые стенки тоже прозрачные, все из особого, небьющегося «стальстекла».

Я поставил рукоятку включения против надписи «Колеса» и слегка нажал левую педаль. Геликомобиль плавно выехал из ячейки гаража. Поворот рукоятки направления вправо, и я покатию по спирали, поднимаясь к крыше. Вверх было ближе, чем вниз, потому что геликомобиль помещался на девятом этаже гаража. Плоская крыша была очень небольшой.

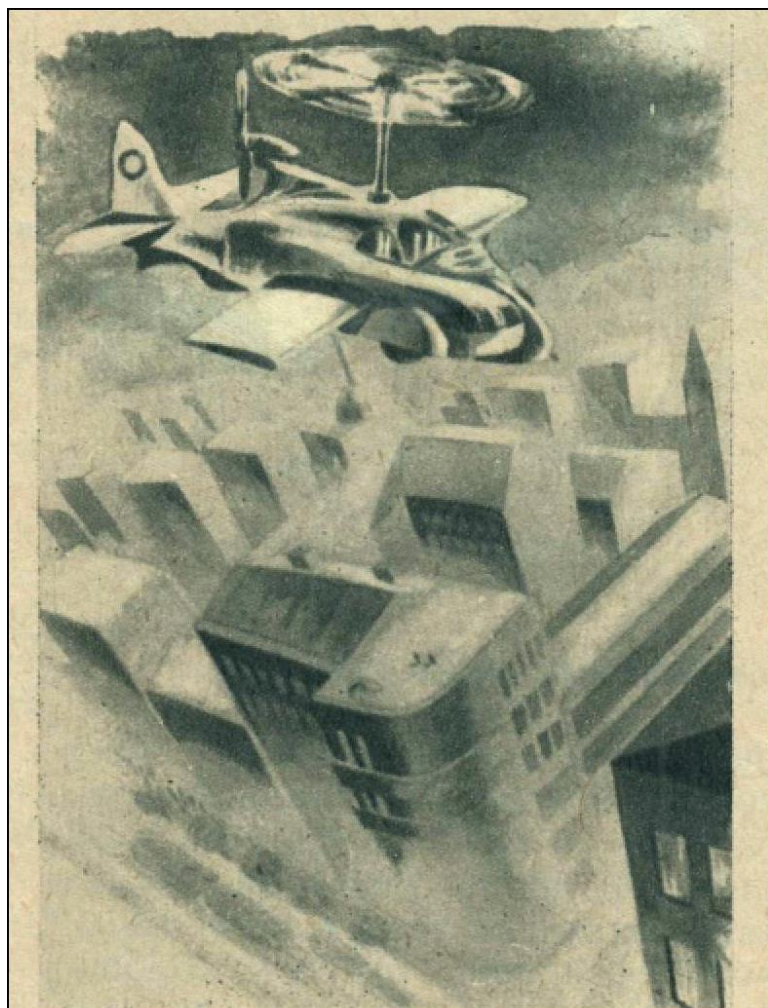
Геликомобиль мог подниматься вертикально вверх, как обычный вертолет. Я сделал два оборота баранки «Вертушка», установил рукоятку включения моторов против надписи «Вертушка» и нажал педаль скорости. Поднявшийся над кабиной четырехлопастный пропеллер завертелся сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Я сильнее надавил педаль. Послушный геликомобиль оторвался и стал набирать высоту. Я втянул не нужные уже колеса.

Крыша становилась меньше. Подо мной был уже весь двор, потом соседние дома, улицы, окрестные сады. Видимость плохая — туман.

Я повернул баранку «Крылья». На корпусе геликомобиля повернулись не заметные раньше плоскости, и машина стала похожей на короткокрылый самолет. Один оборот второй баранки «Крылья», и я уже на настоящем самолете, с блестящими остроконечными плоскостями. Крылья выдвинулись, как раздвигается подозрительная труба.

Вперед!

Перевожу рукоятку моторов на «Воздушный винт», сильно нажимаю педаль, и геликомобиль, загудев пропеллером, сразу рванулся. Теперь мне вертушка не нужна. Поворотом баранки я уложил ее в корпус машины. Освободившись от лишнего сопротивления воздуха, геликомобиль пошел еще скорее.

Подо мною был уже весь двор, потом соседние дома, улицы...

Альтиметр показывал высоту в 300 метров, а указатель скорости — 100 километров в час. Я откинул крышку кабины и оставил спереди только козырек, защищающий от ветра. Свежий утренний воздух обдувал меня. Так хорошо ощущалась скорость, так приятно было мчаться на машине, послушной малейшему движению! Я передвинул рукоятку высоты, набрал 1 500 метров и включил «автоматический пилот». Это замечательная выдумка: выбрал по компасу нужное направление, поставил стрелку «автопилота», и больше не заботься ни о чем: «автопилот» не собьется с курса и не даст потерять высоту. Когда он включен, мне делать нечего. Сажу, посматриваю на приборы, радуюсь, что все в порядке, и дышу чистым воздухом большой высоты.

Однако, нечего мне так плестись! Обветрило немного, и хватит. Я захлопываю крышку кабину и нажимаю педаль скорости до конца. Я знаю, что жужжанье пропеллера перешло в страшный свист, но звукоизолированная кабина почти не пропускает шума. Скорость — 500 километров в час. Если подняться выше, можно пойти еще быстрее. Одно движение рукоятки, и стрелка альтиметра поползла: 2000... 2500... 3000... 3500... 4000...

Здесь воздух режет, и одновременно с набором высоты увеличивается скорость — геликомобиле легче нестись. Я поднялся на 5000 метров, выше не хочу, иначе придется включать кислородный прибор, а с ним я себя хуже чувствую. Вот теперь скорость почти 650 километров в час. Так я быстро домчусь.

Удивительно красиво вокруг! Подо мной гроздятся закругленные кручи облаков, ярко сияет солнце, облака искрятся, и куда ни глянешь — простор. Картина подо мной все время меняется.

**Я прорезаю слой легких облаков и вижу
море.**

Облака так похожи на заснеженные горы, что я представил себе, как хорошо было бы путешествовать по ним на лыжах, мчаться с облачных холмов, катиться в пропасти, взлетать на облачные вершины. Здесь светлое морозное утро, а внизу теплое лето.

Да, нужно подкрепиться. «Автопилот» работает, а я закусываю, поглядывая на приборы. Я спокоен. У меня свежезаряженные аккумуляторы, на них электромоторы могут работать 40 часов. Ведь в геликомобиле нет старых бензиновых двигателей: я пользуюсь электромоторами, получающими ток от электрических аккумуляторов. Аккумуляторы легкие, прочные и занимают не больше места, чем два тома «Технической энциклопедии».

Перед вылетом я заложил в «курсограф» карту пути, на которой автоматически чертится линия полета. По карте я вижу, что сейчас должен быть над морем. Еще 3 часа, и можно спускаться.

А если проверить, где я? Это нетрудно. Одно движение рукоятки высоты, и моя машина плавно скользит вниз. Я прорезаю слой легких облаков и действительно вижу море. Оно покрыто белыми гребнями высоких волн. Значит, ветер.

Но почему я продолжаю спускаться? Ведь я передвинул рукоятку высоты на «подъем». Почему уменьшается скорость? Почему стрелка напряжения тока на нуле? Ничего не понимаю...

У меня перестал работать электромотор пропеллера! Теперь я уже не на самолете, не на вертолете, не на своем вертолете, я — безмоторная птица, планер. Я выдвигаю крылья до конца, чтобы медленнее спускаться, и парю широкими кругами, как коршун, но море все ближе и ближе.

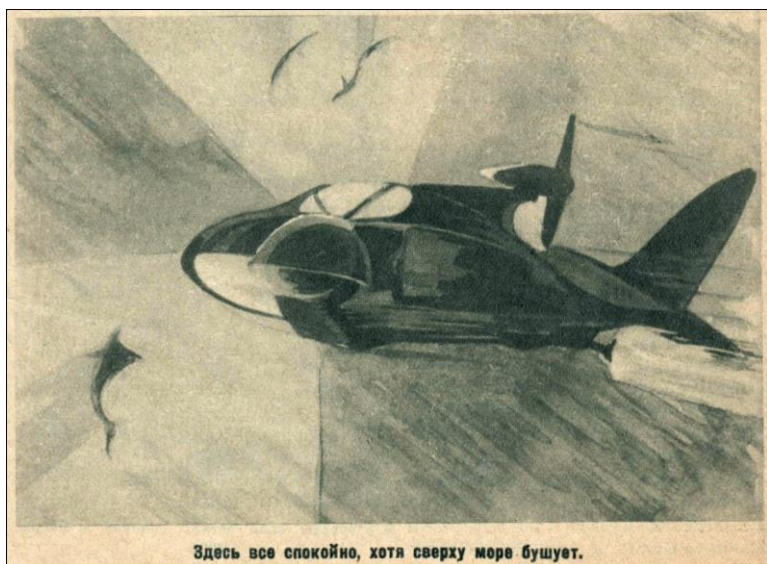
Придется сесть на воду, на большую волну. Над самой поверхностью я выправляю машину, с разгона перелетаю с одного гребня на другой, на третий, но тут мою маленькую машину захлестывает волна, и я оказываюсь во власти моря. Я не боюсь; кабина хорошо закрыта, внутрь вода не пройдет, но как ужасно меня качает!

Чтобы удары волн не повредили крыльев, я втягиваю их и укладываю вдоль корпуса. Я будто в пузырьке воздуха, и сердитое море играет мною. Так кидает, что я ничего не могу сделать. Пристегнулся к креслу и еле сижу.

Я упираюсь ногами в пол кабины, одной рукой держусь, а другой плотно затягиваю винты крышки,

включаю поглотитель углекислоты, поворачиваю кран на баллоне с кислородом и верчу баранку «Вода».

Геликомобиль погружается. Становится темно. Я поворачиваю выключатель. Свет есть. Здесь у меня работает другой, маленький аккумулятор. Постепенно качка становится все слабее, и наконец я закрываю приток воды в цистерну. Я уже так глубоко опустился, что здесь все спокойно, хотя сверху море бушует. Теперь можно поискать повреждение.

Аккумуляторы стоят под сиденьем. Я провожу от них два провода к вольтметру, и его стрелка скачет. Если аккумуляторы в порядке, то где же повреждено? Посмотрим, работает ли электромотор водяного винта. Я поворачиваю баранку, выдвигающую малый винт, ставлю рукоятку включения моторов на «Малый винт» и нажимаю педаль скорости. Винт не работает... Так...

Теперь проверим провода от аккумуляторов к включателю моторов.

Вот оно что! Когда я менял схему присоединения, я слабо затянул гайку, крепящую один из проводов. От сотрясения гайка отвернулась совсем, и провод соскочил.

Привинтить его недолго. Я снова нажимаю педаль скорости. Есть! Забегали стрелки приборов. Плыдем!

Я поворачиваю ручку, и геликомобиль идет по нужному направлению. Но как идет! 30 километров в час. Это вместо 650!..

Нет, не годится. Так я должен буду плыть почти трое суток; у меня не хватит заряда аккумуляторов. Нужно выбираться на поверхность. Я поворачиваю баранку «Вода», и сжатый воздух выгоняет воду из цистерны. В кабине становится совсем светло, и я всплываю на поверхность. Здесь маленький геликомобиль скользит по воде как глиссер, со скоростью 120 километров в час.

Попробовать подняться в воздух? Только бы не захлеснуло. Одной рукой я взялся за переключатель моторов, другой — за баранку «Вертушка».

Раз, два — вертушка стоит. Три! Мотор включен, педаль скорости нажата до конца, и геликомобиль, подброшенный удачно налетевшей волной, подпрыгивает и уходит в высоту. Все в порядке!

Можно втянуть малый винт, выдвинуть крылья, набрать большую высоту и снова помчаться.

Я раз мечтался... Представил себе «геликомобиль», который никем еще не придуман. Мой геликомобиль построить нельзя: маленькие, легкие и сильные аккумуляторы еще не изобретены. Есть много разных способов передвижения: по земле — автомобили, аэросани,

Геликомобиль подпрыгивает и уходит в высоту.

унициклы, электрические и паровые поезда; в воздухе — планеры, самолеты, автожиры, дирижабли; по воде — пароходы колесные, винтовые, глиссеры; в воде — подводные лодки, а вот такой машины, чтобы могла одна везде ходить — по земле, по воде, под водой и по воздуху, — такой еще нет. Над конструкцией вездехода-вездельета-вездеплава стоит поработать.

Все изобретатели сначала строят модели и на них изучают, как лучше построить настоящие машины. И мы тоже с моделей начинаем.

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОНКУРС на самодельные технические модели, приборы и игрушки

КОНКУРС на лучшие технические модели, приборы и игрушки проводят Московский городской дом юных техников, Горком и Горком комсомола совместно с ВОИЗ, Осоавиахимом, Автодором, Осводом, Домом техники ННПС, районными ДТС и редакциями „Пioneрской правды“ и „Знание — сила“.

Задачи конкурса — усилить среди ребят работу по овладению техникой и, выявив лучшие модели и лучших юнхотехов, помочь им в дальнейшей работе.

На конкурс могут быть представлены модели, приборы и игрушки (двигающиеся) по всевозможным областям техники — авиации, энергетике, связи, транспорту (железнодорожному, водному), радио, фото и т. п.

Участвовать могут ребята, работающие в различных техкружках (ДТС, школ, пионеротрядов, жантов и др.), и одиночки.

Всяческое содействие участникам конкурса оказывают Городской дом юнхотехов и районные ДТС.

Авторы лучших моделей будут премированы. В числе премий — фотоаппараты, радиоприемники, патефоны, часы, готовальни, разные инструменты, спортивный инвентарь и т. п.

Заявления о желании участвовать в конкурсе нужно подавать в Московский городской дом юных техников (Житная ул., д. 8) и в районные ДТС, с указанием модели (прибора или игрушки) и фамилии, имени, отчества, возраста, адреса и техкружка участника.

Модели представляются с 1 по 15 мая 1935 года в Городской дом юных техников и в районные ДТС.

Ребята, включайтесь в конкурс!

В. САФОНОВ

• ————— ❁ ————— •

**ПРИШЕСТВИЕ
И ГИБЕЛЬ
СОБСТВЕННИКА**

Фантастический памфлет

Предположительно, написано после 1932 года.
Впервые опубликовано в сб. «Черный столб», М., Знание, 1963 г., без указания года написания рассказа.

— Я совершенно не считаю себя ученым, — сказал высокий и юношески стройный человек. — Никакого отношения к науке!

— Кто сомневается в этом? — отозвался другой чрезвычайно серьезно.

— Вы, — живо парировал первый.

Живость и какая-то особенная быстрота были свойственны ему. Живость и быстрота жестов. Живость и молодость взгляда — не приходило в голову спрашивать, как она вяжется с сильной проседью в волнистых волосах, наоборот, именно это придавало его облику то, вовсе не стариковское, своеобразие, которое невольно заставляло оборачиваться ему вслед. И, кроме того, свое признание (чем только хвастался!) он сделал с явным удовольствием и блеском глаз.

— Вы! — сказал он. — Чего бы ради иначе вы пришли слушать меня?

— Чтобы удержать вас, хотя бы своим присутствием, от крайностей. И потому, что я иногда люблю скачки вашего воображения. Я люблю вас, — добавил второй, оставаясь чрезвычайно серьезным. — Но все эти, вас не знающие... И, во имя любезных вам муз и граций, что побудило вас объявить этот доклад, беседу, проповедь — как хотите — на тему бесконечно далекую от всего, что вы делали? Вы, для которого только и существовал человек сегодняшнего дня!

— Сердце, душа и правда человека, скажем так. И это тоже будет о людях. О людях, поправших правду. Так что не «бесконечно далеко». А что толкнуло меня...

— Вот именно: что?

— Посмотрите, сколько собралось «этих, не знающих» меня! Лучше я отвечу всем. Пора начинать.

2

Помещение было полукруглое. Сад охватывал его зеленой дугой и, казалось, вступал внутрь сквозь прозрачный выступ — стену-окно. Можно не сомневаться, что деревья в том саду останутся деревьями — как и в наших садах, на дорожках будут кучки от дождевых червей, и никакой синтетический состав — торжество химии — не заменит почвы, кое-где припудренной пылью в сухой зной, грязной в непогоду, с обрывком колеи и следом чьей-то неловкой ступни там, где поворачивали газонную косилку.

Человек, стоявший в выступе, на возвышении, на фоне сада, видел зыбкую сетку отсветов на стенах и потолке и множество повернутых к нему внимательных лиц. Бессмысленно строить предположения, как будут одеты все эти люди. Но глаза их мы узнали бы сразу, глаза юношей, девушек, подростков — тех, кто начинает жизнь самого дивного существа на земле.

Он поблагодарил пришедших, может быть прибывших даже из дальних районов континента утренними средствами сообщения. Вот те, к кому он обращался, для кого работал всю жизнь. Юноши, девушки, молодежь. Его читатели, его слушатели, его зрители. Он-то не сомневался, что именно они лучше всех знают его. И когда он позвал, объявил это необычное сообщение — вот они!..

Он улыбнулся мальчику, смотревшему на него, живого, не «телеэкранного», во все глаза из самого первого ряда.

Образ Рухнувшего Мира! Рухнувшего и погребенного! Да, в самом деле, что заставило его пытаться вообразить свирепую бессмыслицу этого мира накануне его падения? С чего началось? Что послужило первым толчком?

Он рылся однажды в грудях неразобранного, в мусоре веков, который мало интересовал кодификаторов. И там он нашел этот документ. В нем изображалось общество, еще свободное от кровавадной бессмыслицы, И как бы мгновенная химическая реакция при столкновении этого общества с обществом пушек и фрегатов.

— Я нашел лакмусовую бумажку, — сказал оратор.

Любопытная фигура — автор письма, потрясенный свидетель! Он колеблется между завистью и высокомерием. Поработитель, он клеймит порабощение. Говорит, говорит, — он речист, даже всплескивает руками, — а чуть до дела, трусливо и послушно хватается, не хуже иных, за окровавленный нож. Он заглядывает в будущее и ошибается во всем. Бог и бессмертие души удостоверяют ему нерушимость вкладов в банкирских конторах. Снисходя с некоей головокружительной высоты — вот как он судит о чудесной встрече. И не замечает, что во встрече этой обнажилась абсурдность именно его мира!

— Вдруг с потрясающей силой поразил меня смысл слова: абсурд! Но конец того мира еще не наступил. Суждено было еще расти его чудовищности. И я, в своем воображении, как бы следовал за ним по пятам — до конца, до самого края, все время видя наготу уродства. Я шел словно с путеводной нитью и уже не выпускал ее.

И голосом, чуть монотонным, со спокойной точностью человека, которому меньше жить, чем он жил,

оратор вызвал перед слушателями — точно кидая один уверенный мазок за другим — причудливые образы давно прошедшего, рухнувшего мира. Мира Последнего Часа. Циклопическая техника перепахивала землю, сдобренную трупным гноем. Гигантские заводы выстраивались на сотнях гектаров. Он рассказывал о них с изумлением, потому что и люди далекого века не отучатся им удивляться. Их машины и приборы, цепочки, линии, агрегаты станут экономны. В малом объеме они сумеют достигать желаемого. И остовы древних сооружений будут поражать, как пирамиды.

Оратор вызвал из забвения имена, некогда наполнявшие своим звоном воздух того мира. Эхо столетий донесло их до места последнего, медленного тления в склепах древлехранилищ. Призрачные мертвецы вступили в аудиторию. Форды — от властного мастеровщины-миллиардера Генри Старшего до внуков и правнуков. Хлипкая, с голоском, как вздох, старушка Тюссо, перевоплощенная потом, вместе с придуманной ею выставкой восковых фигур, в ловкую компанию ражих молодцов, сто лет и после ее смерти называвших себя: «Мадам Тюссо». Изобретатель жевательной резинки. Спичечный король Крейгер.

И тут по рядам пробежит шепоток. Поднимется тот самый подросток из первого ряда и спросит (как видите, нравы в этой аудитории будут отличаться свободой):

— Простите. Три миллиона автомобилей! Или пять?

И, как вы сказали, династия. Форды. А спички. Это же горы коробков! Если чиркать по одной... И всего один человек — Крейгер. Зачем вы сказали так? Простите.

— Очень просто. Это владельцы. Им принадлежали заводы.

— Такие заводы, как... целый город? И даже много городов, потому что много заводов? В разных странах? По обе стороны океана? Одному владельцу? Он что — камень за камнем выстроил их?

— Нет. Их строили десятки тысяч других людей. Каменщики и крановщики. Монтажники, арматурщики, техники. Архитекторы и, полагаю, конструкторы. Все, кроме владельца, который совсем не строил их.

— Тогда он... Простите: мы пытаемся уловить мысль. Он один работал на них?

— Он никогда не становился к станку. Цех — вы представляете себе? Толпы рабочих. Мастера. Инженеры, руководящие делом. Миллионер у станка! Невообразимо!

— Но... оплата, деньги — вы говорили. Что значит «принадлежали»? Он, обходя всех, платил всем?

— Нет! Многолюдные сидячие команды — бухгалтерии — вели хитрейшие математические расчеты. Кассиры, разложив перед собой таблицы, испещренные именами и числами, вручали из окошек таким тончайшим путем расчисленный заработок. И эти деньги даже не проходили через руки владельца.

— Пожалуй, это слишком для меня... Крейгер... Он все-таки один сжигал все спички? Или Форд-внук — вообразить только: один у руля трех миллионов автомобилей!

— Не пытайтесь воображать. Я ровно ничего не знаю о любви Форда-Младшего к автомобильной езде. И легко допускаю, что любой шофер или гонщик испробовал за свою жизнь намного больше машин, чем...

— Поразительно! — сказал подросток и посмотрел вокруг себя, ища сочувствия. Его все это раззадорило, как игра. — В таком случае, владелец подвозил к каждому станку то, что нужно для работы? Нянчил всех

детей и забавлял всех жен работающих? Быть может, он пользовался дымом из труб, чтобы иметь возможность на разных параллелях пускать в небо, под напором теплого воздуха, красивые разноцветные бумажные змеи? Не завещал ли он превратить заводы после своей смерти в танцклассы? Устраивал в них грибные хозяйства? Бассейны для плавания? Снимал с места и перевозил с собой? Время от времени для развлечения сверлил в них дыры? Разрушал по мере того, как строили? И если он не делал ничего такого...

Оратор, казалось, не дослушал.

— Развлечение! — задумчиво повторил он. — У Ивара Крейгера были квартиры в дюжине столиц. Гардеробы с благоухающим бельем и костюмами любых оттенков. Тикающие часы и ночные туфли. С той же тросточкой он отправлялся в кафе на углу и за тридевять земель. Дюжина смиренных, готовых к услугам жизней... Ивар Крейгер пустил себе пулю в лоб. Я стараюсь передать вам, как мне рисуется феномен частной собственности — непостижимое соглашение, по которому несчетное множество людей, изнурявших себя в пещероподобных цехах, и еще несчетное множество потреблявших изготовленные первыми вещи считали себя обязанными по отношению к одному человеку, Собственнику! И платили ему дань! О, я замечая ваш укоризненный взгляд, взыскательный друг! Но так мне легче вообразить себе все это. Постепенно происхождение соглашения забылось. И так как его нельзя было объяснить, то его стали считать священным. По крайней мере нам сохранены предания о боговдохновенных документах. Несомненно, что истории так называемых религий имеют в виду обожествление соглашения о собственности.

Но тут — в громадном отдалении — я вижу особенно смутно. Это словно на иной планете. Начало.

Он остановился.

— Вот то самое письмо, — сказал он. — Я все время думаю о нем. Письмо о том, что было до начала — пусть в исключительном случае. Но это внутренняя кухня моей мысли. В конце концов, для вас она...

Он резко оборвал.

— Итак, первые собственники. И первые наследники. Собственность и право наследования. Спаянность одного с другим — вам ясно? И вот почему столько ролей, столько «клеток», обитаемых людьми, стали наследственными в обществе косном и тщеславном! Владения, титулы, звания, профессии — твоя клетка с запретом для тебя и твоих потомков выскочить из нее в другую, повыше...

А собственник... Собственник провозглашал свою собственность табу для всего человечества. Он окружал ее рвами, бастионами, колючей изгородью. Да, да, чтоб никто не переступил священной черты. И помогали ему группы людей, не делавших ничего и только носивших с собой нелепые и устрашающие машины для убийства. Такие машины выделялись массами в эпоху религиозной морали и кодексов, запрещающих убийство.

Потом он приступал к сбору дани. Он брал с тех, кто строил, кто творил, кто работал. Он брал на себя, на детей и жен, на понравившихся ему мальчиков и девочек, банщиков и клоунов, а также для вооруженной банды, помогавшей ему возводить изгородь. Кого могла занимать такая игра? Варварская, абсурдная, бесчеловечная. Но что знаем мы о пристрастиях, легковерии минувших времен!

Тогда, кажется, не видели ни одного предмета, как он есть. К каждому примышляли собственника. Собственники разделили пищу, механизмы, города и земли, мысли, открытия и вдохновения поэтов. Человек, не выезжавший из Лондона, мог считаться владельцем индийских рудников и лебединого шага неоперившейся девочки-балерины в канадском городе Торонто, даже не подозревавшей об этом. Иные никогда не сумели бы исчислить свое имущество. Вздорность разверстки заставляет снова всерьез отнестись к мысли о жребии. Собственник, не знающий даже, кто и чем занят на его заводе, мог отдать завод другому собственнику... или взорвать его! И собственники действительно периодически уничтожали производство. Они делали так, вероятно, потому же, почему Нерон жег Рим, а Калигула мечтал о единой шее для человечества, — чтобы перерубить ее. Не положивший ни одного кирпича, не пустивший в ход ни одного агрегата останавливал работу, производившуюся другими и для других. И эта бессмыслица принималась настолько всерьез, что тысячи работающих и тех, для кого работали, позволяли себя губить ради нее. Безумие, о природе которого я не решаюсь сделать никаких допущений!

— Но, простите еще раз, тогда, возможно, кому-нибудь принадлежало и солнце?

— Я обдумываю это. Вполне вероятно, что именно так и было. Скорее всего, им владело общество богатей. Они жили в роскошных отелях, залитых светом с восхода до заката сквозь зеркальные витрины. Они присвоили себе витаглас, чтобы не упустить ультрафиолетовых лучей, исцеляющих рахит и тbc.

Немногие могли позволить себе роскошь обитать в домах, обращенных к солнцу. К большинству оно заглядывало слабым утренним или последним вечерним

лучом. Те, кто мучительно подсчитывал, отходя ко сну, расходы, селились за окнами на север. Для бедняков отводили сырые подвалы, где дети никогда не видели дневного света.

Их родителям было нечем платить акционерному обществу владельцев солнца.

3

— Кривое зеркало. Потешное зеркало. Вы неисправимы.

— Я ждал вашей критики.

— Подумайте, что вы хотели заронить в умы тех, кто слушал вас?

Но собеседник, опершись кистями рук, неожиданно подбросил свое большое тело в стенную нишу, временно заместив отсутствующий там бюст. Ниша была прорезана высоко, он, устроившись, перекинул подомашнему свои не достававшие до полу ноги одну на другую.

— Силу смеха. Непримируемость смеха. Любовь и ненависть смеха, — ответил он.

— Непоправимо легкомысленны, — уточнил второй, подняв худое лицо к его буйной пегой шевелюре и отблескам, которые зыбились подле нее по краям ниши, точно две стайки серебристых рыб в аквариуме. — Так трактовать тему исключительной серьезности! Что за письмо вы там откопали?

— Частное, очень литературное письмо... Восемнадцатый век.

— И общество без собственности? «Начало»?! Вы смеетесь.

— Прочтите. Оно здесь. Хранители за него не держатся.

— Литература! — поморщился ученый собеседник. — Фантастика! Существует жизнь, исполинский поток...

— Чертовски чудесный поток.

— И существуют законы этой жизни. Неотвратимые законы развития и преодоления, смены.

— Героического преодоления. Не забудьте: борются и преодолевают люди. Люди, слышите, а не геологические напластования!

— Так вот: дали вы себе труд изложить эти законы?

— Я хотел говорить о людях. О мерзости Собственника. О воинствующем себялюбии крошечного «я». Чтобы не существовало моего корыта. И любого зародыша его. Где бы и как бы он ни проклюнулся. Но я в самом деле не рассказал о длительности, тяжести и красоте борьбы, которая привела к подлинному началу нашей эры. Когда, сперва в одной стране, потом в нескольких, затем во всех люди, вместе взявшись, переломили хребет той, которую находчиво назвал Старой Ведьмой писатель-современник, чье имя, жаль, не сохранилось. Я признаю это. Вы правы,

— Давайте ваш документ.

— Старофранцузский вас не смутит?

Он спрыгнул из ниши. Щелкнул замок. Ученый, сухо усмехаясь (шутку он счел неуместной и неумной), открыл защитную герметическую папку-футляр, где хранилось письмо.

4

Любезный друг!

Вы удивитесь, без сомнения, вести, которой не ждали. Я отдаю себе отчет в шаткости прав, основанных на кратковременном вашем расположении, давно, может быть, отданном другому...

Но как не воспользоваться счастливой случайностью, позволяющей переслать эти листки — неожиданное, поражающее продолжение наших бесед? Вот мое оправдание! Бог весть, когда я вновь увижу вас и увижу ли...

Опасности, которые подстерегают нас здесь, многочисленны и разнообразны. Искусство мореплавания не стоит еще на такой высоте (несмотря на примеры бесстрашных путешественников), чтобы сделать блуждание в Тихом океане увеселительной прогулкой...

В течение пятнадцати месяцев все наше человечество — это офицеры «Маркизы Наннеты» (я могу не упоминать простых моряков). Новости и сплетни рождаются тут, на палубе славной бригантины. И они коczą вместе с ней, как океаны, народы и короли коczą вместе с Землей вокруг великого светила.

Я сказал: наше человечество. Ибо своим мы называем тот мир, частью которого сознаем себя, который делает нас тем, что мы есть. Мы видели также другие миры. На островах, где растет камфара и мускат, мы находили чернокожих. Они соперничали с обезьянами в лазанье по ветвям и с попугаями в гортанных выкриках. Вы прочтите описание всего этого в трех томах, которыми Ле-Кордек, наш командир, готовится затмить знаменитого Бугенвиля. Отлично представляю, как недоуменно и капризно взлетает ваша бровь: Ле-Кордек, морской волк с лицом, иссеченным багровыми шрамами, голосом, гремящим иерихонской трубой над грозными валами океана, — и одинокие бдения у письменного стола, безмолвная, неустанная борьба с неподатливым словом, руки рубачи, нанизывающие ожерелья изящных фраз! Я не выдам никакого секрета, признавшись, что на титуле этого труда (появится ли он вообще?) было бы уместнее найти иное

имя, некогда небезразличное вам. Но опыт отучил меня от поисков справедливости в людских делах. Мудрость состоит в покорности неизбежному порядку вещей.

Итак, я упомянул о туземцах. Черные, цвета золы или в пестрой раскраске — да, дорогая, все они также люди, и равно перед ними растворены врата спасения искупительной кровью. Это наши братья, но мы не помним родства с ними. Они нам далеки, как созвездия.

Счастливые или несчастные братья? Вы знаете, что философы до хрипоты спорят об этом и не пришли ни к какому заключению. Я не стану решать за них. Я хочу только рассказать об одном видении другого мира, явившемся мне в знойной Океании, видении, которое будет лучшим из всего, что похоронят со мною в гробу.

Именно так я хочу продолжить наши беседы о золотом веке.

Есть несравнимое очарование, когда за пеной бурнов, в серебряном потоке дня или ночными отсветами дрожащих костров встанет перед вами земля, которой еще не видел никто. Я выражаюсь точно. Никто из людей нашего мира — для нас это и есть: никто. И не будет высокомерием, если мореплаватель откажет туземцам в праве оспаривать у него первенство в открытии их родины.

На волнах ветви и плоды — западный ветер когда-то пригнал такие же с берегов Нового Света навстречу каравеллам Колумба; возглас вахтенного; доносится свист птицы; скрипнули реи, и с пассатом пахнул жар накаленной почвы, ропот и запах земли. Рядом смеются; в волчьих коричневых морщинах у кого-то слезы — старик плачет, как женщина, под хлопающими парусами, обнажив десны, взрыхленные цингой. Что там,

за этим низким побережьем в сизом оперении пальм, — в этом странном, опаленном, оплывающем в тусклой дымке очерке неведомой земли?

Вот мгновенья, которыми искуплены для мореплавателя беды, труды и опасности длинного пути, бури и штиты, более страшные, чем бури!

Сейчас весна. Она размягчает снег на северных полях и человеческое сердце. Она срывает людей с самых насиженных мест и увлекает за собой: я не забыл этого. Мне особенно беспокойно весной. И больше всего вспоминать о мгновеньях счастья, недоступного больше мне.

Как долго, как жестоко трепал нас шторм! Ореховой скорлупкой была для его неистовой ярости «Маркиза Наннета». Он откинул нас прочь от морских дорог. Где мы очутились? Гладь этих наконец умиротворившихся вод, возможно, никогда не пересекали судовые кили. То было пустынное сердце великого Океана. Где-то в неизмеримых просторах рассеяны острова Дружбы, Мореплавателей и Товарищества. Ничего не оставалось, как взять курс к какому-либо из них, если новый шторм не добьет полумертвый корабль.

И тут вахтенный оповестил о суше. Мы наткнулись на осколок ее — такой плоский, что становилось понятным, почему до сих пор ни один корабль не замечал этой отмели.

Дождались рассвета. Брешь в коралловом рифе позволила войти в лагуну. Разноцветные рыбы сновали в глубокой и прозрачной воде. Земля была рядом; казалось, достаточно протянуть руку, чтобы сорвать зрелый плод.

Но мы совершенно ошиблись ночью в характере острова. Он вовсе не был ни пустынно безжизненным, ни даже плоским! Отмели наносила быстрая речонка.

Тяжелое плодородие благословляло ее берега. Душный чистый аромат тропиков неподвижно висел над нею. Ветви встречались через реку, лианы свивали их в сплошной зеленый полог. Впрочем, он не оставался зеленым. Драгоценные камни птиц сверкали в нем. Гигантские бабочки колыхались на гигантских цветах, образуя двойное соцветие. Цветущие гирлянды обрамляли их, более прекрасные, чем короны царей. Орхидеи походили на колибри. Сладостные шишки ананасов соперничали с полновесными громадинами, спеющими на хлебном дереве. Ваниль обнимала теоброму, дающую напитков богов. Флора раскрыла свой рог изобилия, как на полотнах Рубенса. Конусообразный пик дымился вдали.

И еще раз я почувствовал бессилие человека рядом с неиссякаемой щедрой мощью природы. Как жалки казались здесь попытки прибрать к рукам, занумеровать, назвать, вся эта игра в латинские системы, добавляющая наших Линнеев, — какое безумие думать, что можно втиснуть в закоряченные рамки вечную творящую силу!

Мы берем от природы одну десятитысячную, то, до чего дотянутся наши руки и наш разум, то, что пригодно для наших маленьких целей. Это мы умеем называть и в этом наша наука. Не довольно ли с нас?.,

Так думаю я теперь, оглядываясь на неожиданно подаренное мне и так быстро утраченное... А тогда? Тогда я, как и все мы, горел лишь одним желанием — скорее ступить на берег острова.

И уже первые шаги убедили нас, что действительность превосходит самые пылкие наши ожидания. Остров был сказочно богат. Целые флотилии не смогли бы вывезти всех его сокровищ, и десятки торговых компаний составили бы тут себе капиталы.

Мы непонятным образом ошиблись и в размерах острова. Он оказался гораздо обширнее, чем можно было ожидать. Мы не отваживались, однако, особенно удаляться от судна, хотя прохладный лиственный навес умерял зной, неприметно было ни хищников, ни ядовитых змей, а чистота воздуха ручалась, что нам не грозят лихорадки, порождение болотных миазмов, или москиты, бич тропиков.

Первая ночь в палатках показала, что земля эта обитаема. Люди приближались к кострам, они не боялись нас. То были статные молодцы с шапкой курчавых волос и повязкой на бедрах. Они не походили на других туземцев Океании. Вы знаете, что те, потрясая дротиками, окружают приближающийся корабль на своих долбленых лодках. Назойливо лезут на палубу, за пустяки, которые природа дает им даром, стараются выменять все привезенное вами с собой, затем наливаются алкоголем, которого никогда не пробовали, и огнестрельное оружие, в конце концов, лучший язык для переговоров с ними.

Туземцы этого острова не досаждали ни враждебностью, ни назойливостью. С молчаливым любопытством они разглядывали нас из отдаления.

Следовало на что-нибудь решиться, если мы хотели остаться здесь столько, сколько потребуется, чтобы привести потрепанную бурей бригаантину в состояние, пригодное для дальнейшего плавания, исследовать страну и запастись провиантом. Следовало также позаботиться о сборе и доставке на корабль ценнейших пряностей и копры. Экипаж не сумел бы со всем этим справиться сам: ведь нас окружали неизмеримые богатства. К тому же болезни ослабили людей. Значит, необходимо привлечь туземцев.

Ле-Кордек выслал отряды. Они не обнаружили поселений. У прибрежных скал, куда вышли разведчики, резвились дельфины.

Наконец удалось захватить туземца. Казалось, больше всего он был этим удивлен. Но нашим искусникам ничего не стоило заставить его разжать рот и указать путь в деревню.

Мы двинулись с карабинами, блестящими безделушками в тючках и достаточно емкими вместилищами для водки. В кольце черных тел мы прошли к большому шалашу предводителя. Навстречу нам поднялся величественный и нагой патриарх. Мне вспомнились семь бронзовых мудрецов Лисиппа, о которых говорит Диоген. Приведенные нами переводчики, предусмотрительно захваченные Ле-Кордеком на нескольких островах Океании, тщетно пробовали двадцать наречий, похожих на птичий щебет. Наконец старик кивнул. Он помолчал еще несколько минут, опираясь на посох. Затем он заговорил. Нам переводили его слова с пятого на десятое. Но жесты досказали остальное.

Я передам вам его речь так, как она врезалась мне в память.

— Ты хочешь, чтобы я пошел и повел, как ты говоришь, «мой народ» сдирать для тебя кору с живых деревьев и все кокосовые орехи с пальм, хотя это проворнее сделали бы обезьяны. Ты хочешь еще, чтобы мы обшарили леса и поляны, собрав все до одного зерна из тонких стручков: тебе полезнее были бы птицы. Ты хочешь также, чтобы наши юноши, не дыша, доставали с морского дна ракушки, выбирая с маленькими светлыми камешками внутри: попроси об этом рыб! Ты хочешь... Да, ты хочешь, чтобы мы, как дети, перебирали песчинки в реке, вылавливая желтые

крошки, в которых вовсе нет ни смысла, ни красоты. И чтобы мы долбили горы. А затем всем народом сложили к твоим ногам тяжкие ноши — дань изуродованных лесов, обобранных вод, обезображенной земли.

Вот чего ты хочешь, ты и приведенные тобой люди, которых во сто раз меньше, чем нас, населяющих эту землю с тех пор, как небо, прильнувшее к океану, крышей выгнулось над ней. Нашего неба, моря, страны и всех сил нашего народа — вот чего ты хочешь. Зачем? Какая тебе польза в горе и бедствиях других людей? Впрочем, это твое дело, а не мое. Но я не могу понять еще, почему ты, не зная нас, думаешь о нас так дурно, что ожидаешь, будто сами мы призовем к себе горе и бедствия для этой твоей, неведомой нам пользы.

Ты говоришь, что дашь нам за это разные вещи, чтобы мы украсили себя, наших женщин и утолили жажду. Я не знаю вещей, которые ты хочешь мне дать, но мне и не надо их знать. Разве тебе не понятно, что не может быть таких вещей, какие нужны мне, а имел бы их ты, а не я? День и ночь каждому дают то, что ему нужно. И давая, ничего не просят взамен. Ибо нет дара в том, что отбираешь обратно. Они одаривают только за то, что мы живем. Разве ты не понимаешь этого? Такой же человек, как мы, что ты можешь прибавить к их дарам? Свое тело — единственное, о чем скажешь: мое? Но оно не нужно нам. Оно никому не нужно, кроме тебя. И ты еще беднее нас, ибо тело у тебя не имеет даже цвета, и ты вынужден прикрывать его!

Взгляни, вот я хочу есть, и ветви наклоняют ко мне свои плоды. Большого мне не надо. В плодах и побегах зреет вино для наших юношей, чтобы они были неустрашимы. Что прибавишь ты?

Ты сказал: вот украшения для женщин, чтобы слаще казалась их любовь. Но разве те, что ты принес, прекраснее раковин и цветов? Легких опахал бабочек и огня заката? И разве тобой сделаны главные украшения девушек — их глаза, и узкие ноздри, и горячие груди, и твердые бедра? Оглянись, вот юноши и девушки. Они молоды, и юноша избирает девушку. Он вплетает ей в волосы лепестки. Солнце светит им, и они веселы. Они кружатся, не видя никого, кроме друг друга. И на закате он поведет ее в лес. Они будут любить друг друга, пока с ними останется счастье. Может быть, так будет всю их жизнь. А если нет, он еще найдет себе верную жену, а она мужа. Он поедет на рыбную ловлю, и прибой облизнет ноги жены, ожидающей на рифах. Она намастит ему волосы, напоит соком кокоса и научит детей улыбаться отцу. Что прибавишь ты?

Ты сказал: «мой народ». Я не могу понять, что ты думал при этом. Если меня слушают во всех хижинах и шалашах, то это потому, что я лучше знаю, как жить мудро и справедливо. Я учу тому, чему научила меня жизнь. Старость — печальная вещь, но она постигла меня, как постигает всякого, и надо, чтобы не пропала даром та единственная выгода, которую дает она. Меня слушают потому, что, уча других, я говорю о них, а не о себе! Я ничего не прошу, как равно ничего не даю: старик ничего не может дать сильным и молодым.

Но я помогаю им взять то, что есть у них самих, и чего больше нет у меня. Если бы я не делал этого, моя жизнь слилась бы уже с вечным Ничем. Когда же старость поглощает силы кого-либо из слушающих меня, они перестают нуждаться во мне. Они уже сами, как я. Но им нечем гордиться и незачем сожалеть о них: ибо ни гордости, ни жалости не подлежит то, над чем не

властен человек. И когда исполнится срок моей жизни, один из них, по согласию всех, заступит на мое место...

И если ты все это имел в виду, говоря «мой народ», то как же ты, не имеющий ничего, предлагаешь, чтобы я заставил моих сограждан, богатых всем, бросить тебе свое достояние — свою свободу, свою радость, свою жизнь, то есть совершить поступок бессмысленный и безрассудный? Может быть, я кажусь тебе сумасшедшим; но разве ты думаешь, что один безумец может сделать безумными сотни не потерявших разума?

— Уходи же, чужестранец, лишенный цвета! Я сказал все. Уходи и подумай о простых вещах, которых не видит твой затуманенный взор. Мы попросим великое море быть благосклонным к тебе на твоем пути.

Старец умолк. Невозможно выразить, что я почувствовал, услышав под сенью лиан бессмертные принципы «Кодекса природы», начертанные, как рассказывают, золотым пером Дидро, — мне не забыть, пусть случайного, рукопожатия этого человека под вашим гостеприимным кровом!

Ошеломленные, мы не шелохнулись. Нужно ли добавлять, что многие из нас в душе возблагодарили Со-

здателя, уберегшего счастливых детей блаженного острова от бесчеловечной руки работоторговцев-англичан. О, если бы я мог навсегда остаться тут, сбросив оболочку белой кожи и бесполезное бремя культуры! Вашему чувствительному сердцу был бы любезен этот мир, где не отделяют «мое» от «твоего» и где не начиналась еще история, состоявшая, как говорит Гроций, в том, что народы передали себя королям.

Между тем положение становилось запутанным. Сумел ли я внятно объяснить, что повлек бы за собой для нас поворот — прочь от Сезама с его уже растворенными воротами? Прочь от славы, богатства, удачи всей жизни! Подумайте: завершены скитания, впереди, завтра домашний камелек. Сны о дивном минувшем и сбывшиеся мечты наяву. Все. Навсегда. Вы знаете, что это для моряка? «Для меня и моих детей», — скажет он.

Следовало помнить, наконец, об интересах французской короны, осеняющей пути далеких странствий — ради познания неведомого и приращения сокровищ королевства торговлей и мореплаванием.

Ле-Кордек проявил неожиданное терпение. Напрасно прибегали к доводам — не нашлось неотразимых для старца. Оставалась дать слово силе вместо бессильной кротости. Я хотел бы опустить завесу. Пролилась кровь. Бесполезная кровь — мы располагали лишь ничтожной силой, ярость шторма не пощадила пороховых чуланов — к клочку суши в морской пустыне прибило искалеченное судно с экипажем, вооруженным хлопушками!

И все же этого было бы довольно, чтобы в Океании вас признали богом... или дьяволом. Но здесь... Страх не согнул позвоночника наконец-то покорившимся усердным работникам. Нет! Черные грибы дыма тщет-

но выросли над жалкими шалашами деревни. Остров вымер. Туземцы исчезли. Бесполезная кровь!..

А ночная тьма тучей ладей обступила корабль. Мы больше не решались ночевать на берегу. Отряды не смели углубляться в леса. Умолчу ли о негладанном? Я ошибся, воображая, будто лишь немногие из наших, изоощренные в диалектике, поняли речь старика. Оборачиваясь, мы ловили косые взгляды. Матросы забывчиво пренебрегали самыми категорическими приказами. Мачта, которую укрепляли, вырвалась из гнезда, конец ее просвистел у головы Ле-Кордека.

И вот — через волны, хребты, дебри и пески я обращаюсь к вам. Друзья мои! Не слишком ли громко беседуем мы при бесшумных слугах? При земледельцах, возделывающих наши сады и поля? Даже при рыночных торговках? Что, если близок — пусть звучит это абсурдом — страшный день, который мы сами торопливо готовим, — день, когда — чересчур поздно! — слетит повязка с наших глаз?

Видите, какие мысли внушают Южный Крест и досуг моряка!

Итак, медлить у острова сделалось невозможно. Заспешили плотничьи топоры и кривые иглы парусинщиков. Офицеры не уставали подгонять. Нет места жалости к другим, когда презираешь собственную слабость. Мы должны отчалить, чтобы начать все сначала, по крохам, у побережий, облепленных европейскими кораблями, как мед мухами...

Теперь, когда все ушло в невозвратное, я и шлю вам письмо — горькая удача! — с капитаном одного из этих кораблей, тех, что опередили нас... Трюмы полны, капитан возвращается на родину, — тем труднее наполнить их нам, тем дальше она от нас!

Мне приходится упомянуть еще отчаянную «кухонную» вылазку, предпринятую Ле-Кордеком ради повара и его кладовой. В решающий час не жалели за рядов. Заговорила единственная пушка, сохранившая голос.

Последний возврат на борт. Поверка. Не досчитались одного. Он нарушил строжайший запрет не отлучаться из рядов. С мешком за плечами, размахивая свободной рукой, ослушник показался, когда уже хлопали паруса. Упал, поднялся, что-то выкрикивал. Никогда не забуду ледяного презрения, с каким глядел Ле-Кордек на заплетающиеся ноги человека, бежавшего изо всех сил, не выпуская мешка. Приготовившись командовать, я запнулся.

— Вы что, французский дворянин или... — с грубой угрозой, без обращения сказал Ле-Кордек. — Якорь!

Дисциплина на судне жестче, чем в осажденной крепости. По моему знаку младший офицер обнажил кортик. Люди взялись за рукояти. Заскрежетал ворот. Тяжелые звенья поползли на палубу, мокрые и лоснящиеся. Как фарш из мясорубки. Так я подумал в первый раз в жизни.

— Я покажу каналье! Я проучу всех каналов, — сквозь зубы пробормотал Ле-Кордек. Он думал о мачте, просвистевшей мимо его виска.

Матрос все бежал по берегу, за кораблем; одна нога его, в кромке прибоя, зарывалась в песок, точно он был хром или изувечен в сражении, — вымоченный до пояса, он не замечал ничего, и все махал рукой, и все придерживал мешок, оттягивающий ему плечи (Что было там? Золото, жемчужницы, откопанные в пепле сожженной деревни, или, скорее, куски алебастра, принятые за драгоценность?) Изо рта, зияющего как рана,

вылетал непрерывный, на одной ноте, хриплый, уже почти беззвучный вой. Я не видел никогда ужаса, подобного тому, какой исказил каждую черту этого человека. Еще живой, рядом с нами, он был мертвец, непреодолимой гранью отрезанный от жизни. И с каждым мгновением ширилось то, что отделяло, отсекало его. Он остановился наконец. Гримасничал и дергался и все, как заводной, взывал рукой — далекий, чуждый, под блистающим солнцем, будто зарытый в могиле. Словно я, черным волшебством, подсмотрел муки души у еще не остывшего трупа, в ее страшном одиночестве смерти — на том, уходящем в забвение берегу, откуда никто не возвращается...

Судно ускоряло ход.

Итак, прощай, сладостное видение потерянного рая!

Корабль со ржавой надписью «Цивилизация» причалил к тебе — и оставил кровавый след в твоей лагуне. А что же увез с собой?

Я знаю, что нашу историю назад не поворачишь, как бы ни был печален ее бег, и право наследования, опору общества с его неравенством, нельзя уничтожить, поскольку нам открыто бессмертие души.

По секрету вам скажу, что свои надежды я возлагаю не на дряхлую Европу, но на Америку, смело восставшую против лондонского деспота. Сильные люди, свободные от величия и гербов предков... Найдется ли в среде их философ, который укажет им правый путь?

Вот, дорогой и милый друг, то, что я хотел вам написать. Я стал болтлив. Простите мне это. Вспомните обо мне.

Остров мы назвали (я так предложил): Святое Упование. И водрузили на нем лилии Бурбонов.

Я уповаю.

Целую ваши ручки, так как больше не смею сделать того же с самыми прелестными губками на земле».

— Я прочитал, — сказал ученый.

— Да? — отозвался друг.

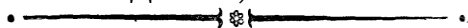
— Литература, разумеется. Фикция, как справедливо предпочитали обозначать это англичане. Но в основе тут что-то есть.

— А вам не приходит в голову, что именно литература и искусство рассказали человеку главную правду о нем самом?

— Признаем просто, что памятник любопытен. Кодификаторы пропускают многое. И я хотел бы опубликовать его, сославшись, само собой, на вас.

А. Е. АДАЛИС, И. СЕРГЕЕВ

ХЕВЕС — ХЮТТИ

Фантастический роман

Аделина Адалис, Иван Сергеев

Абджед хевез хютти...

Другие названия: Хевес — хютти

Роман, 1926 год

Журнальный вариант романа («Хевес — хютти») —
журнал «Молодая гвардия», №№ 6,7, 1926 г.

Полный вариант: М.Г., 1927.

ЧАСТЬ I

Глава I

Верблюд поглядел искоса гордым, мохнатым глазом. Козодоевского снова рвало. За двенадцать дней перехода он не мог привыкнуть к килевой качке. Сережа, раскуривая зеленоватую махорку и уставившись невидящими глазами на знакомое зрелище, продолжал говорить терпеливо и зло:

— Да, зачем мечтать об Африке, когда собственная Африка под рукой? Ты мираж видел? — Видел. — Тигра видел? — Видел. — Ты сейчас скажешь, что не видел тигра, но это ложь. Джелал свидетель. Джелал!

Черноглазый мальчик со скошенным подбородком и живыми бровями застенчиво улыбнулся.

Сережа настаивал:

— Надеюсь, ты не жалеешь, что мы использовали отпуск таким образом? Не жалеешь? Боря, а, Боря!

Козодоевский икнул и втянул в себя новый приступ рвоты. От природы он был обидчив, хрупок и привержен к литературе. Его дружба с Сережей измерялась беспричинной симпатией к последнему всех встречаемых и поперечных.

На сей раз Козодоевского проняло.

— Вы несправедливы. Если бы вас рвало, я бы вел себя иначе. Что касается верблюдов, они страшны, как химера. Я уже говорил вам, что верблюд—помесь облезшей проститутки с доисторическим чудовищем. Вы хотите признанья, что я их боюсь. Да, боюсь. На-те, режьте меня.

— Не валяй дурака, Боренька! Никто, братишка, не виноват, что у тебя кишка тонка. Поехал — терпи.

Сережа отошел в сторону и, заслонив глаза рукой, взгляделся в смутный, пересыпающийся воздух.

Двенадцать дней по бледной горячей земле, под низким солнцем, серый Гиссарский хребет, верблюды, будто слепленные из древней земли — Шахрихябе, Як-кабаг, Хайдар, — глаза усталые от песчаных бризов; на остановках тростниковые навесы караван-сараев, древний черномазый народ с дребезжащими дюторами, с розовой розой за ухом и вечной пиалой у рта... А дальше смутная, как воздух, неизвестность и чертовщина, вроде той, что пишет Козодоевский, только лучше...

Сзади Сережи раздались высокие гортанные крики погонщика. Джелал помог встать первому верблюду, зажурчавшему, как лошадь, селезенкой, остатком воды в бурдюке. За первым, кряхтя и подламываясь, вздернулись второй и третий. Под шеей у каждого болтался медный, позеленевший по краям, колокол. В песчаной тишине прошел мягкий, нестройный звон — волнуемый и усыпительный. Караван тронулся.

До ближайшего караван-сарая оставалось около четырех часов. Козодоевский, утомленный рвотой и мерным качанием верблюда, сидел с закрытыми глазами, мысленно перебирая слова новых стихов.

— Песок... прохлада... вечереть...

— Болезнь... восток... Тамерлан — померла... мазар — сказал... Гималаи...

— Гималаи-то продолжение Гиссарского хребта, а, Боря?

— Что? — Козодоевский вздрогнул.

— Гималаи-то, говорю, продолжение Гиссарского хребта?

— Отроги, голубчик, а не продолжение. А ты почему знаешь, что я подумал о Гималаях?

— Ничего я не знаю...

Они продолжали путь молча.

Жара в Туркестане спадает быстро и начисто: она точно отсыхает от ладоней, от висков, от подметок, от напряженного и отяжелевшего за день сердца. Серо-желтый закат подернут туманом.

Козодоевскому и Сереже после Москвы все было в диковину. Будь у них командировка — твердое и ударное обязательство — Средняя! Азия пришлась бы им по росту: та же работа, та же советская земля. А большой отпуск вынуждает человека наслаждаться и напрягать свою любовь к жизни. Еще месяц тому назад Туркестан казался им чем-то вроде Кавказа, только запущенного и неиспользованного. Десятки людей ежедневно уезжали в Туркестан и приезжали оттуда; говорили о городах, где по улицам так же гремят трамваи, издаются газеты, где будто бы такая же культура, только с пряным восточным запахом.

Три недели тому назад, в Ташкенте, друзья были еще удовлетворены широкими аллеями улиц и чер-

ными шарами карагачей — непонятных и прекрасных деревьев; особенно пленяли их на каждом шагу чайханы, убранные темно-красными коврами и широкими паласами, с утра до ночи полные народом в пестрых халатах, тубетейках и чалмах. Раскаленные докрасна базары с небрежными купцами и хитрыми покупателями напоминали кинематографический Восток. В старом городе обдавали теплом слепые лесовые стены, обрывы и лошади. Множество лошадей...

— Ташкент, того-с, колониальный город, — соглашались приятели; гуляя по шашлычной Урде между грудями лавчонок, фруктов и фонарей. И им казалось, что таковы же во многом города Британской Индии.

В Самарканде отдых кончился. Потянуло вглубь страны. Они жили в самой гуще мусульманского населения, между гортанных песен ишаков, неистовых собак и сверкающих голубых развалин. Каждый вечер хозяин чайханы играл на дюторе и пел на картавом языке о заманчивых городах.

12 июня Козодоевский и Сережа снарядились в путь на восточную границу. От Самарканда до Бухары они добрались поездом; от Бухары на Карши, с пересадкой в Китаб. Из Китаба в Шахриябе 2 дня искали путей пробираться дальше. На 3-й день, шляясь по базару, встретили торговый караван — наметили маршрут и тронулись.

И когда отъехали от Шахрияба несколько верст, они поняли, что наша культура кончается там, где замирают гудки паровозов; и сейчас можно было ожидать решительно всего: тигров, басмачей, землетрясений. Козодоевский ворчал: пользуясь справочниками и чужими рассказами, он сделал бы лучшую книгу о Туркестане, чем в качестве очевидца.

Всю свою жизнь он искал встреч с рассказчиками. Общественная работа кандидата партии утомила его больше, чем полагается.

В караван-сараяе, после четырехчасового перехода, он заснул, как мертвый, обычным своим тяжелым, но долгим сном. Сережа пил зеленый чай, прочно расположившись на плоских, жидких подушках; Джелал сбивчиво перебирал струны дютора.

Русские в этих местах — редкость. Караваны с советскими работниками, отправляющимися в Дюшамбе, проходят выше по большой верблюжьей тропе, западнее Куль-Искандера. И разговор хозяина с путешественниками заставил наострить уши всех собравшихся под низким закопченным потолком.

Подсело еще двое: один молоденький с большими выпуклыми глазами лет 20; другой — чернобородый, в дорогом парчовом халате.

Старик-хозяин что-то коротко сказал чернобородому.

Чернобородый отполз и передал сказанное внимательно притихшим спутникам.

— А-а-а! — Закачались седые бороды и молодые безусые лица. Кто-то предложил пиалу с зеленым чаем.

Сережа знал: отказаться — обидеть. Взял и, прижав руку к груди, сказал „рахмат“.

Раздался довольный смех: ой, якши, русс, якши-ака.

Знакомство было завязано.

— А, сдалека едит? А?

Пораженный Сережа обернулся и поглядел на говорившего по-русски.

Чернобородый улыбнулся.

- Вы знаете русский язык?
- Да. Я жил Россия. Торговал. Магазин бар в Китае. Сейчас Дюшамбе ехал. А вы куда?
- Да тоже в Дюшамбе.
- Один?
- С товарищем.
- Чернобородый вопросительно поглядел вокруг.
- Он сейчас спит во дворе.
- А-а. Усталя. Жарко — ой-ой-ой. Жарко!
- Да.
- Ничего. Отдыхал будет — здоров будет. А зачем в Дюшамбе ехал? Плохо — жарко. Яман-ра (плохая дорога).
- Ну, ерунда, хорошо. 2 дня и там будем. Посмотрим и дальше.
- А куда?
- Пока не знаем. Куда интересней.
- Нет, Дюшамбе — нехорошо. Жарко. Была на Искандер-Куль?
- Нет, не были. А что, интересно?
- Да, хорошо. Большой вода. Там ты пондравин.
- Что?
- Пондравин.
- Сережа растерянно обратился к Джелалу.
- Купец буркнул. Джелал расхохотался.
- А еще — „я жил Россия“. Не знаешь говорить, русский слово не знаешь! Не пондравин, а мандравин.
- Черная борода обиделась.
- Ну, мандравин. Так?
- Сережа не понимал. Джелал принялся объяснять: „Вот один хороший девочка. Ты смотрел. Хороший девочка. Ты говорил: она мне мандравин“.
- Оказывается — „понравилась“.
- Не так, Джелал. Не „мандравин“, а понравилась.

Чернобородый распахнул полы халата и расхохотался в свою очередь.

— Ай, да, мулла Джелал! „Не умеешь русски“. Сам не умеешь! Приди я тебя дать верблюда чистил. Хочешь?

Джелал молчал.

Купец окончательно пришел в благодушное настроение; он подсел еще ближе к Сереже и заговорил почти заговорицким тоном:

— А тебе я скажу, ака: иди Куль-Искандер. Хорошо смотреть. Большой вода, а кругом высокий гора. На один угол карагач стоит, на другой угол карагач стоит, на третий угол карагач стоит, на четвертый угол карагач стоит. Сам Искандер карагач растет. Сейчас растут. Дальше пойдешь — гора, гора, гора. Высоко — тяжело. Пойдешь дальше, шел направо — там река идет. Пойдешь река — ничего не растет, пусто. Идешь, идешь — гора, на гора черный яма... идешь яма — комната попал, большой ветер—ой-ой-ой—идешь, опять комната попал — темно — ночь, вода, чайник кипит. Бисмаллах! Идешь дальше — опять комната; большой змея лежал, глаза горел; этот змея убить нужно и левый глаз на рука взять. Идешь, глаз на рука горел. Светло — день. Опять комната, большой, большой, а дверь нет. Ты стать на восток, на Магомет, громко сказать: „Бисмилла ир-рахман ир-рагим“, и как сказал — сейчас глаз от змея катился, катился. Идешь, опять перед тобой глаз бежал: смотришь, комната и сто дверь. Не знаешь, куда попал нада. Смотришь: опять глаз бежал; твой одну дверь открывал — опять комната и сто каракурт! раз кусил — сейчас умирать. Посмотрел — есть каракурт; смотрел опять — нет каракурт; зато есть девушка, много красивый девушка. Хотит тебе подойти, целовать хочет. А ты знал — целовать нельзя: раз целовал —

сейчас умирать. Тогда ты брось глаз змий на пол и кричать:

— Аузу билляги минаш-шайтан-уль раджим бисмилляги рахмани-рагим ¹⁾. Разбился глаз сто кусков: убил сто девушка — как умирал девушка — нет девушка, нет каракурт, лежит сто шугал: помирать, воняет. Теперь ты одна, темно, куда шел, не знай. Стал — слушал: совсем тихо — ничего не слышать. Потом слушал, смотрел — вода бежал. Пошел — рука на воду ложил... Кругом стена, нет дорога, нет вода, бежал вода в стена. Теперь ты встать и стучать стена один раз — один, один раз — два, один раз — три, — и громко кричать одно слово, ах, какой слово — я сейчас забыть все слово, а так нада:

— Абжед хевез хютти... келемен, — нет забыть, — вот в Китаб я есть это слово. Потом стена, будет дверь, потом идет на дверь старый женщин с белый борода; говорит женщин:

— Много ты шел, много умел, много делал. Вот ты взять ключ, эта ключ на комната, лежат в комната сундук, в сундука опять сундук, опять сундук, опять сундук, очень много сундук, а в самый маленький сундук лежат „диргем“ ²⁾ — маленький „диргем“. Ты взять этот „диргем“ и пойти Искандер-Куль. И знать: все равно, что „диргем“, что „тали“ — это и есть „тали“. Все, что хочешь, твое есть. Хочешь много — много денег — твое есть, хочешь много девушка — твое есть, хочешь много верблюдов — твое есть, что хотел — твое есть.

---

¹⁾ *Прошу у бога защиты от сатаны, прогоняемого камнями, во имя бога милостивого, милосердного.*

²⁾ *Маленькая серебряная монета.*

Потому „тали“— Аллах дать. Бисмиллах ир-рахман— ир-рагим!

Чернобородый посмотрел пристальными глазами на свои пальцы, украшенные дорогими перстнями, и глубоко втянул дым из чилима ³⁾).

Сережа тихо нагнулся к Джелалу:

— Что такое „тали“, Джелал?

— Счастье, „тали“ — счастье значит, ака.

Чилим забулькал; чернобородый выпустил густой клуб дыма.

— А потом, ака, пойти к Искандер-Куль. Думать — думать, что хотеть. Долго думать. Потому Аллах дать раз хотеть. Потом брось „диргем“ Искандер-Куль. Кипит вода, кипит куль, карагач тебе петть. Птицы петть. Джуль-барс притти рука тебе целовать. Потом выйти из Искандер-Куль девушка — все, что ты хотеть — все сделать. Ой, хорошо Искандер-Куль. Тяжело „тали“ брать. Много люди умирать, лежит „тали“, никто не взял. Бисмилла ир-рахман ир-рагим!

Чилим погас. Крошечный, коренастый мальчуган с ужимками ленивого зверька снял резной деревянный чубук, полный горячего пепла и осторожно отнес его в угол, где шипели диковинные узкогорлые самовары. Часть слушателей разошлась. Сережа встал, потягиваясь и хрустя пальцами.

— Рахмат, ака! Очень хорошая легенда. Жаль, мой товарищ не слышал. Он это любит.

Чернобородый молчал, склонив голову на грудь.

Сережа обратился к Джелалу:

— Ты не верь, голубок, — чепуха. — А поискать чего-нибудь интересного и я не прочь, а, Джелал? Дюшам-

---

³⁾) Подобие наргиле-кальяна.

бе-то чепуха. Самарканд видели, Шахрисябе видели. Что искать в Дюшамбе? Потом успеется, а, Джелал?

Джелал улыбнулся своей виноватой улыбкой.

— Дюшамбе плохо, Куль-Искандер плохо. Езжай Москов. Там русски папа, мама. Здесь басмач. Убить могут. Чего тебе надо?

Сережа похлопал Джелала по плечу.

— Брось, „бала“⁴). В Москве работы много. Мне отдохнуть надо. Приеду Москов, снова работать буду. Ай-да спать.

Сережа вышел во двор караван-сарая. В дверях он остановился и весело постучал пальцем по лбу, поймав себя на том, что все чаще коверкает русский язык. Потом улыбка медленно сошла с его губ. Двор караван-сарая, огромный и мрачный, был полон верблюдов и до ужаса схожих с ними погонщиков. Погонщики спали скорчившись, почти сидя. Дикий и терпкий верблюжий запах, ставший уже таким знакомым, навис над караван-сараям, как грозовая туча. Две желтые лампы низко горели в двух концах двора. Сережа вспомнил из легенды:

„Нет, девушка, нет каракурт, лежит сто шугал: помирать — воняет“.

„Ерунда какая" — подумал он. И тут же поправился: „Легенда— ерунда, а Куль-Искандер существует. Есть тут места и почище Куль-Искандера. Неисследованная земля — *terra incognita*, что ли? — как это там говорится?.. Советская земля!“

К горлу бурно подступила радость.

---

⁴) Мальчик.

Выбрать по карте, где пожутче, а потом, глядишь, открытие... Искать, поднять на ноги учреждения, если что-нибудь важное...

Он стал осторожно пробираться между спящими в поисках Козодоевского. Козодоевский спал на спине, — раскрыв рот и раскинув руки. На худом лице обострился и стал еще горбатеи забавный немецкий нос. Кисея, защищающая от комаров, сползла под подбородок и скомкалась, как нагрудничек у младенца.

Серее стало беспричинно жаль товарища. „А впрочем, ведь, и Борис рад отведать приключений, опасностей, воздуха, неизвестных стран“, — успокоил он себя, с наслаждением вытягиваясь рядом на жесткой и пыльной кошме. Сквозь сон томили приятные, но навязчивые мысли: завтра расквитаться с караваном, обмозговать; прикинуть, и в путь — далеко, далеко...

Глава II

Англичанин

Арт Броунинг вернулся в Индию 18 мая. По всем видимостям, он сразу же вступил в исполнение обязанностей лейтенанта Индийского авиационного флота и возобновил старые знакомства. Вечером 30-го, когда Арт кружил по губернаторскому саду в сопровождении белокурой Энни Беккет, „личное дело“ за № 5—478-а было окончательно комментировано и снабжено резолюцией: „дополнить сведения“. По странному стечению обстоятельств, Арт Броунинг беседовал с Энни о русских большевиках, — и если раньше за ним утвердилась репутация беспокойного малого, то теперь он попал в разряд опасных чудаков, но лейтенант воображал себя горячо и сентиментально любимым. Поэтому он был почти искренен в своих определениях и утаивал только то, что обязан был утаить. К чести Арта, как светского собеседника, надо, однако, добавить, что в его описаниях больше места занимали ледяные пейзажи Мурманского побережья, чем история интервенции 1919 — 20 годов.

— Невообразимо, — заключила Энни, — а потом?

— Потом? — снова Англия, банкеты, военное министерство, авиация.

Лейтенант вздохнул. Это была последняя встреча с Энни перед, отъездом на Афганскую границу. Любой из полковых товарищей Арта, получив назначение в такую дыру, как Гакуч, пустил бы в ход все связи, чтобы увильнуть, но Броунинг интересовался самыми непредвиденными для колониального офицера вещами: восточными наречиями, траволечением, кустарным производством, боем баранов и разоблачениями

индусских игогов. Помимо всего этого, он отличался легкомыслием в отношениях с туземцами: был ласков со своими слугами, а с чужими мягок.

Ко дню прибытия Броунинга на место назначения дело за № 5—478-а, рожденное в Архангельске при штабе английской армии и выросшее в политическом отделе Скотланд-Ярда, уже акклиматизировалось на индусской территории. Чуткость преследуемой дичи вырабатывалась у Броунинга туго; Индия располагала его к старым спокойным занятиям: коллекционерству, спорту и прогулкам. Ему не приходилось так болезненно привыкать к ядовитой экзотической земле, как это принято на колониальной службе: здесь прошло его детство и ранняя юность. Бездна лиловый на солнце и изрытый зноем Гакуч не пугал лейтенанта. Наоборот, Арту Броунингу пришлось еще спасти от самоубийства и выхаживать младшего субалтерн-офицера Джона Уикли. По английским законам субалтерн-офицеру полагалась кара за малодушный поступок, и первой инстанцией был лейтенант; но лейтенант сам нарушил закон, сохранив тайну подчиненного. С этого времени Уикли стал исполнять обязанности пилота-механика при лейтенанте несколько усердней. Уикли был всего на два года моложе своего начальника. Франтоватый малый, с красивыми карими глазами и ямочкой на подбородке, механик с ужасом отсчитывал потерянные в глуши месяцы, как девушка, стремящаяся замуж. Сын бедного манчестерского портного, получивший образование на военных авиационных курсах, он отправился в Индию волонтером — выдвинуться и разбогатеть. Джон Уикли не был трусом для горожанина, но Азия подавляла его. Первый человек, принеший ему облегчение в этой убийственной стране, лейтенант Броунинг, завоевал воображение

своего подчиненного. Самолюбие субалтерна было удовлетворено первый раз в жизни.

Жизнь в Гакуче текла медленно, как мед, но несколько отличалась от него вкусовыми свойствами. Утро проходило дисциплинированно и скучно. В остальное время занимались разговорами об Англии и культурной жизни, вистом или шахматами. Прошедший день походил на завтрашний, как близнец на близнеца. Ночи же были тревожны: по крайней мере, дважды в неделю приходилось лететь, сломя голову, на низкорослых горных лошадках к западной границе, где бунтовали афганские князьки, из которых никакие доллары и подтяжки от Маквеля не могли выбить азиатчины. Нередко лазарет в Гакуче, рассчитанный на десяток кроватей, был переполнен жертвами чернильных ночей и предательских выстрелов: афганцы хорошо знали свои горы.

В полуверсте от казарм и офицерских квартир, за высокими стенами из гофрированного железа, находился аэродром и ангары с аэропланами, составлявшими секрет будущих войн. Там шла работа по сборке и испытанию авиационных частей, присылаемых из мастерских, местонахождение которых было покрыто официальным мраком; по ночам над аэродромом стояли молочные столбы прожекторов гигантский шум пропеллеров, пугавший афганских пограничников.

Но что помогало Броунингу собираться с мыслями и с волей — это ночные полеты. Резкий холод бодрил его. Так шло до времени, когда на имя лейтенанта пришла посылка в 24 грамма весом. Так легко и скромно было гладкое кольцо, подаренное Артом Энни Беккет. Письма при посылке не полагалось, ни крошки письма. И Гакуч сразу сменил для Броунинга свой тощий образ на замогильный и величественно-ужасный.

Несчастье породило лейтенанта с отчаявшимися коллегами, но утешение последних — карты и крепкие напитки — оказалось слабым для него. К тому же наступили жары; у полковых лошадей трескались уши. Воздух иссяк.

Приезд приятного штатского джентльмена не мог не стать крупным событием для Гакуча. Джентльмена звали Инносент Смайлерс. Он отрекомендовался ученым геологом и ежедневно подтверждал это звание фундаментальными разговорами о местности.

Сблизившись с Броунингом на первом же вечере в офицерском клубе, он стал просиживать часами в одиночестве со времени посылки, но все же комфортабельном бунгало⁵) лейтенанта. Арт невзлюбил профессора за бесстрастные белесые глаза и извилистые губы, углами книзу; но разговоры о Средней Азии, такой близкой и так нелепо мало исследованной, приятно тревожили лейтенанта.

Однажды воскресным вечером разговор шел горячей обыкновенного. Инносент Смайлерс нервно сосал нижнюю губу и постукивал по столу ключом от своего бунгало:

— Лакомейшие кусочки Средней Азии пока еще принадлежат русским, — сказал он. — Какое большое упущение для культурного мира.

Он долго ждал ответа. Потом продолжал:

— Впрочем, мы несправедливы к Советской России. Делать опыты хорошо. Очень хорошо. Почему бы русским не делать социальных опытов?

— Вы не слушаете меня, лейтенант?

---

⁵) Летнее помещение, излюбленное английскими военными.

Броунинг сидел, поставив локти на поручни соломенного кресла и крепко скрестив пальцы под подбородком. Почти сонный, он смотрел на руку профессора, гулявшую по светлому кругу на скатерти.

Арт вздрогнул и улыбнулся:

— Простите, — меня за последнее время отвлекают тяжелые мысли. Вы говорите, что ваши раскопки на Гиндукуше длились почти весь июнь?

Соломенное кресло профессора закрипело.

— 29-го я выбрался оттуда! Проклятое место! Вот где настоящие дикари.

Ключ перестал выстукивать фокстрот. Рука Смайлерса принялась за бумажные шарики. Это была узкая рука с длинными ногтями, одновременно чересчур холеная и недостаточно опрятная. „Сколько времени понадобится коротко стриженным ногтям, чтоб отрасти до светской нормы?“ — эта мысль больше не покидала Арта, вместе с ответной мыслью — „не менее десяти дней“. Арт прошелся по комнате и остановился в дверях бунгало. Ночь освежила его.

Когда геолог попрощался, Броунинг спустился к озеру. Он был оживлен и почти весел. Загадка ногтей геолога заставила его подтянуться. Навязчивый образ Энни потускнел. Когда Сатта, старый индус из Раджпутаны, принес в бунгало поднос с первым кофе, первое, что бросилось ему в глаза — склоненный над столом профиль саиба ⁶⁾ с твердо-сжатыми губами и энергично выдавшимся круглым подбородком. Четвертушка бумаги, лежавшая перед лейтенантом, была получена им на заре и заключала в себе приглашение

---

⁶⁾ *Господин.*

явиться в штаб к начальнику авиационного парка к 11-ти часам утра.

Волнение Арта оказалось преждевременным: точно такие же извещения были получены всеми его товарищами, столь же неожиданно и секретно.

К назначенному часу офицеры собрались в штабе, где получили приказ подготовиться к маневрам, назначенным на полночь. Из Калькутты ждали членов правительства. День прошел в ангарах. Напевая сквозь зубы „Мэри Левлинг“ и перебрасываясь редкими замечаниями с Джоном Уикли, Броунинг напряженно продолжал ночные мысли. Привычное нытье Джонни проходило мимо сознания и не раздражало. К вечеру настроение совсем прояснилось. Около 6-ти, когда усталые летчики собирались отдохнуть, был созван весь летний состав, а начальник авиационного парка — командующий маневрами — роздал инструкции и сообщил план ночных полетов.

Через пять часов прибыли сдержанно - веселые автомобили. Правительство осталось довольно парадом на аэродроме, и оживленные офицеры смешались с гостями около большой ярко-освещенной палатки.

Броунинг не терпел церемоний. Он уже собирался пройти в ангар для последних приготовлений, когда ему пришлось вздрогнуть и на секунду потерять присутствие духа. Давно забытое круглое кошачье лицо с рыжими усами и узким лбом холодно улыбалось навстречу. „Мерлушковая шапка с наушниками шла ему больше“ — подумал Арт и пришел в себя.

— Вы ли это, дорогой товарищ, Броунинг?

Знакомый скрипучий голос по-старому растягивал слова.

— Здравствуйте, мистер Бришер!

Они молча стояли друг против друга. Бришер продолжал первым, подчеркивая фразы: — Как ваше здоровье? Мое пошатнулось от перемены климата. Россия делает людей неустойчивыми.

— Кажется, я чувствую себя превосходно,— сказал Арт и добавил, улыбаясь неожиданному воспоминанию о вопросах и ответах школьного учебника: — но моя машина ждалась меня.

Верная машина, действительно, ждала Арта нетерпеливей, чем когда-либо. На этот раз только в кабинке пилота он мог почувствовать себя устойчиво и прочно, как на твердой земле. Когда тридцать аэропланов новейшей конструкции, построенные в 5 шеренг, уже были готовы к отлету, кошащее лицо проплыло еще раз в облаке сигарного дыма и смешалось с толпой.

Справа от эскадрильи вспыхнули два огня — зеленый и желтый. Моторы первой шеренги торжественно загудели. Луч прожекторов дал линию полета, и первая шеренга взвилась.

Вторая снималась через пять минут. Артом уже овладевало любимое, щекочущее ноздри, ощущение, которое он называл предчувствием свободы; вдруг к нему подошел адъютант командующего маневрами в сопровождении профессора геологии Инносента Смайлерса.

— Профессору дано разрешение лететь с вами, лейтенант, — сказал первый и отошел, поглядев прищуренным взглядом на ноги Арта. Арт машинально снял перчатку и провел рукой по мгновенно вспотевшему лбу.

„Игра сделана“ — подумал он и, тяжело усевшись на свое, место пилота, пригласил Смайлерса в двухместную каюту для наблюдателей. Джон Уикли занял

место по левую руку лейтенанта и по старой привычке попробовал крепость тяжей.

На сигнальной вышке вспыхнули красный и красный. Арт нервно включил мотор. Он чувствовал, что вот, вот сейчас вслед, за молочным лучом прожектора откроется свободный путь с единственным сторожем, охраняющим выход. Лейтенант повернул голову и за своим плечом в слюдяной иллюминатор увидел сутуловатые плечи профессора и голову, похожую на морду легавой. Вторично прожектор перешагнул небо, оставляя за собой след потухших звезд. Вторая шеренга, мягко прокатившись несколько сажений, отделилась от земли. В мерцающем холодном небе, около янтарных пятен и туманностей четко светились красные сигнальные звезды первых аэропланов.

По инструкции, прочитанной Артом за час до отлета, маневры должны были производиться следующим образом: вторая колонна эскадрильи шла из Гакуча над шоссе в Гупис, где должна была соединиться с 4-й и вместе продолжать путь до Мастуджа. Военные аэропланы новейшей системы имели на борту 12 пулеметов и несли 6 бомб: 4 — по $\frac{1}{4}$ тонны, начиненные веществом огромной взрывчатой силы; 2 — по $\frac{1}{2}$ тонны — люизитные, — „королем газов". 2 первых бомбы Арт должен был сбросить за перевалом Таль, севернее Бандал-Гуджара. Длительность полета была рассчитана на 7 часов, маневры оканчивались на заре. Запасов бензина и масла хватало на двое суток.

Арт Броунинг соображал четко и трезво — одно из двух: либо воображение его и нервы категорически расстроены разрывом с Энни, либо положение действительно серьезно. Последнее казалось более вероятным. Участие Смайлерса в ночном полете не могло иметь места, будь он простым смертным, профессором,

ибо разрешение на участие в маневрах было исключительным случаем в практике военного министерства.

Арт стиснул губы еще крепче.

6000 метров! — с альтиметра взгляд Броунинга перешел на Джонни. Девические глаза механика выражали напряженную тоску. Сегодня он снова трусил.

„Что я буду делать, если...“ — Арт не закончил мысли и нащупал холодную ручку своего Стейера. Весь ужас создавшегося положения впервые представился ему с достаточной ясностью. Он решил идти напролом.

— Джонни, примите управление.

Арт переключил рули управления на левую сторону.

— Есть.

— Курс?

— NNW.

— Есть.

Аэроплан летел, мягко вздрагивая. Лейтенант надавил ручку двери с слюдяным иллюминатором, ведущей в каюту.

Смайлерс стоял, прильнув к окну и держась за металлические поручни.

— Мистер Смайлерс!

Глушители действовали превосходно. Геолог быстро обернулся, изобразив на лице обязательную улыбку. Его бесцветные глаза приобрели выражение неопределенной настороженности. Голос Броунинга звучал чисто и просто.

— Почему вам вздумалось лететь со мной? Раскопки в воздухе?

Смайлерс слегка пожал плечами:

— Вы недовольны?

— Нет, что вы? Меня только удивляет, как вам разрешили это удовольствие?

Смайлерс понял выражение лица лейтенанта. Пятилетия я работа по побочной специальности научила геолога менять курс решительно и смело. Он быстро опустил руку в карман рыжего пальто.

— Вы угадали, — хрипло отчеканил он.

Секунда запоздания оказалась роковой для владельца Стейера № 31585. Кольт сыщика уставился в переносицу лейтенанта.

— Сильное ощущение,— говорил Смайлерс, наслаждаясь чувством безопасности.—Поднимите руки, тем более, что по возможности я не стану вас убивать. Вы способны на нечто более интересное для нас, чем смерть. Нам нужны признания и разоблачения. Я не предполагал, однако, что дело пойдет таким кинематографическим темпом.

— То-есть, как кинематографическим темпом? — Артом овладевало спокойное бешенство.

Смайлерс продолжал:

— Да так, за вами следовало еще последить. Кроме того, вы совершили новое преступление, бросив управление аппаратом во время ответственных маневров. Руки выше!

Сухой, короткий звук выстрела заставил Арта вытянуться и судорожно глотнуть воздух; но он так и не почувствовал знакомого горячего удара. Секунда прошла резким толчком крови в висках, еще около секунды, — и револьвер Смайлерса покатился по полу каюты. Сам геолог медленно осел, как стеарин на горящей свече. Лежа на полу в неестественной и жуткой позе, он дернулся раза два и затих.

По телу Арта медленно разлилось радостное тепло. Еще ничего не понимая, он машинально повернулся к кабине и увидел пробитый иллюминатор.

— Джонни!

Арт бросился в кабину.

— Да, сэр.

Правая рука механика, белая от напряжения, цепко впивалась в руль высоты. Нижняя губа на бледном, как смерть, лице растерянно отвисла.

Броунинг быстро принял управление.

— Бензин?

— Хорошо.

— Масло?

— Хорошо, сэр. Он мертв?

— Я думаю, что да. Спасибо, Джонни. Какая скверная история.

— Он был шпион?

Арт нервно улыбнулся углом рта.

— Да, шпион. Спасибо, Джонни.

Щеки Уикли порозовели. Он почти успокоился. Старая мысль о повышениях и наградах приобретала вес и форму.

„Что я буду делать с ним?“ — мучительно подумал Арт, бросая искоса взгляд на повеселевшее лицо.

План собственных маневров ждал немедленного разрешения. Очевидно, приходилось свернуть в сторону и на свободе обдумать дальнейшее.

Арт отдал приказание — потушить сигнальные огни.

Красные звезды на хвосте и голубые на крыльях погасли.

Внизу слева проплыл Гупик. Зеленая ракета на мгновение осветила блестящие силуэты других аэропланов и упала.

Броунинг снова вышел в кабину.

В карманах трупа, лихорадочно вывернутых Броунингом, оказались бумажник и паря аккуратно вскрытых писем на имя профессора геологии Инносента Дж.

Смайлерса. В бумажнике находились документы полковника генерального штаба Иакова О'Греннеля, фотографическая карточка которого изображала знакомое сухое лицо геолога с пустым взглядом и длинными извилистыми губами. В этом же приятно хрустящем бумажнике ждал срочной отправки доклад на желтоватой военной бумаге. Пробегая его, Арт буква за буквой вспоминал свои последние дни в Гакуче. Предыдущие уже стали, вероятно, известными тайной полиции.

„Кроме того, — читал он, — мною выяснено с несомненной очевидностью, что лейтенант пробыл в России не менее полутора лет, что блестяще подтверждается докладной запиской № 853. Пребывание же его в Архангельске длилось не более 5 недель”.

В мозгу Арта пробежали — ледовитые ночи, бледное северное сияние, дикий Петербург 1918 г., брошенные корпуса Путиловского завода, замкнутое на запоры английское посольство, нищая, оборванная Москва. Он ярко припомнил Кремль, ошетилившийся штыками, как дикобраз, вшивые переполненные теплушки, лавины мешочников, забытые тифозные станции, искромсанные полустанки и дальше в прошлое — хлебная, дородная Украина, австрийская граница, обмен пленными, долгий путь пешком к освобождению, туда, где братание, где разрывы границ и начало революции...

На третьей странице Арт читал:

„В посылке из Калькутты ничего не оказалось, кроме маленького золотого кольца. Кольцо и бумага тщательно осмотрены. Проверка дала тождественные результаты между удельным весом и поверхностью “.

„Ловко“, — подумал Арт. Но через несколько строк высоко поднял брови. Заключительные слова письма привели его в искреннее недоумение:

„... Каждый день. Мой искренний и почтительный совет не медлить со снятием с должности и арестом лейтенанта Броунинга, который официально провести, как перевод на другое место службы. Сношения лейтенанта Броунинга с Советской Россией не подлежат более для меня никакому сомнению. Все материалы по данному пункту высылаю одновременно через 8.11. Z. 4 P. 19. 6. 1. K.“.

„Игра, действительно, сделана“ — подумал Арт и выключил свет в каюте. В абсолютной темноте заглушенное жужжание пропеллеров стало явственнее и ближе.

Глава III

Перелет

Джонни мучительно вытянул шею в разогревшемся кожаном воротнике, Таксометр показывал 2.400 оборотов.

— Вы устали, Джонни?

— Да, сэр.

Они летели над долиной реки Оби-Даркот. Справа синел колоссальный хребет Гиндукуша. Броунинг взглянул на часы — около трех. Надо было окончательно вырабатывать план действий. На юг — дорога закрыта: там арест, допросы, убитый геолог. Только к северу, только на север. Маски со сжатым воздухом лежат наготове. Взять крепкую высоту и поставить рекорд. Через Гиндукуш еще ни один аппарат не осмеливался перелететь: тысячи метров не шутка! Уикли теперь тоже не место в Гакуче. За убийство полковника — расстрел. Правда, он, Броунинг, может взять его на себя, но...

Броунинг не думал возвращаться обратно. Преступление вышибло родную землю из-под его ног; что касается механика, он был смирным и тихим английским гражданином.

Несмотря на происхождение из рабочей среды. Джонни остался политически недоразвитым, и жизнь изгнанника была худшим, что он мог вообразить.

Джонни отдышал, откинувшись на кожаную спинку и не спуская глаз с измерительных приборов. Арт заговорил, глубоко подчеркивая слова:

— Выслушайте, Уикли, все, что я вам скажу, и будьте, по возможности, спокойны. Дело непоправимое. Понимаете Уикли?

Джонни тревожно пошевелился.

— Джонни, — Арт заговорил четко и резко, радуясь, что не должен смотреть на собеседника, — профессор Смайлерс был полковником армии его величества, понимаете? вы убили полковника Иакова О'Грэннеля. Нам с вами, Джонни, в сущности, один выбор — расстрел или бегство. А насчет бегства, Джонни... это очень трудно. 100 против 10, что нам не удастся поставить рекорда.

Джонни тяжело дышал.

— Единственное спасение — русские колонии, продолжал Арт. — Если аппарат не подведет, мы доберемся до Дюшамбе. Там сейчас спокойно и твердая власть. Хорошая власть, честное слово, Джонни!

Арт внезапно оборвал свою речь. Его оглушила мгновенная мысль, что Джонни может не согласиться. Никак не согласиться. И даже начать борьбу за обладание аппаратом! В конце концов, для механика не все потеряно. Вернуться, объяснить, выдать! Лейтенант машинально снял руку с руля и второй раз за эту ночь она тайно скользнула по ледяной ручке Стейера, но Джонни заговорил, наконец:

— Полковник следил за вами, потому что вам не доверяют в армии?

„Умный малый“, — пронеслось в мозгу Арта.

Джонни продолжал, глухо и обиженно:

— Я не должен предавать вас, потому что вы недавно спасли мне жизнь. Но, ведь, я сам хотел покончить с

собой, так что ваше благодеяние выходит — ну, — как это сказать? — выходит из обычного понятия о спасении человека.

Арт улыбнулся:

— Это правда.

— Но, чтобы вернуться обратно к правосудию, я должен убить вас, потому что мы будем бороться за машину... или вы убьете меня.

— Да. Но это было бы ужасно.

— Да.

Они замолчали на секунду.

Арт продолжал первый:

— Мы приближаемся к Гиндукушу. Жуткая шутка — перелетать границу на такой высоте.

— Мы наверное задохнемся.

— Нет, я уже думал об этом. У нас есть маски. Маски от удушливых газов. Они со сжатым воздухом. Наденьте маску и примите на минуту управление, чтобы я мог надеть свою.

Джонни повиновался.

Его парализовала быстрота, с какой требовалось принимать решения и исполнять их. Он уже перешагнул этот решительный момент в своей жизни.

Почти рассвело. На огромной глубине сворачивалась черно-голубая карта предгорий Гиндукуша. Ветер переменял направление и дул в лоб машины. Казалось, она со скрежетом терлась о ледяные глыбы воздуха. Арт нажал руль высоты.

Выше было спокойнее. Он прикрепил маску и проверил манометр. Давление полное. Перед отлетом аппараты проверялись; в план маневров включалась работа масок на обратном пути через Палисарский и Киниджутский хребты.

Было еще рано направлять аппарат к северу. Опасность разбиться об обманчивые вершины гор, затянутых облаками и снегом, стала близкой. Броунинг осторожно повернул аппарат влево. На никелированных и медных частях блеснули красные солнечные огни. Земля лежала в смутном тумане с черными прорывами плоскогорий.

„Пора“, — подумал Арт. — Джонни, проверьте моторы.

— Хорошо. Моторы в исправности. В правом стынет масло, увеличьте обороты. — Арт услышал в наушниках глухой голос.

Броунинг вглядывался в приближавшиеся горы. Севернее перевала Хут он повернул машину. Низко под аэропланом проплыли розовые ледяные поля с синими глубокими тенями. Солнце светило в спину и освещало путь. Первый перевал был пройден.

— Теперь на север! Выдержим! Выдержим, Джонни? спросил он почти весело.

— О, да! Маска в исправности, а машина на славу. До сих пор ни одного перебоя. Я думаю, мы выберемся.

— Да, Джонни, я почти уверен в этом. — Арт успокоился с того момента, как было принято двойное решение. Руки твердо держали управление. Аппарат нервно вздрагивал, будто катясь по неровному снежному полю. Шум моторов исчез. Впереди вырастали огромные хребты и ледники Гиндукуша.

Выше!

Аэроплан качнуло. Броунинг, учитывая, что сопротивление воздуха на такой высоте незначительно, полагал перелететь Афганский перешеек на полчаса раньше. Лишь бы только не сдала машина; Воздушных ям здесь, по-видимому, нет, но можно опасаться сильных течений над ущельями.

Выше!

Аппарат прорезал смутную тучу и вынырнул из нее мокрый и сверкающий. Капельки росы на корпусе и крыльях блестели, как розовые бриллианты.

Вот уже совсем близко. Арт решительно нажал руль высоты и взглянул вниз, где крошечными пятнышками чернели строения английских пограничных кордонов.

Броунинг никогда не думал, что рекорд будет поставлен так просто. Он быстро взглянул на Джонни, согнувшегося над измерительными приборами. Все стало таким обыденным, будто они совершали очередной полет. Он мельком бросил взгляд на доску. Полчас назад в Гакуче окончились генеральные маневры.

— Вторая шеренга прибыла с некоторой потерей, — улыбнулся Арт, — а у нас пока что спокойно, и путь до Дюшамбе открыт.

— Рубикон пройден. За горами свобода. Без геологов, полковников штаба, без шпионажа и вскрытия посылок, так просто. — Через капельку времени они будут в Дюшамбе. Несомненно, он быстро объяснит причину своего неожиданного прибытия.

Английский летчик — редкий гость в такой глуши. И, кроме того, за него поручатся те немногочисленные знакомые в Москве и Ленинграде, с кем его столкнула судьба.

„Гиндукуш пройден“, — пронеслось у Арта — „делать много проще, чем думать“. — Еще немного, еще меньше часа, — и он в дружественной стране.

Стало совсем светло. Внизу лежал Афганистан — гористый и суровый; в прорывах облаков над ущельями серебрились узкие полосы горных потоков, скованных головокружительными обрывами. На сервере

голубели вечные снега отрогов Памира, а дальше, за дымкой бледного воздуха, раскинулась огромная чудесная страна, — там будет финиш и долгий отдых.

„Может быть, через несколько дней я, вернее — мы, будем в Москве“, — подумал Арт с какой-то необъяснимой тревогой. „В Москве, в столице „варваров“. Арт улыбнулся, вспомнив вечерние беседы в офицерском бунгало с мнимым геологом. Все случившееся за последние дни и сегодняшняя дикая ночь казалось ему мучительным сном и в то же время отчаянной реальностью, и эту реальность утверждал труп геолога, застывший в одинокой каюте.

Г л а в а IV

Украина

— Гей!

Звонкий девичий крик расшибся о хрустальный воздух.

Никто не отвечал.

Марина вошла обратно во двор, полный лицемерным хохотом гусей. Она весело поглядела на золотистую соломенную крышу, где созревали арбузы и дыни. Высоко за крышей струились серебряные веретена тополей.

— Эй, Марина!

Другой девичий голос, менее звонкий, но полный и металлический, упал на середину двора. Через минуту запыхавшаяся Галя уже грызла подсолнухи, вытащенные из объемистого кармана подруги. Девушки, казалось, забыли, что минуту назад кликали друг друга настойчиво, как на пожар. Лениво, вразвалку, они прошли на теневую сторону двора и уселись на еще горячей завалинке. Наконец, Галя нехотя заговорила:

— Знаешь, поп заболел, говорят, не выживет. Старый больно. Лихорадка.

Марина молча пожала плечами. — Лихорадка? Да, как ей не быть у попа? Ночи теперь холодные, а он на воду ходит, травы собирает. Каждый месяц тащится куда-то верхом, видно, далеко. А, ведь, правда, дряхлый — семьдесят с гаком.

Потом сказала вслух:

— Скучно.

Девушки, как по команде — вздохнули, позванивая рядами пестрых бус.

Из вымершей — Ай! — собачьей будки выскочил и хрипло залился большой рыжий пес. Галя с любопытством вытянула шею в сторону ворот и оправила свою клетчатую плахту.

— Смотри, чужой парубок у двора; ой, еще один!

Действительно, двое парней — один, покрупней, впереди, другой сзади, — вошли и несмело остановились около тонкого вишневого деревца. Первый стал, смеясь, уговаривать заходившегося пса. С небольшим баулом в руке, простоволосый и обтрепанный, он сильно смахивал если не на вора, то, во всяком случае, на бродягу. Но голос у него был мягкий и приятный. Гале показалось, что она уловила, сквозь оглушительный лай несколько понятных слов: это не был, впрочем, украинский язык.

— По-русски говорит,—как-то сразу догадалась она и отозвала собаку.

— Стусан, бисова глотка, Стусан!

Пес подкатился к клетчатому подолу и забил пыльным хвостом.. Парни подошли к завалинке. Не зная, на каком языке заговорить, девушки сели тесней и строго уставились на пришельцев. Неожиданно тот, что шел сзади, кряхтя, повалился на скамью рядом с ними. Простоволосый вперил в хозяек такой дико-удивленный взгляд, что они не могли не прыснуть.

— Ой! Якi ж він очі вылупив?

Марина строго подтолкнула Галю.

Красивый, широко улыбаясь, заговорил на чистейшем украинском наречии:

— Ничего не понимаю. Честное слово, ничего не понимаю. Да, вы хохлушки, что ли?

— Хохлушки, а як-же?

— Красавицы вы мои!

Он чуть не прыгал от радости. Второй путник успел кое-как: оправиться и вступил в разговор.

— Простите, что я так, — он изъяснялся по-русски, — мы, видите, нечаянно забрели.

Галя поняла.

— Да вы откуда будете?

— Собственно говоря, из Москвы.

Простоволосый не унимался.

— Голубушки вы мои. Да я сам пять лет на Украине жил, в Киеве... моя мать хохлушка.

Внезапно его голос осекся. Зеленовато-серая бледность покрыла лицо.

— Да ты садись! Есть хочешь, небось?

Марина метнулась в хату и вернулась с огромной крынкой молока. Гости жадно отпили по нескольку глотков. Девушки нерешительно переглянулись.

— А то пойдем в холодок. Бабка к попу пошла. Отца до ночи не дождешься.

В хате было прохладно и полутемно.

Здесь юноши постепенно пришли в себя и рассказали о своих приключениях. Трое суток нестерпимой жары и режущего холода, сумасшедшее удивление при виде украинской деревеньки, оказавшейся одной из баснословных азиатских колоний.

Девушки рассмеялись и объяснили, как могли, чудесное недоразумение. Много десятков лет тому назад, когда царский произвол на Украине стал нестерпим, сотни семейств переселились с насиженных мест в далекий Туркестан. Они вывезли с родины старинный уклад, национальные костюмы, старозаветные обряды и обычаи. Козодоевский вспомнил, что где-то в низовьях Аму-Дарьи притаились такие же немецкие колонии, возрождающие времена старой Германии.

Наговорившись вдоволь, Марина и Галя принесли воды в глиняной миске и вышитый ручник, на столе уже стыли остатки настоящего малороссийского борща. Три гоголевских вареника сиротливо лежали в сметане.

— Ну, хлопцы, годи балакати, лягайте спаты.

Галя зевнула, прикрыв рот широкой загорелой рукой. Здесь, по старинке, после обеда все село сладко и жирно засыпало. Путешественники с радостью подчинились старому обычаю. Через минуту они спали, как убитые, в клуне, похожей на индейский вигвам.

Деревенька, в которую попали путешественники, давно потеряла счет годам, и только старый поп занимался летоисчислением, необходимым для совершения немногочисленных треб. Вместе с прадедовскими чубуками и прабабушкиными плахтами на горячую землю средней Азии переселилась добрая старая любовь к сплетне. Веселые кумушки ждали работы, и, едва выспавшись, Галина пошла по селу с полными горстями новостей.

Когда Козодоевский и Сережа проснулись, хворостяная клуня казалась осажденной шепотом, шорохом и любопытными карими глазами. Где-то справа то и дело вспыхивал и с шипением погасал придушенный девичий смех. Козодоевский вскочил на ноги и подтянул сползавшие от худобы бахромчатые брюки. Толпа осаждающих с визгом бросилась врассыпную.

— Ото ж бисовы диты, — с улыбкой прислушался к босому топоту охочлаченный Сережа и приподнялся, ударившись макушкой о деревянную баклагу. Трехдневную усталость как рукой сняло. Едва приятели, по обыкновению, начали спорить, как дверь клуни с писком отворилась и под притолокой показалась голова с обвисшими запорожскими усами и черешневой люль-

кой во рту. Огромный опереточный хохол молча протиснулся в клуню, не торопясь вытряс погасший чубук, заткнул люльку за голенище и остановился, широко расставив ноги. Наконец, он грустно откашлялся:

— Здорово, добродию!

Сережа и Козодоевский с улыбкой переглянулись.

— Здравствуйте!

— Эге-ж.

И хозяину (вид у хохла был хозяйским) и гостям было о чем порасспросить друг друга, но разговор не вязался. „Ну и старинка“, — думал Сережа, — „рассказать — не поверят“. Запорожец вывел их на воздух. Скоро все очутились около все той же хаты, где остались три гоголевских вареника и борщ на доньшке горшка. Теперь двор был битком набит народом, собравшимся на явно коллективный ужин. За ужином щирые украинцы перебрасывались веселыми замечаниями; виновников сборища они, как могло показаться, вежливо чуждались.

Наскоро поужинав между огромным хозяином и крошечной старушонкой, путешественники тщетно пытались завязать разговор через стол: сотрапезники улыбались, но на вопросы отвечали неясными междометиями.

Наконец, хозяин встал и тяжело перекрестился, остальные последовали его примеру. Рука Козодоевского невольно поднялась, но, почувствовав на себе удивленный взгляд Сережи, направилась к висевшей на ниточке пуговице толстовки. В бабьих рядах слышался неодобрительный шепот. Добродушный хозяин, казалось, ничего не заметил:

— Ну зараз пидем до голови.

Он легонько облапил податливых гостей и уволок их на поклон к местному старосте.

Хата головы отличалась от всех прочих расписанными ставнями и крашеным крыльцом. Около крыльца валялось бревно, на котором кейфовали рассудительные хохлы с дымящимися люльками.

Сам голова, толстенный седоусый старик, сидел на ступеньках. С первого же взгляда брошенного путешественниками на необъятные синие шаровары, старик смутно напомнил кого-то хорошо знакомого с детства. Скоро Сереже стало ясно, что этот кто-то — Тарас Бульба. Юноши решительно чувствовали себя перенесенными в старую Малороссию и подчиненными ее законам.

После первых приветствий Тарас Бульба прищурил левый глаз. Хохлы приготовились.

— На який ляд, люди добри, прийшли ви з Москви? Урядников да приставов ми не маємо, оброков не даємо и нікому не кланяємось.

Сережа добродушно усміхнувся:

— Тепер приставов и урядников більше нет, а ми чесні люди—комуністи.

Тарас Бульба відкрив прищурений лівий глаз:

— Комуністи? А що це за птыця?

Сережа став в тупик. Вдруг с бревна послышался лениво-неприятный голос:

— А це, Горобец, такі люди, шо в бога не вірують, и, повечеряв, не хрестяться.

Тарас Бульба, он же Горобец, усміхнувся:

— Це их діло. А мабуть жиди?

Чуткое ухо Козодоевского уловило неприятный шопот.

— Мы не жиды, мы русские — отрывисто буркнул он и покосился на негодующего Сережу.

В голове Сережи сонно шевельнулась мысль об агитации, советизации и прочих обязанностях, но, не

успев оформиться, растаяла. Знакомство с местной властью казалось исчерпанным.

Вдруг с бревна вскочил тощий, желтый парнюга с заячьей губой. Заикаясь и брызгая слюной, он начал нечто вроде обвинительной речи. Общий смысл ее сводился к тому, что, ежели новоприбывшие православные христиане, они должны исполнить какой-то старый обычай. Очевидно, выступление местного неврастеника содержало в себе нечто юмористическое, потому что публика грохнула сытым смехом. Наконец, Тарас Бульба вытер рукавом свитки вспотевшую макушку и приступил к соломоновым обязанностям. Сережа шепотом переводил Борису с украинского на русский.

Голова начал торжественно:

— Дорогие гости, украинский народ добрый. Кушать да пить — сделайте милость, а хотите дальше идти — идите. Только вот, — помычав, он указал на неврастеника, — Грицько, вот, книжник у нас и говорит он — обычай такой есть. Не наш, а татарский обычай, чтоб им пусто было: ежели в селе, скажем, девушка есть, вроде как вы и не девушка, а жених-то ее, Грицько, скажем, ее в жены не хочет брать, потому что она и с другими жила, то, ежели, скажем, приходит в село чужой да православный, то должен на ней жениться. Только, может, вы уже женаты?

Грицько снова вскочил, взбешенный до конца:

— Какое там женаты, женатые люди не шлятся.

К Козодоевскому неожиданно вернулось присутствие духа:

— Мы коммунисты. Вы Шевченку, люди добрее, знаете? Поэта Шевченку?

— Шевченку? А як же.

Вече заинтересованно подняло коллективную чубатую голову.

Козодоевский с мучительной натугой принялся за культурабиту на селе; он путанно объяснил, что Шевченко мечтал о коммунизме, что коммунизм настал, и Украина получила вольную волю. — Так вот, люди добрые, нет больше ни царя, ни урядников, — повторял он — Украину не притесняют, языка не отнимают, и каждый народ живет по-своему. — В конце концов, глаза бородачей заблестели. Тарас Бульба выпрямился во весь свой гигантский рост и крикнул так, что из-под крыши вылетела стая голубей.

— Бреешь, хлопец!

— Честное слово.

— Брешет, — взвизгнул Грицько, — чтоб я на том свете горячей кочергой подавился, чтоб...

Тарас Бульба торжественно поднял руку:

— Перекрестись, чоловіче, коли правда!

Борис, опешив, закусил губу. „Демагогия“ — промелькнуло во взбаламученном мозгу, и он твердо осенил себя широким дьячковским крестом.

Голова Горобец потерял достоинство и радостно завыл, подбросив выше тополя смушковую шапку. Гости почувствовали себя в кольце объятий и поцелуев. Козодоевский опьянел от успеха. Вместе с горланящей толпой он покатился куда то, где со сказочной быстротой появилась добрая старая горилка. Молодежи, однако, не было видно, исчез и Грицько.

К восходу луны запорожское веселье перелилось через край. Первый спирт так ударил в голову виновникам торжества, что бытовые картинки, выхваченные из классического издания Гоголя, проплывали перед ними, как во сне. Борис горланил переводные Шевченковские стихи, лежа головой на толстых коленях Тара-

са Бульбы, которого принимал за бабу. Сережа бессмысленно выкорчевывал из пятки старую занозу саксаула.

Мгновенно он протрезвился. Перед ним стояла Галля, заплаканная и бледная:

— Утекай! — взволнованно шептала она. — Утекай, бо вам хлопцы с Грицком шею наkostenять хотят. Могут и до смерти убить... — Она всхлипнула и неожиданно поцеловала Сережу в губы.

Дальнейшее пошло кинематографическим темпом. Едва оба товарища выбежали со двора на пустошь, они услышали недалекое гиканье и хор резких голосов. Не надеясь на помощь пьяных хозяев, Сережа схватился привычным жестом за левый карман. Револьвера не было. Вероятно, его успели украсть. Теперь оставалось одно: прятаться по пустопорожним клуням или в скирдах сухого сена. Поцелуй Галочки дернул было Сережу остаться на месте и показать себя, но Козодоевский был невменяем. На все уговоры он отвечал лаконическим отчаянием.

„Ночь и собаки“.

Гиканье уже приблизилось и конспиративно затихло, когда друзья пустились, наконец, наугад. Вдруг из-под ног шарахнулась и залилась хриплым воем шальная собака. Козодоевский услышал, как треснули брюки Сергея. Тотчас же псу ответили десятки еще более залиvistых и внезапно присмирели под чьим-то ласковым свистом. Щеку Козодоевского защекотало теплое дыханье, и он с изумлением узнал запыхавшийся голос Галочки.

— Ой, боже ж мій, а я к вам побігла...

Но было уже поздно. Друзья упали, опрокинутые

налетевшей тяжестью. Авангард, в лице двух деревенских апашей, успел подкрасться с восточной тактикой.

Тремя движениями хрустнувших плеч Сережа сбросил с себя чье-то злорадно ворчащее тело. Оглушенный ударом в висок, он снова зашатался, но почувствовал себя окончательно освободившимся. Борис пустил в ход камни, припасенные для собак. Авангард завыл, и Сережа ринулся вперед, увлекая за собой по ухабам ежеминутно падавшего приятеля. Погоня возобновилась. Она настигла бы беглецов, если бы Сергей не ударился головой о какое-то препятствие и не полетел вместе с Козодоевским в полную тьму. Топот ног пронесся мимо.

Полная тьма оказалась закрытым помещением, а препятствие — дверью. Первым движением ошеломленного Сергея было припереть дверь спиной. Впереди блеснул огонек, и старческий голос спросил:

— А кто там?

Когда огонек приблизился, непрошенные гости увидели перед собой древнего старика с еще более древним светильником и посохом. Тряся головой, он туго выслушал объяснения и позвал в комнату. Около стола, покрытого свежей скатертью, старик предложил сесть и, вдоволь накашлявшись, заговорил на странном русско-славянском языке. Говорил он долго и прерывал свою речь только для того, чтобы подать гостям воды смыть кровь.

Встряска, бегство, погоня — окончательно протрезвили приятелей. Рассказ попа (старик оказался попом) сильно заинтересовал их. Узнав, что брат предводителя Грицька с пятеркой местных головорезов ушел к басмачам грабить афганские караваны, Сергей стал острить над романтичностью дикой колонии, поп затряс головой сильнее обыкновенного. По его словам,

путешественникам угрожала большая опасность. Завтра половина деревни перейдет на сторону Грицька.

— Тем паче, — прибавил поп печально, — что паршивые отроки воспользуются долгожданным случаем, дабы унижить голову Горобца, власть имеющего.

— Вот так революция, — улыбнулся Сережа, чур-чур меня!

— Чур-чура, — подхватил Борис и шутя произнес заклинание: — абджед вез хютти-ке...

Вдруг поп преобразился:

— Келемен сефез керешет сеххез везээгэ. — Он звучно прошамкал этот набор слов и затрясся на сей раз от головы до ног. — Ой, сыны, откуда вы это узнали? — шепотом повторял он. — Ой, сыны, это ключ для книги Джафр-и-Джами! — Поп вытащил из кипы грязных рукописей осьмушку желтой бумаги и тихо прочел:

„Знай, что Джафр — наука тайная. Она не дается никому, кроме пророков и святых, которым известны тайны бога. Знающий эту науку вполне удовлетворен всем, что есть в мире, и больше ни в чем не нуждается. И небо и земля будут в его власти“.

Козодоевский слушал, раскрыв рот. Неожиданно решившись, он рассказал попу о встрече с купцом в караван-сараяе. Поп задумался, потом ответил:

— Много неизвестного в стране сей. К юго-востоку от деревни нашей, в горах, в месте тайном и неприступном, живут люди. Есть у них огромные богатства, потому что они знают тайну нахождения кладов.

Вдруг Борис, внимательно слушавший, подскочил от удивления, так поразила его внезапная перемена в лице попа. Желтый старческий лоб избороздился бурными морщинами, зубы застучали, и побелевшие глаза приняли выражение холодного бешенства. Поп вы-

скочил на середину комнаты и стал бить себя кулаками в грудь:

— Парубки, — кричал он — парубки! — почто принесли вы в горницу мою ветер мусульманский. В юности моей возжаждал я чужого Аллаха, но Христос, бог наш единый, спас меня. В темные ночи переписываю я мусульманские книги, дабы похитить для христиан мудрость язычников. А вы пришли, будто юность моя вернулась! — Он ослабел и заплакал. Немного успокоившись, поп взял посох и древний светильник. Теперь он весь обмяк и шамкал простонародной скороговоркой: — Пора вам идти, хлопцы, бо утром прибудут вас наши разбойники. Ой, господи, господи, грехи наши. Я вам спокойный путь покажу, прямой путь.

Они пошли за хозяином куда-то налево, потом вниз по лестнице. Наконец, остановились на каменном полу. С помощью гостей поп otvorил тяжелую холодную дверь. В лицо пахло сыростью и лягушками.

— Здесь. Вверх по земляным ступенькам и на воздух. — Старик порылся в черном углу. Он вытащил холщевый мешок с сухарями, потом постучал посохом по каменной стене. — Вам на дорогу, хлопцы.

Откуда-то из романтического тайника поп добыл черный прадедовский кошелек, испытующе оглядел гостей и остановил взгляд на Борисе:

— На!

Поп высыпал на ладонь Козодоевского содержимое кошелька.

— Спасибо!

— С богом, с богом, сынки, прощайте. — Он передал Сергею светильник и ворчливо попросил покрепче захлопнуть за собой дверь.

Сорок земляных ступенек вывели путников в узкий слипшийся коридор, с потолка которого беспрестанно

сыпалась земля. Они пошли по высохшему ложу подземного ручья, круто поднимавшемуся в гору, и скоро очутились под рассветным небом. Покинутая Украина лежала глубоко у подножия плоскогорья.

Г л а в а V

Печальный финиш

На Афганской границе военный аэроплан RW 12 был ранен в левое крыло. Он начал понемногу вихляться, изворачиваться и вспоминать о смертельном законе тяготения, призывавшем его к земле. Однако, опытные друзья не давали ему снизиться вплоть до воображаемой точки в горах, показавшейся сверху удобной площадкой для спуска. Руки Броунинга онемели от усилий на руле высоты. Глаза Уикли следили, не отрываясь, за падающей стрелкой альтиметра. Раненая машина грохотала и кренилась. Девяносто против десяти без остатка съедали надежду на благополучный перелет. Экс-лейтенант с негодованием отбросил возможность спастись в одиночку с помощью парашюта. Ветер завывал, как контрабас в похоронном марше, а земля отказывалась принять летчиков, ошестинившись острыми снеговыми хребтами.

Мысль Броунинга работала, как хронометр. Единственное спасение — снизить аппарат и грохнуться там, где сила падения может быть ослаблена снежной периной. „Нужно сбросить бомбы“ — подумал Арт. Раз... Еще раз!.. Где-то глубоко раздались глухие черные взрывы. Аппарат рванулся вперед. Когда двойной маневр бомбометания был повторен, машина несколько выровнялась, но тотчас же начала крениться снова. Уикли сидел бледный, как полотно, порываясь встать. Арт сделал крутой вираж, и аппарат порывистыми кругами пошел вниз. В двухстах метрах от земли мотор отказался работать. Аппарат камнем упал в глубокий снег. Пропеллеры взрыли белую нетронутую пелену и замерли.

***

Первым чувством Уикли после головокружительного мрака было желание заплакать. Заметив, что ресницы от слез обледеневают, он поневоле успокоился. Категорическая тишина связывала малейшую попытку мыслить. Солнце и сверкающий снег ослепляли до потери сознания. Совершенно машинально Уикли подполз к чернеющим останкам RW 12 и сел рядом в рыхлый снег. Смотреть на темные очертания частей аппарата доставляло глазам наслаждение невыразимого отдыха. Через несколько минут Джонни овладело чувство отчаянной сердечной тоски. Голова наливалась свинцом; в глазах нестерпимо вращались цветные диски. Уже теряя сознание, он разорвал на шее резиновое кольцо маски, и горный воздух хлынул в измученные легкие. Причиной удушья был испорченный при катастрофе кислородный баллон. Вместе с воздухом к Уикли вернулась способность соображать. Он бросился к аппарату и, цепляясь за исковерканные тяги, пробрался к кабинке пилота, наполовину зарывшейся в снег; сквозь разбитые стекла темнела фигура Арта, прижатая в угол кабины сломанным рулем высоты. Джонни очистил окно кабины осколком пропеллера и, перегнувшись внутрь, стянул с лица лейтенанта маску. Арт был смертельно бледен. Закушенные белые губы и глубокие тени под глазами вырвали у Уикли горестное восклицание. Ни на что не надеясь, он стал растирать спиртом лицо и руки лейтенанта. Несколько капель, влитые в уголок рта, произвели неожиданно сильное действие. Арт глухо кашлянул. Вскоре он сидел, моргая, и с любопытством шурил глаза.

— Мы, кажется, совершенно живы?

— О, да, сэр!

Все вошло в свою колею. С пробуждением Броунин-

га Уикли окончательно пришел в себя. Первым открытием его была боль от порезов, вторым — новый, более слабый, приступ удушья.

— Воздух в горах не слишком редок для дыхания?— вежливо, осведомился он.

Броунинг выругался:

— Конечно, редок, чорт возьми.

Головокружение становилось сильнее. Кровь в ушах стучала так упруго, что Уикли со вздохом вспомнил английские церковные колокола. Лейтенант с трудом выполз из кабинки и осмотрел окрестность. Они находились на небольшом леднике, шагах в тридцати от пропасти и в пятидесяти от отвесного выступа горы. Их удача была чудом и не меньшим чудом должно было быть окончательное спасение. Он ползком вернулся к Уикли и достал карту. Измерительные приборы разбились при падении. Приблизительные выкладки не дали ничего определенного. Во всяком случае беглецы были в России. Это, к несчастью, не улучшало их теперешнего положения. Вдобавок, у обоих летчиков начали нестерпимо болеть глаза; даже сквозь опущенные веки ослепительно мерцало ярко-оранжевое солнце. Уикли осенила внезапная догадка:

— Вы когда-нибудь видели солнечное затмение, лейтенант?

— Да, конечно, и вероятно больше не увижу. Но на кой чорт...

— Копченые стекла.

Это, действительно, было выходом. Последним усилием раскрыв глаза, Арт нашел брошенные маски. Уикли вымочил в бензине и зажег подкладку своего шлема. Скоро стеклянные глаза масок почернели от дыма. Следующим в очереди бедствием был нестерпимый холод.

— У вас еще осталось несколько крошек энергии, Джонни?

— Нет, ничего нет.

Арт собрал деревянные части аппарата и развел костер. Мысль о котелке и провизии удесятирила голод. Они выпили половину спирта, оставшегося во фляжках. Вместе с теплом по жилам разлилась жажда жизни, но здравого смысла спирт заглушить не мог, и сознание безнадежности оставалось по-прежнему ясным.

Время шло к ночи. Солнце уже лежало на западе, красное и прозрачное, как детский воздушный шар. От скорчившихся обломков машины легли густые фиолетовые тени. В абсолютной тишине потрескивали печальные останки RW 12.

— Джонни!

Уикли молчал, закусив губу.

— Джонни, вы слышите? Если ночью у нас не будет огня, нам конец.

Уикли понял.

— Зажечь аэроплан?

— Да. Деревянную обшивку, бензин и масло. Постепенно.

На сей раз вспышка надежды пришлась на долю Джонни. Он хлопнул себя рукой по лбу:

— Если тут в окрестностях есть хоть одна собака, Броунинг, нас заметят, нас должны заметить! Не может быть, чтобы нас не заметили! Огонь покажет себя.

— Может быть. Джонни. Покажем и мы себя.

Оба робко улыбнулись.

— Только...

— Что только?

— Там профессор...

Броунинг поднял брови.

— Тем лучше. У него будут классические похороны.

Г л а в а VI

О стихийных бедствиях

Вместо того, чтобы отдыхать на крошечном паласе, брошенном на берег реки, и потягивать сладкий табак из новенького чилима, владелец всех этих богатств взволнованно ходил взад и вперед от куста до куста арчи. Галочка, скромно отвернувшись, чтобы не видеть купанья „женихов“, готовила к ужину худого козленка. Сережа, уже полуодетый лежал на животе и с сожалением разглядывал тощие, сиреневые ляжки приятеля. Привязанный к дереву пятнадцатирублевый ишак трубил, вытянув голову. Ночной отдых был обеспечен.

Галочка нагнала путешественников в первый же день их бегства из украинской деревеньки. Жизнь манила ее, получужая семья не связывала, а издевательства односельчан и страх Грицьковой мести казались страшнее неведомых опасностей. Родители Галочки давно померли, и она жила чуть ли не батрачкой в семье дальнего родича. Тяжелая жизнь научила ее решительным поступкам, а труд — смелым мыслям. Приход чужих послужил толчком к бегству в широкий мир, существование которого она подозревала с детства. В трагикомическую экспедицию Галочка вносила свежесть и здравый смысл.

В нынешний вечер Козодоевским овладела новая тревога. Это был страх землетрясений. За все путешествие по неустойчивой стране молодым людям не довелось испытать ни одного подземного толчка, но именно это обстоятельство казалось удручающим. „Тем хуже, — взывал Борис, — чем дольше их нет, тем

скорей они будут“. Он верил вдобавок в существование „сейсмографического“ сердца, чувствующего, как животные и птицы, вулканическую работу земли. К вящему удовольствию Сережи, он предсказывал землетрясение ежедневно, а сегодня категорически требовал перенесения ночевки подальше от подножия горы. Над одной из вершин ему примерещился тонкий дымок, быстро пропавший. Ни Сергей, ни Галочка не могли уловить и тени дыма. „Пуганая ворона куста боится“ — резюмировал Сергей и, честно допросив самого себя, подтвердил „самовнушение“.

Двумя часами позже, когда палас, чилим и жиденькие подушки были перенесены в импровизированную палатку, Козодоевский бросил:

— Можете спать, я буду сторожить вулкан.

С детским упрямством Сергей стоял на своем:

— В Туркестане вулканов нет.

Борисом овладело бешенство:

— Неуч! — прокрипел он.

Ответом послужил раздавшийся через несколько минут храп. Галочка с опозданием заметила сквозь сон: „Ото, дурень“. Козодоевский сел по-мусульмански у входа в палатку. Он снял с шеи и раскрыл полотняную ладанку. При звездном свете блеснуло пять оставшихся от пути поповских монет: два старинных польских злотых, один надкусанный полуимпериял и пара золотых туманов. Передав по смутной симпатии деньги именно Борису, поп оказал ему большую услугу. В качестве кассира экспедиции Борис чувствовал себя самостоятельнее и свободнее, чем раньше. „От Таш-Кургана поверну обратно на Ош и Скобелев“ — подумал он и приподнял голову. Крик животного ужаса сорвался с его губ. Небо над горой розовело заревом. На линии снегов пылали пятна раскаленной лавы.

Не успел Борис крикнуть вторично, как под землей пронесся звенящий гул. Язык пламени вскочил на вершине вулкана и растаял в воздухе.

— Сергей! Галина!

Если бы не тайное, но живительное чувство злорадства, Козодоевский упал бы в обморок. Он схватился за сердце и пустился на утек в противоположную сторону. Звук первого вулканического взрыва, точь в точь такой, каким он его представлял себе, не замедлил последовать. Следующие слились в сознании в адский вой.

Когда разбуженные воплем Козодоевского Сергей и Галя выбежали из палатки, облака над горами светились, как розовые бумажные фонари. Пока Галя лихорадочно собирала платье и остатки ужина, Сергей отвязал жалобно вопившего ишака. Бориса они нагнали в полуверсте от покинутого места стоянки. Он стоял у заворота реки, преграждавшей ему путь, и дышал, как рыба, выброшенная на берег.

— Лава двинулась, прошептал он пересохшими губами.

Действительно, вулканические взрывы затихли. Их сменил непрекращающийся грохот, не слишком громкий, но зловещий.

— А землетрясение — спросил уверовавший Сережа, — а пепельный дождь?

Козодоевский напоминал испуганного антрепренера:

— Будет, все будет! Как не быть?

Галочка охнула и стиснула руку Сереже. Козодоевский уговаривал отдохнуть несколько минут.

— Это, очевидно, обычный перерыв в начале извержения. Иногда так бывает, — вроде вступления к опере.

На сей раз торопил Сережа, испугавшийся за Галину. Они перешли вброд быструю речушку, то и дело, сваливавшую их с ног и пройдя шагов тридцать по колючей, косматой равнине, оглянулись на горы. Огонь неся по склону в туче дыма и пара. С новым взрывом к небу взлетели пестрые искры, похожие на фейерверк. Козодоевский застонал:

— Вулканические бомбы!

Одна из них описала в воздухе огромную дугу, и разлетевшись, озарила местность зеленым светом. Сережа подпрыгнул от изумления:

— Ракета!

— Дурак! — прошипел Козодоевский и едва успел отскочить. Зеленая искра упала на землю в нескольких шагах от него.

Зажигая спички дрожащими от страха и любопытства руками, Галина обшарила кусты. Она передала Борису странный обгоревший предмет цилиндрической формы. Это был отсыревший, но еще горячий картонный цилиндр. Сергей зажег новую спичку и стал было рассматривать находку, но Борис внезапно зажал ее в руке. Лицо его, освещенное снизу, выражало дикое удивление.

— Ни черта не понимаю... Ливерпуль...

— Что? — спросил ошеломленный Сережа.

— Ливерпуль... Город... в... Англии...

— Что?!

— Английская сигнальная ракета.

Слова Бориса покрыл оглушительный грохот. Когда он затих, ночь окончательно успокоилась. В наступившей тишине они слышали тонкое зудение moskitov.

***

Возвращение в лагерь прошло без обычных споров и попреков. Такого „приключения“ не бывало еще за все время путешествия. Уже, подходя к месту старой ночевки, Сергей вспомнил о несостоявшемся извержении вулкана. Но Козодоевский, против обыкновения, не огрызнулся. Он молча пробирался сквозь хрустящие кустарники. Сильно и неожиданно похолодевший воздух заставлял путников ежиться и нервничать.

— А все твоё хвастовство,—продолжал наставительно донимать Сережа, — ведь, сознайся, брат, мы нечаянно перешли границу или что-нибудь в этом роде, еще, когда мы покупали контрабандные спички, надо было это чувствовать! И напрасно ты, брат, втирал очки, что выучился говорить по-таджикски.

Ответ Бориса дышал неожиданным смирением:

— Это, может быть, не английская граница, это английские разведчики.

Сережа хотел было огрызнуться, подстрекаемый ворчанием озябшей Галины, но неожиданное зрелище отняло у него язык. Светало. Они находились шагах в двухстах от покинутой ночевки. На месте уютной поляны, где еще недавно была раскинута палатка, покоились огромные глыбы горного снега.

Лавина!

Подгоняемые любопытством и тревогой об оставленных вещах, молодые люди бросились бежать, как по команде. Когда, запыхавшиеся и ошалелые, они остановились, наконец, у самой черты снежного кургана, ночь уже значительно посветлела. Снежный обвал простирался до самого подножья гор. От стоянки не оставалось и следа.

Дрожа от холода, бездомные путешественники сетовали о погибших обновках, когда Галина заметила в

снегу какой-то черный обломок. Он оказался небольшим исковерканным пулеметом незнакомой системы. Около пулемета валялись изогнутые проволоки, части какого-то мотора и металлический ящичек. В нем находились никелированные флаконы с латинскими надписями, вата, свертки бинтов и марля.

— Походная аптечка!

Долго думать не приходилось. Сергей стал яростно разгребать снег. Белые комья вылетали из-под его рук, освобождая из снежного пленения диковинный предмет. Через несколько минут ожесточенной работы блеснул гофрированный серый металл и стекло голубого иллюминатора.

— Электрическая лампочка!

Галина и Козодоевский, путаясь в обломках, карабкались вслед за Сережей. Стынущими от снега руками, они пытались освободить аппарат, ибо теперь стало очевидным, что тут произошла авария с английским самолетом. Вдруг Борис вскрикнул: он нарезался рукой на разбитое окно каюты. За сумасшедшей работой крик Козодоевского не был услышан. Борис нажал плечом, — остатки стекла треснули, и он очутился в полутемной каюте.

— Сергей! Сергей!

На полу каюты лежал труп человека средних лет в сером костюме и высоких желтых сапогах. Около трупа белели какие-то бумаги.

Не успел подоспевший Сергей сообразить, что все это значило, как его заставил вздрогнуть второй крик. На сей раз кричала Галочка. Пробираясь за Сережей, она провалилась в рыхлый снег и, в отчаянной попытке выкарабкаться, ухватилась за что-то упругое и скользкое. После безуспешных усилий вытащить наружу тяжелый предмет, она освободила его от снега.

Это была нога в щегольском коричневом ботинке и высоких крагах. Когда Сергей и Борис прибежали на вопль, они увидели Галочку отчаянно уцепившуюся за таинственный ботинок. Через пару минут показалась голова в изорванном респираторе. Товарищи стащили труп со снежной горы и стянули маску. Перед ними лежал молодой английский летчик. Несколько ссадин на подбородке и на руках не давали еще, однако, повода считать его мертвым. С лихорадочной поспешностью друзья развели костер. Первое тело было также вытащено из каюты и положено рядом. Козодоевский, приплясывая от холода, распоряжался:

— Растереть лицо и руки снегом! В аптечке должен быть спирт.

Сергей и Галина яростно старались оживить бездыханные тела. Вдруг Галина ахнула:

— Сережа, а Сережа! Мой-то зовсим, як покойник и дырка в голове...

Сергей наклонился. Тонкие, извилистые губы трупа были плотно сжаты. В уголке глаза чернело отверстие от револьверной пули.

— Тут уж дело конченное. Поглядим-ка, может быть, этот выживет.

Они расстегнули высокий воротник и куртку. Борис подбежал с раскрытым флаконом:

— Нашатырный!—коротко буркнул он.

Спирт подействовал. Англичанин чихнул и открыл глаза.

— У ай би? —задал он слабым голосом традиционный вопрос, радостно напомнивший Козодоевскому о множестве прочитанных романов.

— Он спрашивает „где я?“—торжественно перевел Борис.

Сергей сочувственно усмехнулся:

— Это не мешало бы и нам знать.

— Во всяком случае, скажем, что у нас, — заволокновался Козодоевский, и без запинки ответил: — в России.

По лицу англичанина пробежала слабая улыбка. К общему удивлению, он заговорил на ломаном русском языке. Борис по инерции продолжая объяснять:

— Он рад. Он доволен. Он счастлив.

Внезапно голос англичанина изменился. Глаза потухли:

— Уикли?—резко спросил он.

— Что?!

— Мой товарищ Уикли?

Спасители переглянулись. Наконец, Сережа указал на труп.

— Он мертв.

Англичанин с трудом повернул голову и выругался со стоном облегчения:

— Годдам, это не Уикли!

Найти человеческое тело, погребенное, может быть, под десятками тысяч тонн снега могла помочь только счастливая случайность. Она, впрочем, не заставила себя ждать. Под сравнительно неглубоким снежным покровом, рядом с новеньким термосом и отлетевшим аэропланным колесом, лежал юноша в военной форме. Его левая щека была залита кровью, а руки судорожно сжаты.

Когда, наконец, удалось привести Уикли в сознание, его первым словом был бессмысленно счастливый смех, скоро перешедший в слезы. Теперь все было в порядке. Борис неожиданно перецеловался с потерпевшими крушение.

Мучительно поразмыслив, Сергей, по старой следо-

вательской привычке, скрестил руки на груди. Свой вопрос он задал прямо с ударением и расстановкой:

— Вы не шпионы?

— Я работал в Петроград и Архангельск, товарищ.

Сергей начинал понимать:

— У кого?

— А вы кто?

— Коммунист.

— С вами.

У Сергея быстро и четко забилося сердце. Он впился глазами в лицо офицера:

— Ваша кличка?

— Револьвер.

— Броунинг?!

— Да.

Сергей вспомнил комнату с разбитым окном в Коминтерне. Он хотел пожать руку Арту, потом раздумал и бросился к нему на шею.

Г л а в а VII

Конец и начало

Уикли, обмотанный марлей, и пятнисто-рыжий от иода Борис полулежали около ярко горевшего костра. Борис, запинаясь на трудных местах, рассказывал Уикли о Москве, о России, о путешествии на восток. Джонни поддакивал и улыбался. После катастрофы и неожиданного спасения все представлялось ему в розовом свете. Чины, ордена остались далеко позади, тем более, что здесь, как говорит новый товарищ, чуть не на земле валяются богатства. Нужно только вовремя нагнуться. К тому же на родине он не мог получить большого чина, так как не имел ни связей, ни знатных родственников, ни состояния. В груди у него поднималось новое чувство освобождения. „Все к лучшему“. Так и проще и легче.

Наконец, пришли с охоты Сережа и Арт. Сережа тащил убитую козулю, Арт чему-то весело смеялся. Козуля перешла к Галочке.

К тому времени, когда жаркое было готово, все уже разместились у огня тесной дружеской компанией. Лейтенант, выпустив изо рта густой клуб доброго английского дыма, начал свою повесть, специально отложенную до ужина.

В сентябре 1914 года он был послан английским военным министерством во Фландрию, где ему пришлось служить в разведочной бригаде. В мае следующего года счастье изменило ему: аппарат, подбитый из германского зенитного орудия, был вынужден снизиться за линией неприятельских окопов. По счастливой или несчастной случайности, Арта направили не на привилегированные „квартиры для военнопленных“, а в

концентрационный лагерь близ города Марбурга. Там жили на пленном пайке русские, татары, французы, кавказцы. Восемь месяцев Арт провозился на вражеских полях с всеильной картошкой. Близкое знакомство с немецким крестьянством, постоянное пребывание в интернациональной толпе открыло ему глаза на смысл войны. В одну из темных ночей, под покровом вьюги, француз Форбуа, русский Манцев и англичанин Броунинг выбрались из лагеря, оставив за собой разрезанную колючую проволоку. Лютая зима 1916 года была свидетельницей их отчаянных усилий спастись от жандармов и облав.. В начале 17-го они перешли австрийскую границу. Арт начал учиться у Манцева русскому языку. В августе беглецы подобралась к Карпатам и, наконец, вздохнули свободно, смешавшись с безликой толпой беженцев. Только тогда Арт узнал, что Россия без царя, что там революция. Война разлагалась. На фронтах падала дисциплина. В ноябре трое беглецов выехали из Австрии с бесконтрольной партией пленных, и Россия поглотила их. Тут тоже металась война, но другая — близкая и понятная — война против войны: народ старался побороть угнетателей. Запад, восток, юг вспыхивали восстаниями. В Киеве Форбуа заболел тифом и умер. Манцев и Арт уехали в Харьков. Здесь англичанин связался с компартией. Весной он добрался до Москвы, где проработал несколько месяцев. Именно в Москве, на работе, с ним и повстречался несколько раз Сережа Щеглов. Позднее Арт был командирован на северный фронт. В Архангельске русскую революцию укрощали англичане. В одном из боев Броунинг попал в плен к „своим“, успев предварительно уничтожить компрометирующие бумаги. Он с трудом уверил английское командование, что специально пробирался через всю Россию в Архан-

гельск в армию его величества. После неудавшейся капиталистам оккупации Арт вернулся в Англию и, по-старому, попал на авиационное дело. В конце концов, военное министерство послало его в Индию, где Арт тайно мечтал повести советскую агитацию.

Остальное — жизнь в Индии и бегство — было уже известно слушателям по отрывочным признаниям.

Сережа ласково посматривал из-под сдвинутых бровей на нового товарища. Когда тот кончил, Сергей только поближе придвинулся к нему и тихо положил руку на широкое спортсменское плечо. Теперь очередь рассказывать была за русскими.

Сергей не был мастер литературно повествовать. Он уступил эту честь тонко улыбавшемуся Борису и только время от времени вставлял: „не пересаливай, чорт“ или „и вовсе не так страшно было“. Борис рассказывал картинно и увлекательно, настолько картинно, что англичанину пришла мысль „погулять еще до Москвы по этой майнридовщине“, а Сережа и Галочка почувствовали прилив новых сил. Что касается автора рассказа, он еще с утра воспрянул духом при мысли, что находится отныне в обществе сильных и вооруженных людей. Воспоминание о таинственных намеках купца и попа пробудило у него охоту к странствиям. Когда, откашлявшись после своего блестящего выступления, он выдул залпом фляжку воды и вытер пот со лба, у всех пятерых оформилось одинаковое решение: „Вперед во что бы то ни стало!“. Лейтенант аккуратно выколотил свою трубку, потом встал, прошелся и вернулся к Борису:

— Я хотел бы, чтобы вы точно поняли и перевели мои слова. Я слишком сбивчиво говорю, чтобы выразить такую мысль.

Борис перевел его вступление и продолжал переводить дальше:

— Когда я был молод и глуповат, я все-таки интересовался судьбами человечества; только я был глуповат, как уже предупредил вас. Не зная простых и здоровых путей, я связался с членом какой-то, чуть ли не масонской, логи. Этот парень рассказывал мне...

Лейтенант едва не свалился наземь от русского натиска. Борис, продолжавший сидеть у костра, схватил его за полу френча.

— Он рассказывал вам, что в Азии неподалеку от Гималаев живут эти самые... как их... великие посвященные?

Англичанин наклонил голову.

— Yes.

Борис обвел всех торжествующим взглядом. Теперь, если не лейтенант, то Уикли, наверно, помогут ему в розысках таинственного.

Действительно, Джонни слушал плохо понятный разговор с какой-то жадной радостью. Разочарованный Артом в церковной религии, он с удовольствием нашел бы ей замену, а романы Марии Корелли крепко засели в его памяти рядом с географией и самоучителем „Как разбогатеть честному человеку“.

Сережей катастрофически овладела знакомая скука и чувство какого-то сострадательного злорадства.

„Поеду с вами, сукины дети! Покажу вам, что все это чепуха“— подумал он. Сейчас он не спорил и только сонно слушал заковыристые рассуждения.

Перебинтованный и быстро обмякший Уикли, примостившись у огня, сладко посапывал открытым ртом. Броунинг, обняв руками колени, раскачивался и слушал шумливую болтовню Бориса. Пламя костра почти

не колебалось. Стояла изумительно тихая ночь. Большой мусульманский полумесяц низко проплывал над горизонтом. Галочка ожесточенно зевнула.

Скоро, однако, напряженно-уютная атмосфера вечера была нарушена. Шелковый восточный воздух словно разорвался пополам резким свистом. Послышался собачий вопль, и в заколдованный круг у костра ворвался неистовый, лохматый, рыжий пес. Сергей собрался было броситься с ним в рукопашную, но был пригвожден к земле восторженным визгом Галины.

— Стусан!!

Буря удивления и смеха заглушила даже конский топот, сначала отдаленный, потом четкий. Тем временем, оборванный, как пугало, всадник, наскучив махать грязной тюбитейкой, швырнул ее прямо в середину гогочущего общества. Когда Броунинг первый поднял глаза,—молодой, испеченный на солнце сарт успел уже спрыгнуть с лошади и стоял, ухмыляясь, шагах в пяти от огня. Очередь удивляться была за лейтенантом, заподозрившим разбойничье нападение. Едва он вытащил свой верный Стейер, как Сергей и Борис бросились к разбойнику на шею:

— Джелал!!!

Разбойник с тихим смешком и застенчивыми ужимками занял место у костра.

Джонни, разбуженный криками, воплями и визгом, вскочил на ноги. Вид растерянного, забинтованного, облитого иодом Уикли был настолько комичен, что все расхохотались; Джонни уразумев, что прибытие неизвестного не предвещает никакой опасности, протянул руку узбеку и произнес:

— А... здоров... русс...

Хохот повторился. Джелал вошел в компанию похорошему,— вместе со смехом. Всем казалось, что они

только несколько часов назад расстались с этим смуглым застенчивым юношей.

Когда веселье несколько улеглось, Джелала усадили ужинать. Через несколько минут от ноги козули осталась кость, перешедшая в ведение Стусана.

После ужина Джелал подвергся перекрестному допросу: откуда, куда, зачем? Понемногу выяснилось, что, расставшись с русскими товарищами, он узнал конечную остановку их каравана и решил во что бы то ни стало догнать их. В Кафирнигане он удрал от хозяина, а в кишлаке Дагана, севернее Кара-Куль, он напал на след путешественников. С этих пор он следовал за ними в двух-трех днях пути, справляясь в каждом населенном пункте о проходивших русских. В северном Дарвазе след снова был потерян; вряд ли Джелал нашел бы его снова, если бы не встретился с погонщиком того каравана, откуда Сережа и Борис сбежали из-за безденежья. Тут юноше пришлось немало пошататься по кишлакам и колониям, прежде чем он попал в малорусский украинский „кишлак“. Здесь он узнал, что с путешественниками убежала девушка. Джелал пробовал разузнать у Ганны, куда делась ее родственница, но Ганна только руками развела: „Вот,— сказала она, — пес за ней подышает“. Тут юноша смекнул, что собака найдет хозяйку. Джелал обменял у какого-то сумасшедшего рябого Грицьки халат и чалму на коня и тронулся в путь. Долгая остановка путешественников в Бадурте, где они покупали обновки, позволила Джелалу нагнать их.

— Теперь мы настоящая экспедиция, — сказал Козодоевский.

Только к самому рассвету друзья пожелали друг другу доброй ночи. Броунинг спросил в последний раз:

— Значит, в путь?

— В путь!—ответили друзья согласным хором. Стусан утвердительно залаял и улегся поуютней на подоле Галочкиной плахты.

В неуклюжей могиле, шагах в пятидесяти от ночевки, лежал достопочтенный профессор геологии Инно-сент Дж. Смайлерс, он же полковник генерального штаба Иаков О'Греннель. Борис, засыпая рядом с Уикли, с оторопью вспомнил об этой могиле.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Г л а в а I

Нефритовая фигурка

Итак, их было девятеро. Глядя со стороны, можно было принять экспедицию за шуточный маскарад или за кино-актеров, разыгрывающих авантурный роман. Но режиссер отсутствовал.

Впереди на добром коне гарцовала пестрая Галина, за ней мелко трусил ишак Томми, везя на себе поправляющегося от ожогов Уикли; справа и слева Уикли поддерживали Козодоевский и Джелал. Шествие за-

мыкали два новых друга — Броунинг и Сережа Щеглов. Роль Стусана была крайне неопределенна: иногда он обгонял экспедицию на добрых полверсты и там дожидался приятелей, болтая шершавым языком, иногда отставал, забравшись в густые тростники, и вынюхивал одному ему известные травы, спасавшие от тоски по родине.

Путешественники шли по неизвестной горной местности; со дня ухода с последнего привала, разгромленного лавиной, им не попадалось ни одно селение. Компас, извлеченный Артом из останков английского аэроплана, указывал прямой путь на восток. Они шли уже четвертый день размеренным и бодрым шагом, останавливаясь на ночевку только поздним вечером, почти ночью, и снимаясь с нее после полудня. По приблизительным подсчетам Броунинга, они находились в сорока километрах к югу от Сереза, под 88-й параллелью, в одном— двух переходах от караванной тропы, ведущей к озеру Яшиль-Куль. Дорога, по которой они продвигались, в сущности не была дорогой: лишь кое-где можно было заметить следы человеческого пребывания, изредка попадались белеющие кости, не скрепленные остовам. По этим печальным остаткам можно было судить, что несколько лет тому назад здесь пролежала верблюжья тропинка.

Четыре дня, проведенные экспедицией в пути, заставили всех успокоиться и забыть тревожения последних дней. Даже Козодоевский унялся и не недоедал всем вечным страхом землетрясений; в его развенчанном сейсмографическом сердце поселилось новое чувство— неугасимая тоска по новенькому серому костюму и желтым щегольским сапогам профессора Смайлерса. Он не мог себе простить колебания и неприятного чувства, не позволившего ему в свое время

снять костюм с мертвого предателя. Он с явным неудовольствием поглядел на узорчатую бахромку своих шаровар и с остервенением сплюнул под наплывом воспоминаний: его собственные штаны, купленные на поповские монеты, были погребены под злополучной лавиной. Сзади раздавался бодрый голос Сережи и смех Броунинга. Броунинг прекрасно переносил длинные переходы; катастрофа почти не отозвалась на нем.

Планы на будущее все еще не были окончательно выяснены. По ночам, когда с гор дул ледяной ветер, и в небе щетинились колкие бело-зеленые звезды, путешественникам становилось достаточно неуютно. Последней мыслью каждого перед глубоким сном было: „назад в Москву“! Сережу мучило всякое напоминание о кончающемся отпуске. Он искал в памяти мотивировки этого длинного путешествия и не находил ее. Даже с точки зрения Борисовой литературной композиции все было сумбурно, надуманно и бесцельно. Но утреннее солнце рассеивало дурное настроение. Как бы то ни было — в Москву или в горы — нужно было пойти на караванную тропу. Собственно говоря, Памир велик, и где скрывается самое чудесное,—будь это клад, великие посвященные или естественные богатства,—путешественники не знали.

К концу четвертого дня они достигли караванного пути. Путь этот сильно отличается от обычных дорог и напоминает узкую велосипедную тропинку. Он кажется узкой лентой, продетой сквозь кустарники и пески; в кустарниках он оставляет глубокий протоптанный след, на песке рассыпает кости павших верблюдов, теряется он только в быстрых горных речушках, чтобы снова возникнуть на другом берегу или стереться на каменистых горных тропинках.

Направо голубели новые горы, по форме и выражению они сильно отличались от всех виденных раньше: те, что поближе, бросались в глаза резкостью и энергией очертаний; те, что подальше, таяли легкой извилистой линией. Вечные снега казались мертвыми и матовыми, как крахмал. С гор тянуло холодным ветром; две-три вершины уже скрылись за косматыми звероподобными облаками.

— Здесь страшно, — в первый раз за время путешествия голос Галочки осекся.

Почти машинально путешественники прошли еще несколько сот шагов к востоку. Вдруг Джелал наклонился над какой-то темной кучей. После ряда горестных междометий экспедиция услышала мало ободряющее заявление:

— Опоздаль, товарищи! Верблюды вчера были, туда пошел, — он указал пальцем в сторону гор.

Темная кучка оказалась вчерашним верблюжьим пометом.

Ждать следующего каравана пришлось бы не менее трех недель. Из всех предложений наименее безумным оставался совет Броунинга — не думать ни о каких делах до завтрашнего утра. В глубине души лейтенант радовался опозданию: идти вперед, в горные дебри, ни на день не теряя из виду караванного пути, казалось ему наиболее интересным и наименее опасным. Без особого труда он убедил Сережу логическим доказательством, что почти безразличен пункт встречи с караваном, если эта встреча все равно не может произойти раньше положенного времени. Разговор с остальными членами экспедиции друзья отложили до солнца и принялись устраивать привал в более или менее защищенном от стихийных неприятностей месте.

Ночь прошла тревожно; в промежутках беспокойного храпа путешественники со стоном просыпались от шума далеких обвалов. Несколько раз продрогший Сергей ощущал легкие колебания почвы; он с трудом свернул в козью ножку отсыревший табак и закурил от почти погасшего костра. Удивляясь самому себе, он принялся думать о том, что находится на еще неоформившейся, полной скрытых сил земле. Когда-то в Москве он слышал теорию происхождения жизни из Средней Азии. К северу — таинственный Урянхай, к югу — неприступные Гималаи, разбросанные нивесть где военные посты, запертые на год горными снегами, — все это вдруг взволновало Сергея до глубины души. Он подумал о бреднях Козодоевского, невольно сравнил их со своей горячей и тяжелой тревогой и иронически усмехнулся. Одна из идей Бориса, однако, заинтересовала его в эту ночь. „Странно — думал Сергей, облизывая пересохшие губы, — странно, что человечество, ушедшее отсюда, достигло такой высокой культуры, а здесь пуста и голо. Неужели уж так трудно победить горы и землю?“ Ни в какие тайные общества он не верил, зная им цену. Единственное, что могло попасться в этом суровом краю — это остатки какой-нибудь древней культуры.

Воздух уже начал синеть, когда Сережа принял твердое намерение заснуть. В это время проснулся и приподнялся на локте Арт Броунинг.

— Товарищ Седжи!

— Что, товарищ Арт?

— Вы не спите? Почему вы не спите?

Сережа придвинулся к Броунингу, они заговорили шопотом. Щеглов, несколько смущаясь, начал рассказывать Арту о подземных толчках, о странной и непо-

нятной стране, о тех мыслях, что пришли ему в голову нынешней ночью.

Он старался иронизировать.

— Мировые загадки? А? Как вы думаете?

Тон Броунинга заставил Сережу отнестись к собственным мыслям более серьезно.

— Здесь нет ничего смешного, Седжи. Вы говорите: „Нет дыму, значит — нет огня“. Откуда же все эти разговоры, мысли? Несомненно что-то есть. Здесь, Седжи, мы — близко от тех мест, откуда вытекает тайна. Конечно, великих посвященных нет, и напрасно в Европе о них говорят. Но, Седжи, — Арт еще более понизил голос, — может быть, какие-то особенные люди существуют. Почему бы не жить здесь, в горах, людям, обладающим большими познаниями, чем мы? Конечно, это обыкновенные люди, а не бессмертные. Они, может быть, уже выросли из наших экономических условий. Ведь, и мы научились сводить молнии на землю и посылать молнии в небо.

Сережа почувствовал внезапное раздражение. Слова Броунинга показались ему дикими и бессмысленными.

— Вы определенно чепуху порете, Арт! За каким чортом эти люди будут жить в горах? Вы заразились мистицизмом у Козодоевского.

Борис не спал с начала разговора. Он лежал, затаив дыхание, внимательно прислушиваясь к каждому шороху.

Сережа продолжал:

— Значит, по вашему, если у нас будет больше знаний, мы будем сами, как эти великие посвященные?

— К этому идет, Седжи. Может быть это знание поможет хотя бы остановить войны.

— Химера, утопия. — Сережа беспомощно волновал-

ся, глубоко ощущая свою внутреннюю правоту. — Я уверен, что на этих идиотских горах ни одна собака жить не согласится.

Восток порозовел, и из-за синих вершин брызнули красные утренние лучи. Сережа зевнул в последний раз, спать ему больше не хотелось. Закутавшись, как в тогу, в остатки аэропланного пледа, служившего ему одеялом, он вышел из палатки. Еще никогда раньше восход солнца не был так великолепен. Комически чудовищные фигуры гор, казалось, радостно кривлялись; солнечные лучи проходили сквозь прорехи в облаках, как узкие прожекторы. Когда цвет горных лесов перешел из фиолетового в ярко-зеленый, настало настоящее утро. Прямо против привала, шагах в пятидесяти, сверкала тонкая, как лезвие ножа, горная речушка. Сережа сбросил плед и весело побежал к воде. Через несколько минут он уже освежил лицо, напился и, насвистывая одну из бесчисленных песенок Арта Броунинга, пошел побродить в горы. Здесь утренний ветер успел смести с лица земли следы „космического“ ночного настроения. Над влажными кустами диковинных трав кружились осы и какие-то толстые пестрые бабочки. Пахло шалфеем, как в Белоруссии, и ванилью, как в Крыму. Отвесные стены чешуйчатого строения поросли оливковыми лишаями. Сережа подошел к одной из таких стен, чтобы оторвать листик этой хрупкой горной породы, похожей на жженую бумагу. У самого отвеса он поскользнулся, выругался и посмотрел себе под ноги: в серо-зеленой траве блестела серо-зеленая с золотом ящерица. Сережа с опаской прикоснулся к ней; потом поднял, удивляясь неподвижности и ледяному холоду скользкого тельца. Постепенно до Сережиного сознания дошло, что у ящерицы крошечные человеческие ноги в золотых сандалиях и хорошенькая, как у

парикмахерских манекенов, головка в зеленой чалме; прекрасные руки были по-монашески сложены на груди, прозрачный халат кончался на подоле золотой вышивкой. Ящерица изображала красивого мусульманина, сделанного из светлого нефрита и приправленного, вероятно, яшмой. Другими словами, это была драгоценная и художественная статуэтка. Едва Сережа уяснил себе все это, как над его ухом раздался восторженный крик. Борис, вышедший на прогулку по следам товарища, глядел через его плечо округлившимися глазами.

Глава II

Нападение

Шумное обсуждение находки заняло все утро. Менее всех принял участие в общем гаме Сережа. Совершенно подавленный открывшимися перспективами, он был глубоко уверен, что любой московский профессор-востоковед только посмеялся бы над безумно жестикулировавшим Борисом и торжественно смущенным Броунингом. Хмурая брови, Сергей мучительно перебирал забытые термины из истории искусств, но ничего, кроме персидской миниатюры, не нашел, а нефритовый мусульманин очень мало походил на персидскую миниатюру. Столь же неуместно было напоминание Броунинга о том, что из подобного материала делаются иногда микроскопические китайские идолы. Козодоевский ораторствовал об античном искусстве, Александре Македонском и мистическом ордене тамплиеров. Предположения, одно другого нелепее, сыпались, как из рога изобилия. Джелал и Галочка с восторгом разглядывали статуэтку, которую Борис не выпускал из рук. Броунинг отозвал Сергея в сторону.

— Послушайте, Седжи, вы помните ночной разговор? Вы, кажется, говорили о том, что здесь живет некультурный народ, и плакались на это. Вы видели этого нефритового человечка? Пари на мою голову, что европейским мастерам и не снилась такая работа. Здесь культура выше европейской — вы сегодня убедились в этом!

Броунинг продолжал другим, менее торжественным тоном:

— Мне пришла в голову интересная мысль. В моем бумажнике, вернее, в бумажнике покойного геолога,

хранится большая сумма денег. Нам во что бы то ни стало надо добраться до населенного пункта и достать все необходимое для маленькой, но хорошей экспедиции. Афганские купцы знают цену английским фунтам. А так мы ходим напрасно и ничего не видим. Мерзнуть по ночам мне, признаться, надоело. Я думаю, вы согласитесь.

Щеглов молчал. Его рассеивали самые разнообразные мысли: он опоздает в Москву, с экспедицией он проваландается очень долго, да и пользы от этой экспедиции, как с козла молока. Для науки они вряд ли найдут что-нибудь новое, а если и найдут, то не догадуются использовать. Заниматься приключенческой жизнью пристало во время отпуска, а сейчас не мешало бы и назад. Перед его глазами промелькнули знакомые лица товарищей по ячейке.

Вдруг раздался крик Козодоевского. Сережа и Арт быстро обернулись. Борис стоял с выпученными глазами и бессмысленно повторял какое-то мусульманское слово. Как-то боком он подошел к Броунингу и спросил по-английски:

— Вы знаете персидский, или арабский, или турецкий? Вы умеете читать?

— Да. На родине, в Индии, я занимался этим. А в чем дело?

Дрожащими руками Борис протянул лейтенанту статуэтку.

— Посмотрите на этот зеленый халат. Его подол расшит узором, но этот узор составляют арабские слова.

Броунинг внимательно взгляделся и увидел тонкий золотой орнамент, образовавший буквы:

— Аб-джед хе-вез хю-ти...

— Келемен сефес керешет...— захлебываясь подхватил Козодоевский. — Знаю, знаю!

Сережа вспомнил вдруг старого попа в забытой украинской деревушке.

Англичанин продолжал удивленно и методично:

— Келемен сефес... Вы совершенно правы. Тут так написано. Но что это значит?

— Чорт возьми, что это значит?! — заревел Борис. — Я ни черта не понимаю! Эта фраза просто преследует меня. Она несомненно имеет глубокий и, по-моему, — он опасливо посмотрел на Сережу, — мистический смысл.

Броунинг отдал Борису нефритового человечка. Сережу тоже начала подзадоривать расшифровка этой таинственной надписи. Статуэтка придала его мыслям желательное для Броунинга направление.. Он повернулся к Арту и пожал ему руку.

— Я согласен.

Остальные члены экспедиции, Борис в особенности, предложение Броунинга приняли с восторгом. Было немедленно решено идти на север, к Серезу, где пересекались караванные пути, и там пристроиться к каравану, идущему на юго-восток, к центру Памира. Нужно было спешить, чтобы не опоздать пройти с караваном главные летние перевалы. Эти перевалы в обычное время считаются непроходимыми и освобождаются от снега только на две-три недели в году. Двух недель, конечно, было недостаточно для какого-нибудь исследования, но наши путешественники и не мечтали об организованной экспедиции. Тем более необходимо было спешить: малейшая задержка пахла угрозой застрять на Памире до следующего лета, вернее до нового таяния снегов. Однако, желание проникнуть туда превозмогло все страхи, и решение было

принято бесповоротно. Плотно поужинав подстреленным горным бараном, путешественники без долгих слов уснули, чтобы на следующее утро тронуться в путь на север.

Утром экспедиция отправилась по верблюжьей тропе. Щеглов раздражался: два шага вперед, один назад — было не в его духе. Идя в развалку и грызя стебелек травы, он с горьковатой симпатией следил за Джелалом и Галиной. Этих беспокойных молодых существ начинала связывать полудикая дружба, казавшаяся сильнее дорожной тревоги и древней расовой вражды. Молодые люди забежали далеко вперед, карабкались по скалам, собирали охапки травы, гнались за Стусаном и втрое удлинляли себе и без того трудную дорогу. Во время полуденного перевала они ушли на охоту за козами, довольно затруднительную в такой час. Не говоря уже о несбывшемся обеде, они не явились даже ко времени выхода в дальнейший путь. Брунинг и Сергей заволновались было, но Козодоевский острил над всей этой историей так желчно, что они успокоились. Козодоевский ревновал, — это было ясно, — и ревновать, по-видимому, стоило. Конечно, экзотическая парочка решила временно не докучать остальным своим шумным и хлопотливым флиртом. Потерять из виду прямую дорогу к Серезу Джелал и Галина, прекрасно ориентировавшиеся во всяких горных трущобах, не могли — и в конечном пункте должны были, по общему мнению, благополучно присоединиться к экспедиции. Что касается пропастей и обвалов, то, отправляясь на охоту, Галина категорически обещала не заходить дальше ближайшего невысокого хребта. Положившись на все эти логические доказательства, путешественники спокойно продолжали путь. Несколько раз они пробовали покричать в сосед-

них горах, но слова возвращались эхом, как бумеранг к ногам охотника. Часов в семь пополудни, когда туркестанское небо становится оранжево-песчаным, и бездомными людьми овладевают первые приступы животной печали, Сергей снова заволновался. Он только что собрался поделиться своими неясными чувствами с Броунингом, когда последний радостно вскрикнул, указывая вправо: — „Вот они“. Действительно, с горы спускалась ловкая узкая фигура в красном халате, У Козодоевского екнуло сердце — педантичный и наблюдательный, он сразу узнал, что то не был Джелалов халат, ярко-зеленый пояс которого казался бы издали желтым на малиновом фоне. Узкая фигура перепрыгнула с верхнего выступа скалы на нижний, наклонилась и дико закричала; продолжая кричать, черномазый малый, с исступленно-растянутым в огромное овальное „о“ ртом, сбежал еще ниже. Тотчас же на всех ближайших выступах вспыхнули такие же узкие и яркие фигуры; с обезьяньей ловкостью они спускались вниз и, склоняясь над верблюжьей тропой, принимались кричать на один и тот же грозный заунывный лад. В руках у некоторых из них оказались короткие ургутские ножи, а трое или четверо были вооружены винтовками. Слово „басмачи“ вошло в сознание Сережи вместе с ярким револьверным выстрелом. Это стрелял Арт, подбежавший к еще сравнительно беспомощному, после воздушной аварии, Уикли. Басмачи не отвечали. При каждом выстреле они прятались за скалами и снова выглядывали, как бы в надежде, что у осажденных не хватит патронов.

В Бориса вселилась романтическая храбрость отчаяния; отчетливо утя, что силы экспедиции слишком малы, он выпустил один за другим шесть зарядов своего смехотворного бульдога. Когда разряженная иг-

рушка стала столь же бесполезной для военных действий, как старая сандалия, он влез на вихлявшийся круп лошади, за спиной Уикли. Уикли, поджидая удобной минуты, держал в дрожащей вытянутой руке еще неиспользованный стейер. Козодоевский вцепился в лопатку летчика:

— Спасайтесь! Вам не отбиться. Подвиньтесь, пожалуйста!

Усевшись верхом поудобнее, Борис повторил на сей раз по возможности более властным тоном:

— Спасайтесь, я вам говорю. Спасайтесь сию минуту! Вперед!

Джонни вспомнил о своем неоплатном долге лейтенанту, но тут же сообразил, что сейчас является только ненужной помехой. Последние сомнения всадников рассеял Сергей, стоявший уже немного впереди Броунинга; он крикнул слегка охрипшим голосом:

— Борька, лети за помощью в Серез, скотинка! Не сходя с места!

Уикли понял интонацию, название кишлака и тронул поводья. Лошадь помчалась на север. Для басмачей это было сигналом. Презрительно оставив Броунинга и Щеглова без присмотра, они ринулись вдогонку всадникам. Арт и Сергей, дав пару выстрелов в тыл басмачам, пустились следом, в единственной надежде отвлечь внимание погони от беглецов. Говорят, восточные разбойники способны догнать быструю дичь, но эти, видимо, не хотели даром терять энергию и пустили в ход ременную стреногу — метательный прибор, состоящий из тонкого длинного ремня с грузом на обоих концах. Стренога со свистом развернулась в воздухе и прочно обвилась вокруг ног коня. Всадники перекувырнулись и зарылись в землю. Когда басмачи, хоча и улюлюкая, перевели их на старое место, лейте-

нант и Сергей, не желавшие терять из виду товарищей и наивно спрятавшиеся в ближайших скалах, вышли из-под прикрытия. Самый внушительный из басмачей — дюжий мужчина в чалме оскалил длинные желтые зубы и произнес со свирепой доброжелательностью:

— Селям алейкум.

Потом он сделал небрежный знак своим. Через пару минут руки путешественников были связаны неизвестно откуда взявшимися веревками.

Глава III

Плен

Нельзя сказать, чтобы козья прогулка привела экспедицию в благодушное настроение. Сережа и Броунинг ожесточенно чертыхались. Охромевший Козодоевский искоса оглядывал басмачей, стараясь усмотреть их намерения. Уикли, безучастный ко всему, шел вперед за мелькающей красной фигурой; он перестал удивляться чему бы то ни было с тех пор, как попал за границу. Дюжие басмачи шли скопом, удивительно легко карабкаясь по еле заметным выступам в скалах и помогая взбираться пленникам: у последних все еще были связаны руки. Дорога становилась трудней. Броунинг и Сережа перестали браниться, изредка перебрасываясь отрывистыми фразами; Борис пытался и отдувался; Уикли казалось, что пути нет конца. У заворота одной из скал идущий впереди остановился. Идущий в хвосте что-то крикнул, и над головами путешественников свистнула веревка. Сережа вздрогнул,—по рассказам о зверствах басмачей он знал, что церемониться не будут: сперва до — чиста ограбят, а потом скинут со скалы—и поминай, как звали. Англичане, обменявшись тоскливыми взглядами, придвинулись поближе друг к другу.

„Где Джелал?—вдруг вспомнил Сережа, не терявший еще нелепой надежды на освобождение,—может быть он поможет”,—но здравый смысл опроверг надежду. Юноша поднял глаза и увидел приближающийся к нему красный халат с веревкой в руке. Козо-

доевский истерически заплакал; басмачи удивленно переглянулись и весело залопотали. Не успел Сережа оглянуться, как был туго перетянут тонкой веревкой поперек живота. На оставшийся конец навязали Броунинга, Козодоевского и Уикли и потащили вперед за заворот скалы. Броунинг поглядел налево и содрогнулся. Внизу торчали острые пики скал и гремел горный поток. Впереди лежала небольшая квадратная площадка, где пленников выстроили гуськом; дальше пришлось идти, тесно прижимаясь к скале, горячей от солнца. За площадкой и эта дорожка прекратилась. Камни то и дело срывались из-под ног. Пленниками овладел новый страх. Несмотря на догадку, что веревка понадобилась скорее для сохранения жизни, чем для убийства, они не надеялись попасть даже туда, куда их волокли басмачи. Переходить горы, застревать на перевалах, осторожно переступать по узким тропинкам — все это было уже знакомо Сергею и Борису, но теперешнее испытание превосходило весь опыт. Со стороны казалось, что пробраться по этому карнизу немыслимо, однако, дрожащие ноги находили в осыпающейся почве невидимую для глаза опору.

Басмачи перестали напевать.

Хождение по таким неусовершенствованным дорогам требует присутствия духа и крепких нервов. Узкая горная тропинка иногда совсем пропадает, и, только подойдя поближе, увидишь хрупкий наклонный карниз, усеянный мелким щебнем. Внизу зияет глубокая пропасть, дымящаяся от водяных брызг. Вечером, когда остывает воздух, по каменистым уступам сползают сырые облака, и узенькая тропинка становится скользкой и непроходимой.

Все шли молча. Иногда из под оступившейся ноги вылетал камень; у неосторожного путника вырывался

острый крик, подтягивавший остальных. Уикли совершенно изнемог от усталости. Связанные руки мешали ему опираться о выемки в скале; желая передохнуть хоть минуту, он прислонился к одной из этих скал плечом, но веревка тянула его вперед.

— Главное, спокойствие, — говорил Сергей Козодоевскому, — подтянись, Борис, ты бледен, как мертвец. Я думаю, что мы, в конце концов, останемся живы.

Козодоевский был почти так же измучен, как Джонни. Грязные капли пота струились по его щекам, смешиваясь с пылью. Сергей вытер его лицо своим плечом. У всех ныли туго скрученные руки, казалось, закованные в колодки.

— Если бы нас хотели убить, — твердил Сергей — они могли бы это сделать внизу. Мы выберемся, будь я проклят!

— Я думаю то же самое, — невозмутимо проговорил Броунинг. — Однако, мне жаль, что наша экспедиция расстроилась. Как вы себя чувствуете, Джонни?

Уикли слабо мотнул головой. Силы оставили его.

— Крепче, Джонни, мы уже приближаемся к цели этих мерзавцев.

Мерзавцы время от времени благодушно подбадривали своих пленников. На безопасном месте один из них, смачно сплевывавший жирную слюну, окрашенную зеленым наслоем, неожиданно развязал руки Уикли и Борису, предварительно обыскав их.

Дальше начался невообразимый путь. Каменистая тропинка исчезла, и даже Сережа попятился от неустойчивого вида новой дороги.

„Это, наверное, знаменитые овринги“, — мелькнуло в голове у Сергея.

Действительно, это начинались овринги — головокружительные хворостяные мостки, укреплен-

ные на кольях, вбитых в скалы. Поверх хвороста насыпалась земля и мелкие камни. Под тяжестью идущих хворост прогибался, и неосторожно поставленная нога проваливалась сквозь редкий настил. К счастью, овринги тянулись не дальше сорока — пятидесяти саженей, сменяясь узенькой дорожкой и снова возникая над шумными пропастями. Дважды всем приходилось останавливаться и поднимать упавшего Уикли. Басмачи неодобрительно ворчали. Наконец, на одном из поворотов Уикли опустил голову и, отпрянув от стены, беспомощно повис над пропастью. Козодоевский еле успел ухватиться за торчащие из горного склона корни. Предводительствующий халат что-то дико прокричал, и басмачи принялись осторожно подтягивать на веревке виновника заминки. Когда его подняли, он бессильно опустился на зловеще скрипнувший настил. Колья, не приспособленные к такой длительной нагрузке, начали явно потрескивать. Броунинг прислушивался к быстрому и недоброму говору басмачей, стараясь по тону разгадать их намерения.

Вдруг Уикли приподнялся и, пошатываясь, встал. Дорога была снова открыта, и разбойники утешились. Шагов через пятьдесят снова началась удобная тропинка и снова сузилась. У путников екнуло сердце: опять овринги... Но оврингов не оказалось. В отвесной скале открылся темный грот, в котором исчез красный халат проводника. Через мгновение пленники находились в глубокой пещере. Пахло жильем. Откуда-то из угла тянуло дымом. На каменном полу валялось несколько седел, и был разостлан огромный палас. Несколько тюков товара свидетельствовали о недавней удаче. Из открытого тюка виднелись красные ящички кэпстена, синие сахарные обертки и жестянки с мясными консервами; большой сверток английского сукна

красовался рядом с твердым афганским шелком. По-видимому, пещера исполняла романтическую роль склада контрабанды и притона разбойников.

Сумрак и прохлада оживили уставших донельзя путников. Скоро усталость сменилась чувством неимоверной жажды. Но басмачи все еще не расположились по-домашнему, — по-видимому, они кого-то ждали. В ответ на пронзительный свист одного из них раздался протяжный монотонный крик, достаточно неестественный, чтобы служить сигналом. Вслед за криком в голубое отверстие пещеры ввалилась новая толпа, возглавляемая шуплым старичком в розовой чалме и бледно-зеленом халате, запихнутом в карикатурное галифе. Старик, по-видимому атаман, судя по крайне почтительному с ним обращению, оглядел пленников и сделал знак своей страже. Во мгновение острого Сережиного ока путешественники были исследованы по всем правилам сыскного искусства. Перед стариком очутились трофеи — бумажники Броунинга, его все еще неразряженный стейер, игрушечный бульдог Бориса, кольт Уикли, чудесная карта-сорокаверстка и, наконец, маленький нефритовый мусульманин. На последнего атаман подозрительно покосился и по счастливому вдохновению подозвал к себе Козодоевского. Борис опасливо подошел и тотчас же заметил на его глазу огромное жуткое бельмо. Когда атаман, указав на статуэтку, резко спросил о чем-то на катастрофически-непонятном языке, Борис попробовал было приложить свои лингвистические познания, но запутался, он беспомощно поглядел в голубое бельмо и знаками попросил напиться. Один из разбойников принес огромный глиняный кувшин, мгновенно опустошенный пленниками. Бельмо принялось о чем-то совещаться с обсевшими его басмачами. О пленниках вре-

менно забыли; те стояли, переминаясь с ноги на ногу. Говорить было не о чем. Вдруг Сережа и Козодоевский встрепенулись. До их слуха донесся мучительно знакомый мотив песни. Короткое напряжение памяти, и Сережа узнал — это была старая препротивная военно-добровольческая песенка „На солнце оружием сверкая“. — Что за чорт, — поразился Сережа.

Пение приближалось. Молодой, сипловатый голос выводил:

*„По улице пыль подымая,
Проходил полк гусар-усачей...“*

Арт растерянно поглядел на товарищей. Борис провёл рукой по лбу.

*„А там, чуть подняв занавеску,
Лишь пара голубеньких глаз...“*

Светлая трещина входа помутилась, и в пещеру вошла высокая фигура в халате. Пение прекратилось. Новопришедший подошел к атаману и сказал что-то, от чего басмачи пришли в восторженное настроение и защелкали языками. Певец, лихо повернувшись на одном каблуке, подошел к пленникам. Перед ними стоял явно одичалый и небритый европеец. В левом глазу торчало круглое стеклышко. Неподдельное изумление искривило лицо европейца. Монокль выпал, но был ловко подхвачен на лету.

— Не может быть? Русские? Откуда? Как вы сюда попали? Чорт дери! Господи помилуй! Как я рад! В кои веки человека увидишь. Да откуда же вы?

Он метался от Бориса к Сергею, прыгал на шею к Арту, гладил Уикли по спине и сыпал словами, не да-

вая вымолвить ни слова путешественникам. Наконец, когда европеец захлебнулся в потоке несвязного красноречия, обрадованный Борис поймал паузу и ответил на вопросы: они из Москвы, путешествовали по Востоку, попали в плен и теперь не знают, что будет дальше. Европеец пожевал губами и опять завозился с монокле. Путешественникам он не сообщил ничего интересного, но, по-видимому, опасность умереть в пытках становилась все меньше и меньше. Встреча привлекла внимание басмачей, принявших посильное участие, в разговоре.

Европеец оказался белым офицером, случайно попавшим к басмачам во время разгрома и бегства добровольческой армии. Это было в те времена, когда разбойники оперировали вблизи больших городов по заданиям и приказам иностранных подпольных белых штабов, снабжаемые от них деньгами. С усилением Советской власти пришлось отступать все дальше и дальше в горы. Большая часть русских рассеялась по пути. Владелец монокля остался с басмачами, так как дорога на родину была закрыта темными делишками и „некорректным“, по его выражению, „отношением к рабочему классу“. Удрать за границу он не успел, а теперь ожидал удобного случая покинуть эту шайку, грабящую контрабандные караваны из Афганистана, Скуки ради он занимался при шайке винокуренным делом и сегодня приготовил огромный жбан муссаласа, что и привело басмачей в столь благодушное настроение.

— Ну и выпьем, братцы! Ну и налижемся! Так вы из Москвы, значит? Вдруг он осекся и подозрительно спросил: — А вы, случаем, не коммунисты. А?

Борис рассмеялся почти естественно.

— Что вы, господь с вами! Мы и в Азию-то уехали, чтобы этих мазуриков не видеть. От хорошей жизни не удерешь!

Сергей нахмурился, но сдержался. — Тактический ход, подумал он, может быть удастся использовать этого стервеца.

Когда зашло солнце, в дымной пещере уже раскачивались пьяные басмачи, осоловевший белогвардеец и недремлющее бельмо атамана. Атаман пинком ноги приказал путешественникам встать и, держа в руке горячую головню, вытащенную из костра, твердо повел их путаными, но короткими переходами. Втолкнув их в зловонную клетушку, он хлопнул доской, заменявшей дверь. За ними загремела тяжелая цепь. Сергей прошел пару шагов, но, споткнувшись обо что-то мягкое, упал. Раздался дикий собачий вой и еле слышный человеческий шепот. У Бориса волосы встали дыбом. Сергей вздрогнул от неожиданности. Шепот повторился.

— Тише, ака, тише. Галочка спит, устала очень.

Перед ними стоял невидимый Джелал, с которым они уже не чаяли свидеться.

Г л а в а IV

Допрос и свадьба

Утром допрос начался с того самого места, где его прервала, по пышному выражению Бориса, „мрачная разбойничья оргия“. Едва протрезвившись, „бельмо“ вспомнило о нефритовой фигурке; о ней же с замиранием сердца вспомнили пленники. На сей раз допрос пошел живо и без помех. Переводчик исполнял свои обязанности тем охотнее, что сам жадно заинтересовался приключениями земляков. Так же, как давеча, с опаской, Козодоевский посмотрел в голубое бельмо и также грозно сползлись к переносице жуки атамановых бровей. Но Борис чувствовал себя гораздо бодрее и увереннее, чем вчера. Еще осоловелый после пьянки, он не успел проконтролировать свои ночные размышления и вполне полагался на фантастические выводы из них. А ночные размышления Бориса были освящены традицией авантюрных романов Райдера Хаггарда,— как автора, наиболее подходящего к данному положению. Подобно героям центральной Африки, путешественники владели непонятным талисманом: залогом неведомой культуры—человечком из нефрита. Подобно этим же героям, они попали в плен к дикарям, соприкасающимся, вероятно, каким-то боком с этой культурой. Умудренный вдобавок опытом многосерийной „женщины с миллиардами“, Борис твердо решил разыграть роль могущественного и загадочного существа. Если обстоятельства вынуждали бедного поэта быть смелым, то, не будучи таковым по природе, он искал для смелости блистательного применения. Борис окончательно убедился в правильности своих фан-

тазий, когда бельмо стало оказывать нефритовому мусульманину видимые почести. Прежде, чем принять человечка на свою кирпичную ладонь, атаман тщательно обернул: ее грязной тряпкой, потом пару раз сплюнул в сторону и троекратно повторил всуе имя Аллаха. Стоя перед бельмом, Борис в уклончивом восточном стиле отвечал на резкие вопросы — откуда едет экспедиция, куда направляется, как поживает басмачество в Восточной Бухаре, и побеждают ли неверные „кзилармейцы“⁷. Атаман, с типичной, очевидно, для здешних разбойников свирепой благосклонностью кивал головой. Толмач с увлечением переводил; сзади одобрительно гмыкал Сережа, довольный ответами Козодоевского. Когда дело дошло до главного, Борис сделал отчужденно строгое и самоуглубленное лицо.

— Где вы сперли, так сказать, это нечестивое изображение? — перевел лихой поручик.

— Почему нечестивое? — Борис эффектно выигрывал время.

— Потому, что Коран запрещает портреты и слепки человека.. Правда, где вы это слямзили?

— Это моя вещь.

Атаман негодуяще присвистнул. Неожиданно двое корявых брюнетов вытащили из-под халатов по ободранной нагайке жандармского вида.

„Сад пыток“ промелькнуло в разгоряченном мозгу Бориса, но он торжественно поднял руку, готовую забиться в немой истерике.

— Я буду говорить.

---

⁷ Красноармейцы.

Корявые молодцы неторопливо спрятали „сад пыток“. Атаман прикрыл сложенной в горсточку ладонью слезливую зевоту.

— Эта фигурка „Тали“. Мне подарил ее мой большой друг — сильный, сильный, сильный человек.

Долгожданная минута настала. Борис обвел бледным взглядом, толпу „дикарей“ и членораздельно произнес:

— Келемен хевез хютти абджед...

Ни в одном лице не дрогнул ни один мускул. Равнодушно удивленное бельмо дало, наконец, волю широкому зевку. Дело сорвалось.. Атаман, с ленивой рассудительностью расспросив о чем-то переводчика, постучал себя по лбу костяшкой указательного пальца — жест, неприятно знакомый Борису с гимназических времен. Переводчик заговорил извиняющимся тоном:

— Старый дурак просит вас не врать, если можно.

Лично офицерик был восхищен магическим набором слов и решил при случае расспросить поподробнее, но выразить сейчас на лице что-либо кроме исполнения служебных обязанностей, значило навлечь на себя недовольство бельма.

Борис побледнел и судорожно глотнул воздух. Вместе с торжественностью юношу покинула искусственная смелость. Заикаясь и брызгая слюной, он быстро рассказал правдивую историю находки. Сережа добродушно подфыркивал, привычным жестом поводя славными широкими плечами. Уикли, устало вздыхая, прислонился к неизменно серьезному Броунингу.

Бельмо не дослушало выпитанной без труда правды; оно прикрылось тяжелым табачного цвета веком, и старик вернулся в пещеру к своей таинственной специальности атамана на отдыхе. В другую пещеру, где ночью происходила „мрачная оргия“, увели пленни-

ков. Там уже мирно беседовали Джелал и только что проснувшаяся Галина.

Настроение у всех было подавленное. Допрос Козодоевского не только ничего не выяснил, а, казалось, еще более запутал дело. Пленники сидели в сосредоточенном молчании, обдумывая возможности спасения. Страх смерти прошел: если до сих пор с ними ничего не сделали, то и в будущем, вероятно, пощадят. Козодоевский предполагал, что их переправят в Афганистан и там продадут какому-нибудь резвому князьку. Броунинг обдумывал план бегства, но, посоветовавшись с Сережей, согласился, что по этим проклятым оврингам не побежишь. Арт восхищался выносливостью Галины, одолевшей страшные овринги.

— Как у вас, Галочка, голова не закружилась, когда вас тащили по этим мостикам?

— По каким мостикам? Никаких мостиков не было. Удрать бы можно, да эти черти, как собаки, бегают. Догонят.

Лейтенант и Щеглов одновременно догадались, что первая партия пленников попала к басмачам другим путем. Теперь стало ясно, каким образом появились у басмачей Джелалов конь и ишак Томми. Дальнейшие расспросы подтвердили это предположение. С первого переката горы, профиль которой казался таким мирным и благополучным, влюбленную парочку протащили сквозь узкое ущелье и по сравнительно удобному пути привели сюда.

Разговор был прерван приходом белогвардейского офицера, уже чисто выбритого и одетого в потрепанную добровольческую форму; он прищелкивал шпорами и заливисто смеялся. Погоны поручика тускло поблескивали на его плечах. Галочка прыснула. Поручик, усевшись поближе, вытащил красную коробочку с кэп-

стенom. Путешественники, изголодавшиеся по табаку, с наслаждением затянулись пахучей английской контрабандой.

Начались разговоры о Москве, о России. Поручик варварски скучал в живописной горной местности: его тянуло на родину, но он не знал, как отнесутся к его прежним похождениям. Сергей понял, что настало время переманить толмача на сторону пленников. Он принялся доказывать, что Республике Советов нужны культурные люди, что сейчас, когда на счету, якобы, каждый грамотный человек, поручика примут с распростертыми объятиями, что бояться теперь нечего. Раньше, правда, могли таскать по разным неприятным учреждениям, но сейчас это прошло. Все спокойно. Москва живет веселой жизнью: театры, кино, опера, кафэ. У поручика разгорелись глаза.

— Эх, кабы попасть туда. В первопрестольную. Чорт возьми, как это можно устроить, а?

Щеглов сделал вид, что задумался.

— Какнибудь, вероятно, можно устроить. Да вот только не знаю, как мы отсюда выберемся. Выбраться бы.

Удочка была заброшена. Поручик поймал крючок.

— Конечно, выберетесь! Что им с вами делать? Они, правда, думали вас как-нибудь за границу переправить, да это теперь очень трудно. Еще поймают.

Острое чувство радости прошло по Сережиным жилам. Вдруг поручик хлопнул себя по лбу.

— Фу, чорт меня подери! Я и забыл совсем. Там полав сгорит. Я, братцы, сегодня такой обед приготовил! Пальчики оближете. И водка будет. Старый дурак хочет, чтобы вы снова присутствовали.

Животы путешественников заурчали, предвкушая сытную пищу.

Через несколько минут все уже сидели на большом паласе вокруг общего блюда. Басмачи с неустанным любопытством поглядывали на Галочку. Пиала со свежей кишмишной водкой переходила из рук в руки. Обед начался.

Голубое бельмо крякнуло от удовольствия, выпив три атаманские пиалы подряд. За полавом языки развязались. Бельмо более приветливо обернулось в сторону пленников и неподвижно уставилось на Джелала. Старик нагнулся к сидевшему рядом басмачу. Тотчас же Джелал был представлен перед умягченное муссальсом око атамана. Поручик переводил на ухо Борису мусульманский жаргон..

— Ты кто? Вместе с ними?

Джелал утвердительно кивнул головой.

— А-а, так, — атаман пожевал губами, — откуда пришел?

— Из Китаба.

— А родом?

— Кишлак Ада.

Атаман заметно оживился.

— Палван-Бека знаешь? Видел? Хороший басмач.

Юноша подозрительно поглядел на старика.

— Видел Палван-Бека. Знаю. Теперь его нет.

— А где он?

Джелал инстинктивно решил утаить, что месяца четыре тому назад Палван-Бека разменяли кзыл-аскеры.

— Уехал куда-то. Кажется, в Ургут. Хотел просить совета у ишона⁸.

— А ты откуда знаешь?

---

⁸ Глава мусульманской церкви.

Джелал помолчал, потом решился.

— Я его хорошо знаю. Палван-Бек храбрый человек, правда ведь? — юноша явно подымал акции покойника.

Атаман поднялся во весь свой щуплый рост.

— С Палван-Беком я когда-то поссорился, но правда выше ссоры. Палван-Бек храбрый человек.

От волнения Джелал заговорил фистулой.

— Палван-Бек мой родной дядя.

— Дядя?

— Дядя!

— Дядя?

Атаман радостно загоготал, подскочил к Джелалу и прижал подмышкой его бритую голову. Басмачи буйно зашевелились. Каждый начал расспрашивать о родственниках, о Палван-Беке, о последних успехах великого басмача.

Юноша рассказывал, спокойно улыбаясь: ему казалось, что выход, которого так долго искали товарищи, наконец найден. Атаман стал допытываться, что за люди пленники и не хочет ли Джелал, остаться в разбойничьей шайке. Джелал восторженно поблагодарил и временно отклонил приглашение: пленники — его хорошие друзья; он обязался вывести их из гор живыми и невредимыми. Чтобы замять щекотливую тему, он спросил имя атамана.

— Мое имя Палван-Кара-Мирза. Слыхал? А?

Лицо юноши изобразило благоговение. Он низко поклонился и прижал руку к груди.

— Знаменитый Кара-Мирза! Благодарю Аллаха за милость лицезреть красу мусульманства, опору и оплот корана, величайшего из сынов пророка Палван-Кара-Мирзу! Мой дядя говорил, что ты самый храбрый из всех, кого он знал. Молнии, увидя тебя, теряют

блеск, и гром смолкает перед твоими повелениями. Велик Аллах!

Голубое бельмо засмеялось жиденьким смешком. Грубая лесть понравилась Кара-Мирзе.

— Един бог на небе, и Магомет пророк его! Отныне, — он показал рукой на пленников, — ты и твои друзья — наши гости. Принести сюда завоеванные богатства!

Пара дюжих басмачей приволокла ворох шелка, несколько седел, сахар и прочую награбленную дребедень.

— Во имя старой дружбы с Палван-Бекон, — величественно проблеял Кара-Мирза, — выбирай, что хочешь, проси, чего хочешь, — и он нахлобучил на голову Джелала роскошную тюбитейку, шитую золотом и бирюзой.

Джелал поблагодарил атамана за подарок и попросил милости: отпустить его на короткое время с друзьями, чтобы он мог сдержать слово — благополучно вывести их из Таджикистана. Кара-Мирза нахмурился было, но согласился.

— Ладно. Да будет так. Только женщину я заберу и отдам своему верному слуге Мирхон-аке.

Мирхон-ака, кривоплечий и рябой от оспы, с нескрываемым вожделением, поглядел на Галину. Джелал побледнел, но не сдался.

— Отец мой и учитель! Знаменитый дуб мусульманства! Эту девушку никак нельзя отдать храбрейшему Мирхон-аке. Она должна быть моей женой. Так я думаю и прошу тебя, и ты обещаешь мне.

К великому неудовольствию Мирхон-аки атаман наклонил голову.

— Будь так! Един Аллах на небе! Слава Аллаху! А тебе, Мирхон-ака, я достану жену. Да уляжется скорбь твоя. Искандер-ака, дай ему три, нет, пять дай ему, де-

сять пиал муссалясу!

Мирхон-ака утешился. Через несколько минут под мрачными сводами пещеры раздался дюжий храп.

Чтобы сделать праздник более полным, атаман устроил нечто вроде свадебной попойки в честь Галины и лже-племянника, знаменитого Палван-Бека. Веселье разгорелось.

Напрасно огорченный таким оборотом дела Козодоевский надеялся утешить себя изучением свадебных обычаев горных мусульман; с начала до конца свадьба была отпразднована пьяно и интернационально. Больше всего она напоминала Борису пору его увлечения московскими пивными и блатным жаргоном, а когда сама невеста пустилась откалывать гопака под пьяное пение поручика, поэт со вздохом подумал о крещенских кутежах в доме лихой самогонщицы на Грачевке. Он с тоской переполз в противоположный угол пещеры, где уже возлежал с полной пиалой Искандер-ака, он же Александр Тимофеевич, сменивший гопак на надрывные цыганские романсы. Увидев Бориса, офицерик подмигнул ему и заблеял:

*Выпьем мы за Галю,
Галю дорогую,
А коли не выпьем,
Так найдем другую.*

Из глаз поэта выкатились две пьяные слезы, он положил голову на белогвардейское плечо, пожал сочувственно потную руку и остался на весь вечер в обществе переводчика.

Глава V

Освобождение

На следующий день — пасмурный и прохладный — басмачи попрощались с гостями, вежливо возвратив небольшие богатства, отнятые у путешественников, и оставив за собой только доброго коня. Снова Козодоевского начала грызть мысль о неиспользованных материальных благах — шелках и седлах, от которых отказался Джелал. Но в лицо дул драгоценный свежий ветер, дорога казалась почти отлогой, по сравнению с адской прогулкой к басмачам, и путешественников все полней охватывало чувство свободы. Через несколько поворотов Александр Тимофеевич внезапно остановился:

— Стоп. Я поворачиваю оглобли. — Он подробно описал путешественникам дорогу на север и многократно обменялся нервными рукопожатиями. Сережа уже нетерпеливо щурил глаза, Броунинг застыл в грозной вежливости, а белый поручик все еще топтался на месте. Наконец, он решился и быстро проговорил, глядя куда-то в сторону:

— Вот что... э... товарищи, возьмите меня с собой! Сил моих больше нет — *ragole d'honneur*, лейтенант!

Броунинг, к которому были обращены последние слова, вопросительно поглядел на Сергея. Тот молчал, крепко сжав губы. Поручик продолжал:

— Я буду работать в Советской России, как другие, вроде меня. Вы, ведь, сами говорили, что это возможно. Только бы вырваться отсюда.

Сережа быстро сообразил — там видно будет, суд да управа всегда найдутся, не пропадать же, в самом деле, человеку, который нет-нет, а вдруг сможет ис-

кренне переломить себя. Пшютоватый тон, гусарские песенки, пошлые остроты — все, что казалось Сереже таким непреодолимо отвратительным, потеряло остроту перед необходимостью быстрого и жестокого выбора.

— Идемте, голубчик. Чего там... — эта фраза вырвалась горячо и взволнованно.

— Вот великолепно! Конечно, идем, — подхватил Борис. Поручик замялся. Он ясно представил себе гнев басмачей и опасение их быть преданными. На согласие „коммунистов“ запутывать следы он не рассчитывал. Водить экспедицию некоторое время окольными, ему самому неизвестными путями — было единственным средством. На минуту Искандер-акой овладел стыд, неспособный, впрочем, изменить принятое решение.

Десятый, так сказать, член экспедиции вступил в нее с открытым и веселым лицом, только круглые, бледно-серые глазки казались нестерпимо чужими даже охочему к новым знакомствам Борису.

Долгое время дорога шла извилисто, но спокойно. Только, когда веселая компания утомилась петь, бороться и дразнить притихших молодоженов, Александр Тимофеевич устался на причудливую красноватую скалу и сказал с удивлением: — Товарищи, мы заблудились. Я, товарищи, не помню этой скалы.

Он все еще напирал на новое для себя слово „товарищи“.

На виске у Бориса забился лиловатый узел. Тотчас же поэту показалось, что всю дорогу им владело предчувствие заблудиться. Остальные не придали значения маленькой неприятности — компас Броунинга честно показывал северо-запад.

— Нет, — озабоченно покачал головой проводник, — не в этом дело. Прямо мы выходим на опасную тропу

змеи. Никто из здешних не идет этой дорогой. Нужно поискать боковую.

После получасового прыгания по скалам экспедиция, действительно, нашла узкую бледную ленту какой-то дорожки. Скоро и она потерялась в огромных обломках горных пород. Зато в одной из глыб заманчиво чернела пещера — готовый привал. Здесь путешественники отдохнули и закусили контрабандными консервами из отпущенного им на дорогу разбойничьего угощения. Александр Тимофеевич отдохнул первым. Он вызвался пойти на поиски дороги и, в случае удачи, вернуться за остальной компанией. Он настаивал на этом плане ссылаясь на усталость „дамы“, которая искренне удивилась такой заботливости. Когда Александр Тимофеевич уже собирался уходить, полусутоливо сетуя на трудности поисков и топчась у входа в пещеру, Сережа предложил ему захватить с собой компас. Поручик радостно осклабился.

— Теперь я не заблужусь.

Он вернулся сравнительно скоро, оборванный, и исцарапанный. Отдышавшись, Искандер-ака рассказал о своих неудачах. Он карабкался по горным обломкам, влезал на скалы, скатывался с круч, но дороги не нашел. Мало того, неосторожно оступившись над глубоким обрывом, он инстинктивно ухватился обеими руками за колючий кустарник и уронил компасные часы.

— И как это он минуточку полежал над самой пропастью. Честное слово, полежал, — сетовал белогвардеец, — а потом взял и скатился...

Теперь у путешественников оказалось только два проводника: неудачливый поручик и осточертевшая после стольких передрыг карта-сорокаверстка.

Так началось блуждание по горам, сначала полное спортивного возбуждения, потом безвыходное и истощающее. Путешественники все дальше и дальше уходили от змеиной дороги. После каждой неудачи Броунинг и Сережа принимались удивляться, что шесть здоровых мужчин и храбрая женщина могли попасть в такое дурацкое положение. Таланты Искандер-аки подверглись иронической критике. Все надежды были перенесены на Джелала. Под тяжестью такой ответственности юноша как-то осунулся и повзрослел. В ответ на ободряющие шутки молодой жены он только вежливо скалил в искусственной улыбке свои белые зубы. Джелал тоже потерпел фиаско. Ночь была проведена в одной из множества неудобных и мрачных пещер. За новым проводником осталось, однако, важное преимущество: нельзя было представить себе лучшего учителя горного спорта! С его помощью лазанье по скалам перестало казаться страшным — оно вошло в быт, как царапины на руках и ногах.

С восходом солнца экспедиция окончательно решила, что из многих возможных зол змеи — наименьшее. К отвергнутой дороге все чувствовали, однако, упрямо нараставшее отвращение, того же порядка, что к надоевшей карте-сорокаверстке. Было явно одно, — после столь невинной горной прогулки экспедиция неожиданно устала, и первый сознался в этом самый сильный — Сергей. Арт Броунинг продолжал с материнской заботливостью опекать Уикли. Борис, против обыкновения, храбрился, подбодренный новым увлечением.

Искандер-ака хранил за поясом черный шелковый мешочек с комками гашиш⁹. Зеленый наркотик с про-

---

⁹ *Гашиш — восточный наркотик.*

тивным травянистым запахом пленил Козодоевского. На каждом привале прокисший добровольческий поручик и поэт, лежа друг против друга на животах, курили крученки из бумаги, ободранной с консервных банок. Едкий пахучий дым лишал курильщиков чувства времени. По законам гашиша, Борис и Александр Тимофеевич безостановочно и беспричинно смеялись; между припадками смеха они беспричинно и с гомерической жадностью ели, ощущая в ушах своих чавканье, как дьявольский шум. Во всем остальном они, особенно поручик, вели себя, как сравнительно нормальные люди. Гашишное блаженство многим отличалось от книжных рассказов о нем, и романтика Бориса в сотый раз потерпела крушение. Англичане наблюдали курильщиков с холодным любопытством, перебрасываясь короткими фразами, непонятными Сереже и раздражавшими его даже в устах симпатичного Арта. Впрочем, прилипчивый запах анаши преследовал и бесил всех трезвых членов экспедиции.

После полутора суток неудач, решение вернуться на тропу змей окончательно окрепло. Мешала ему потеря компаса; короткие, но бесчисленные плутания сбили экспедицию с прямого пути, — оставалось, правда, уметь ориентироваться по солнцу, переходившее у Джелала в настоящее искусство, но как на-зло и на редкость в этих местах стояла пасмурная погода, придававшая еще больше дикости и без того дикому пейзажу.

Пейзаж, действительно, был по-северному мрачен. Он походил на поэтические описания Шотландии. Броунинг подтверждал это сходство, нарушенное только зрелищем снеговых вершин, которых, в Шотландии нет. Серые или серо-синие скалы, заросли унылого горного вереска, резкий ветер, серебряное небо—все это пахло английской разбойничьей балладой. Пещеры и грот с традиционными сталактитами попадались чуть ли не через каждые пятьдесят шагов. Кое-где ясно проступало известковое строение.

Когда оказалось невозможным воспользоваться услугами солнца, путешественники пробовали ориентироваться по видимому расстоянию между снеговыми вершинами, но вершины, как всегда бывает в горных походах, непостижимым образом менялись очертаниями друг с другом. Экспедиция начала серьезно беспокоиться. Искандер-ака, попрежнему услужливый, держался тверже других. Время от времени изнервничавшейся Галине казалось, что поручик слишком спокоен и подозрительно легкомыслен.

Едва солнце проглянуло сквозь свои свинцовые белила, четыре потерянные страны света были вновь обретены. Путешественники, уверенные, что все время

уклонялись от настоящего пути к востоку, единогласно признали правильной попытку пробираться на запад.

Это была последняя разумная надежда и последние разумные силы. Направление снова запуталось в памяти мелких переходов. Вечернее солнце озарило ошибку с удивительной кротостью. Небо совершенно прояснилось. На первой попавшейся горной поляне Сережа бросился ничком на землю и сжал кулаками горячие виски.

Г л а в а VI

Конец предисловий

Трех банок зеленого горошка, разделенных на четыре части по шесть порций в каждой, не могло хватить даже на обед. Припасы катастрофически убывали вместе с надеждой. Недостаток пищи при свежем горном воздухе производил на путешественников разительное впечатление голодной смерти по Джек Лондону. Взаимные нелады, тайные антипатии, злопамятные догадки прорвались наружу. В первую голову общественная ненависть обрушилась на поручика, последний обмяк и потускнел: боясь гашишного аппетита, он бросил свой наркотик.

В вечер того дня, когда Сережа лежал на поляне в позе детского отчаяния, выбились из сил поголовно все. Новый привал в узкой и угрюмой лощине имел беспросветно-печальный вид. Ишак Томми, привязанный к большому камню, жалобно трубил. Глядя на него с тупой настойчивостью, Борис вспоминал «саями», твердую, жирную колбасу из ослиного мяса; но убить ишака значило бросить постель. В пещере Джелал совершал «ежедневный» намаз, о котором вспоминал не чаще раза в полугодие. За пещерой на берегу горной речонки Арт обдумывал план новой разведки. «Вот рука, — внушал он своей звенящей и кружащейся голове, — я вот горы, вот юг, а вот запад — везде одинаково». Мысль остановилась: на волнах речушки весело подпрыгивало нечто немыслимое для данной ситуации — красный мерцающий осколок. Арт выловил находку, оказавшуюся половиной довольно замысловатой бутылки, и обрел сразу все потерянные надежды: «Вверх по течению реки! Один сильный идет. Дру-

гой сильный остается. Стекло иногда может плавать и не тонуть. Splendid!»

Так была задумана их последняя вылазка. На поиски спасения отправились Арт, Козодоевский, Александр Тимофеевич и Джелал. При Галине, вещах и притихшем ишаке Томми остался Сережа. Уикли же, по выражению Броунинга, был оставлен сторожить самого себя от тоски по воскресной обедне.

Несколько часов оставшиеся провели в сосущей тревоге. Сережа нетерпеливо шагал вдоль неглубоких зачесов воды. Над шумящим камышом поднимался легкий вечерний туман; пыльное в желтых пятнах небо предвещало горячий ветер. Сережа снова начал свои бесконечные думы о Москве, о бесполезности и никчемности странствий; объектом своего раздражения он выбрал Александра Тимофеевича. История потерянного компаса возникла в памяти с едкой свежестью. Стараясь рассеять ненужное нервное напряжение, Сергей остановился и, как давеча Арт, стал пристально всматриваться в воду, трепетавшую под вечерним светом. На коричневой поверхности переливались радужные маслянистые пятна. Жирные и зыбкие, они мягко вошли в сознание Сережи. «Это номер! Черные нефтяные вышки Баку, перламутровая каспийская вода... Нефть! Вот оно что!» Сергей наклонился к ручью. «Это не мифические клады Козодоевского! В будущем ТССР будет знать, где у нее хранятся нетронутые богатства». За спиной Сережи нежно и фальшиво напевала Галочка. Уикли лежал около нее и, глядя на дикое чужое небо, с тупой верностью вспоминал маленькие светлые коттеджи и далекий перезвон колоколов.

Подхватив песенку, Сережа пошатался по зарослям камыша и вернулся с охапкой сладко-шуршащего топ-

лива. Потухавший было костер вновь разгорелся. Стало темней кругом: черные горы нависли грозно и настороженно. Над долиной тяжело прокатился ветер.

— Погано, черт возьми, совсем как доисторические люди у огня спасаемся. — Он пожалел, что произнес это вслух: Галочка сразу стряхнула дремоту.

— Уж не случилось ли чего?

— Зачем случилось? — Но в глубине души Сережа согласился, что ночью товарищи едва ли выберутся. Оставалась надежда на утро. Об остальном не стоило думать; однако дурные образы продолжали осаждать его кудрявую голову. Галочка потянула носом и сдавила намокшие глаза. Неожиданно Уикли приподнялся на локте:

— They are there, Седжи! They are there, товарищ. Вэр. Вэр... — он показал рукой по направлению к реке. От реки вместе с сырым туманом стлался по земле длинный крик: «спаси-те!..» Выдрав из костра цепкую прядь горящего камыша, Сережа помчался к реке, за ним шумно поспешала Галочка и ковылял Джонни. При неверном свете факела они увидели Бориса, отчаянно карабкающегося на скользкий берег. С бледных волос поэта стекала вода.

***

Несчастливого исследователя приволокли к костру и, высвободив из мокрой одежды, облачили в одеяло. Когда платье поэта покособилось от пламени, а сам он, благодаря неловким стараниям Сережи и Джонни, несколько пришел в себя, начался бессвязный испуганный рассказ. Стуча зубами и ежесекундно оглядываясь на горы, Борис передавал события последних часов.

— Сереженька, товарищи, понимаете, хаос какой-то...

— Стой, Борис, ты так и до утра не кончишь, — прервал Сергей. — Где все ребята?

— Там. Остались. Их остались. В плену. Вдруг на тебе...

— Как «их остались»? Басмачи там, что ли!

— Не знаю, Сереженька, ничего не знаю. Какие-то люди выскочили, настоящие привидения, честное слово будущего коммуниста. И молчат. Только так пальцами показывают...

— Ну?

— Ну, вот. Сначала мы шли по этой речушке вверх по течению. Дошли до залы, т. е. не залы, а пещеры. Мы это с лучинками шли, а потом вдруг откуда-то светло стало. Смотрим — озеро. Очень большое озеро. Пошли вперед, а Александр Тимофеевич поскользнулся, и мы его вытащили. Честное слово! Потом слышим шум, я опять же говорю Арту: «пойдем домой», а он отвечает, что нет, нужно уж идти до конца. Вот мы пошли. Узкое такое ущелье, еле пролезешь! Пришли все-таки. Смотрим — колодец, это он шумит и камни отовсюду торчат, т. е. это водопад шумит... — Он передохнул. — Я, признаться, по маленькому делу, извините, Галина, отошел так немного назад, за камешек, задумался. Вдруг слышу, Александр Тимофеевич вопит: «Караул, грабят!..» Взглянул я, а какие-то белые балахоны взяли наших и повели, а меня-то и не заметили.

Пока Сергей мрачно размышлял, Борис перечислял Джонни последние известия об Арте и товарищах.

— И понимаешь, Сереженька, — прервал он себя. — Кто бы это мог быть? Люди в белых балахонах! Да, кто это мог бы быть? Что это за люди?

— Сволочи! — проворчал Сережа.

Уикли стыдливо потянул Бориса за рукав.

— Вы знаете, товарищ, я думаю, что это были, как вы их называете? — великие пос...

— Что он говорит? — инстинктивно насторожился Сережа.

Борис после пережитого потрясения с трудом осознал английскую фразу. Он с опозданием ахнул и заломил пальцы.

— Сережа, Сереженька! Он прав! Боже мой, это несомненно так. Как я мог не догадаться! — Он в отчаянии стал растирать себе грудь. — А я думал — фашисты! Боже мой!

— Да что с тобой? Кто прав? Почему прав? Да говори же!

— Послушай, Сережа, клянусь тебе, что Уикли прав. Это были великие посвященные. Это были они! Я готов дать голову на отсечение. Это были великие посвященные в древних одеждах.

У Сергея не хватило духу рассмеяться: он вспомнил ночные разговоры с Броунингом, нефритовую фигурку...

Козодоевский продолжал восторженно плакать:

— Как быть-то, господи, боже мой? Как быть? Быть-то как же?

— Очень просто: когда наступит утро, пойти следом.

Непрошенный ответ Щеглова прозвучал коротко и мягко.

* * *

Сергей настоял на дежурстве.

— Могут вернуться наши, — говорит он, — да и спать тут не того... без присмотра. Я возьму на себя. Часов до пяти выдержу.

На этом и порешили.

Когда путники уснули липким и неудобным сном, Сергей с часок поддерживал огонь костра, потом сладко потянулся, так, что хрустнули кости, и стал спотыкаясь прохаживаться, чтобы развеять накатывающий сон. Ночь стояла на редкость теплая и светлая. С яркого синего купола свисала огромная бледно-розовая луна. Очертания гор четко и бодро выделялись на веселом фоне неба. Сережа подошел к реке, утешительно журчащей меж глинистых берегов, и долго, с бессмысленной улыбкой, слушал бойкое пение лягушек. Станный щелкающий звук привлек его замедленное внимание. — Наверно, ветка хрустнула, — лениво сказал он вслух, хотя смутно сознавал, что звук этот напоминал не треск хвороста, а быстрый разрыв твердого шелка: часовым необоримо овладевала усталость. С отчаянным усилием Сергей поднес руки к глазам и, словно десяток пудов, поднял пальцами свинцовые веки. Как в бреду, он увидел совсем близко от себя высокие белые фигуры, хрустальное синее небо, догорающий костер и огромную желто-розовую луну, медленно падающую за снеговые вершины...

... СЕХХЕЗ ЗЕЗЭГЕ

«ДОМ ОТДЫХА»

Г л а в а VII

Продолжение следует

У выхода в Немецкое море шумит Темза... куда спокойней широкие воды индийских рек... Гаш... кровь приливает к вискам... Грицько, Грицько рубят тополя!..

— «Я думаю, их следует купать поодиночке»

...розоватых Гималаев... Пятнадцать, восемнадцать, двадцать один... В правом стынет масло... двадцать четыре... пусть будут враги осаждают наши крепость... двадцать семь... двадцать девять... понимаешь, урток, тали это счастье... мы аргонавты... тридцать шесть... карточная система бред... не суди ты меня, Тамерлан, тридцать раз я в бою померала... абджед хевез хютти... вулканические бомбы.

— «Возлюбленные братья, еще никогда я не видел таких небесно-лиловых ляжек!»

...сорок один, сорок два... на один угол карагач стоит, на другой угол карагач стоит... на четвертый угол карагач стоит, на пятый угол карагач стоит... отец металлист... дедушка крестьянин... партия превыше всего... ваше здоровье, господин полковник... хе-хе... верблюд... верблюдечки...

— «Готово, брат Эвгелех!»

...мать крестьянка... возжаждал я чужого аллаха... одиннадцать, двенадцать, тринадцать... Энни Беккет... Энни... десять против ста... абджед хевез хютти... келеме... ке... ле... ме... нэ текел фарес... выдержим! с гор снег... снег с гор... гор... мамаша... хе-хе.

— «Готово? Готово!»

...завитье... стритье... завитье... лошади поданы. Осетрина разварная, мы проваливаемся, сэр... хав...

хав... черные гусары... у-ух... парамарибо... бунтари...
не-п-перемени...

— «Готово. Анаксагор, примите»

...рблюд... Бухараре дидем... Кандагаре дидем... Га-
лочка... дитё... Джонни... жонни... просрочил... рочил...
на дру... угол карагач стоит... на третий... гол... арага...
оит... а... ер-тый... ол... а... ага... ит... а... ятый... у... а...
а... оит... а... т... о... о... а... и... а... с. о... у... а... аа... а...
о... И.....
а.....о.....у.....

Глава VIII

Мистика

Уикли казалось, что сознание ни на минуту не покидало его. С наслаждением он повернулся на бок и открыл глаза. Было совершенно темно. Царапнув себя по щеке, чтобы окончательно проснуться, Уикли ощутил мягкое ложе и шелковистую ткань подушки. Он мельком просмотрел в памяти фильм минувших событий и остановился перед тьмой. Все было более чем странно; не выветрившееся религиозное чувство подсказывало смутные образы, ни в какой мере не уяснившие теперешнего состояния. Джонни снова овладела приторная истома. Он положил руку под голову, тяжело вздохнул и будто в ответ на его вздох разлился мягкий голубоватый свет. Уикли мог наконец рассмотреть окружающее: стен не было, потолка не было. Со всех сторон подступала темная пелена, но он ясно видел голубое сияние на своей одежде, свои короткие бледные пальцы и пестрые покрывала ложа. Тело Джонни облекало нечто вроде дамского пеньюара; на полу, около узкогорлого кувшина, стояли кожаные сандалии. Юноша поднес кувшин ко рту и выпил несколько глотков холодной воды, чудесно пахнущей апельсином и эвкалиптовой смолкой. Вода окончательно возвратила его к действительности. Одев сандалии, он сделал несколько шагов опасливо, как слепой; пальцы вытянутых рук коснулись препятствия. Это была темная, как ночь, стена. Уикли понял, почему комната казалась бесконечной: потолок и стены были покрыты черной матовой краской. Дверей не было. Замаскированные, они, вероятно, сливались с гладкими стенами. Источник голубого света также оставался

скрытым. Когда Уикли стал искать какой-нибудь кнопки или рычага, широкие рукава хитона скользнули к плечам — по левой руке от плеча до кисти тянулся ровный красноватый шрам, по-видимому, недавно заживший. Как Джонни ни напрягал память, он не мог сообразить, когда и где была поранена его рука. Если этот порез недавний, то... — «да, конечно, в таком случае на заживление понадобилось бы не менее нескольких суток. Значит, я провел их в этой комнате... значит, они совершенно выпали из моей памяти»... Освеженная было голова снова начала кружиться. Бросившись ничком на постель, он старался разобраться в хаосе воспоминаний: что с товарищами? Где Арт? Где Козодоевский и Седжи?

Из путанной задумчивости его вывел легкий скрип. Человек в голубоватом плаще широким и плавным жестом предложил Уикли покинуть комнату. Уикли повиновался с захолонувшим сердцем. Когда они подошли к стене, внезапно открылся ярко-желтый просвет и в нем — узкий, длинный коридор, вымощенный цветными изразцами. Плащ метнулся в сторону и, казалось, исчез в стене. Уикли нырнул в сводчатую комнату, освещенную сквозь узкие окна дневным светом. Середину комнаты занимал низкий мраморный стол. Мягкие ковры заглушали шаги. За окнами зеленел парк и синели далекие горы. В оглушительной тишине мягко журчали бесчисленные ручейки и тонко звенели высокие фонтаны. Кто-то схватил Джонни за плечо.

— Седжи!

Сережа не знал английского, Джонни — русского.

— Арт, нет? Нот?

Раздался стеклянный жалобный звон. Двери открылись, и в комнату вошли Джелал и Борис. Последний с жидкоблестящими глазами кинулся к Сереже.

— В чем дело? Щеглов! Это — великие посвященные.

Так один за другим появлялись новенькие белые хитоны недостающих членов экспедиции. По привычке путешественники уселись на ковре и принялись допрашивать друг друга. Арт и Александр Тимофеевич пополнили маленький пробел.

— После бегства Бориса их, кажется, повели по бесчисленным переходам и мостикам. В конце пути, на широком искусственном канале качалась закрытая лодка. Погрузив пленников, люди в плащах отчалили от берега. Арт долго боролся с внезапным сном, чуткое ухо специалиста улавливало в полудремоте заглушенный звук мотора...

«Это как будто все».

Джонни откинул рукав хитона и показал порезанную руку. У каждого из присутствующих по левой руке тянулся шрам от кисти до плеча. Козодоевский тихо говорил, обхватив руками колени и глядя в пространство:

— Я знаю... Тише, товарищи! Это — знак братства у великих посвященных. Шрам — это посвящение в первую тайную степень. Если можешь, Сергей, — поспешил он, увидя знакомый взгляд исподлобья, — объясни иначе!

Сергей загорячился по-домашнему:

— И объясню. Ох, Борька, Борька! И объясню! Да, по-моему, и объяснять нечего. Все объяснится само собой! Сейчас у нас мало фактов.

— А-а-а. Мало фактов! Вы всегда так! Идиотический прием спора! Наука еще не дошла до этого? А-а! Диалектический материализм. Объяснится само собой!

Очевидно, перед Борисом открывались новые возможности. Партия была далеко.

Сергей побледнел:

— Знаешь, Козодоевский, об этом мы поговорим после. Когда выберемся отсюда. А сейчас ссориться нет смысла. Понял?

Ссора зазвенела и оборвалась. Помолчали...

— Руки-то ведь зажали, — спокойно продолжал Сережа. — Как же это так?.. Сколько же времени?..

Арт усмехнулся:

— За несколько дней, что мы потеряли, нас могли перенести на другой конец земли.

Сергей невесело отшутился:

— Во всяком случае, мы не можем пожаловаться на наши квартиры. Жаль, что нельзя поблагодарить хозяев.

Над домом пронесся густой металлический удар. Укли вздохнул; интимно и тихо он обратился к Бруннингу:

— Похоже на гонг. К обеду или к завтраку... Жаль, что у меня совершенно нет аппетита.

Звук так же неожиданно прекратился. Снова и надолго воцарилась глупая тишина. Когда она окончательно сомкнулась над удрученными головами, двери комнаты гладко разошлись. Внушительная фигура, похожая на Антония и Клеопатру из паноптикума, подняла руку, очевидно, для приветствия, и произнесла по-русски:

— Прошу следовать за нами.

Пленники ринулись в открывшуюся дверь нестройной гурьбой. Путаясь в длиннополых хитонах и шараясь от предметов неизвестной роскоши, они попали в комнату, освещенную закатом. По стенам тянулись резные дубовые полки с книгами в дорогих переплетках. Фигура указала с округлой вежливостью на глубокие кресла:

— Прошу... подождать.

На письменном столе лежала книга в красном переплете с золотом. Арт ахнул и медленно стиснул локоть Бориса. Тот трепетно прочел четкие золотые буквы.

«Том XVIII. Вл. Ил. Ульянов (Ленин)».

Сергей не успел отозваться. К нему медленно подходил человек с прекрасным открытым лицом, дородный, в бледно-лиловом хитоне с золотой вышивкой. Каштановые с проседью кудри были стянуты серебряным пояском. В правой руке человек держал книгу, заложив меж страниц палец. Новоприбывший величественно опустился в кресло. Несколько минут он пытливо изучал лица гостей. Наконец пошел гортанный, глуховатый голос:

— Совет поручил мне, дорогие гости, до вашего представления ему выяснить, кто вы, откуда, куда направлялись и зачем попали в наши горы.

«По-русски жарит “наши горы”», — мысленно уцепился Сергей.

Незнакомец опустил и медленно поднял большие белые веки.

— Личности некоторых из вас нам удалось установить благодаря бумагам, имевшимся при вас в момент вашего... когда вы к нам попали. Но не все имена нам известны. Кроме того, судя по документам, отсутствуют Иносент Смайлерс и Иаков О’Греннель. Если вы сообщите, где оставлены ваши друзья, они будут препровождены к вам в кратчайший срок. Я слушаю, — обратился он к Арту, заметив, что англичанин порывается говорить. И добавил: — Если вам удобней говорить на вашем родном языке, говорите.

С самого начала своей речи Арт решил, что лгать не стоит: перекрестным допросом всегда можно сбить с

толку бедного Уикли. Надо только быть как можно пунктуальнее в датах.

Лицо хозяина оставалось благосклонно бесстрастным.

— ...И вот мы очутились здесь. Если я чего-нибудь не сказал, значит, это выпало у меня из памяти.

Следующим докладывал Сергей. Он был также точен. Затем Козодоевский, Джонни и Джелал. Незнакомец изредка задавал вопросы по-русски, английски, таджикски. К Галочке он обратился на мягком украинском наречии. Спокойный голос вывел нервы Галины из неустойчивого равновесия. Она расплакалась. Хозяин приподнялся с кресла и барски поднял за подбородок горячее лицо девушки:

— Успокойся, сердынько, успокойся.

Очередь исповедываться была за Александром Тимофеевичем, но хозяин забыл о нем...

— Своими рассказами вы доставили мне немалое удовольствие. В наше время такие авантюры случаются довольно редко. С нашей стороны мы постараемся обогатить дальнейший материал ваших воспоминаний. Вы будете представлены верховному совету.

В соседней комнате пустым желудкам пленников было даровано спокойствие. Узкий стол изобиловал тропическими фруктами, легким воздушным хлебом и тоненькими сухарями, тающими во рту. Молоко, холодная вода и светлое виноградное вино переливались в высоких графинах. Молчаливое присутствие хозяина веяло мудрой сдержанностью.

Последний сухарик достался Броунингу. Хозяин терпеливо дождался конца и, подойдя к стене, нажал кнопку. Опять экспедиция перекочевала гуськом в новое помещение. Небольшая комнатка вздрогнула и начала стремительно опускаться. «Лифт», — сообрази-

ли городские друзья. Галина изо всех сил схватила за пояс изумленного Джелала. Но вот движение изменилось: казалось, что кабинка несется куда-то в сторону, мягко вздрагивая на рессорах.

Качнуло. Дверь со звоном распахнулась. Экспедицию поглотила комната, блестящая и черная, как антрацит. В высоких креслах восседало трое в таких же, как у хозяина, бледно-лиловых хитонах Лица поражали сходством и академическим благообразием. Два матовых солнца на тонких бронзовых цепях заливали комнату печальным спокойствием. Пленники прижались друг к другу. В музейной тишине явственно зажурчало их напряженное животное дыхание.

Вдруг солнца, освещающие комнату, погасли, и возник нежный полумрак. Над головой поднявшегося члена совета вспыхнул маленький вращающийся куб. Он увеличивался в объеме, меняя форму и краски. Пробежав все цвета радуги, куб расплылся в круг, сияющий, как венчик на иконах...

— Опиум! — вполголоса вырвалось у Сергея хрипловатым баском.

Круг стал розоватой, в белых пятнах, звездой. Козодоевский неожиданно выступил вперед: ему перехватила горло нервная спазма. Пятнистая звезда засияла немеркнущим сольфериновым светом.

Г л а в а IX

Записки

1. Из дневника Козодоевского

Силою духа, а не механикой движется жизнь на Гималаях.

Сергей и Броунинг ведут себя, как литературные коммунисты в какой-нибудь утопии, изданной ГИЗом! Они деловито разгуливают с посвященными и трогают всякие приспособления. Посвященные терпят и даже все объясняют им! Вообще странно.

Я был в саду Эвгелеха. Эвгелех — директор силовых установок Царства. Он занимал меня всячески. Рассказывал о машинах, но я мало понял и будто я не понимаю, что все это только разговорчики.

У него волшебный сад. Цветы качаются. Плоды — драгоценные камни, где цвет и порода превращаются во вкус. Рубин огненно-кисловат, яхонт солнечно-сладок, лунный камень освежителен. Это только заметки. Законченное произведение моего пера впереди.

О, любовь! О, прикосновение к одежде! Она никогда не улыбается, как и все остальные здесь. Она смесь парижских духов, вроде Фоль-Аром и восточных благовоний. Ямочки ее локтей потрясающе соответствуют складкам ее бело-голубого платья. У нее походка целого стада лебедей. Она дочь директора силовых установок. Когда она садится на скамью, ручные птицы вспархивают вокруг ее подола. Как бедный рыцарь, стою я под окнами ее глаз.

Мы были в кинематографе, в беседке. Ветер шевелил ее (возлюбленной) волосы. Я не понимаю, как может Сергей удивляться чем бы то ни было в этой

стране. А может быть, они вовсе не существуют. Так, мираж-фатаморгана. Специальное приспособление к нашему уровню и шутка гостеприимства. Я буду смиренным и кротким. Если я большего недостоин, что ж, надо жить пока в этой мечте с фабриками и кинематографами. Директор сил, кажется, относится ко мне очень хорошо.

Август, 28 год. Утро. Пульс 85. Ноги холодные. Голова несвежая. Немного тошнит. Ночью было испытание.

Ночь. Тишина. Космическая жуть. Сначала музыка. Я думал о прошлой темной жизни в Москве. Вдруг толчок в сердце. Я услышал... автомобильный гудок... потом трамваи... автобусы... извозчики... свистки... Мое тело стало легким. В солнечном сплетении защеколело. Так продолжалось долго. Потом... потом все покрыл бой Спасских часов. «Интернационал»... А я вернулся сюда!

Сергей! Брунинг! Нищие духом... Спите спокойно.

Сейчас только я вспомнил, и меня обожгла нечаянная радость. Ведь я владелец ключа от книги Джафр-и-Джами! Владелец священной фразы. Как хорошо, что я не записал ее, а только выучил ее наизусть со слов того попа.

Я одиноко сижу на златотканом ковре. В углу стоит узкогорлая античная амфора. На выпуклости драгоценного сосуда изображена какая-то битва в голом виде. Над моей головой трепещут крылья вентилятора. На моих коленях лежит белая роза.

Конечно, править миром должна потомственная интеллигенция. Вековой отбор мозга — лучшее, что дала наша культура. Мне до боли жаль пролетариат; он не виновен, конечно, но ничего не поделаешь. Его мозг, не утонченный до сих пор, работает хуже нашего.

А утончать — лишняя трата времени. А человечество старится. Я это чувствую в своей крови.

Пролетариат не будет страдать! Его надо так научить в рабочих домах (очень благоустроенных), чтобы он не чувствовал своего положения и вообще привык.

Почему, почему я отмечен? И даже, если я, предположим, стою быть отмеченным, почему так же отмечены этот материалистический тупица (от слова «войти в тупик», а не дурак) Сергей или сухой, неспособный к экстазу Броунинг?

Радиостанция, говорите вы? Так объясняете вы мое ночное видение. Что ж, я буду смиренным. Может быть, я и впрямь недостоин проникнуть в тайны гипнотизма и телепатии, но почему же, спрашиваю я вас, почему вы доверяете, чтобы в журнале «Огонек» печатались во всеуслышание статьи об оккультных науках? Разве читатель «Огонька» посвященной, чем бедный Борис, но... пути ваши неисповедимы.

Они никогда не улыбаются. Я назвал их «Неулыбающейся республикой». Это имело успех!

Электрическая мельница, говорите вы?

Она (возлюбленная) спросила меня: «Не обманешь ли ты?», подразумевая под этим уж, конечно, не какие-нибудь алименты, а высокие дела духа. «Нет, я не обману тебя, о, женщина, ибо это был бы зарез и амба моей чистой бессмертной душе».

Завтра второе заседание Совета. Я чувствую, что пленарное.

2. Из дневника Арта Броунинга Мои записки на русском языке (Для практики и забвения прошлого)

Наша жизнь в этом прекрасном, хотя стеснительном месте протекает, по-видимому, нормально. Мы едим по звонку трижды в день, ложимся спать довольно рано, судя по звездам, и встаем рано, судя по солнцу. Общения с хозяевами происходят также по звонку. Наши свидания друг с другом также, очевидно, урегулированы. Итак, неприятно (disagreeable) только то, что нас содержат, как дорогих пленников.

По всей вероятности, товарищ Козодоевский — экспансивный человек. Он очень радуется... Конечно, мне тоже приятно, что на Гималаях существует хорошая жизнь, которая представляет собой исполнение мечты, но я не радуюсь, потому что еще не рассмотрел всего. Кроме того, меня поражает среди немногих, но великолепно оборудованных фабрик процентное изобилие косметических и ортопедических заведений, но осматривать их нам не позволяют. Почему? Следует пояснить, что нам показывают кое-что из окружающей обстановки.

Однако, я, право, не знаю, чем может быть полезен мой отчет о них. У многих писателей существуют, так называемые, утопические повести о будущем тысячелетии и тому подобных временах. Все, что я вижу здесь, буквально, совершенно аналогично этому.

Меня несколько удивляет то обстоятельство, что здесь техника ушла вперед от западной не больше чем на десять или пятнадцать лет. Если тем, которые живут на Гималаях, нужна техника, она могла бы уйти вперед на несколько тысяч лет; если же она им не нужна, то зачем она есть?

Я думал, что техника собственного улучшенного организма такого замечательного человека позволяет ему функционировать, например, без радиотелеграфа (организованная телепатия). Это я называю: техника прямого действия. Здесь, однако, наблюдается, как на западе, техника не прямого действия; я хотел сказать: такая техника, когда человек не пользуется своими собственными органами и рычагами, а пользуется орудиями производства и оружиями. Я вспоминаю, что мне очень нравится русское выражение «вооруженный глаз».

Но тем лучше, что здесь техника не убежала очень далеко, а только ушла вперед. Благодаря этому, то, что я вижу здесь, приложимо для пользы Советского Союза и для механики. Я буду обстоятельно записывать. Только напишу сначала еще несколько слов о людях.

Эти красивые люди серьезны и хорошо держатся; они даже никогда не улыбаются. Когда они навещают нас и гуляют с нами, они всегда что-нибудь рассказывают или показывают. Когда мы спрашиваем, прямо или не прямо, где мы находимся и что будет, они все отвечают: «Простите и еще раз простите. Мне не дано полномочий ответить». Один раз я бросил это на вид директору силовых установок Эвгелеху, но он моментально сделался холодным, не выходя из границ приличия, и сказал: «К сожалению, я бессилён». В его красивую, стыдливую дочь влюбился товарищ Козодоевский.

Я беспокоюсь и я волнуюсь и сам не знаю, почему. Я не могу спать ночью и не могу слушать радио. Мое сердце бьется умеренно, но очень громко, и потому что я сильный, я дрожу тогда, как электрическая машина дизель. Мне глубоко горько и обидно, что жизнь так складывается, хотя все весьма интересно.

Нет сомнения, что те же улучшения, которым подвергалась и наша промышленность, пережила и эта промышленность, но что приятно для моего глаза, так это то, что, по-видимому, улучшение, усиление производства шло здесь за счет генеральных перестроек. То, что отходило за старостью, откладывалось в сторону, как балласт или, может быть, как музейная редкость. Вот вкратце те виды производства, которые нам удалось осмотреть во время наших совместных обходов с здешними руководителями. Во-первых, большинство предприятий находится внутри в горах. Очень большие пещеры позволяют при помощи этого удивительного освещения устраивать их по всем правилам техники и гигиены. Главные источники энергии находятся под землей. Еще мы видели так называемые старинные или «старые» силовые установки (паровое хозяйство). Тогда было использовано подземное тепло вулканических источников. Белый уголь, конечно, это более современно. Руководитель сообщил, что и эти установки гигантских турбин временные, ожидается переход на новую энергию. Какую? И вообще с любой энергией дело обстоит крайне забавно. Человек никогда не использует побежденную силу до конца. Мы бросаем ее раньше, чем возьмем 100% силы, вмещающейся в ней. Во всяком случае мне больше нравятся установки нашего времени, они очень величественны, в будущем, вероятно, будет наоборот, например, в этой стране, где мы сейчас, некоторые установки необычайно портативны.

Если я не ошибусь, это особенность индивидуалиста (анархизм), а не коллектива. И поэтому, принимал на взгляд их технику, я считаю, что политический строй в этой стране — конец перехода к раскрепощению личности. Может быть самое поразительное, что

меня особенно тронуло, это — радио, установленное на вершине пика им. Лавара, одного из апостолов. Что это апостол, я не знаю. Поскольку я помню, англиканская церковь такого апостола в себе не содержит. Вместе с радиостанцией — обсерватория. Я не большой специалист в астрономии, но рефрактор этого телескопа — лучший, который мне приходилось знать... Что касается радиостанции, то это очень могучая станция. Заведующий, молодой электрик, рассказывал нам о ее постройке. На этом я еще остановлюсь в будущем. Попутно он довел до нашего сведения забавный анекдот, очень мне памятный от прежде, связанный с установкой этой радиостанции в 1920 году. Для испытания были пущены волны без заградителей (обычно отсюда посылают их только в одном направлении). Все приемники нашей планеты приняли эти сигналы за депеши или знаки с Марса... Об этом много писалось во всех мировых газетах. Помню, мы тогда в Ленинграде чрезвычайно заинтересовались этим явлением, сигналы были очень четкие и ясные, хотя и непонятные. Мы тоже полагали, что это посылка с другой планеты. Радиоприемники здесь выше похвалы. Они улавливают положительно все станции, даже любительские. Демонстрируя, он дал нам возможность слушать станции очень небольших городков и селений с мелким наименованием. Думаю основательно заняться здешними аэропланами (средства связи с миром). В этом деле я все-таки специалист. Можно сказать, что здесь очень многому можно поучиться.

Глава X

Совет Семи

— Даже в клубных спектаклях я не участвовал. Не люблю этого дела! — Сережа выплюнул кончик дожеванной папиросы и снова поник головой на руки. Надумав, он продолжал: — Вот на репетициях так бывает: только пойдет гладко — осадил назад! Опять же красно-желтенькие наши журнальчики: в паршивом этом «Экране» постоянно «продолжение следует», — а врешь, сука, никакого тебе нет продолжения! Наворачивается все кругом да кругом... Тьфу! Какая ж это повесть без продолжения?

Галина пригорюнилась по-бабьи:

«А и тоска от него — закачаешься, — думала она. — Слово-то какое нашел страшное: “безпродолжения”!» — а вслух сказала бодро и скучно: — Брось, Сережа! — и собрала с колен, как хлебные крошки, серебристые лепестки.

Невиданное дерево — краса и гордость летней залы Совета Семи — отцветало. По синеве за вечеревших стеклянных стен тающие цветы проносились, как падающие звезды. Вдали вольно и заунывно плыл пароходный гудок мыловаренного завода. У Сергея снова затошнило в голове.

— Борька!

— Я слушаю тебя.

Борис вышел из своего угла, шурша белым хитом и пощипывая золотистую бородку. За неделю пребывания в «стране чудес» он изменился до неузнаваемости. Дорожный загар слетел с покато лба и тощих рук после первой ванны. На розовых губах заиграла утонченная вежливость. Голубые глаза за идеально

подобранными стеклами пенсне приобрели выражение сдержанной благосклонности. Поправив пенсне, он по-докторски сел против Сережи и легко положил свои бедные пальцы на его смуглый кулак.

— Я люблю вспоминать наше прошлое, — вступил он, — Ташкент, Самарканд, Шахрисабз. Помнишь верблюдов?

Сергей недоверчиво, по-птичьи, покосился на молодого патриция. Борис поощрительно улыбнулся:

— Конечно, ты сильный человек, Сергей, ты будешь вести себя с подобающим мужеством, — и он обратил неторопливо ласковый взгляд в сторону трех сигарных огоньков: — How do you do? Скоро начало?

— Иесс, т. е. да, — лениво отозвался Броунинг.

Уикли устало потянулся. Александр Тимофеевич кряхтя встал с дивана и заходил по комнате.

— Спайки у нас нет, товарищи, вот что плохо. Э-эх! — Белогвардеец с отеческой укоризной покачал головой. — Солидарности не видать. Неправильный подход, товарищи.

— Брось, поручик, — привычно бросила Галина и сразу точно проснулась от огромного стеклянного звона.

Борис, заложив ногу за ногу, поправил складки одеяния. Час настал.

Первым явился незнакомый полубог саженного роста. Лицо его, столь же трафаретно прекрасное, как у всех в этой стране, ухитрялось выражать несокрушимое упрямство и капризный ум. Тихо высморкавшись, он занял место на узком краю стола; остальные — инженер Эвгелех, врач Кафарион, философ Курятников, поэт Эммануил Уманский, астроном Бозций и первый ученик философии Додик — разместились по сторонам председателя.

«Закачаешься». — думала Галина, нервно соскребывая с пояса засохшие следы пирожного. Она оглянулась за сочувствием на мужа, но юноша сутуло дремал на диване в районе сигарного дыма и фруктовых объедков.

Когда атмосфера основательно сгустилась, председатель начал:

— Просят не курить.

Окурки были аккуратно потушены.

— Хайре полито, — продолжал председатель. Древнеэллиническое приветствие, произнесенное с четким петербургским акцентом, прозвучало остро и интеллигентно. — Радуйтесь, сограждане, это относится и вам, новенькие. — Улыбнувшись глазами своей ласковой остротой и вспыхнув-тему пенсне Бориса, он заговорил более металлическим голосом:

— Речь моя будет именно к вам. Десять дней истекло с тех пор, как судьба республики привела вас в тихую пристань. Бессознательная гордость руководила вами в пути. Разумное смирение стало вашим приютом. Но не в этом дело. Я радуюсь, я неприкрыто радуюсь! Чему я радуюсь?

— спросите вы. Тому, что, узнав вас за десять дней со всех интересующих нас сторон, мы нашли вас достойными вашей судьбы. Почему все религии и доктрины осуждают самоубийство? — он коротко наслаждался эффектом. — Все религии и доктрины осуждают самоубийство, потому что человек должен сначала заслужить и заработать свой ломоть смерти.

— Сограждане! Что есть посмертное существование? Повечно-жизненная санатория. Свободное развитие наук, искусств, философии, не есть ли оно тот свежий и разреженный горный воздух, который создает климатические курорты? Должен добавить, что истинная

свобода только у нас, ибо мы вынуждены быть свободными.

— Наша республика — посмертное существование. Санатория без цели покинуть ее. Наша республика не имеет экономического смысла: правительство без народа, производство без труда, труд без производства, промышленность без вывоза, любовь без воспоминаний!

— В глубокой безгливости друг к другу и к человечеству мы воспитываем наших детей. Безгливость создала наши этические нормы. Она же помогла нам победить техническую отсталость. Если наши внуки захотят быть ренегатами и уйти к людям, это их дело.

Врач Кафарион, ближайший к председателю, поднял голову и внезапно пробормотал с глубокой обидой:

— Пожалуйста, сделайте одолжение, ради бога!

— Но это уже будет не наша история и не наша судьба,

— продолжал председатель, — истинная безгливость только у нас, ибо мы лишены этой возможности...

Доклад расширялся, как органная композиция Баха.

— Мы — нация, ибо нас связывает физиологическая особенность. Скажу больше, мы — раса, ибо в нашу среду собрались представители всех народов. Если национальности в своем первоначальном истоке суть аналитически разложение расы, то неужели нельзя назвать расой произвольный синтез национальностей, связанных химическим сходством крови? Наша раса не имеет биологического смысла.

— Сколько нас, это тайна и останется тайной. Основное ядро очень невелико, но братья наши разбро-

саны по всей земле. На побережьях арктических льдов и на счастливых островах Гогена, в тайге, в песках, в бамбуковых зарослях, в изъеденных тишиной горах — они всюду. Темные и жалкие, они проклинают грубую участь, но нашедшие дорогу к нам обретают мир.

— После прохождения допризывного искусственного подбора, — тихо и ворчливо добавил доктор.

— Мир изгнал нас из своей статистики. Мы изгоняем его из наших расчетов. Мы — фанатики комфорта. Первых из нас привели сюда апостолы чистой науки. Слава им! Почтим апостолов вставанием.

После процедуры вставания, председатель продолжал интимней и тише:

— И они не ошиблись, ибо только свободный может честно служить отвлеченной мысли в часы досуга от наслаждений. Самолюбие — вот наша сущность, дорогие гости, то, что вы, люди, называете амбицией, но наша амбиция имеет высокий и прекрасный тон. То, что есть у вас, должно быть у нас — и лучше. Нет современного изобретения, доброго или злого, которого мы бы не использовали. Нет идеи, которую бы не обсудили — от новой кометы Бедля до журнала почтовиков СССР «Связь». Но не в этом дело. Цель сегодняшнего собрания открыть вам первую и главную тайну республики. Будьте тверды! Будьте мужественны! Будьте крепки сознанием и велики духом.

— Спокойно... Снимаю.

***

Общее дыхание экспедиции захватила острая секунда мимолетного помешательства. Весь побелевший Броунинг только отвел взгляд в бок от заседания совета и стал ждать минуты своего пробуждения. Надо-

рванный вопль Галины остался без ответа. Когда Сережа отвел от смятенных глаз ладони, он убедился, что с последней минуты ничто не изменилось. Гнусные чудовища продолжали занимать заседательские места.

То, которое заняло кресло и костюм недавнего оратора, казалось человекоподобней остальных. Оно всего-навсего вываляно распухшим лицом в белом пуху, непереносимыми для взгляда казались только красные разорванные ноздри. Шесть заседателей имели мужественные и розовые львиные морды. В надбровных дугах лежали страшные, глубокие тени.

«Так вот были сфотографированы когда-то кратеры на луне», — метнулось Сережина память и снова замерла.

Семь пар верхних конечностей Великого Совета неподвижно лежали на столе. В конце концов это были бедные, покалеченные человеческие руки! Очередь метнуться настала для памяти ослабевшего, как ребенок, Уикли: реклама «Уродонал Шателена».

Председатель заговорил своим благообразным твердым голосом:

— Вы успокоились. О достоинствах и недостатках аппарата ваших произвольных рефлексов поговорим потом. Теперь вы узнаете, если не догадываетесь. Еще мгновение выдержки.

— Мы — республика Прокаженных. Мы — усовершенствованный автономный лепрозорий ТССР... правительству неизвестный. — Он широко и радушно улыбнулся. Это была первая улыбка за время пребывания пленников в республике.

— Маски сняты, — закончил председатель. — Не правда ли, у нас изумительно поставлен «Институт Красоты»? Сейчас мы их натянем снова.

Тайна «Неулыбающейся Республики» открылась настежь. Товарищи, потрясенные и отупевшие, спустились в парк и сели около большого бассейна. Происшедшее казалось настолько величественно, ужасно и жалко, что ни у кого из членов злополучной экспедиции не нашлось нужных слов. Теперь их крепко объединило опасение остаться навсегда у «великих посвященных». Мнительный Козодоевский уже чувствовал себя прокаженным, и опасливая рука упорно нащупывала надбровные дуги.

Блестящая луна, полная и легкая, вышла из-за купы ближайших гор. Она холодно осветила приближающийся хитон одного из диктаторов Республики, не присутствовавшего на Совете и знакомого путешественникам по прежним коротким и дружелюбным беседам. Прокаженный опустил на одну из мраморных глыб.

— Мир вам, друзья. Не правда ли, как хорошо? Чудесная ночь.

Общее молчание не стесняло его.

— Вы потрясены, не правда ли, друзья мои? Но поймите, рано или поздно вы узнали бы об этом. О больших событиях говорят громко. Тайн не замалчивают, когда истекают сроки загадок. С сегодняшнего дня вы полноправные республиканцы, а с завтрашнего каждому из вас Совет поручит работу.

Сережа пошевелинулся.

— Вам не нравится, по-видимому, такое положение, — дружеский голос приобрел жесткость и сухость крыльев саранчи. — Но мы не звали вас к себе. А если вы пришли, то для нашего спокойствия должны быть обезврежены. Для этого есть два выхода: или жизнь в

нашей республике, это вы, кажется, назвали ее «не улыбающейся», — поглядел он на Броунинга, — хорошее название, — или смерть. Второе производится здесь легко и безболезненно, но я думаю, что вы слишком разумны для второго.

Внезапно Сергей поднялся с места. — Вы правы, конечно. Простите, я до сих пор не знаю, как вас зовут.

— Федоров. Профессор Федоров.

— Так вот, профессор Федоров, я нахожу, что вы все-таки правы. Ваша республика достаточно ладно устроена, хотя мне все это не нравится. Раз нет другого выхода, мы будем работать, но я хочу знать, когда мы можем рассчитывать на свободу.

Профессор поглядел на луну: — Я думаю, вам самим не захочется расстаться с нами.

— Ну а в противном случае?

— Свобода понятие растяжимое. Все таки, могу рассчитывать, что она не за нашими горами. Здесь лучше, чем в вашем мире. Вы еще не присмотрелись к нам. Здесь вы будете жить среди людей высококвалифицированного интеллекта. Каждый из вас будет заниматься тем, чем он захочет, вернее, к чему он способен. Да это не жизнь, это просто утопия!

— Скажите, профессор, — подхватил Броунинг, — вероятно, у вашей утопии есть своя религия?

Профессор покровительственно рассмеялся:

— Нет, друзья, у нас, у мужчин, нет религии. Ни своей, ни чужой. Мужчины нашей республики не думают о боге. Религия отдана женщинам, хотя и им предоставлено право быть мужественными. Многие из них ничем не отличаются от нас. Но женственные женщины владеют особым тайным культом.

— А сколько человек насчитывает ваша республика?

— Здесь?

— Да, здесь.

— Мало. Очень мало. Но это ровно ничего не значит! Наши границы охраняются от внешнего мира строже, чем живые люди охраняют свои границы от нас — от живых трупов.

— Неужели никому не удавалось бежать отсюда? — откровенно спросил Арт.

— У нас не тюрьма, — обиженно сказал Федоров. — У нас не тюрьма!.. Но был действительно один случай сумасшествия. Талантливейший доктор! Вы не слышали? Диего-ди-Гелла. Он не вернулся из очередного полета в мир и остался в Москве, соблазнившись громоздкими лозунгами коммунистов. Он, — профессор залился не терпящим возражения старческим смешком, — кхи-кха, он вздумал организовывать прокаженных всего мира!

— Я помню, — прервал его Сережа, загоровшись, — какие-то странноватые лозунги в Наркомпросе РСФСР «Прокаженные всех стран, соединяйтесь».

— Это была его работа. Диего-ди-Гелла. Он погиб для нас и для остального мира также. Ваши человеческие установки расшатали его мозг. Повторение подобных случаев невысказано. Итак, вы согласны?

— Там увидим, — бодро сказал Арт. — Пока я думаю, можно поработать. Вы согласны, товарищи?

Не дождавшись общих знаков согласия, Федоров собрался уходить.

— Желаю вам провести приятную ночь, сограждане.

— Профессор, профессор, — вырвался на секунду из горестного оцепенения Борис, — излечима проказа? Только правду?

— Пока нет. У науки еще нет достаточно знаний, чтобы ругаться за полное излечение.

Борис тихо застонал.

Федоров не спеша добавил:

— Что касается вас всех, то вам не стоит опасаться заражения. Те дни, которые выпали из вашей памяти, вы провели в профилактическом сне. В первый же день вашего пребывания здесь вам была сделана антилепрозная прививка. Она спасает на шесть месяцев. Потом ее приходится повторить. Это, друзья мои, наше собственное достижение. Мы можем предупредить болезнь, а также, как бы это выразиться ясней... застопорить уже начавшийся процесс. Большая часть наших детей, их очень мало, к сожалению, будут здоровы. Какая погода! Спокойной ночи.

Друзья остались одни. Теперь их заставляла молчать острая нервная радость. Наконец Арт закурил:

— Итак, значит, за работу, — сказал он с несколько деланной бодростью, — поживем — увидим. Не так уж страшно, проклятый прокаженный меньшевик.

Г л а в а Х I

Союз

«Они говорят на многих языках, но у них есть также одно свое эсперанто. Мне приятно, что все часто говорят со мной по-русски, как будто бы эта страна признала мою принадлежность к Советской России.

Эта очень маленькая местность имеет форму подковы: она лепится к склонам гор и представляет собой город-сад. Она приблизительно такой величины, как русский город Могилев, который я видел в 1921 г. Люди живут на дачах. Есть только стеклянные лаборатории и фабрично-заводские здания, которые работают тихо, как церковь. Единственный шум здесь, который я знаю, это — человеческий шум, особенно за общим обедом и ужином. Все разговаривают о науках или искусствах и острят.

Они оказались колонией прокаженных. Что я могу еще сказать?

Очень красиво маленькое здание гимназии, где учатся мальчики и девочки вместе. Дети ведут себя очень примерно и даже скучно; детей мало. Родственная любовь у прокаженных есть, но семейной жизни нет: все живут как бы коммунально, но вместе с тем каждый отдельно, в особняке. Большие друзья по научной специальности стараются жить очень близко друг от друга.

Как мне грустно и тяжело!

Здесь всегда хорошая погода. Что они прокаженные, я узнал только вчера на заседании Совета. Их поведение в обществе совершенно буржуазно — времен упадка: в нем есть дух того плохого равенства и свобо-

ды, когда это только равенство членов одного избранного общества...»

Арт отложил свои записки на русском языке «для практики и забвения». В саду под окном появился, сияя округлым древнеримским благодушием и широкой белизной одежд, директор силовых установок Эвгелех. Броунинг спустился в сад. «Этот бедный гусь должен однако чертовски стесняться меня», — горько подумал он, здороваясь с Эвгелехом, и согласился проводить его в лабораторию, тем более, что раньше, до заседания Совета, никого из пленников туда не приглашали. По дороге они за неумытым еще и скуластым от бессонной ночи Сережей. Растрепанные волосы Щеглова стояли на голове перьями, он старался, беря пример с Арта, держаться как ни в чем не бывало, но поминутно срывался на трагическое молчание.

— Нет, дети мои, — вкусно вздыхал Эвгелех, — теория случайностей! Жизнь великолепна, и когда она не может развиваться в ширину передвижения, она растет в высоту и принимает готические формы. Ботанически — совершенно хвойный вид: колется, конечно, как всякая готика, но вечно зеленеет. Жизнь великолепна!

Как бы в подтверждение этого, он необычайно ловко перехлестнул полу верхней одежды с одного плеча на другое и продолжал:

— Вчера председатель Совета сказал, что за время вашего пребывания здесь, мы успели узнать ваши наклонности и способности. Это так. Психометрия, которая выродилась на западе в некую механическую хиромантию, у нас поставлена твердо и умело. В Советской стране она тоже стоит на правильном пути, — поспешил любезно добавить он, покосившись на Сер-

гея. — Судя по данным психометрии, вы — химико-физик, — кивнул он Арту, — а вы, друг Щеглов, — физико-механик, и вам будут предоставлены соответствующие должности. Не потому, что мы нуждаемся в рабочих головах, а потому, что надо же нам идти навстречу потребностям каждого нового гражданина...

Они уже всходили по граненым стеклянным ступеням лаборатории.

Храм прокаженной науки был выдержан от фасада до последней пробирки на опытном столе и формах конструктивно геометрических. Стекло и неизвестный лиловый металл сверкали четкими плоскостями. Широкий, квадратный химик в типичном для всех химиков мира белоснежном халате, тактично переставлял замысловатые колбочки. У него были крепкие пальцы с загнутыми кверху кончиками, как у перса, играющего в нарды, и розовый скандинавский затылок. Пространно приветствовав директора сил, он деловито, по-русски, осведомился у Броунинга:

— Радуетесь ли вы, гражданин? — И, не дождавшись реплики на этот явно риторический, не требующий ответа вопрос, проговорил: — Наконец-то здесь в лаборатории нам предстоит более короткое знакомство. Нас с вами ожидает совместная работа.

— Я радуюсь. Но неужели у вас, профессор, такой недостаток в более достойных сотрудниках, что я...

— О, не беспокойтесь, — перебил химик, — еще ни у кого из моих молодых сотрудников психометрия не нашла такой склонности к собиранию лекарственных специй, а следовательно, к изысканию противоядий. Группа подмастерьев, в которую я хочу вас определить, работает именно по противоядиям.

Англичанин вспомнил свою колониальную страсть к неисследованным травам.

— Сейчас мы вырабатываем противоядие для газа Y серии C, — продолжал ученый с усмешкой, — действие этого газа знакомо вашему товарищу.

— Как? Что такое? — быстро повернул голову Сережа, с гордостью соблюдавший свое звание члена Авиохима.

Профессор дружески положил ему руку с загнутыми пальцами на плечо:

— Тот газ, которому вы обязаны своим присутствием здесь.

— Быть может, мы наглядно увеселим наших друзей, возлюбленный Анаксимандр, — томно предложил Эвгелех.

— Можно, можно.

Профессор, хозяйственно приговаривая, завозился в углу.

— Вот, коллеги, это — ракета. Дальность «полета» неограничена. Предположим, что эта ракета заложена в точке A. Итак, внимание. Ракету я кладу на опытный столик. Включаем воздушные насосы, чтобы газ был извлечен из этой комнаты прежде, чем мы потеряем сознание. Газовая зарядка минимальна. Ракета настроена на прямую волну — одиннадцать. Готово.

Ракета, до сего времени лежавшая смирно, дернулась и щелкнула с резким звуком, походившим на короткий треск разрываемого шелка.

Сергей глубоко вздохнул и вздрогнул. Каждому атому его тела представилась туманная прохлада горной ночевки. Где-то на задворках памяти захлупала бодрая глинистая вода. Огромная желто-розовая луна медленно упала за снеговые вершины...

— Вы не заснете. Газ выкачивается, — сказал профессор, — это сонный газ. Самый безвредный сонный

газ Y серии С. Конец войнам! Страна засыпает — страна сдаётся.

***

Когда Сергей и Арт вдвоем возвращались из лаборатории, гравий под их ногами панически хрустел. Сад, свежий, как кислородный баллон, шипел, отряхивался и надувался крупными цветами. Сердца друзей бились ускоренно.

— Меня беспокоит и уверенность, что мы никогда не выберемся отсюда, — прервал Арт понятливое молчание. Сергей ответил на свою мысль:

— Теперь я оправдан, что мой отпуск просрочен. Никаких войн... Одна-единственная победа над мировой буржуазией — и власть советов...

— Седжи, — Арт внезапно вспомнил, что за ними, вероятно, идет слежка, и понизил голос.

— Я не уверен, что мой шепот не гремит в ушах какого-нибудь верного республиканца. Нужно найти место и время.

Сергей беспечно усмехнулся:

— Прогуляемся, Артюша, к большому водоразделу.

На большом водоразделе главный канал растекался тремя рукавами. Первые два кольцом охватывали парк, третий с шумом низвергался вниз по узкой колее с коленчатыми уступами. Друзья уселись. Шагах в пятидесяти от них возилась группа садовников, среди которых они с удивлением заметили Джелала. Он с раннего утра был уже был прикомандирован к новой работе.

— Давайте, Артюша, не рассусоливать, а говорить о главном, — предложил Сергей.

— Идет, Седжи.

— Не знаю, что нам пришло в голову, а мой план короткий. Осень еще не поздняя, мы могли бы погулять по горам, если уметь крепиться. Только боюсь, что сейчас нам не удастся бежать. А вот на весну поставим. К этому времени, Артюша, он должен быть найден.

— Кто, газ? Нес. Но нам нужно время и место.

Сергей озабоченно покачал головой.

— Нет, Броунинг, я, можно сказать, категорически настаиваю на немедленных попытках! Лучше раньше, чем никогда. Ведь сейчас вот, мы назначены работать в лаборатории, а потом нас могут перевести в другие отделы. И никому не говорите, ни Борьке, ни Джонни.

Арт улыбнулся: — Двое и то это уже не настоящая тайна; трое — зачем?

— Сережа! О-гей, Сережа! — снизу махал рукой Джелал.

— Но все-таки, — продолжал Сергей, осклабясь на приветствие Джелала, — может быть, нужен один... третий. Ведь, по-нашему, все-таки чем больше, тем лучше. Так вот, Артюша, пусть это будет не Боря и не Джонни, и не сучий потрох. Пусть это будет Джелал, а я его беру на поруки... вот именно.

Джелал приближался к ним, надрывно напевая веселую, по его мнению, песню.

— У-ух, Серожа, посмотри, как здесь вода есть. Вода главный дело. Есть вода — кушать много есть.

Сверкая зубами и выпуклым потным лбом, он повел друзей в ближайшие оранжереи. Действительно, водному хозяйству можно было поучиться у прокаженных. Оранжерейные цветы проводили время в изысканной бане. Их мирно обслуживала горячая вода, прошедшая в недрах земли сквозь вулканический туф. В этих свирепых памирских недрах, в самом складе катастроф, велась размеренная и спокойная работа

Сметливый Джелал уже понял значение этой системы. Грандиозность не испугала его. Ведь молодой узбек и раньше никогда не думал, будто жизнь мелка и ограничена.

«Хозяйственник, свой парень», — с горькой досадой и неясностью подумал Сергей, а вслух заговорил не раньше, чем Джелал проводил их на прежнее место.

— Слушай, урток, вот я говорю Арту, что ты умеешь молчать. Если я тебе сказать, то ты этого никто, никогда, ни зачем не сказать.

— Ты знаешь, Серожа, — серьезно сказал Джелал. — Мой молчит, как старый утка.

— Спасибо. Это скоро понадобится. Понимай. Скоро мой, и твой и его, — Сергей указал на Арта, — это будет один союз.

Г л а в а XII

Евангельская

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царствие небесное».

— Кузиночка, это очень приятно. Мы ведь за правду изгнаны? Разве проказа не правда?

Белокурая девочка заерзала на бархатной подушке и радостно забарабанила пальцами по переплету евангелия.

— «Блаженны плачущие, ибо они утешатся», — на эсперанто это звучало внушительно.

Эйридика, дочь Эвгелеха, зарыдала. Ей казалось, что теплое застоявшееся в груди море прорвалось из глаз. Девочка деловито порылась в шелковых покрывалах и подала кухне носовой платок. Эйридика прижала ее к груди, чтобы порывом нежности еще усилить свои слезы.

— Кузиночка, а может быть, он заболел со страху, когда все узнал на заседании Совета?

Эйридика почувствовала мгновенное охлаждение к ребенку.

— Со страху? Он? Никогда!

Мягко мерцающие глаза, бледные пальцы с плоскими лиловатыми ногтями, шелковистые пепельные волосы бобриком... перед мысленным взором Эйридики Борис прогуливался, как живой. «Разве он может испугаться, он, такой преданный чистой красоте?» — (Дочь Эвгелеха с детства приучила себя мыслить пышно и многословно, как мыслят героини романов из античной жизни).

Но море слез снова заворчалось в груди; оно стало едким и холодным, как щелок. «Что, если это не страх, но отвращение. Отвращение... К ней! К дочери Эвгелеха, которую чтит весь народ».

Беспомощный ужас перед возможностью разлуки пригнул женщину к твердым подушкам; сжавшись комочком, она тонко заплакала в голос.

— Кузиночка, я пойду кушать.

Маленькая Найон заскучала. Она выскользнула на террасу, освещенную желтой пылью заката, постояла на лестнице и мокрым садом пошла к дому инженера.

В комнате Эйридики быстро темнело. В прежние дни в этот час Эйридика сидела у окна ровно, как в стальном корсете, с крепко сжатыми на коленях руками ждала Борисовых шагов.

Просыпаться — помнить... Засыпать — помнить... Умереть, господи... Боренька...

Задыхаясь от наболевшего моря в груди, она накинула шарф, выскользнула на террасу, постояла на лестнице и мокрым садом побежала в сторону заводских дач. В зеленых сумерках, окружавших круглые белые дома, было пусто и тихо. По красному гравию прыгали, вздрагивая эгретками, полосатые как зебры, удода. Впотьмах раздраженно бормотала полусонная вода канала. Эйридика металась от аллеи к аллее.

Борис никогда не видел ее такой похожей на обыкновенную домашнюю женщину. Он съежился в качалке и сцепил восковые пальцы.

— Как же быть?.. Быть-то как же?.. Господи!..

Качалка была скрыта от зрителей кустами буксуса, и Борис мог спокойно заниматься своим отчаянием. Проказа уже, должно быть, отметила его, несмотря на прививку, он успел уверить себя в этом. Но первая заповедь «неулыбающейся Республики» — брезгливость

— была воспринята им как нельзя лучше: она и раньше, в простые времена, была одной из черт бедного поэта. Что теперь делать с Эйридикой? — только бить! На минуту в сознании сверкнула поэтическая мысль: «Если бы я был сильным, я мог бы сказать ей: ты — Эйридика, а я — Орфей, и я выведу тебя из царства мертвых в дневные просторы».

Но греческий миф потонул в хаосе детских ужасов. Буксусные кусты раздвинула нежная рука.

— Здравствуйте, поэт. А я гуляла и не думала увидеть вас.

Борис перевел дыхание.

«Слава богу, она будет ломаться. Никаких сцен...»

— говорить вслух он еще не был в состоянии.

Женщина села на ручку качалки.

— Слушайте, вы видите, какие у меня красные глаза. Я плакала. У меня умерла та собака.

Борис попробовал голос:

— Бедная девочка!

— Кто? Собака?

— Нет, вы.

«Наш разговор уже освещает изящная, меланхолическая улыбка, — подумал поэт. — Быть грубым с аристократкой органически не могу».

Внезапно аристократка переменила фронт.

— Борис, хороший мой!

— Ну?

Она широко поглядела ему в глаза...

— Алло, я слушаю.

— Борис, вы знаете все.

Он вздрогнул, будто его уличили в чем-нибудь:

— Что, все?

— Я говорю о последнем заседании совета. Вам разоблачили тайну.

Поэт закрыл лицо руками. Женщина мужественно ждала. Когда Борис открыл лицо и поднялся с качалки, он был бледен, как пыль.

— Я хочу побыть дома, — жалобно сказал он. — Мне надо думать, как быть.

Отойдя на порядочное расстояние, он обернулся и на всякий случай сказал таинственно и страстно: «Я люблю вас. О, я люблю вас».

Эйридика пошла в свою сторону, прижимая к щекам прохладные руки. За ней победоносно струился белый шарф. По бокам красного гравия прыгали незамеченными полосатые удода. Он любит! Он будет любить!

Она стала было напевать своим детским голосом, но снова омрачилась и поспешила к дому. На террасе Эйридику встретила визгом круглая курчавая собака. Эйридика взяла ее на руки. В комнате уже переливался ясный зеленоватый свет. Круглая собака радостно облизала подбородок девушки. Эйридика со вздохом поглядела в голубые глаза свежей, уютной сучки.

— Я должна, — стиснув зубы, сказала дочь Эвгелеха, — я должна, пойми меня. Я не могу солгать Борису. Я сказала, что ты уже умерла.

Она со стоном сдавила косточку у собачьего кадыка. Животное истерически взлаяло и захрипело.

— Нет, я не могу!

Бархатные подушки тоже не сумели ликвидировать собачью жизнь. Эйридика, дрожа и плача, сползла с подушки и вытащила из-под нее свою обреченную подругу. Сердце дочери Эвгелеха мучительно сжималось: ей почудилась на лице животного особливая, неуловимая печать близкой и роковой смерти.

— Иероним! Иероним! — нетерпеливо закричала девушка, снова выбежав на террасу. За поворотом ал-

леи показалась убранная вакхическими кудрями голова молчаливого и глупого садовника.

— Иероним! Я прошу... — она умоляюще протянула к нему свои знаменитые руки: — Иероним, унеси эту собаку далеко-далеко... Куда хочешь... Так надо...

Сдав ему на руки перепуганное животное, дочь Эвгелеха села к столу и угрюмо задумалась:

— Я слаба, как дочь земли, — безнадежно прошептала она.

Глава XIII

Успехи

Дни шли как попало. Шумели сады. В послеобеденный час из стеклянной гимназии шествовали, не роняя ни книг, ни пеналов, тихие самолюбивые школьники. По вечерам сквозь листву просачивался русской рябиновкой прозрачный закат. Пленникам стало окончательно ясно, что колония прокаженных — маленький провинциальный городок, где живут ученые и неудачники. После окончательных психометрических испытаний друзей вызвали однажды в библиотеку, где и преподали им прокаженные инструкции. Арт был утвержден в назначении на химическую работу, Сергей испросил себе возможность работать с Артом; Джонни направили в распоряжение механических мастеров по установке новых машин; Козодоевского временно освободили от физической работы и поручили ему, как поэту, присмотреться к республике и написать соответствующую оду. Джелал должен был работать в отделе орошений; Галочке приписали усиленное питание, Александр же Тимофеевич расхворался тяжким флюсом.

— У меня есть маленький план, изобретение оно называется или совершенствование, не помню уж, как там у нас... В общем мне нужно об этом потосковать, да еще вместе с вами. Один я не берусь, потому что здесь, вероятно, будет уйма цифр.

Арт внимательно слушал Щеглова.

— Это я все соединил, что Джелал рассказывал о вулканическом отоплении оранжерей, а вы о наших советских перелетах. Для республики этой чертовой,

мне кажется, будет большая польза, да и для нас не даром. Этим мы завоюем определенное доверие со стороны здешнего правительства.

Щеглов вытащил целую грудку бумаг, исчерченных размашистым почерком, и несколько листков тонкого картона с какими-то планами, мохнато расписанными цветной тушью. Над хаосом склонились две головы: одна — кудрявая, другая — с точным пробором.

Полчаса спустя Арт поднялся с места и поощрительно похлопал Сережу по животу.

— Молодец, Седжи. Просто, понятно и весело.

Щеглов застенчиво улыбнулся:

— Ну как, Артюша, подойдет, а?

— Конечно. Планы, к сожалению, надо к Кузькиной бабушке. Хватит одного проекционного чертежа, а остальное разработают здешние конструкторы.

Молодой полячок из главных химиков, которому был показан проект Щеглова, разработанный Артом, пришел в истинный раж:

— Ах, коллеги! Уж как я рад, как я рад за вас и за себя, что мы работаем вместе. В таком деле, как химия, помимо знаний нужен острый наблюдательный ум. Я уверен, что Совет Семи будет очень доволен работой коллеги.

— А как вы полагаете, — спросил Броунинг, — нужно ли разрабатывать идею технически или передать ее прямо в ведение научного Совета?

Химик глубокомысленно прищурился: — Вот как будет. Я сообщу о вашей идее нескольким конструкторам, а когда чертежи будут окончательно готовы, вы подарите вашу идею республике. Согласны?.. Замечательно приятно!

Он сговорился по телефону с конструкторами. — «Чертежи будут готовы к концу недели».

Всю неделю Щеглов яростно натаскивал себя к докладу в Малом Зале Высшего Совета Оборона.

А счастье, действительно, сопутствовало Сереже. Теперь восторженный полячок привязался к нему со всем пылом своего доверчивого болтливового языка. К тому ж он очень часто уходил в мастерские, оставляя хозяевами лаборатории Сергея и Арта. В одно из его очередных отсутствий Броунинг, поставив Сергея на стрёме, бросился наугад к ближайшему шкафу и начал лихорадочно перебирать аккуратные дневники работ. Он сам был ошарашен нечаянной удачей, когда глаза его выудили белую наклейку на серой полотняной тетради «Исследование Y, серия C. Контрольная». Арт сунул ее под самый низ стопки и захлопнул стеклянную дверцу.

— Эврика! Седжи, о, Седжи! Как это могло сложиться?

Формула была найдена просто, как подкова. Задачу получить ее в собственность Броунинг взял на себя.

— Дуракам счастье, — с деланным хладнокровием сказал Сергей и поскорей склонился над работой.

Чем ближе время подвигалось к докладу, тем больше Щеглов нервничал. Наконец, в последний день его и вовсе замутило.

— Знаете, Арт, у меня с совестью дело, кажется, не совсем чисто. Плохо мне от моего изобретения. Неправильно я поступаю, что даю этим пацанам возможность скрыться от советского глаза. Ведь мы совершенно не знаем точки, в которой находится эта республика.

Арт прервал тихие излияния Сережи.

— Бросьте, Щеглов. В чем дело? Поймите хорошенько, что вы обязаны выбраться отсюда в Москву! Хорошая совесть сама постоит за себя.

Наступил день доклада. Сергей явился в зал за полчаса до заседания. Еще никогда он не тосковал так истощенно о толстовке и о штанах. Путаясь в прокаженном шелке, он прогуливался по зале, нетерпеливо выглядывая из окон. На повороте аллеи показался Арт. Сергей окликнул его. Броунинг вошел в зал.

— Никого?

— Еще рано. Думаю, минут через двадцать.

Арт посмотрел по сторонам и тихо ободрил друга. Сергей искоса поглядел на товарища и крепко пожал ему пальцы. Арт продолжал утешать.

— Как это все вышло просто, если бы вы знали. Этот болтун уплыл сегодня на все утро, любезно предоставив лабораторию в мое распоряжение. Я и распорядился. Переписал. Только это нельзя так оставить.

Зал начал наполняться народом. В назначенное время члены Совета заняли соответствующие места за красным столом. Легкий звон традиционного колокольчика прекратил деликатное покашливание и высокий профессорский шепоток. Председатель вытянул шею.

— Считаю 184 Заседание Малого Зала Научного Совета Оборона открытым... Прошу.

Сергей взошел на трибуну и разложил перед собою затасканные листки.

— Уважаемые сограждане. Доклад мой будет короткий, как и мое пребывание, пока, конечно. Я собираюсь принести существенную пользу охране границ республики. Как я могу сообразить, земные границы республики охраняются более чем хорошо, и опасность с этой стороны грозить нам не может, но есть огромная опасность сверху с воздушных границ.

Надо вам принять во внимание, что Советский Союз Социалистических Республик — это сила мирового

наполнения. Советская техника развивается с той быстротой, с какой младенец в утробе матери повторяет всю историю развития всего человеческого вида. Аэропланы советского завтра — это великолепная вещь. Кроме того, вы вряд ли можете себе представить, что такое советский летчик! Он перелетит в два счета Гималаи и не будет беспокоиться, что под ним Гаури-занкар! Да вот и тов. Броунинг перелетел Гиндукуш. До сих пор республика была достаточно умна и сильна, чтобы не бояться твердолобых колонизаторских хищников, но с идейным врагом, Советским Союзом, ей не справиться.

Он облегченно вздохнул — с риторикой было покончено.

— Как видите, уважаемые сограждане, опасность в прямом смысле слова — над нами, и эту опасность надо ликвидировать в самом начале. Как я понимаю, главная задача Совета Обороны — полная тайна местонахождения республики. И для дальнейшего мирного процветания и строительства страны эту тайну необходимо сохранить.

Есть два пути охраны со стороны воздуха. По первому пути я не пошел, считая его опасным и бесполезным; это — план остановки вражеских моторов электроволнами, но парочка катастроф поставит живейшую проблему перед научным миром за границами республики, а разрешение этой проблемы — война.

Лучше республике счастливо жить, чем воевать. Вы сами так думаете, сограждане. Второй путь — более разумный: это особая маскировка. Ну, вот. В последнюю мировую войну устраивали дымовые завесы, это неудобно и негигиенично. Мы — брезгливы. Поэтому я предлагаю устроить завесы облачные.

Зал с напряжением слушал докладчика. На экране

вспыхнул черными и цветными линиями чертеж. Щеглов с удивительной ясностью пояснил его короткими фразами. Сущность изобретения сводилась к следующему: кольцо гор, окружавших котловину республики, он предлагал избороздить сетью каналов, постоянно наполняемых водой. Благодаря вулканическому огню вся эта вода в любое мгновение могла быть обращена в пар и сгущена в облака обычными электрическими разрядами. Сергей подробно объяснил простейшее устройство каналов, подводящих подземный огонь из уже имеющихся вулканических цистерн.

— Вот это и есть мой проект. Все подробные расчеты я представляю Ультра-Совету Оборона в дополнительном рукописном докладе. Я кончил.

Не успел Сергей выпустить ногу из шелковой хламиды, как на него обрушился гром аплодисментов. Смущенный докладчик спотыкаясь сбежал по ступенькам в залу и уселся около Броунинга.

После короткого совещания поднялся председатель. Голос его звучал торжественно.

— Совет Оборона благодарит молодого члена нашей республики за сделанный доклад первостепенной важности. Проект его принимается в целом. Утверждение проекта будет произведено на расширенном заседании Ультра-Совета. Совет Оборона будет ходатайствовать перед Ультра-Советом о присвоении гражданину Щеглову звания почетного члена республики, а со своей стороны Совет Оборона приглашает его и его друзей на банкет избранных, имеющий быть в день ближайшей Селены.

Прокаженные с поздравлениями обступили Сергея.

Г л а в а XIV

Без названия

Борис прохаживался по терему нарочито крупными и нервными шагами. Новая, немного неудобная мысль о том, что связь с Эйридикой может оказаться теперь весьма полезной, еще не успела дерзко оформиться, но уже будоражила и настраивала. Наконец он остановился и произнес сакраментальную фразу:

— Ты — Эйридика, а я — Орфей, и я выведу тебя из царства теней в дневные просторы.

Девушка продолжала сидеть, не шевелясь. После недовершенного убийства собаки дочь Эвгелеха мучили навязчивые опасения, что ложь откроется и Борис доберется до сути — до страстной и оскорбительной для девического самолюбия Эйридикиной любви.

— Выведу, как пить дать! — раздраженно повторил Борис, не дождавшийся эффекта. Его начинала пугать эта скрытая и необычайно интенсивная внутренняя жизнь. Эйридика подняла средневековые глаза:

— Мерси. Я не знаю только, нужно ли это?

Поэт опешил:

— То есть как нужно ли? Ведь там так много времени.

— Какого времени?

— Жизни!

Эйридика снова задумалась. Что легче: идти так далеко по неудобным местам или быть безболезненно казенной правительством, когда уйдет Борис? — пыталась решить она. А что Борис уйдет, было уже давно решено ее одинокими ночами жалости и жертвенных фантазий. Дочь Эвгелеха знала входы и выходы, она хотела только помедлить немного, и причиной этой медлительности была странная надежда. Каждый ве-

чер, ложась спать, девушка верила, что у нее переменится характер и что она проснется с новой жаждой жизни, которая заставит ее бежать в мир, но утро наступало, а в изнеженном сердце оставалась прежняя смертельная лень. Борис потерял стиль разговора. Он решительно чувствовал себя Сережей, Броунингом и Буденным вместе взятыми, когда ему приходилось мучить эту царевну-лягушку.

— Вы буржуазная аристократка, — бросил он тоном драматического рабочего от станка.

Лягушка подняла брови: — Неправда, поэт. Наша республика не имеет экономического смысла. У нас нет буржуазии.

— Ну, просто аристократка! — сладострастно взвизгнул Борис.

— Наша республика не имеет древней истории.

Она казалась неуязвимой. Борис бесился, согласие дочери Эвгелеха на совместный побег было единственным способом вырваться из республики, где его постигло последнее разочарование в мистике.

К концу диалога неудобная мысль успела отлиться в прочную форму. «Это ничего, — четко думал поэт, — что мы побежим вместе. Ведь какой же успех в Москве! Вопиющая экзотика! Если она больная, ее запрут».

— Ох, тяжело мне как! — вздохнул он вслух.

Дочь Эвгелеха медленно прижала руки к груди:

— Вот, Борис, поэт мой, вот что я имею вам предложить.

У него сладко заныло под ложечкой.

— Борис, мне трудно покинуть мою родину, где цветут высокие орхидеи, и моего отца, венценосного инженера. Я не хочу быть отступницей! Если я уйду, я буду первой из армии ренегатов, сосудом, через который приходит зло, а вы... вы... идите.

— И ломается же! — с восторженной благодарностью думал Борис. — И нелогична же она!

— Я не так нелогична, как вы могли бы помыслить, — величаво продолжала девушка, — я знаю, что, выпустив вас, я буду преступницей, но сосудом я... не буду.

Внезапно лицо ее передернулось. Из глаз посыпались мелкие слезы. Борис быстро упал перед ней на колени. Античная трагедия кончилась.

— Идите, Боренька, — хрипло шептала девушка, трясаясь от рыданий, — идите себе, голубчик, в Советскую Россию.

Борис поклевывал быстрыми поцелуями голубоватые руки.

— А меня пусть убьют. Ничего, — вырвалось у нее фальцетом.

— Зачем убьют? — мягко спросил Борис.

— Иначе никак нельзя.

— Зачем же? Вы должны подумать об этом, дорогая. Если мой долг быть там, в России, мы должны бежать вместе.

— Оставьте меня теперь, — по трафарету, слабо попросила девушка. — Нет, не оставляйте! — Впервые Эйридика чувствовала так близко от себя взрослую чужую теплоту. Она по-ребячьи охватила руками шею Бориса и поцеловала его в скулу неумелыми твердыми губами. Борис впился зубами и эти сжатые губы я музыкально застонал.

«Разучился стонать, никогда не умел», — досадливо подумал он и стал деловито шарить руками по извилистому девическому телу.

Рукам поэта не понравилась Эйридика. «Чувствуй нежность, Боречка, чувствуй, хороший! — умолял он себя. — Никто тебя, Боречка, не жалеет. Надо чувство-

вать!» — но он не находил в своей опустошенной памяти ни любовных слов, ни ласк.

Между тем Эйридика перестала плакать. Уткнувшись носом в грудь поэта, она сладко и равномерно дышала. Борис был рад, что не видит ее прекрасного лица.

— Слушай, я сейчас стану твоим мужем, — сказал он, чтобы замаять неловкость.

Но Эйридика быстро высвободилась из его объятий и залилась глуховатым нежным смехом, показавшимся поэту жутким, как казалась ему жутко-непонятной вся внутренняя жизнь других людей.

— Давай лучше в другой раз, — сказала девушка, сияя порозовевшим лицом, — а теперь расстанемся, потому что мне неловко.

К Борису вернулись все приятные и приличествующие случаю слова, когда-либо прочитанные или написанные им: единственная, голубой бриллиант, звездочка, ландыш, ты — вселенная, кошечка, ангел, мамуля.

Он вышел, растроганный, радуясь звуку собственных шагов по мозаичным плитам коридора. Прямым путем через веранду и сад он не шел никогда, опасаясь встречи с домочадцами. Как счастливый любовник, Борис отпер собственным ключом пеструю дверь и очутился в маленьком горном ущельи, где шумел зеленый бук и упрямо звенела на одной ноте падающая струйка воды. Узкой тропинкой поэт выбрался на холмы имени Реми де-Гурмона и хотел уже выйти на честный городской путь, когда его тихо окликнули:

— Товарищ, Борис!

Из зарослей тамариска показалась голова Александра Тимофеевича.

— В целях конспирации, — исступленно шепелявя,

прошептала голова. Даже ажиотажного Бориса рас-
смешила эта конспирация.

— Эх, вы, генералиссимум, да разве тут скроешь-
ся? — Движимый любопытством, он однако тоже полез
в тамариск.

Александр Тимофеевич облепил пухлыми губами
ухо Бориса:

— Жамечательное открытие. Десять дней, которые
потрясли мир. Формула!

— Боже мой! Не может быть! Какая формула?

— Не жнаю.

— Боже мой!

— Чише. — Белогвардеец судорожно сжал локоть
Бориса. — Шегодня в парке шидели товарищ Арт и
товарищ Шережа. Я шпокойно лежал на траве, где
вошпрещщается. Товарищ Арт говорит: «Хорошо, что
эта формула не попала какому-нибудь подлецу». То-
варищ Шережа вошклицает: «Ну да, ведь он бы ее про-
дал, сука!» Товарищ Арт говорит: «За мильон!» То-
варищ Шережа говорит: «Чише!»

— Боже мой, это все?

— Вше.

Блаженный покой поэта был разрушен новой, хотя
и радостной тревогой: — Где нам с вами поговорить? —
с тоской вопрошал он Александра Тимофеевича. — Где
конспирация, где?

— Говорить не надо, — пошел на деловую белогвар-
деец, — надо объясняться. Ищите формулу. Я тоже.

Вылезши из кустов тамариска, они разошлись в
противоположные стороны. Борис тяжело вздохнул.
Перспективы изменились. «Что ж это я один, эгоист,
решил бежать из плена, — журил он себя без малейше-
го юмора, — всем надо бежать, Александр Тимофеевич
тоже захочет, он тоже человек».

Глава XV

Опиум для народа

Арт Броунинг с горечью размышлял о вреде религий.

Казавшееся ему раньше столь пошлым изречение «религия — опиум для народа» он расшифровывал теперь с истинно-наркозмоздравовской точки зрения. Его рационалистическая наблюдательность настаивала на том, что преступления и ошибки совершаются людьми не столько в наркотическом блаженстве, сколько в хаосе реакции после него. «Уикли и Козодоевский, — думал он, — совсем опускаются, бедняги. Их бедную нравственность подкосила история с “великими посвященными”. Если таким упадочным людям, как эти двое, не во что верить, то они становятся плохими». Действительно, характер Джонни за последнее время сильно изменился. Паренек продолжал смотреть на Арта покровительственными глазами верной собаки, но тон его в разговорах стал резок и сух. Уикли прирастал к легкому вину прокаженных и поглощал эту слабую розовую влагу, как шекспировский Фальстаф бочки зверского рома. «Лечебное вино так относится к шекспировской влаге, как Джонни Уикли к веселому Фальстафу». Это горькошутливое уравнение было записано в заброшенном за последнее время дневнике Арта. Вспомнив о математике, Арт болезненно поморщился. Им снова овладело чудовищное напряжение нынешнего праздничного дня, когда он измучился и пожелтел над головоломным трудом. Покачивая головой, чтобы убедиться лишний раз в том, что она болит нестерпимо, он снова подвинулся к столу.

На узкой полоске бумаги, измаранной чернильными брызгами, красовались странные, фривольные экстемпорали на трех языках: русском, арабском и английском. Каждый столбец был украшен сердцем, пронзенным стрелой.

По-русски:

«Нюрька Сметана. Битге-Дритте. 4/IX — 918».

«Киска Лягавая 5/I — 1921».

«Не ней 37° водку».

Далее шло изображение солнца и подпись

«Твоя тринадцатая».

Английские фразы были составлены с грамматическим изяществом Пиккадили. Обилие женских имен, от суровой Эллен до какой-то «Джонни из предместья», словно разворачивало биографию салонного, но заблудшего сердцеда. Арт снова придвинул к себе три убийственно толстых словаря. Сменив после часа раздумий «Дженни» на «Джулию», мусульманскую «Хадиджу» на «Хаеру», а по-русски «битте-дритте» на «пожалуйста бриться», он облегченно вздохнул и пощупал свои ввалившиеся щеки. Главное было сделано, оставалась самая процедура. Сережа и Джелал должны были по уговору проводить праздник дома. Арт пошатываясь встал и прошел высоким садом к тихим Сережиным дверям.

В комнате Сережи царил прохладный трудовой отдых. По столу и бесчисленным табуреткам были разбросаны неразрезанные учебники, сам товарищ Седжи валялся на постели в сандалиях и с карандашом на груди.

— Деморализуетесь? — повел бровью Броунинг.

— Нет, не совсем, — протянул Сережа и сел.

Арт вынул из-за пазухи своего эфемерного хитона приготовленные записки.

— Неужто готово? — обрадовался Щеглов. Строго сдвинув брови, он принялся разбирать фривольные англо-арабско-русские экстемпорали. Броунинг в изнеможении вытянулся в качалке.

— Ну? — спросил он, когда Сережа неторопливо сложил на стол узкие полоски бумаги.

— Лучше быть не может. Даешь спину!

Хозяин вытащил из ящика письменного стола баночку синей туши, потом порылся в инкрустированной, как великосветские романы, шкатулке и обрел тонкую иглу. Броунинг освободил свой торс от легкомысленных кружев и плотно сложил руки на груди.

— Годдам! — поморщился он. — Больно будет.

— Ни черта, — с докторской веселостью возразил Сережа и приступил к операции.

Эта была самая дикая из татуировок, описанных когда-либо авторами путешествий. С самого начала она была полита невинной кровью Арта Броунинга и открывалась портретом сердца, пронзенного пернатой стрелой. Чуть ли не каждую секунду Сережа возвращался к Артовым запискам и, высунув от усердия язык, отслеживал английское правописание. Выносливый Арт с трудом крепился:

— Это напоминает ритуальные убийства, которые приписываются евреям.

Наконец татуировка увенчалась изображением сирены с тремя хвостами. Серела удовлетворенно поглядел на свое произведение и, приготовившись переменить положение палача на участь жертвы, отвернул свой длинный рукав.

Но Сергею не пришлось пострадать за правду: в пальцах англичанина игла работала легко и ловко; «Манька», «Нюрка», «Киска» выходили словно выши-

тые бисером. Зловещая фраза «пожалуйста бритесь» украсилась стилизованным венком незабудок.

Когда это произведение англо-саксонского гения было закончено, оба товарища сели друг против друга и с наслаждением закурили.

— Ну, — со вздохом облегчения сказал Броунинг, — теперь остается только Джелал. Эй, Седжи, — внезапно вдохновился он, — посудите-ка: Да здравствует Интернационал и спайка! Начало на вас, конец на мне, середина на Джелале. Это штучка!

— Теперь мы трое уж никак не можем расстаться, — торжествующе подхватил Сережа и, поглядев на свое разрисованное предплечье, тихо рассмеялся. — Кто бы мог подумать, что это научная формула? Ишь кузькина мать при бенгальском освещении. В Москве меня обвинили бы в начинании хулиганской карьеры.

Г л а в а XVI

Банкет и после

Пленная корпорация с роковой неизбежностью делилась на два тайных лагеря: лагерь носителей формулы и лагерь тех, кто не был отмечен татуировкой. Формула, долженствующая превратить мир в единый Советский Союз, окончательно зарубцевалась на здоровой коже и приобрела синий цвет военно-морских путешествий. Надо было окончательно оградить ее от возможной бдительности прокаженных, и Арт Броунинг произвел это за ближайшим банкетом, на котором присутствовали лучшие мужи государства и все пленники, а Сережа Щеглов занимал за столом одно из видных мест. Сергей явился на вечер щеголем из щеголей: на нем был свистящий шелковый плащ цвета индиго, посеребренные сандалии и бледно-розовый категорический балетный хитон без рукавов. Изредка Сережа отбрасывал как бы невзначай полу плаща, и тайное становилось явным. С голой напудренной руки нагло ухмылялось матросское сердце, пронзенное пернатой стрелой, давая пищу тактичному удивлению сотрапезников.

Планы Арта как нельзя более соответствовали его характеру. «Никогда не отягощай и не утомляй себя тайной, — говаривал он, — пей умеренно и откровенно, ешь то, что едят другие, спи спокойно и комфортабельно». На банкете он хотел открыть и передернуть карты. Если учесть, что любимой темой прокаженных была высокая культура их страны, желание Броунинга было легко выполнимо.

— Варварство, говорите вы? — по-английски переспросил он одного из участников пира, разглаголь-

ствовавшего об атавизме. — Варварство? А что знаете вы о варварстве?

— Все, — наивно ответил тот.

— О нет, и не говорю об этнографии, — громко продолжал Арт, — я не говорю также о шовинизме, я думаю о другом. Варварство! Да ведь оно единственный двигатель цивилизации и культуры! Грубое желание жить лучше так же первобытно, как любой инстинкт. Если у человека пропадут исконные страсти, то ему незачем будет работать для их удовлетворения или, если хотите, обуздания. Незачем и нечем. Человек работает страстью. Может быть, жизнь в нашей стране изменит нас, но мы еще любим свою варварскую кровь. — Он театрально огляделся и подмигнул Сергею.

Сергей, прислушавшийся за время путешествия к Борисовой манере декламировать, откинул татуированной рукой кудри со лба и мелодично провыл:

Вас тысячи. Нас тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы мы, да, азиаты мы,

С раскосыми и жадными глазами.

— Мы гордимся своим варварством, — продолжал Арт, — ибо в нем, и только в нем, залог преуспевания на земле. Да, мы все еще варвары. В нашей маленькой компании варварство — философская злоба дня. И товарищу Седжи не было стыдно варварски вытатуировать на руке откровенный перечень своих земных увлечений. И как вытатуировать! Хулигански, скажете вы? Нет, возразим мы, это — честное обнажение честного, но, по человеческой природе грязного, подсознания.

Сережа встал со своего фиолетового кресла и откинул левое крыло плаща.

— Вот! — звонким голосом оповестил он, — вот, что я наделал!

Присутствующие были шокированы и заинтересованы. Сережину руку внимательно перечитывали и отходили со сконфуженным шепотом, но злостно недовольных среди зрителей не оказалось. В сердце каждого прокаженного государственного мужа занял хилый отголосок упоительного и грубого отрочества.

Особенно внимательно осматривал татуировку удивленный Борис. Прежде он не знал за Сережей подобных наклонностей. Еще философская белиберда Арта бросила его в жар предельного недоумения. Прочитав «Нюрку, Маньку, Киску» и «пожалуйста бритесь», он отказался верить происходящему. «Или я сошел с ума, — думал он, садясь на свое скромное место в конце стола, либо они смешались всмятку». От волнения он выпил больше обыкновенного, но вино действовало на поэта подавляюще. Несколько раз он томно пояснял своему соседу, молодому прокаженному пшюту:

— J'ai vin triste, у меня печальное вино...

Vin triste однако сумело обострить и напоить желчью основную мысль поэта: «Сергей и Броунинг дурят, Сергей и Броунинг что-то скрывают». Уже совершенно пьяный, он пошел разыскивать Александра Тимофеевича, но того в зале не оказалось.

— Он, наверно, блюет на газон, где «воспрещается», — бессмысленно рассмеялся Козодоевский и вышел на низкую веранду. Здесь он остутился с лестницы и упал в приторно-уютное небытие.

На следующее утро он проснулся в своей постели с кислым ощущением во рту и тошнотой в голове. Изначальным чувством его было слезливое раздражение на своих бывших друзей. Мир казался страшным как темная уборная, а Броунинг и Щеглов — злыми няньками, интересно веселящимися на стороне.

— Не любят они меня, — заплакал Борис похмельными слезами, — не хотят они меня.

Горе сменилось ядовитым любопытством ребенка, которого не принимают в игру. Поэт любил сознавать свое ребячество, и неумолимая память, к селу ли, к городу ли, привела ему любимую поговорку профессора Федорова: «Все люди — дефективные дети». Это воспоминание оказалось решающим. Оскорбленное самолюбие помогло Борису встать и облачиться, оно же встряхнуло его умственные способности. Борис застыл с открытым ртом и шелковым чулком в руке.

Формула!

Действительно, единственным логическим выводом из чудачеств Арта и Сергея была мысль о конспирации.

Конспирации! Открытая! Он хотел уже бежать на трезвые поиски белогвардейца, когда тот сам без стука вырос в дверях.

— Наше вам с кисточкой, Борис Иванович!

Бонне пропустил приветствие мимо ушей:

— Нам надо с вами серьезно поговорить, — прошептал он, многозначительно скосив глаза на стены, сразу обросшие невидимыми залами.

— Будем шептаться, — беспечно предложил Александр Тимофеевич, присаживаясь па край постели. На банкете он выпил, вместо розового вина, своей при-

вычной и давно не виданной водки, а утром успел опохмелиться. Нервы его быт в чрезвычайно уравновешенном состоянии. Сейчас он не видел нужды в наивной конспирации, к которой так часто прибегал. Его трупная бодрость подействовала на Бориса успокаивающе.

— Слушайте, — начал он торжественно, насколько позволял хриплый шепоток, — и думайте. Тезис первый: человек не может быть одинок, тезис второй: это давно осознали Сергей, Броунинг и советский их прихвостень Джелал, они построили себе корабль и уплыли, понимаете? Они образовали крепкий сплав. Сплав создается только из предметов, имеющих химическое сродство, — переврал он, диалектики ради, давнишний учебник химии. — Мы остались за бортом: вы, я, Уикли. Баба не в счет, она замужем. Не знаю только, есьмы ли мы химически сродные элементы. Понимаете? Я, простите, новый, передовой человек, вы, простите, несколько отсталый социологически. Что у меня мистический уклон, это чепуха! У нас мистуклон в ходу.

Слушайте, вы не знаете, что такое оппозиция? У нас, знаете, кого обвинили в уклоне?.. Льва! Давыдовича! Троцкого!..

— Да? — с робким уважением спросил белогвардеец.

— Да. Только слушайте, перейдем к делу. Я предлагаю организовать оппозицию. Вы, я, Джонни.

Александр Тимофеевич расплылся в своей улыбке провинциального актера и размашисто хлопнул ладонью по ладони поэта.

— Всегда готов.

Борис хотел было обдумать наедине свой неожиданный шаг, но не выдержал.

— Я вам вечером что-то скажу.

— Почему ж вечером, голуба?

— Сейчас нельзя еще говорить. Я человек определенности и дела.

— Вы совершенно новый человек, — искренне подтвердил поручик.

Козодоевский чувствовал бы себя хозяином положения, если бы не голые, постыдно худые ноги, которые он все время разговора прятал в складки атласного одеяла. Пользуясь симпатическим доверием к себе Александра Тимофеевича, Борис вскинул голову и многозначительно изрек:

— Как я нервен! Или это правда? Я ощущаю присутствие.

Александр Тимофеевич обшарил глазами стены.

— Расстанемся, — сказал Борис и, подманив нос поручика к самому своему уху, законспирировал: — вечером. У вас в постели.

После ухода белогвардейца Борис быстро натянул шелковые чулки и вышел в сад творить заказанную оду республике. На розовой дорожке он столкнулся с Джонни, спешившим на службу. Уикли, бледный, печальный и осунувшийся, шел неверными шагами, машинально обрывая узкую зелень астрolistника.

— Товарищ, — поглядел он на Бориса, — как меня скучно!

Ломаный и бесцельный русский язык придавал фразе беспомощную интимность. Борис вдохновился:

— Знайте, Джонни, что будущее и ваших руках, — он наклонился к уху собеседника. — Щеглов и Броу-нинг владеют секретом, в их руках формула, одна математическая формула. Если она будет у нас — мы богачи. Мы ее можем продать любой стране за невозможные деньги. Необходимо, чтобы эта формула была у нас. Формула зашифрована. Она вытатуирована у Сергея на руке.

Джонни растерялся. — Разве нас выпустят отсюда?

— Ничего, я устрою, что выпустят. Клянусь вам, — сказал Борис. — Вы должны заново подружиться с Артом. Может быть, у него тоже есть на руке. Там должны быть неприличные рисунки, названия и числа. Вы перепишите. Делать нужно немедленно.

Джонни чувствовал, что у него невозвратно мутится в голове. За последнее время мир все дальше и дальше уплывал из его глаз. В снах, которые ему снились по ночам, он был близоруким и видел туманные картины. Обещание Бориса вывести его отсюда было последней соломинкой утопающего.

В тот же день после работы Джонни, проходя мимо лаборатории, встретил Броунинга. За последнее время они виделись не часто, и Арт с жалостью поглядел на осунувшееся лицо. Он все еще твердо считал себя ответственным в некоторой степени за своего бывшего механика и сообщника.

— Что с вами, Джонни? Не больны ли вы?

Джонни мог не кривить душой. Он был угнетен, возбужден, потрясен, расслаблен — все вместе. Голова его лопалась по черепным швам. Он ответил Арту, едва шевеля губами:

— Мне очень плохо. Меня гнетет тоска. Сейчас еще ничего, а ночью я сумасшествую. Я боюсь темноты. Свет может гореть сколько угодно, но я боюсь, что он погаснет. Я с ума сойду, честное слово!

Арт схватил его за обе руки.

— Не надо, Уикли, бросьте, дорогой. Вам просто надо отдохнуть по-настоящему и не быть одному. Переходите ко мне ночевать. Все обойдется. Не надо, голубчик, падать духом.

— Спасибо, Арт, — робко воскликнул Уикли, — не

сердитесь на меня. Ведь вы понимаете. У вас есть товарищ Седжи, а я совсем один. Я приду.

Джонни пожал руку Броунинга и, пошатываясь, побрел домой. Пока он не дошел до того места, где утром встретился с Борисом, он и не подумал даже о том, что выкрадет у своего друга формулу счастья.

Г л а в а XVII

Побег

В четверг Борис проснулся среди ночи. Стояла такая тишина, что мир казался несуществующим. У постели лежал ковриком плотный лунный квадрат. Козодоевский мучительно старался припомнить что-то, промелькнувшее во сне, не терпящее отлагательства и, главное, отнюдь не мистическое.

Он перепробовал все известные ему мнемонические приемы и решил уже уговорить себя, что сон был несостоящий, как вдруг стремительно сел на постели.

Нефритовая фигурка!

В самом деле, ведь все они — и Арт, и Сережа, и сам он — забыли об ее существовании! Потрясающая перемена обстановки выбила из озабоченных голов главную цель последнего путешествия. «Впрочем, может быть, кто-нибудь из них знает — ведь мы теперь мало разговариваем». Сначала поэт завязал узелок на подоле своего хитона, чтобы, чего доброго, не забыть утром порасспросить товарищей. Но заснуть он не мог, а дожидаться далекого утра представилось ему выше человеческих сил.

— Пойду! — отчаянно постановил он. — Они знают, что я только большой ребенок...

Презрев, против обыкновения, страх простуды, он выскочил босиком и пробежал коридор, ведущий к комнате, где теперь вместе спали Уикли и опекающий его Броунинг. Сюда, однако, Борис постеснялся войти, но, вдохновленный примером дружеской опеки, помчался по холодному гравию сада к особняку Сережи. Здесь, после долгого дробного стука, он получил удив-

ленное разрешение «влезть» и влетел в теплую комнату.

Сонный Сережа, со спутанными кудрями, налипшими на лоб, и по-мальчишечьи оттопыренными губами, смотрел на гостя во все свои смыкающиеся глаза.

— Борька, корова! У тебя, что ли, тоже истерика, как у Джонни?

Козодоевский замахал руками.

— Нет, нет, Сереженька, голубчик! Нет, хороший. Ты не бойся меня.

Щеглов засмеялся.

— Эх, ты, психическая зараза. Чего не спишь?

— Я вспомнил! Я вспомнил страшно странную вещь! Сереженька, где статуэтка?

— Какая стат...? — все еще смеясь, дивился Сергей и вдруг стремительно сел на ложе, как давеча Козодоевский. — В бога мать! Где человек из зеленого камня?

— Может быть, Броунинг знает? — упавшим голосом спросил поэт.

— Рано утром спросим. Эх, черт!

— Я потрясен, — простонал Борис.

Сергей застенчиво ворчал:

— А я, что, не потрясен, что ли? Ведь она у меня была... Эх, Борька, горе ты мое, где я думаю она осталась, так это в кармане старых штанов.

— Пойдем к англичанам!

— Утром, говорю, пойдем.

— Сергеюшка! Я сейчас пойду от твоего имени и скажу про старые штаны...

Щеглов промолчал. Козодоевский принялся ныть.

— Сергей, друг мой единственный, ну, пусть я ребенок, ну, зловредный ребенок, я не могу дожидаться, я пойду!

Он вскочил, оставив Сергея в мрачном конфузе, и напялил на себя невзначай одно из одеял.

Англичане спали чутко, по-военному. На робкий стук Бориса быстро открыл испуганный Уикли.

— Что случилось? — трезво спросил Арт.

— Тысяча извинений! Сережа посоветовал мне не дожидаться утра.

— В каком смысле?

— Мы все забыли про замечательную статуэтку, которую мы нашли. И она пропала.

— Годдам! Какое несчастье! — воскликнул Арт, мгновенно вспомнив скользкий, полупрозрачный камень. — Джонни, вы слышите?

— Сережа предполагает, — сдерживая дрожь, продолжал Борис, — что она в кармане его старых штанов. Как найти старые штаны?

— Надо потребовать у наших палачей! — взволнованно предложил Джонни.

Арт медленно бледнел от гнева на самого себя. Его логическая машина работала подробно и четко.

«Ну, да, — думал он, — смена впечатлений, тревога и (он вздрогнул от досады) глухой прорыв в памяти от расслабляющего сонного газа...»

— Штаны, действительно, надо попросить и вообще выяснить это дело не позже утра, — заявил он.

Борис согласился: больно уж дико было бы поднимать среди ночи прокаженное государство. Одно из сомнений, во всяком случае, было разрешено: никто из главных членов экспедиции ничего не знал о нефритовой фигурке.

Из упрямства Борис разбудил еще Джелала, Галину и поручика, — все вскакивали, как встрепанные, ахали и ложились снова — более или менее бессонно ожидать утра.

Козодоевский, волоча за собой одеяло, поплелся домой. Он открыл свою дверь и с размаху сел на пороге, пронзенный током нечеловеческого страха, — ему зажала рот чья-то мягкая, холодная рука.

***

И голос Эйридики произнес прерывающимся шепотом:

— Тише. Можно бежать.

У Бориса нестерпимо похолодело в груди.

— Можно бежать, — вразумлял шепот, — потом нельзя будет.

Борис буйно колебался...Что делать с формулой? Шифр еще не был открыт. Неизвестно, как дела Уикли. По отношению к Александру Тимофеевичу надо быть благородным, чтобы не терять веры в себя...

— Я не предупредил товарищей, — прохрипел он, — что с ними делать?

Шепот задумался. Потом в нем звонко зажужжали слезы:

— Идите все вместе. Это все равно ведь. Беги, скажи им.

Козодоевскому стало жарко. Все спасено — надежды и планы. Кроме того, герой торжества — он, непризнанный и забытый! Кое-как одевшись, он снова побежал по коридорам, ступенькам и цветникам. Пленники вставали один за другим, с мужеством недоверия и молодости.

— Только зайдите ко мне домой — и вы убедитесь, — умолял поэт.

В его комнате пленников ждал трагический шепот Эйридики.

— Все в сборе? — спросила она и, получив робкий ответ, продолжала:

— Запомните хорошенько. Когда выйдете на свет — прямо на север, потом прямо на запад, потом прямо на юг — всего понемножку. Концом северной дороги будет начало маленькой новой горной цепи; концом западной — развалины медресе времен Тимура; конец южной увидите сами. Не бойтесь, я была первой ученицей по географии, а у нас это много значит. Ну, да я вам дам компас. Идем!

— Как же идти-то в чучельной одежде? И холодно, купить ведь не на что, — с отчаянием прошептал Сергей.

— О деньгах не беспокойтесь. Я, как у вас говорится, накарала из музея много новых советских денег.

— Сколько? — стуча зубами спросил белогвардеец.

— Одну тысячу рублей. Больше нельзя было; там осталось еще сто. Идем.

Через парк Ангелеха, городскую дорогу, водораздел и голубые поля ананасной картошки она провела их в маленький, низкий сад, где пахло простыми розами, а около мерцающего, голубого, под лунный камень, домика спала на привязи серна.

— Жаль, что ты не успел узнать наших мистических культов, поэт, — шепнула Эйри дика Борису.

Но он не пожалел об этом: не могла, по его твердому убеждению, исходить от прокаженных и недопрокаженных женщин путная мистика, ибо она должна быть окутана красотой.

Арт Броунинг, наоборот, подосадовал на мгновение, что не остался в этой дальней экскурсии еще месяца на два.

Но сетовать было поздно. Зазвенели ключи. Эйри-дика открыла крошечную дверь в скале. Когда пленники один за другим вошли в кромешную тьму, она тихо сказала:

— Это очень длинный тоннель. Стражи тут нет. Через это отверстие приходит и уходит судьба. Возьмите деньги и концентрированную пищу.

— А разве ты разве не идешь с нами? — осторожно спросил Козодоевский.

— Нет.

— А почему?

— Ну, я не стану с тобой здесь объясняться, холодно, кроме всего. Возьми тросточку.

Арт уже сделал несколько шагов вперед, в глубину тоннеля. Сережа спокойно ждал конца щекотливых переговоров Козодоевского.

— Прощайте, — сказала девушка из-за порога, — не разговаривайте в тоннеле.

Она стала медленно закрывать двери, но вдруг пахнула их снова.

— Поэт!

— Я слушаю.

— Узнай же правду. Бежать можно было и в другой раз, но я боялась переменить свое решение. Я боялась, что не выпущу тебя потом. Я не спала ночью, вскочила и побежала.

— Зажигалку! Фонарь! — оглушительно прошептал Борис.

— Я не могу дать вам в руки ничего, что имеет фабричную марку Республики.

Дверь захлопнулась, и ключ медленно повернулся в замке. Девушка, казавшаяся Борису загадочной, как апокалиптическое животное, окончательно сделала свое дело.

— Пошли, что ли? — спросил Сережа.

Все стали тихо продвигаться вперед. Авангард, в лице Арта и Джелала, отобрав у Борис тросточку, оказавшуюся на ощупь простой крепкой камышинкой,

пробовал дорогу. За ними Сергей и Уикли вели шмыгающую носом Галину. Сзади цеплялись друг за друга Борис и поручик. Эта группировка не изменялась более в течение всего тоннельного пути.

А путь не измерялся временем.

Вдруг Сергей остановился.

— Я думаю, что это западня.

— Игра сделана, — оборвал Арт. — Не разговаривайте в тоннеле.

Путь не измерялся временем. Погружаясь все глубже и глубже в непроходимое однообразие темноты, экспедиция теряла одно за другим свойства человеческого сознания: время, пространство, цель. Если бы пришлось умереть от усталости, вряд ли это событие было бы замечено самим пострадавшим. Не жаловался никто; каждый шел, стиснув зубы и жадно ободряясь хриплым, овечьим дыханием попутчиков. Когда подламывались дрожащие от неуверенности ноги, устраивалась остановка. Обшарив тростью каменный пол тоннеля, беглецы робко усаживались поближе друг к другу.

Переменой судьбы был переход от искусственного пола к простой мягкой земле, куда менее удобной для слепого путешествия: то там, то здесь попадались камни. Глухой мрак вступил в фазу новой бесконечности; дорога кружила заворотами. Наконец во тьме закачалось серое пятно.

— Светает! — вырвалось у Сережи.

Испугавшись знакомого голоса, ставшего таким слабым и дрожащим, все бросились вперед и, спотыкаясь друг о друга, бежали до тех пор, пока пятно не разрослось в изумрудные сумерки рассвета. Дальше пришлось идти по острым камням, но становилось все светлей и светлей. Скоро в двенадцать глаз ударил

солнечный блеск. Это было маленькое отверстие в мир, заросшее буреломом, хаосом, полынью и птичьим пометом. Исцарапанные и помятые беглецы кое-как выбрались наружу. Пошла своеобразная переключка:

— Компас?

— Есть!

— Деньги?

— Есть!

— Нефритовая фигурка?! — внезапно, с новым отчаянием вспомнил Борис.

Воцарилось молчание.

— На сей раз погибла окончательно, — с напускным хладнокровием отозвался Сергей и вскрикнул. — Ой, ребята! — Его взгляд упал на компасные часы в руках Уикли. Это был компас, потерянный в начале странствий белогвардейским поручиком. Арт уставился в глаза Александра Тимофеевича свинцовым взглядом:

— Вы не теряли его! Прокаженные нашли компас в вашей старой одежде. Девушка украла его из музея вместе с деньгами. Так?

Лицо Александра Тимофеевича стало пепельным.

— Так. Но я...

Арт повернулся к нему спиной.

Дорога на север шла среди невысоких предгорий. Стоял теплый солнечный полдень, но путешественники страдали от холода в своих шелковых хламидах.

— Братишки, братишки! А я что-то понимаю, — вдруг забодрилась посиневшая Галина.

Джелал обрадовался.

— Чиво понимай, ой джена?

— А вы слушайте. Эта чертовка-то, Аритика, говорила, что нельзя нам дать вещей из республики, — а платье-то, а? — хохлушка хитро засмеялась.

— Да, да! Как же это как? — воскликнул Сережа.

— А так, — объяснила Галочка, — что одежду-то мы изорвем.

Все развеселились.

— Ну, лоскутки-то мы доставим в Москву, — сказал Сергей и спохватился. — Э-э, нет! Проказу разносить не дело. Ведь прививки-то, небось, в Москве нет?

Г л а в а XVIII

Гибель надежды

На вторые сутки сравнительно гладкого пути они достигли той самой, по-видимому, «маленькой, новой горной цепи», о которой говорила Эйридика. Ноги их были изодраны в кровь, сандалии и шелковые чулки разбиты, искромсаны и брошены. «Быть может, когда-нибудь они будут служить нам вехами», — пошутил Арт, пытавшийся запомнить дорогу. Концентрированная пища поддерживала последнюю долю их сил в ровном и неизменном состоянии. Более всего страдали путники от холода. Днем их стянувшаяся кожа жадно пожирала солнце, ночью они спали, сбившись в тесную кучу, и тогда труднее всего приходилось Александру Тимофеевичу. Хотя никто не решался отказать ему в той товарищеской близости, в которой не отказывают друг другу животные, но все поворачивались к бедному подлецу спинами, и только Борис робко спал в полоборота.

Однажды Сергей сказал: «Если бы мы не отъелись в этом проклятом доме отдыха, нас больше не хватило бы шляться!» Борис пригорюнился и весь дальнейший путь не мог отделаться от досады и жалости к себе. Ему казалось страшной несправедливостью терять силы, накопленные кое-как с помощью санаторного режима прокаженных.

На следующий вечер пути на запад, глазам экспедиции открылась роща нищенских палаток и волна овец. Это было становье кочевников, спускавшихся к зиме в долину. Галина, Джелал и Борис ринулись бегом вперед, но Броунинг осадил их строгим окриком:

— Нельзя! Мы с проказой!

После долгих сетований и проклятий экспедиция была вынуждена снять с себя все до последней нитки и завалить платье землей. Арт спохватился, когда уже было поздно. Синева военно-морских путешествий всенародно ухмылялась с его спины всеми своими именами, датами и эпитетами. На бедре Джелала красовались мусульманские буквы, стройные и хитрые, как гурии магометова рая.

Формула!

Единый ток встряхнул и соединил Бориса и Александра Тимофеевича. С этой минуты союз преследователей формулы был восстановлен.

Экспедиции пришлось бы бросить и деньги, если бы Сергея не осенила счастливая догадка:

— Да ведь бациллы живут едва лишь три месяца, а деньги-то были два года в музее под стеклом! А Борисова невеста и не прокаженная вовсе.

Серебро и бумажки были извлечены из кисета и тщательно перетерты сухой землей. Сергей и Джелал понесли их в горстях.

У кочевников и их курчавых пастушьих собак нет ни следа чувства юмора, — «благодаря экономическим условиям», подумал голый, как Адам, Щеглов. Обугленные люди встретили процессию угрюмо-удивленными взглядами; женщины, с мрачным спокойствием, отвернулись. И только когда Джелал, залившись полупритворными слезами, крикнул «Басмач!» и указал в пространство, был отозван пес, успевший прокусить ему икру. Кочевники, не торопясь, сменили негодование на сочувствие. Теперь необходимо было объяснить, почему басмач оказался в дураках и не отнял у путников денег. Экспедиции оставалось только радоваться, что даже Джелал не знает наречия кочевников!

О последних принято думать, что у них нет ни кола, ни двора, а единственная рубаша истлевает к концу жизни своего владельца на его буйно обросшем грязью теле. Двора у кочевников нет, но в их багаже, навьюченном, в качестве седла, на шкодливых лошадей, водятся и ватные штаны, и сапоги, и халаты.

Экспедиция оделась, сладко выпалась и ушла рано утром, откупившись всем имевшимся в наличии серебром и обрета новую концентрированную пищу — мешок булжников, гальки из затвердевшего, как ископаемые, кислого молока и сыра.

На новый ночлег экспедиция устроилась в тех развалинах медресе времен Тимура, которые открывали последний переход — на юг.

***

Заседание в 30-и шагах от общего ночлега было открыто. Борис, Александр Тимофеевич и Уикли сблизили головы:

— Уикли, ну?

Джонни с болезненной ясностью вспомнил вечер в Республике, когда Броунинг заботливо повел его к себе еще всхлипывающим от нервного припадка; потом суховатая нежность Арта, новое английское детство, мягкий полусвет над книгами... Потом долгая ночь, в течение которой Джонни полублагоговейно, полуворовски прислушивался к дыханию старшего друга и мелко переписывал татуировку формулы на развернутый мундштук папиросы.

Он подавил вздох и закрыл глаза:

— Готово.

Козодоевский и поручик вздрогнули от радости. Поэт, найдя в темноте руку Уикли, нервно пожал ее жестом, заимствованным у Арта.

— Как быть с Джелалом? — шепнул Александр Тимофеевич. Это был злободневнейший вопрос после открытия новой татуировки.

— С Джелалом никак нельзя быть. Ведь и спим-то мы в одежде.

— Что ж делать?

— Когда человек знает, что делать надо, — Борис гипнотизерски подчеркнул надо, — значит, сделает.

— Да?

— Конечно, да.

— Идем обратно.

Стояла ясная, холодная и необычайно тихая ночь. Звезд казалось так много, что они точно сыпались за горизонт каким-то перемежающимся сверканьем. Прямо над развалинами медресе сиял темно-оранжевый Мара Борис вспомнил, что у него изредка бывали драгоценные минуты покоя в крови, и подумал, что одна из таких минут наступила сейчас. Заседатели бесшумно добрались до спящих товарищей и улеглись между ними. Кто-то сладко вздохнул во сне, не то Сергей, не то Джелал.

Едва Борис начал засыпать, его словно качнуло и понесло. Невольно он открыл глаза и закрыл их снова, желая повторить ощущение. Где-то вдалеке что-то дребезгливо прогромыхало.

«Что это? как телега?» — с сонным умилением подумал поэт. Внезапно странное давешнее ощущение повторилось с такой силой, что он с криком схватился за сердце и хотел подняться, но был отброшен на кого-то спящего рядом. Где-то, словно под собственными ногтями прогрохотал огромный глухой гром.

— Александр Тимофеевич! Саша! Саша!

Все разом проснулись в невыносимом страхе и отчаянии.

— Что такое?

— Ребята, Галина!

— Что случилось?

Вдруг высоко поднялся голос Джелала, полный такого животного ужаса, что Галина, закрыв уши, сама тонко и жутко завывала.

— Иеркамелайде!¹⁾

Одной рукой прижав к себе жену, а другой зацепив упирающегося Сережу, Джелал бросился к синему звездному выходу. Все рванулись следом.

Борис понял. Каждый нерв его лопался от острой боли.

Землетрясение! Настоящее!

В это мгновение пригорок под ногами поэта вздрогнул, как от удара непомерного хлыста. Глубокий глухой гром не заглушил другого, странно близкого удара. Джелал и Уикли не слышали его: обвалившиеся остатки купола древнего медресе погребли их под собой. Последний удар продолжался не более пяти секунд. Все затихло в невыразимой неподвижности. Галина, сидевшая прежде на земле рядом с мужем и Джонни, только теперь вполне поняла, что произошло. Она встала и, не глядя ни на кого, начала как будто лениво, но со страшной силой разбирать упавшие камни.

Сергей и белогвардеец бросились к ней на помощь. Борис корчился на земле в тихом нервном припадке...

В эту ночь умер под развалинами Джонни Уикли, бывший субалтерн-офицер английского воздушного флота. Джелал остался жив и каким-то чудом не очень искалечен. Когда их извлекли из-под камней, уже светало, а в лощинах остро и звонко пели птицы. Броунинг не скрываясь заплакал. Никто не спрашивал ни о

---

1) *Землетрясение*

чем друг друга, только Галина и окровавленный Джелал молча взялись за руки и прислонились к стене медресе.

Арт заговорил чужим и словно каким-то пробным голосом: «Что страшнее всего, друзья, в землетрясении? Мы привыкли видеть, что никогда ни одна стихия не бушует сама собой: она бушует по вине другой стихии — например, море от ветра. Так мы видим. А в землетрясении кажется, будто все происходит само собой... именно... само собой...»

Сергей побоялся ответить ему. Александр Тимофеевич, весь опустившийся и старый, подсел к Борису и шепнул ему на ухо:

— Сироты мы! Формула наша погибла.

Борис встал, подошел к телу Джонни и заплакал.

Г л а в а XIX

Последний переход

Для могилы Джонни нашли место, похожее на Англию оттенком почвы и двумя молодыми корявыми деревцами: если не наклоняться или вовсе лежать, из-за листвы не было видно страшных снежных гор.

С противоположной стороны горы мягко понижались, а с двух остальных... «Но не станет же мальчик ворочаться», — с печальной улыбкой утешил себя и Галину Арт.

Нужно было продолжать путь на юг. Но чем дальше позади оставалась смерть, тем больше грустил Борис, крепко соединявший в своем воображении гибель друга с беспомощными глазами, гибель выгодной и славной формулы и гибель своей совести. Ее беспричинные, в смысле смерти Уикли, угрызения имели, правда, чисто поэтический характер.

У Джелала все больше и больше разбалчивалась от ходьбы нога, но ввиду того, что на ней не было раны, а только глубокий ушиб, и заражение крови Джелалу не грозило, все относились к его героическим гримасам с дружеским поощрением.

Этот последний переход был самым длинным, суток на пять. Еще далеко от конца его у экспедиции не осталось уже ни одного камешка концентрированной пищи кочевников; но сейчас голод уже не действовал так сильно, как во время первых блужданий в горных тущобах после плена у басмачей. Всяк возмужал по своему.

Сергей стал суровей и самоуверенней; ни он, ни Броунинг ни на минуту не забывали, что несут на себе драгоценный подарок стране Советов. Галина неот-

рывно прислушивалась к закипавшей внутри ее новой человеческой-жизни. Джелал выучился всем революционным песням у Сергея, — а Уикли умер.

На этом же тяжком болотистом пути Арт Броунинг вспомнил о зеленой нефритовой фигурке:

— Пропала, и безнадежно. Никаких гвоздей для науки.

— Зато мы получили свободу, — отозвался Сергей, остановившись на краю трясины.

Арт ухватился за ствол черного прогнившего деревца.

— Только сама жизнь может так нелепо выворачиваться из сложных положений, — продолжал он, — литература — нет. Товарищ Борис, ведь вы бы никогда не устроили такого конца, как у нефритовой фигурки?

— Конечно, нет. Что вы! — обиделся Козодоевский, и Галина почему-то пожалела его.

Сгорая от напряжения, путешественники шли с короткими отдыхами и днем и ночью.

На одном из рассветов они достигли какой-то шумной и быстро несущейся воды. К этому часу уже успела зайти ослепительная молодая луна. Кругом толпились горы, гремели эхо и, казалось, бушевали бесплодные скалы. Переплыть реку было невозможно, да и никто не знал к тому же, надо ли ее переплывать.

— Я хочу спать, — сказала Галина и легла на холодную землю. Постепенно ее примеру последовали все.

«Как хорошо, что мы не можем уже мыслить», — подумал Сергей, закрывая глаза, и тотчас же широко распахнул их снова от нестерпимой радостной догадки. От усталости ему показалось даже, что эта не терпящая возражений мысль вползла через левое ухо, повернутое к земле.

— Это река Аму-Дарья!

Делиться этим открытием с кем-либо было нельзя, чтобы не отнять у товарищей последней энергии, если надежда окажется напрасной. Кое-как справившись со своим беспокойным счастьем, он отвернулся лицом к скале.

Диким пасмурным утром, когда грозила обвалом серебро-свинцовая руда низких облаков, по горной дороге на низкорослых лошадях проезжали два всадника. За плечами у них были винтовки, а на головах суконные шлемы с красной звездой во лбу. Они молча держали путь на восток.

Завидев группу спящих людей, очевидно, по костюму — кочевников, они удивились отсутствию баранов или верблюдов, но проехали бы мимо, если бы младший не заметил, что один из кочевников лежит на самом скате скалы. Красноармеец слез с лошади, с укором поглядел на Аму-Дарью, покачал головой, не спеша подошел к спящему и тихо оттащил его в сторону.

Арт Броунинг проснулся.

— Сережа? — спросил он, но испугался, что бредит: над ним склонялось незнакомое лицо.

— Ты чего? — красноармеец даже не понял сначала русского слова, потом сразу опешил и окликнул другого. Тот подъехал на своей коротышке-коняке. Путешественники все, кроме Арта, продолжали крепко и мучительно спать.

— Ты — товарищ? — не верил своим глазам Броунинг.

— Ясно — товарищ, а то кто же? — пограничники переглянулись.

— Мы — разрушенная экспедиция.

Ребята не поняли. Арт подробно объяснил оба слова,

потом, совестясь, рассказал о басмачах и блужданиях.

— Да ты не русский, что ли?

— Я — англичанин.

Пограничники снова переглянулись. Арт растолкал Серережу. Тот встал шатаясь и прислонился спиной к своей скале. Он сразу сообразил обстановку, но еще долго оставался в тайном убеждении, что это происходит во сне. Объяснение со всадниками пошло на лад.

Путь красноармейцев лежал на погранпост, затерянный в горах, над кипящей и темной Аму-Дарьей. Они сравнительно спешили, но дело «разрушенной экспедиции» требовало немедленного выяснения. Приходилось возвращаться обратно в только что покинутый кишлак, где милиция, комсостав и все, что надо.

Безнадежно отупевшим от радости Борису, Галочке, Джелалу и Александру Тимофеевичу они помогли встать и ввиду того, что нельзя доверять частным лицам ответственную лошадь, усадили женщину и веселого калеку — таким оказался Джелал со своей ногой — впереди себя. Продолжалось дикое пасмурное утро. Пограничники ехали медленно и тесно, конь-о-конь. Младшего звали Павлушкой, имя другого так и не привелось узнать. Первый рассказывал что-то мирное и деревенское о Белоруссии, о белых грибах; когда заморосил вдруг острой пылью острый пушистый дождик, Павел словно обиделся и замолчал. Другой, постарше, коренастый, с дальнозоркими и немигающими серебряносветлыми глазами, часто оглядывался на идущих сзади; несколько раз он мягко и невнятно подавал короткие фразы, но они поглощались шумом Аму-Дарьи.

— Телеграф... Телефон... — эти полные надежды слова добирались до сознания путников и так же бес-

следно поглощались этим отуманенным сознанием. Только добровольческий поручик, как бы в противоположность остальным, проснулся именно сейчас. Животный ужас поддерживал его под оба локтя. Два пограничника с красными звездами во лбу казались все сильными вершителями судеб, а бежать было некуда.

Часа через четыре «разрушенная экспедиция» попала в угрюмый, но многолюдный кишлак. Их обступило население в бешеных мохнатых шапках... Слова «телеграф» и «телефон» сновали уже где-то над самым ухом; суровый, но дрожащий от малярии красный командир оглушительно скрипел пером по дну чернильницы... Путешественники теряли из памяти каждую прошедшую минуту. От всего кишлака у них сохранился образ огромной чаши с желтоватым пловом. Эта чаша пустела и наполнялась пятикратно. В первый раз жирный плов был пересыпан подгорелыми кусочками баранины, второй раз обрывками прозрачного, красноватого жира, третий раз в нем вовсе не было мяса; в четвертый он плотно лежал пол ломтями жареного баклажана, а в пятый светился от зеленого кунжутного масла...

Все окончилось почему-то благополучно. Тошнило, выворачивались внутренности, а телеграф делал свое дело. Два знакомых пограничника уехали по своим делам; красный командир лег, стуча зубами, под серое байковое одеяло, и от кишлака потянулась бледная широкая дорога на Термез.

В Термез они пришли при том же пасмурном небе. Пристань каюков была пуста, путники сели, охватив колени руками или обняв друг друга.

— Ну, здесь уж конец, — сказал членораздельно Сергей, — амба! Запарился я, братцы, как корова.

Туман медленно рассеивался, не то в сознании, не то над самим Термезом.

Из небольшого деревянного барака вышел, сокрушенно покашливая, большой обвислый русский старик. Приметив расположившуюся на отдых группу диких кочевников, он рассвирепел от удивления.

— Ы-ы, разбойники, пшла! Паашла! — то рычал, то лепетал он. — В горах с басмачами вам мала гулять, чучья ягода? В Термез воровать пришли! — Он был однако не из трусливых. — Чтоб через двадцать четыре, бисту чар секунды, мать твою семью часами с кукушкой, ноги вашей здесь не было!

— Термез! — неожиданно взвыл Джелал. — Ой, Термез, Термез!

— Проспитесь с вашей кукушкой, гражданин! Где Орточека? — Сергей поднялся во весь рост.

У старика медленно выкатились из орбит и повисли фаянсово-голубые глаза с красными и желтыми жилками... Русские...

— Не имеете права матюкать угнетенные национальности! — крикнул Сергей.

— Не имею.

Галина не выдержала и прыснула звонким счастливым смехом. За нею засмеялись все. Сережа осторожно фыркал, стараясь сохранить грозное выражение бровей. Старик, нащупав подозрительным фаянсовым оком, что недовольных не осталось, восторженно раскашлялся.

Джелал буйствовал. Он смеялся, плакал, икал, шумно волочил по пристани свою больную ногу.

— Термез мой настоящий дядька живет! — хрипел и звенел он. — Термез мой дядька! Ой какой я радый, что мы дорога кончал! Я мой дядька пойти один час, охо-хо, — скривился он, припав на ушибленную ногу. —

Хочу мой дядька джена показать! Идем, джена! Пиша, Галечка, пшла!

Юноша ускакал, ковыляя и таща за собой недовольную Галину.

Час спустя путешественники ввалились в чай-хану.

— Самовар? — ахнул Козодоевский, — господи, с ручками?!

— Чаю, урток, хлеба! — волновался Сережа. — Много чаю, понимаешь? Хлеба тоже много. Много чаю, шурпа много, плов много.

— Не увлекайтесь, Седжи, — разгуливал за ним тенью Арт, — умеренно. Вы, русские, действительно широкая натура.

Но Сергей, Козодоевский и прихвостившийся поручик уже обжигались чаем. Арт выдрал из-под носа у Бориса огромный корж и успокоился. Хозяин и несколько посетителей смотрели на русских гостей во все глаза, обмениваясь междометиями восхищения. Вдруг Козодоевский застонал:

— Господи, боже мой, я ж есть хочу!

— Ешь, ешь, Боренька, — промычал Сергей, — ешь, голубчик!

— Не могу. Хочу и не могу.

— Будьте умеренны! — забормотал Броунинг, прожевывая второй корж.

Потом появились недоваренная шурпа и плов с морковкой, не похожий на вчерашнюю полугаллюцинацию в кишлаке.

— Мне кажется, что я умираю, — сказал Сергей, — неужели это мой собственный живот?

— Я говорил, что после голода необходима осторожность, — злорадствовал Арт, дыша, как рыба.

— Как же это так? — жаловался Борис. — Ведь я не

мог? А принесли шурпу — поел, принесли плов — поел. Ах, зачем я смог? Почему я смог?

Объевшийся поручик подхалимно сидел на корточках и судорожно раскачивался:

— Мутит меня, Борис Иванович, ох, мутит. Водочки бы сейчас? Вернейшее средство.

Борис поморщился. Эйридикины деньги были у Сергея или у Арта. Он небрежно обратился к двум друзьям:

— Ребята, деньги у вас, кажется. Извлеките-ка червячок. Мы вот с Александр Тимофеевичем лечиться хотим.

Арт засунут руку в карман и вытащил оттуда музейный шуршащий червонец. Борис передал его поручику.

— В два счета. Одна нога там — другая здесь, — заюлил тот и смылся. Арт поглядел ему вслед и с ожесточением плюнул:

— Отвратительный индивидуум. Мне даже как-то легче стало.

— Не человек, а стерва. — Сергей потянулся. — Соснем, братишки.

Минуту спустя вся троица, добравшись кое-как до темной каморки, ожесточенно заснула.

Проснулись уже при звездах и опять уселись на паласе в чай-хане.

— Шурпа, плов, чай и вообще. Много, — объяснялся с хозяином Щеглов. Таджик глядел на него с бездонным уважением.

Снова поели. Потом снова отправились спать. Ночь прошла в диких кошмарах, а утром Щеглов сказал:

— Конец. Теперь, кажись, все. Только челюсти немало побаливают. Подсчитаем финансы.

И ПОСЛЕДНЯЯ

Перед тем, как сесть на поезд Термез — Самсоново, экспедиция, за исключением пропавших молодоженов и запьянствовавшего, к общему облегчению, белогвардейца, пару дней гуськом слонялась по учреждениям и базарам. Неожиданно для этих мест выпал куцый снежок.

Броунинг наслаждался дружественным молчанием и огромной махорочной трубкой, возвратившей ему английский профиль. Сережа длинно читал в спину Борису уроки политграмоты, вполне сознавая всю безнадёжность этого дела. Отходчивая стихия Сергея, наперекор рассудку, волновалась дружескими воспоминаниями о длинных теплых прогулках по Самарканду и Яккабагу.

На термезском базаре Козодоевский крепко любил Сергея и власть Советов.

«Я — хамелеон», — думал он с неопределенной гордостью...

Александр Тимофеевич появился на третий день, опухший, затравленный и опасливый. Он, униженно заикаясь, сообщил, что остается служить пока у частного в Термезе и что, только увидев воочию советские торговые вывески, он понял, как мало дорос еще до красной Москвы.

— Где Джелал? — закусил мундштук трубки Броунинг, когда белогвардеец отхлынул.

— Придет, где бы ни был, — уверенно ответил Сергей.

Настал день отъезда. На маленькой железнодорожной станции собрался отъезжающий народ. Степенные немцы Востока — белокурые таджики — бесконечно

пересматривали содержимое своих пестрых куржумов. Глядя на эти ковровые мешки, Сергей почему-то горько вспомнил и вздохнул об одинокой судьбе ишака Томми и верного Стусана. Потом затолкались веселые туркмены в сумасшедших, мохнатых шапках, и пошел дождь.

Часа за два до посадки в толкотне показались Джелал и Галина.

— Гы-ы-ы! Гип-ура! Хе-хе! — оглушительно приветствовали их Сергей, Арт и Борис, но осеклись. Джелал был бледен и изможден до неузнаваемости. Его черные глаза отупели и погасли, кожа на скулах дрожала.

— Сыριοжа, — отозвал он в сторону Щеглова, — Сыριοжа! Мы все пропал. Был на мой наге твой тайна. Нет твой тайна.

У Сережи застучало в висках. В это мгновение подбежала Галина.

— Сергейка, сердынько. Что он тут каже? Вин скаженный! Он сумасшедший. У него нога больная была, я ее сырым мясом обложила. У дядьки-то его барана закололи даром, что ли? Даже жалко, чтобы даром: дядька у него какой бедный!

Сергей едва понимал, что говорит Галочка.

— Сергеенка, я обложила сырым мясом! Все как рукой сняло, погано только, что надпись твою тоже сняло.

Броунинг, стоявший чуть поодаль, тревожно насторожился. как только речь зашла о сыром мясе, которое считается лучшим средством для сведения татуировок. Он подошел ближе.

Джелал плакал, низко опустив голову.

— Седжи, погибла формула?

Сергей отер со лба холодный пот.

— Броунинг! Да.

Все молча сели в вагон, где уже устроился Козодоевский.

— Что с вами такое? — спросил он. — На всех четырех лица нет.

— Не трогай сейчас, Борька.

В каменном отчаянии Сергей обернулся к окну. Морозный ветерок трепал его кудри; по перрону бегали красноармейцы.

— Отпуск-то просрочен. — Неожиданно по-старому защемило сердце у Сережи и продолжало щемить все крепче и слаще, пока в памяти проносились серое здание ВСНХ, оснеженная Варварка, мосты, башни, институт имени Карла Маркса, тихий бульвар...

Вдруг Щеглов заметил в перронной толпе знакомое лицо — жесткое, спокойное, румяное, с волнистой черной бородой.

С пальцев этого человека стекали крупные, светящиеся зерна янтарных четоков.

— Купец из Каравансарая. Борис! Борис! Борис! вон мой купец с легендой про Хевес-Хюти.

Лицо скрестилось с глазами Сережи жестким зрым взглядом и озарилось наивной улыбкой.

— А, русс, русс, товариш! Как здоров?

Борис и Арт подбежали к окну. Сергей еле сдерживался, чтоб не сорвать на первом виновнике просроченного отпуска накипевшую белым ключом боль.

— Как здоров? — продолжал осведомляться рассказчик легенды, но внезапно, вспомнив что-то, залился беззастенчивым жирным хохотом:

— Русс, ай русс, ай товариш! Келемен, Сефес, Керешет нашел? Абджед... хевес... хютти...

— Ну, ну! Да ну же! — трепеща перевесился за окошко Борис.

Чернобородый продолжал заливаться:

— Знаешь книжка для маленький русский дети — азбук. Картинки есть. Келемен-Сефес — мусульманский азбук. Ай, товариш!

— Невозможно!

— Почему невозможна? Абжед значит — буква Абд... Хевез значит — буква Кхэ; Хютти значит — буква хи, Келемен — значит буква ке простой.

Он долго объяснял арабскую азбуку и повествовал что-то своим перронным приятелям, указывая на окно вагона. Лязгнул второй звонок.

— А книга Джафр-и-Джами? — с отчаяньем крикнул Козодоевский.

— Ай, русс, правильно помнил! Есть такой мусульманский книга «Джафр-и-Джами», но она нигде нет.

Поезд тронулся. Перрон скрылся из виду. Колеса заладили колыбельную. Арт задымил трубкой, сгорбившись в углу вагонной скамьи.

— Товарищ Сережа! — тихо позвал он наконец.

— Что, Артюша?

— Значит, это арабская азбука. — Англичанин с успехом попробовал улыбнуться. — Я хотел бы откровенно сообщить вам, что я идиот. Когда я пробовал изучать начатки арабского языка, я уже знал, что значит «абджед-хевез-хютти». Потом я не сообразил: на подоле у нефритовой фигурки это выглядело гораздо помпезней. А когда Борис рассказывал про купца и поппа, я был еще глуп после катастрофы с аэропланом.

При остром воспоминании о потерянной статуэтке Сергей досадливо нахмурился. Борис не слышал разговора. Он до половины высунулся в окно. Арт хотел было продолжать, но махнул рукой и крепко затянулся махоркой.

— Артюша, можно пока не говорить о формуле? Больно...

— Ясно.

— В Москве... Впрочем, ведь можно пока не говорить.

Арт выколотил трубку о край вагонного столика. Сережа подождал, пока это мелкое постукивание прекратилось.

— Впрочем...

— Ну?

— Так ли уж до зарезу нужен был этот газ Советскому Союзу?..

Поезд прибавил ходу и переменял ритм.

ЭПИЛОГ

Лю-Чен-Чан длинно улыбнулся:

— Нет, я с севера. Я немного времени жил в Пекине и немало времени в Харбине — А Лю-Си-Фа?

— Лю-Си-Фа с юга... Шанхай. А вы не деретесь?

Лю-Чен-Чан улыбнулся еще длинней.

— Зачем? Мой отец один кули, его отец другой кули.

— Товарищ, тише! Свежий номер!

Сону из Тибета распахнул руки во всю длину коридора и не пропустил дальше ни тувинца, ни калмыка.

— Читай!

Китаец пришел к ним на помощь. Газета неожиданно очутилась у Джелала:

— «Твердолобым! — орал он по складам, отбиваясь от нападающих, — наша! помощь! не понравилась!»

— Ого, не понравилась!

— Пондравин-мандравин, — бегло вспомнил Джелал чернобородого купца с легендой, — дурак я был тогда...» — и продолжал: «Горняки не сдаются. Подкрепление...»

Газета вырвалась из его рук и перелетела в другие... Но Лю-Си-Фа читал тихо и трудно.

— Пойду к Сереже, — восторженно решил Джелал, — Галочки дежурство кончается в одиннадцать... Еще три часа...

Пробравшись сквозь толпу, он поправил тибетейку и спустился по лестнице. На улице он снова, по недоверчивому обыкновению, повернулся к дому, из которого только что вышел: на вывеске по-прежнему было написано с потрясающей ясностью «Коммунистический Университет Трудящихся Востока». Джелал пре-

зрел закон правой и левой стороны и стал отчаянно грести руками и ногами вниз по узкой и бурной Тверской. Электричество, еще смуглое и желтое в резкой вечерней синеве, заливало каждый уголок его памяти свежим светом.

Дойдя до Глинищевского переулка, где ему надо было свернуть налево, он раздумал: под боком в общезжитии Коминтерна жил Артур Броунинг.

— А, «кутва» пришла!

В комнате было накурено. Хозяин с хитрым злорадством поглядел на измучившие его чертежи, от которых мог теперь, ради гостя, законно оторваться.

— Здравствуй, товарищ Арт!

Джелал удобно уселся в кресло, потянул со стола газету и с удивительным искусством покрутил носом. Газета была английская.

— Товарищ Арт, я хочу тебя спрашивать. Что в газете пишут? Горняки победа?

Арт задумчиво поглядел на гостя:

— Ну, конечно, горняки... — и помолчав добавил, — рано или поздно.

— Зачем поздно? Ну почему поздно. Сейчас — нельзя?

Арт еще помолчал.

— Уже.

— Уже? — Джелал подскочил в кресле.

— Возврата к старому нет. Теперь они не будут верить плохим вождям.

Джелал цвел. Но того, зачем он пришел сегодня, он не успел сказать Броунингу. Уже два-три весенних вечера юноше было как-то удивительно легко и уютно; вчера в первый раз мысль о погибшей надписи на ноге вызвала у него улыбку, он даже стал ступать на эту опозоренную ногу с особым ударением и удальством!

Именно о причине собственной беспечности он и хотел спросить англичанина, когда в комнату ввалился Сережа. За истекшие месяцы у Щеглова еще больше прояснился лоб и развернулись плечи; он оброс новым спокойствием, уладился в ячейке и стал студентом-химиком Карповского института.

— Тысяча Макдональдсов! Джелал! — Электрическая лампочка заморгала от могучего окрика... Друзья не виделись уж около трех недель.

— Я, товарищи, тово-с... — блестяще оправдался Сергей, — с кислородами разными это самое... Вдруг он засмеялся. «Киска лягавая»! Кислород-то! Ловко все-таки было зашифровано, а?

После легкого и острого молчания Броунинг, точно освеженный из-за угла прохладой горных садов, разразился философией:

— Человек ко многому привыкает...

Не дождавшись возражений, он продолжал:

— Если бы сегодня совершенно внезапно и неестественно устроились международные дела, вроде оккупации земли марсианами, то в четверг марсиане вошли бы в наш домашний быт, и квартирные хозяйки напустили бы на них дочерей!

— Что с Козодоевским? — заинтересовался, по ассоциации, Сережа.

— Он больной, — Джелал вздохнул. — Галочка сказала...

Броунинг распахнул окно. В комнату ворвался дикой синевой весеннего вечера и воплями газетчиков пробуждающийся Китай. Восточный ветер смел со стола авиационные чертежи и обратился к податливым кудрям Щеглова.

Джелал исповедался, наконец, в своих воспоминаниях и получил вольную.

— Китай восстал, горняки держатся. Зачем нам твоя нога?

— А ты тоже так думаешь, товарищ Арт?

— У нас три реальные силы: Советский Союз; ан-
глийская забастовка, китайская революция.

Сергей подхватил:

— Силы, как и тела, бывают в трех состояниях —
твердом, жидком и газообразном! Мы — в твердом со-
стоянии. К черту сонный газ и прокаженный рай!

Еще с полчаса друзья продержались, не сдаваясь
весеннему ветру. Это было возможно, пока у каждого
не мелькнула мысль навестить Козодоевского. Сергей
первый, стыдясь своей слабости, попытал остальных:

— Я вот думаю, какими бы это... гм... дарами при-
роды осыпать беспартийного?

И дары природы были куплены в складчину в кон-
дитерской Моссельпрома. В переулках весна остано-
вливалась, чтобы отдышаться от бега с газетами —
слышно было, как она дышит. На подъемах бульварно-
го кольца, у калиток, обращалась к трамваям нежная
надпись «Тихо», и мерцали красные именные фона-
рики. Дальше прочно громоздились лиловые громады
домов. Друзья уже приближались к больнице... Прямо
к светлым матовым окнам подступал густой сад; под
ногами закрипел гравий.

— Стоп, ребята! — остановился Сергей, — да ведь
сейчас нас никто к Борису не пустит. И поздно, и при-
ема может не быть!

Но Джелал, хитро засопев, потянул Щеглова впе-
ред. У одного из окон узбек присвистнул, и в окно вы-
глянула молодая женщина.

— Галочка!

— Тсс...

— Она уже здесь две недели сестрой служит, — гордо пояснил Джелал, — мы пройдем к Борису.

Пока Галочка горячо объяснялась с дежурным врачом, молодой муж, поощрительно осклабясь, подтолкнул Сергея:

— Посмотри, у меня скоро сын будет.

Сергей сочувственно пожал ему локоть.

Протекция Галины помогла. Врач задумчиво протер очки и выдал из себя разрешение пройти в палату.

Всякий раз, когда Щеглову случалось навещать кого-нибудь в больнице, он почему-то смущался. Суетился он и сейчас, растерянно ища глазами среди лежащих белых людей Козодоевского. Наконец он узнал его — на похудевшем лице немецкий нос тонкой работы казался еще горбатеи, и одеяло собралось под подбородком, как нагрудник у младенца. Сергей панически свалил весь свой Моссельпром на руки Арта и стал, скрипя половицами, пробираться к постели. Арт и Джелал последовали за ним. Козодоевский радостно зарделся:

«Ценят они меня», — и он сделал вид, что, обаятельно улыбаясь, с трудом приподымается на подушках.

— Селям алейкюм, друзья!

— Здравствуй, пацан!

— Селям алейкюм!

Броунинг, чтобы доставить ему удовольствие, поздоровался по-английски. Борис замедленно принял из его рук хрустящие свертки.

— Фенк-ю.

Сергей ткнул пальцем в матрац.

— Не жестко тебе? А то я тебе пальто принесу?.

— Нет, друг, но тошнит. Долго ли, коротко ли идет человек в тени, которую сам же отбрасывает?

Трое гостей беспомощно переглянулись, не зная, что ответить. Слыша в тишине, как лопаются кое-как завязавшиеся отношения, Борис переменил голос:

— Вам привет.

— От кого?

Он вытащил откуда-то из-под подушки измятую почтовую открытку. Арт дважды пронедоумевал над ней, потом передал Щеглову.

«Задушевный Борис Иванович! Искренне надеюсь, что вы живы-здоровы. Не женились ли? Я еще нет. Все собираюсь написать вам длинное письмо, но “время, время!”, как сказал наш общий друг Шекспир. В Термере у меня приключились некоторые неприятности, и теперь я устроился в Закавказьи, в Нахичеванской республике. Встретил здесь много знакомых — сослуживцев по полку и просто частных. Здесь наш брат-интеллигент занимает хлебные места. Я купил ковры и много курю. До свиданья, душка. Пишите. Привет нашим. Ваш Александр Тимофеевич».

«Категорическая стерва!» — хотел было сказать Сергей, поднимая глаза от письма, но подождал: Козодоевского рвало; сиделка смотрела искоса строгим глазом.

ТИМ ИММОВИЧ

ОШИБКА ИНЖЕНЕРА ДЭННИ

Фантастический рассказ

Рассказ Тима Иммович.

Рассказ молодого советского писателя Тима Иммовича, принадлежащий к серии научно фантастических рассказов. В настоящее время наука еще не видит возможностей к осуществлению идеи Дэнни. Возможность изобретения аппарата Дэнни так же далека от нашей действительности, как и осуществление „Машины Времени“ по известному произведению того же названия Г. Уэллса. Но возможность этого не исключена. Наше время — время великих дерзаний и великих достижений. — В наш век многое „невозможное“ стало обыденным.

Рисунки худ. Сергея Лодыгина.

Опубликован в журнале «30 дней», № 3, 1928 год.
Огромная благодарность г-ну Левчику Андрею
Валерьевичу за предоставленные сканы.

Полезная выдумка ставится в форме вопросительной, в форме догадки: может быть это так? Заранее честно допускается, что, может быть, это и не так.

М. Горький.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.—МУЖ КЭТТИ ТОМПСОН.

В субботу, третьего апреля, Кэтти Томпсон встретила на улице своего мужа Вилльямса. До этой встречи Кэтти не видала его более года, прошлой весной он неожиданно исчез, оставив Кэтти одну бороться с превратностями жизни.

Случилось это так.

Четыре года жили они дружно, в крошечной квартире из двух комнат, на узенькой улице Луизвилля. Вилльямс работал электро-монтером на фабрике, изготовлявшей радио-аппаратуру. Жизнь их текла спокойно и просто, — и через четыре года они были так же влюблены друг в друга, как и в первые дни своей супружеской жизни. Вилльямс посещал вечерние курсы, и его мечтой было сдать экзамен на радио-техника, а потом, быть может, и на инженера. Кэтти верила, что муж добьется поставленной цели, и никогда не упрекала его за то, что увлекаясь своими занятиями, он все чаще и чаще оставлял ее одну.

В последнее время Вилльямс подружился с инженером Дэнни, старшим механиком завода, и часто приводил его к себе. Дэнни приносил какие-то чертежи, и они подолгу разбирались в них.

Речь их была пересыпана формулами и техническими выражениями, непонятными для Кэтти. Часто мелькало слово «радио», а однажды Кэтти не на шутку встревожилась, уловив окончание произнесенного сло-

ва — «лет».

— «Самолет», — решила Кэтти. Она предпочитала другие земные пути сообщения, и аэропланам не доверяла. Неужели ее Вилли задумал летать по воздуху?

После таких бесед с инженером Дэнни, Вильямс плохо спал, ночью вставал с постели, ходил по комнате, и на тревожные вопросы Кэтти отвечал:

— Скоро, Кэтти, мы удивим мир. Ты еще будешь мною гордиться. Дэнни гениальный человек.

Но Кэтти не верила в гениальность Дэнни, и она не понимала, как мог ее большой и веселый Вилли подружиться с таким тщедушным и мрачным человеком, как Дэнни.

И вдруг, неожиданно, Вилли исчез.

Однажды, когда Кэтти приготовила к обеду вкусные пирожки с сыром, — посыльный принес письмо и ушел, сказав, что ответа не надо. Кэтти не сразу поняла смысл коротких строчек:

„Прости, Кэтти, я уезжаю. Наше дело требует уединения. Жди меня и не тоскуй. Деньги на жизнь тебе будут выдавать ежемесячно в Южной банке. Не скучай и прости.

Твой Вилли“.

С тех пор прошло больше года. Вильямс ни разу не писал, и Кэтти, как ни старалась, не могла узнать, куда и зачем он уехал. Дэнни тоже исчез. Банковский агент ежемесячно приносил Кэтти семьдесят пять долларов. Эту сумму, как сказали в банке, отдал распоряжение выплачивать со своего счета инженер Дэнни.

А через год Кэтти встретила на улице Вильямса. Какой-то оборванец, шедший навстречу, больно толкнул Кэтти локтем и, не извинившись, усталой, неровной походкой продолжал путь. Кэтти хотела громко

выразить возмущение, но когда взглянула на оборванца, узнала в нем своего мужа.

Сомнений быть не могло — это был Вилли. Но почему он так странно равнодушен? Почему он молчит и никак не реагирует на радость Кэтти? Почему его костюм превратился в грязные лохмотья, обувь стоптана, точно он совершил далекое путешествие пешком, ночуя где попало, в канавах и под заборами? Бедный, как он похудел и осунулся, должно быть, болен.

За всю дорогу до дома Вильямс не произнес ни одного слова и вообще вел себя очень странно. Он шагал неуверенно, задевал прохожих и послушно следовал за Кэтти, тащившей его за рукав. Придя домой, она, с помощью соседки, тетушки Парсон, сняла с Вильямса лохмотья, передела его в чистое белье и, уложив в кровать, пошла за доктором.

Минут через двадцать Кэтти шла обратно, — доктор обещал быть через час. Неподалеку от дома, где она жила, толпа любопытных следила, как кого-то вносили в автомобиль скорой помощи. К моменту прихода Кэтти, дверцы захлопнулись, и автомобиль, мягко взяв ход, скрылся за поворотом. Кэтти заметила в толпе тетушку Парсон и была поражена смущением увидевшей ее старушки.

— Что с вами, тетушка Парсон?

Но тетушка Парсон сделала вид, что не слыхала вопроса.

Старушка всхлипнула:

— Ах, Кэтти, он попал под автобус...

— Кто? Кто попал под автобус?..

— Вилли, ваш муж.

Но Кэтти не упала в обморок. Старушка ошиблась — как мог Вилли попасть под автобус, когда вот он, сам, идет навстречу, жив и невредим.

Только зачем он снова надел лохмотья? Почему он встал с постели? — И опять Вилли послушно пошел за Кэтти и дал привести себя домой.

Но постель не была пуста, — в ней спал Вилли. В голове Кэтти завертелись мысли:

— А этот? Это кто же? Случайное сходство? Двойник? Перед ней два одинаковых человека — и один из них ее муж. Но который? Как это узнать? Оба они, очевидно, больны одной и той же болезнью: оба тупы и равнодушны ко всему происходящему, и оба молчат. Как узнать, кто из них ее муж?..

И еще тетушка Парсон уверяет, что Вилли попал под автобус. Может быть, это был третий?

Но вот и тетушка Парсон. Ее голова просунулась в дверь. Губы трясутся, голос дрожит:

— Кэтти... Кэтти...

Но Кэтти занята своими мыслями, она не слышит старухи. Тогда тетушка Парсон входит в комнату, тянет кого-то за руку, и с ужасом глядит на двух Вилльямсов.

— Кэтти... я привела... привела... еще...

Кэтти обернулась.

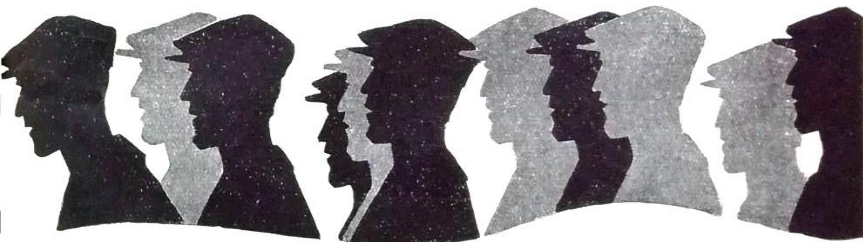
В дверях безучастно стояла фигура оборванца, точная копия тех двух, находившихся в комнате...

В тот же день «Луизвилльская Вечерняя Газета» поместила заметку под названием «Странное сходство». В этой заметке рассказывалось о том, что утром в городскую больницу доставлены трое неизвестных, попавших под трамвай в разных частях города. Все трое были совершенно одинаковы, и сходство их было так велико, что отличить одного от другого было невозможно. Все трое одеты в одинаковые грязные лохмотья, и у всех троих в карманах обнаружены одинаковые вещи, — фотографическая карточка с надписью «Всегда твоя Кэтти», кусок провода и книга «Малоисследованные области Америки». Двое неизвестных вскоре умерли, а третий находится без сознания, и врачи не надеются на его выздоровление. Комментируя этот случай, газета не приходит ни к каким выводам, обещая к следующему дню расследовать непонятное появление трех одинаковых людей и удовлетворить любопытство читателей.

Но события следующего дня взволновали весь город.

Об «одинаковых людях» или «двойниках» были заполнены столбцы всех местных газет. Не было чело-

века, не повстречавшего нескольких двойников. Что это были за люди и откуда они появились, никто не знал. Двойники вели себя смирно, бесцельно ходили по улицам, часами просиживали на садовых скамейках и совершенно игнорировали правила уличного движения, за что многие из них поплатились жизнью. Внешне они производили впечатление сильных людей, но были кротки и беспомощны: любая женщина без труда выпроваживала зашедшего в открытую дверь дома двойника.

Никто не слышал от них ни одного слова, и, по общему мнению, все двойники были немыми.

Правда, в этот день в «Луизвилльской Вечерней Газете» было помещено интервью с двойником: двойник подробно рассказал репортеру о своей загробной жизни. Но газета только скомпрометировала себя: никто этому не поверил. И репортер за свое излишнее усердие был прогнан редактором со службы.

По городу ходили всевозможные слухи, и весть о двойниках распространилась не только по всей стране, но и перекинулась за океан.

В Чикаго появился проповедник, предвещавший конец мира. Он утверждал, что в образе двойников явился на землю антихрист. Эта идея не собрала много поклонников, но все же дала проповеднику кой-какой заработок. Ему во сне явился ангел и принес прядь волос Иисуса Христа. За каждый купленный у проповедника волос сбрасывалось с небесного счета сто грехов. Проповедник продавал волосы по доллару за штуку, и хотя ему пришлось выслушать немало насмешек, — все же кое-кто покупал по 1—2 волоса. Нашлось даже несколько крупных покупателей. Судья Джебсон купит пятьсот штук, а Вифферс, владелец фабрики консервированного суррогатного мяса, — две тысячи, и таким

образом, наверняка, приготовил себе вечное райское блаженство...

Среди школьников прочно утвердилось мнение, что двойники прибыли с одной из ближайших планет. Но откуда? С луны или с Марса? По этому поводу было много споров и даже драк. В библиотеках на произведения Уэллса и Жюль-Верна установились очереди. В Луизвилле же была даже организована экскурсия в окрестности за поисками снарядов, в которых прибыли «марсиане или селениты».

Кто-то распустил слух, что двойники — продукт скрещивания человека с обезьяной. Говорили, будто какой-то профессор производил опыты, и родившиеся от обезьяны двойники убежали из лаборатории. Эта версия не пользовалась большой популярностью, так как она была явно абсурдной: почему они родились взрослыми, и почему их так много? Да и сходства с обезьяной у двойников не замечалось.

Газеты всего мира были полны описанием необычайного Луизвилльского происшествия. Двойникам посвящались большие столбцы передовиц, их портреты, переданные по радио, занимали почетное место на первой странице. В Луизвилль наехали «собственные корреспонденты», а одна уважающая себя газета назначила даже премию в десять тысяч долларов первому, правильно объяснившему «Луизвилльскую загадку».

Строились всевозможные предположения, устраивались лекции и публичные диспуты:

„Фабрика живых людей“.

„МИРАЖ ИЛИ ДЕЙТЕЛИТЕЛЬНОСТЬ“?

„Люди четвертого измерения“.

„КОНЕЦ МИРА“.

„ЛЮДИ ИЗ НЕДР ЗЕМЛИ“.

„Гости с неведомых планет“.

В Париже сильно заинтриговало название лекции — «Мы» — с припиской — «двойники». Но эта лекция закончилась скандалом. Под таким интригующим названием, вновь образовавшаяся группа поэтов устроила вечер непонятных стихов, не имеющих никакого отношения не только к двойникам, но и к здравому смыслу.

«Вечерняя Москва, в отделе «Отовсюду обо всем», поместила категорические строчки:

«В Луизвилле (С.-А. С. Ш.) вспыхнула необычайная эпидемия. Заболевшие теряют всякое ощущение внешнего мира, и становятся глухонемыми. Болезнь деформирует черты лица, отчего все заболевшие становятся странно похожими друг на друга. В данное время эпидемия ликвидирована».

Профессор Льежского Университета, Перрэн, приводил свою теорию:

«Все жители Луизвилля отравлены подпочвенными газами, и им мерещатся двойники. На самом же деле, никаких двойников нет».

Эта теория насчитывала много сторонников, но была вскоре опровергнута.

Чендридж, режиссер крупной кинематографической компании, привез в Голливуд 89 двойников, всех, оставшихся в живых в Луизвилле.

Нет возможности привести полностью всех мнений, теорий и объяснений, появившихся по этому поводу. Предприимчивые люди наживали на двойниках капиталы и делали карьеру. Именем двойников стали называть папиросы, печенье, духи, мыло, соски, ботинки, конверты, гребни, шоколад, воротнички, кальсоны и другие предметы широкого потребления. Воры и грабители, собираясь шайками, гримировались под двойников.

Известными профессорами было произведено психофизическое исследование двойников. Результаты показали, что двойники физически ничем не отличались от обыкновенных людей, но были совершенно лишены способностей к проявлению человеческих чувств. Они были равнодушны к болевым ощущениям, и ничто в мире не могло их заинтересовать или взволновать. Известен случай, когда двойник, с оторванной автомобилем кистью руки, продолжал бесцельное хождение по улицам, и только потеря крови заставила его, обессиленного, упасть на землю...

Кроме кино-режиссера, только троим предпринимателям удалось захватить, — одному шесть, а двум другим — по три двойника, бродивших в окрестностях Луизвилля. Предприниматели зарабатывали большие деньги, показывая двойников в паноптикумах.

Но всех крупнее повела игру Англия.

Время появления двойников совпало с предвыборной кампанией в парламент. Английские буржуазные газеты опубликовали документ, найденный будто бы у

двойников, из которого явствовало, что двойники посланы Коминтерном, с целью втравить Америку в войну с Англией. Это предположение, несмотря на его очевидную вздорность, все же повлияло на выборы, и дало большинство консервативной партии.

Скоро стала известной история возвращения мужа Кэтти Томпсон. Бедная Кэтти получила сильное нервное потрясение и находилась на излечении в психиатрической лечебнице. Двойники получили имя, их стали называть «Вилли-двойник», «Двойной Вилли» и просто «Вилли».

Когда же узнали об исчезновении Дэнни и о его дружбе с Томпсоном, все мнения единогласно сошлись на признании инженера главным действующим лицом, — очевидно, загадку двойников мог объяснить только он. Образовалась комиссия для расследования, деятельно принявшаяся за работу. Путем опроса бывших приятелей Вильямса удалось установить, что незадолго до исчезновения видели в его руках книгу «Малоисследованные области Америки» (точно такой же экземпляр имелся у каждого двойника) и частенько можно было услышать, как он говорил: «Цивилизованному человеку не вредно пожить некоторое время в дикой местности».

На основании этих сведений и некоторых других предположений, комиссия решила исследовать находящиеся сравнительно недалеко от Луизвилля Синие горы.

Тем временем, среди двойников повысилась смертность. Они ничего не ели и умирали от истощения. Напрасно кино-режиссер и владельцы паноптикумов старались прибегнуть к искусственному питанию, — организм двойников не принимал пищи. Они умирали

один за другим, и через несколько дней в живых не осталось ни одного.

Освобожденный от двойников Луизвилль зажил своей обычной жизнью. Жителям надоело переживать непонятное явление, и они стали забывать о недавних событиях.

Жизнь города входила в обычное русло. Но вскоре случилось нечто, заставившее изменить взгляд на кажущуюся безобидность «двойных Вилли», и не на шутку встревожившее не только луизвилльцев, но и весь мир...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. — НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ЭКСПРЕСС.

Двойники ограбили Нью-Йоркский экспресс! Многие пассажиры заплатились кошельками и бумажниками, а директор Нью-Йоркского городского музея Кристофор Гарлэнд — даже жизнью. Музеем была приобретена у разорившегося итальянского графа коллекция редких бриллиантов. Кристофор Гарлэнд сам решил доставить бриллианты в Нью-Йорк.

В Америке перевозка ценностей на значительное расстояние сопряжена с большим риском. Шайки бандитов, зачастую, не останавливаются даже перед нападением на вооруженные транспорты. Как известно, банки приобрели бронированные автомобили, но и эта мера не оказалась достаточной гарантией безопасности. Всем памятен случай с автомобилем Соединенного Банка, когда при перевозке золота из Чикаго в Мельвани автомобиль попал в ловко замаскированную волчью яму. Бандиты удушливыми газами умертвили сопровождавших и, забрав золото, — скрылись.

Поэтому Кристофор Гарлэнд решил перевезти бриллианты тайно. Для этой цели, кроме бриллиантов, он приобрел не имеющую никакой цены коллекцию высушенных крабов. Всю дорогу он с упоением рассказывал о редкой добыче и был очень доволен, когда замечал, что его принимают за влюбленного в сухие лапки и клешни чудака. Тогда, с чуть заметной улыбкой, он осторожно ощупывал туго набитый, наглухо зашитый замшевый мешочек, висевший на крепком шелковом шнуре на его впалой груди.

Все шло благополучно. Кристофор Гарлэнд только что вкусно поужинал в вагоне-ресторане и, сидя в купэ, ласково смотрел на расставленные на столике маленькие ящички с крабами. Он был доволен своей хитростью. Завтра он их выбросит, завтра он будет ночевать в Нью-Йорке, дома, а бриллианты будут размещены в «Музее Безопасности».

Спать было рано. Солнце только что зашло, и горизонт за далекими Синими горами медленно терял яркую пунцовую окраску. Паровоз, честно выполняя работу, пронзительно гудел перед поворотом в лес.

Кристофор Гарлэнд раскрыл книгу, но в это время ровное гудение паровоза неожиданно перешло в прерывистое и тревожное. Заработали тормоза и вагоны, замедляя ход, жестоко запрыгали на чем-то хрустящем под колесами.

Поезд остановился.

Все вагоны сразу наполнились одинаковыми «Вилли-Двойниками». Раздались выстрелы, и команда «руки вверх». Никто не сопротивлялся. Зрелище нескольких тысяч одинаковых людей парализовало желание защищаться даже у самых предприимчивых и смелых пассажиров. Все знали историю Луизвилльских двойников, но тогда их насчитывалось вместе с погибшими

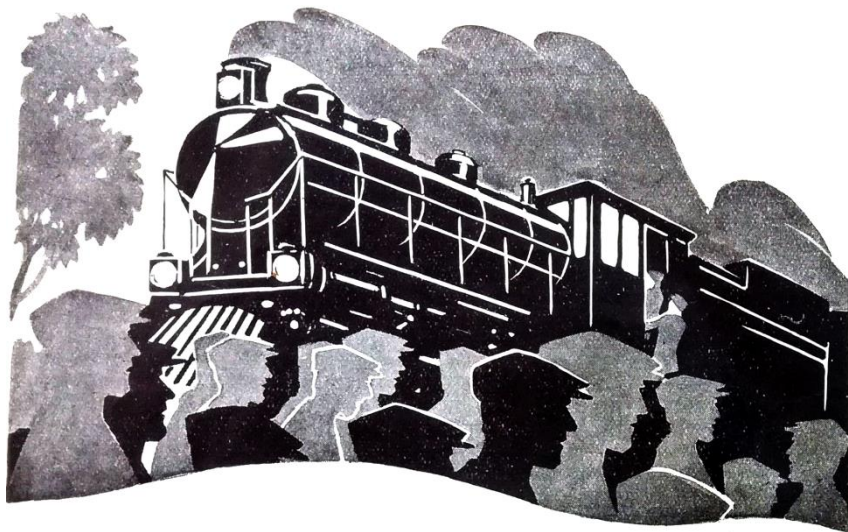
не более ста пятидесяти, — а теперь они заполнили все вагоны, трупы десятками валялись под колесами, и поезд с обеих сторон был окружен сплошной массой двойников.

Кристофор Гарлэнд так растерялся, что забыл своих крабов и судорожно прижал руки к груди, к драгоценному мешочку. Это движение не ускользнуло от грабителей, и директор заплатил своей жизнью за попытку отстоять музейные ценности...

Грабеж продолжался недолго. Через полчаса бандиты покинули вагоны и приказали машинисту, до этого момента находившемуся под охраной двух нарезных стволов тяжелых кольтов,— продолжать прерванный путь. Когда же машинист, указав на изуродованные тела под вагонами, высказал предположение, что среди них могут быть еще не умершие, он получил в ответ такой удар рукояткой револьвера по темени, что был принужден покориться.

Вызванный с ближайшей станции по телефону, пехотный полк прибыл, когда уже стемнело. За несколько верст до места происшествия стали попадаться идущие навстречу двойники, сначала одиночками, а затем и небольшими группами. Задерживаемые солдатами, они сопротивления не оказывали, и вели себя так же, как и их луизвилльские собратья... От них также нельзя было добиться ни слова, шли они такой же усталой походкой и, по внешнему виду, ничем не отличались от прежних, — разве только их костюм был менее потрепан.

Ввиду наступившей темноты, войска решили отложить окончательно ликвидацию дела до рассвета, а пока рассыпаться широким строем, чтобы загородить двойникам дорогу. За ночь было задержано около тысячи двойников. При первых лучах солнца полк напра-

Поезд был окружен сплошной массой двойников...

вился дальше и, дойдя до места вчерашнего преступления, обнаружил на рельсах крошево из человеческих тел. Около сотни двойников сидели и лежали среди изувеченных трупов,— крайнее истощение, очевидно, помешало им идти за товарищами.

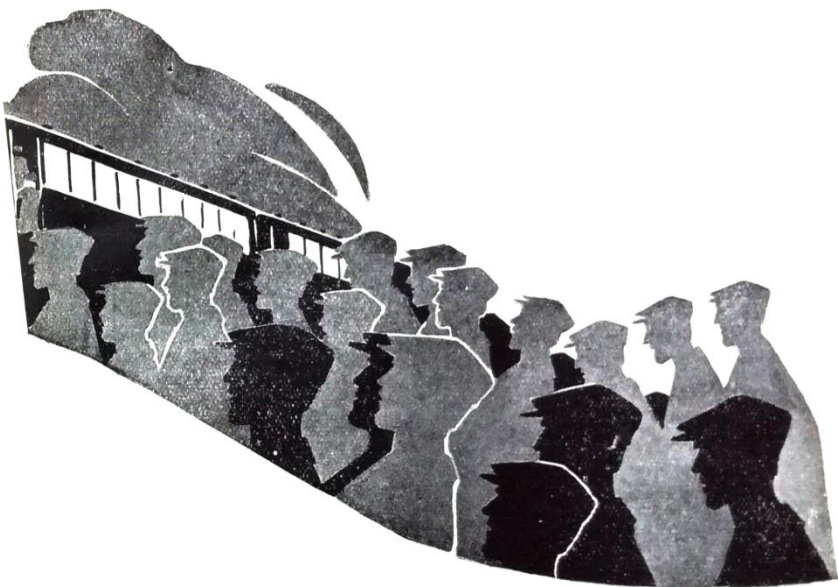
Подали составы поездов, и двойников, под конвоем, разослали по тюрьмам. Был отдан приказ арестовать всех двойников, — где бы они ни появились. В течение ближайших дней было арестовано еще около тысячи двойников. Несмотря на тщательный обыск, ничего из украденных вещей найдено не было. В карманах двойников были только все те же: карточка Кэтти Томпсон, обрывок провода и книга о «Малоисследованных областях Америки».

Этот случай заставил переоценить мнение о бесцельном появлении двойников. Молва единогласно называла Дэнни вдохновителем дерзкого грабежа. Ес-

ли Дэнни, на этот раз, мог располагать тремя тысячами двойников, кто мог поручиться, что в дальнейшем он не поведет за собой триста тысяч, а может быть и триста миллионов. Если на этот раз он ограничился экспрессом, то чем он может ограничиться в будущем?

Двойники так же, как и их предшественники, в течение ближайших дней все умерли от истощения...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.—СМЕРТЬ ДЭННИ.

В здоровье Кэтти Томпсон наступило улучшение. Она вышла из больницы, но еще долго болела тяжелой неврастенией. Молодой врач Сэди Уолк ревностно применял к ней свою теорию лечения. Тетушка Парсон, добровольно принявшая на себя уход за больной, получила категорическое приказание не подпускать к

Кэтти незнакомых людей. Врач боялся, что напоминание о двойниках может вредно отразиться на здоровье Кэтти. Сам он, с большими предосторожностями, пытался узнать о планах инженера Дэнни. Но Вилльямс не посвящал Кэтти в планы Дэнни и, кроме намеков, что изобретение Дэнни должно облагодетельствовать мир, не рассказывал ничего. Врачу удалось только узнать, при каких обстоятельствах Вилльямс познакомился с Дэпией.

Вилли как-то остался ночью на фабрике, надо было проверить обмотку в динамо. Он заметил, что амперметр показывает сильную утечку тока. Вилли принялся проверять машину и проводку и, проходя по фабрике, увидел в химической лаборатории человека. Это был инженер Дэнни...

Потом Вилли говорил мне, что Дэнни изобрел какой-то прибор, посредством которого можно было без проводов принимать ток с любой проводки... Вскоре они подружились.

Сэди Уолк, полагая, что рассказ Кэтти может помочь расследованию дела двойников, опубликовал этот случай в печати.

Из Синих гор возвратилась экспедиция и привезла интересные сведения. На поляне, образующей вершину крутой скалы, экспедиция наткнулась на груды разломанных и согнутых больших алюминиевых листов, напутанных проводов, выключателей, изоляторов и других электротехнических принадлежностей. На расстоянии полукилометра находилась вторая груды точно таких же, приведенных в негодность, вещей. Все это было сломано и разбросано в беспорядке с явной целью уничтожить всякую возможность догадки о имевшемся здесь сооружении. Несколько одинаковых ша-

пок, валявшихся среди обломков, не оставляли сомнений в недавнем присутствии двойников. Почерневший труп одного из них подтверждал это предположение.

Неподалеку от поляны была обнаружена землянка с двумя койками, посудой, кой-какими хозяйственными вещами и техническими книгами. На самодельном деревянном столе бросались в глаза глубоко вырезанные ножом инициалы В. Т. и имя Кэтти, повторявшееся, в разнообразных сочетаниях, бесчисленное множество раз.

От поляны следы поломанных кустарников вели в глубь леса. Следуя по ним, экспедиция добралась до узкого и длинного ущелья. Здесь все указывало на недавнее присутствие людей. На склоне горы виднелось несколько шалашей, на земле валялись консервные банки, окурки папирос, отбросы пищи и пустые ружейные патроны. В стороне, в кустах, кучей лежали мертвые двойники, их оказалось двести четырнадцать трупов. В одном из шалашей, член экспедиции Смайльс нашел кожаную обложку тетради с сохранившимся титульным листом. Мелкий почерк твердо гла-

.....инженер Дэнни

.....дневник.

Но самого дневника не оказалось, — все страницы были тщательно вырваны.

И, наконец, под скалой, на вершине которой находилась поляна, был найден обезображенный труп самого инженера Дэнни.

Все это, правда, не пролило света на тайну появления двойников, но дало возможность установить следующее предположение:

Дэнни устроил на поляне какое-то сооружение, и при помощи похищенной электро-энергии добывал

каким-то способом двойников. Двойники взбунтовались, разрушили сооружение, и самого Дэнни сбросили в пропасть...

Как бы то ни было, Дэнни был мертв, и можно было не опасаться нового появления двойников.

Но в противовес этому утверждению создалось и другое, более пессимистическое.

— Позвольте, — говорили сторонники этой теории, — ведь ограбление Нью-Йоркского экспресса про-

изошло после смерти Дэнни. Это твердо устанавливает медицинская экспертиза. Значит, кто-то другой руководил двойниками. Кто знает, — может быть, Дэнни является только жертвой? Дневник Дэнни исчез — в этом тоже можно усмотреть злой умысел. Подождите ставить точку, еще не все кончено, двойники могут приготовить сюрприз, перед которым дело Нью-Йоркского экспресса покажется детской шалостью.

ГЛАВА ПЯТАЯ. — РАССКАЗ БАНДИТА.

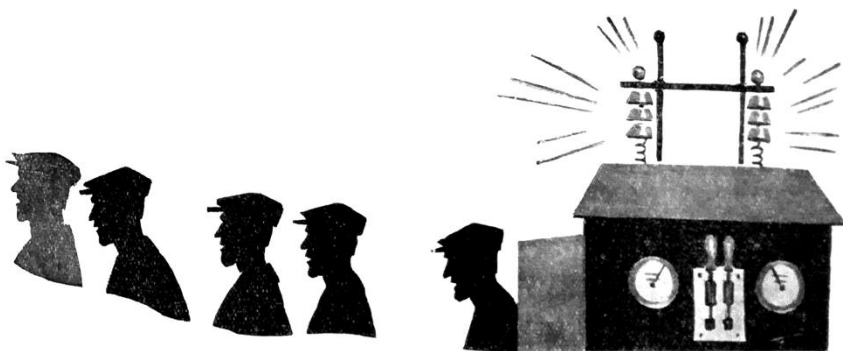
Но это не оправдалось. Двойники больше не появлялись. Два месяца люди старались найти правдоподобное объяснение непонятным событиям, были снова

высказаны сотни предположений, но ни на одном из них нельзя было остановиться, как на бесспорно правильном.

Наконец, все разъяснилось.

В Вашингтоне, полицейской облавой был схвачен опасный бандит Бен Риддингс, по кличке «Пей-Кровь». Он был известен, как главарь бандитской шайки, и на его совести числилось: ограбление трех почтовых автомобилей, шесть вооруженных налетов на частные квартиры, похищение военного аэроплана и много отдельных убийств. При обыске, в каблуке его ботинка был обнаружен завернутый в клочок бумаги розовый бриллиант, один из тех, что были вырваны вместе с жизнью у директора Нью-Йоркского музея.

Бен Риддингс категорически отрицал свое участие в ограблении Нью-Йоркского экспресса, и говорил, что

Шесть дней из будки выходили двойники...

не знает никаких двойников. Но, приговоренный к электрическому стулу, он решил стать откровеннее и заявил, что знает тайну инженера Дэнни и расскажет о двойниках, если казнь будет заменена бессрочной каторгой. Общественное мнение было настолько заин-

триговано загадкой двойников, что склонило губернатора штата согласиться на предложение бандита,

Громадный зал суда был переполнен желающими услышать его рассказ.

— В то время,— начал Риддингс,— мы скрывались от полиции в диком ущелье Синих гор. Нас было девятнадцать человек,— все молодцы на подбор, если не считать Лоснящегося Питера, который только недавно вступил в нашу шайку и вызывал некоторые подозрения. Чистый, горный воздух, конечно, вещь полезная,— однако, к нему нужна привычка. Скоро нам стало скучно. Ребята надумали пощупать Нью-Йоркскую «пыхтелку».

Хожу я по горам, обдумываю план, зашел далеко от нашего ущелья,— слышу голоса. Хотел окликнуть, думал, свои. Однако, приткнул говорилку, решил подслушать, что за причина привела ребят так далеко. Понимаете, иногда начальнику не вредно знать, о чем ребята говорят меж собой... Ну, притаился за кустами, ползу. Смотрю — чужие. Идут двое, разговаривают, один ростом с Чарли Чаплина, а другой высокий, пожалуй, дюйма на два будет побольше шести футов. Маленький волнуется, а большой его успокаивает:

— «Вы не боитесь, Вилльямс»?

— «Нет, я верю в ваш гений, Дэнни»,

— «Вы рискуете жизнью».

— «Чепуха, все сойдет благополучно»,

— «Еще несколько минут... я так волнуюсь... Вилльямс, вы герой.

— «Я верю вашему аппарату»...

Что за чертовщина, любопытно. Подошли скоро к поляне, я остался стоять за деревом, а они пошли дальше. Смотрю, на краю лужайки будка, точь-в-точь автоматический телефон, только металлическая, и

наверху провода в разные стороны торчат. На кой чорт, думаю, поставили телефон, когда кругом ни души? А они целуются, руки жмут, большой — (маленький называл его Вилльямсом), входит в будку и закрывает дверь. Маленький (это был Дэнни), повозился немного у двери, а потом побежал, спотыкаясь, через поляну, точно за ним гналась сотня полицейских. Оказывается, на другом конце лужайки еще телефонная будка, точно такая же, как первая. Дэнни подбежал к этой будке, открыл дверь, и я успел разглядеть, что внутри ничего не было, — пусто, как в несгораемом шкафу после моей работы. Он прихлопнул дверь и повернул рычаги, устроенные в стене. На крыше будки сверкнули искры.

Тогда Дэнни открыл дверь, и из будки вышел Вилльямс, несколько минут тому назад вошедший в первую будку. Что за фокусы, мюзик-холл какой-то! Как он попал во вторую будку? Я решил, что будки соединены подземным ходом. Дэнни, с радостным криком, бросился к Вилльямсу, но тот, не обращая на него внимания, продолжал путь.

Так они и шли: Дэнни вертелся вокруг Вилльямса, как фокстеррьер, а тот совершенно не замечал его. С ним происходило что-то странное, он как-то осунулся, сгорбился, с трудом можно было узнать жизнерадостного малого, вошедшего в первую будку. Он молчал, и напрасно Дэнни старался выдавить из него хотя бы одно слово,— он молчал, и безразличными глазами смотрел перед собой, — как раз на то дерево, за которым прятался я.

Я притаился на земле и стал наблюдать сквозь кусты. Наконец, Дэнни отчаялся добиться ответа, что-то вспомнил и побежал к первой будке. Вилльямс пошел дальше, и пройдя мимо меня, скрылся в лесу. Дэнни с

силой рванул дверь будки и с громким криком тотчас же захлопнул ее. Я тоже не смог удержать крика удивления — я успел увидеть, что будка не пуста, в ней стоял Вилльямс, тот самый, который вышел из второй будки и только что прошел мимо меня...

Сознаюсь, мне стало не по себе. Ведь я отлично видел, что, кроме их двоих, других людей поблизости не было. Будки были настолько малы, что нельзя было предположить, чтобы в них был спрятан третий. Я было подумал, что третий, похожий на Вилльямса, находился в подземном ходу еще до прихода Дэнни и Вилльямса, но тогда был непонятен испуг Дэнни. По его крику и поспешности, с какой он захлопнул дверь, ясно было, что присутствие Вилльямса в первой будке являлось для него неожиданным. Пока эти мысли вертелись в моей голове, Дэнни снова перебежал поляну, нажал рычаг и открыл дверь второй будки. И опять вышел тот же самый Вилльямс, и медленной походкой направился к лесу по стопам своего двойника. Дэнни с ужасом проводил его взглядом, и когда тот скрылся в лесу, снова нажал рычаг и открыл дверь. И снова повторилось то же...

Часа два я лежал за кустом и не мог придти в себя от изумления. Дэнни носился по поляне от одной будки к другой и, когда он открывал дверь первой будки, мне передавалось его волнение и надежда, что будка окажется пустой. Тщетно, человек не исчезал, он стоял, прислонившись к стене, не двигаясь, и скорее был похож на мертвеца, чем на живого человека. И каждый раз, когда Дэнни нажимал рычаг, из второй будки выходил Вилльямс и, пройдя поляну, скрывался в лесу. Я ничего не понимал.

В голову лезли всевозможные предположения, почти такие же глупые, какие потом печатались в газе-

тах. Каждый из проходивших мимо меня был так же похож на всех остальных, как фордовские автомобили одной серии. Я было подумал, что они все загримировались по одному образцу. Но для чего?

Когда Дэнни, теперь уже не отходивший от второй будки, в сотый, как мне казалось, раз нажал рычаг и из будки вышел очередной Вилльямс, — я решил действовать.

Выждав, пока он поравнялся со мной, и пригрозив револьвером, я велел ему остановиться. Вилльямс ничуть не испугался и шел дальше. Я схватил его за рукав, он не делал попыток к сопротивлению. Тогда я решил привести его в наше ущелье. Он покорно следовал за мной и всю дорогу молчал.

Через несколько часов мы все, гурьбой, пришли к поляне. Дэнни сидел на земле в позе, выражавшей крайнее отчаяние. Мы спрятались на опушке. Дэнни встал и медленно подошел ко второй будке. Он стоял некоторое время неподвижно, потом, как бы желая еще раз проверить, нажал рычаг.

Снова из будки вышел Вилльямс. Еще два раза нажимал Дэнни рычаг, и еще двое Вилльямсов скрылись в лесу. Тогда Дэнни вынул из кармана записную книжку, быстро записал что-то, положил книжку у дверей будки и медленно направился к краю обрыва. Прежде чем мы успели сообразить о его намерении, он бросил последний взгляд на обе будки и спрыгнул в пропасть».

Риддингс прервал рассказ, медленно выпил стакан воды и, когда в зале замолкло перешептывание, — продолжал:

— «Я не помню, кому из нас пришла идея использовать двойников для Нью-Йоркского экспресса. Может быть, это, был Длинный Джэк, возможно, что Джим-

ми-Сопатый, но я категорически отвергаю, что эта блестящая идея могла зародиться в пустой голове Лоснящегося Питера. В дальнейшем он пытался присвоить авторство, но я раз и навсегда вышиб из его пустого кочана неподходящие мысли.

Когда мы убедились, что можем достать из пустой будки, не хуже Дэнни, любое количество покорных людей, мы использовали эту возможность и, как вы знаете, удачно.

Шесть дней мы, все по очереди, крутили рычаг, а на седьмой день аппарат испортился и, сколько мы ни старались, из будки никто не выходил. Тогда мы вытащили из первой будки Вилли Томпсона. Он был мертв...

В нашем ущелье скопилось около трех тысяч двойников. К активной работе они были непригодны, и мы решили ими воспользоваться как бутафорской силой. Кто не испугается толпы в несколько тысяч одинаковых людей. Нам пришлось торопиться, потому что Вильямсы один за другим стали умирать, и на следующий день мы отправились в поход, при чем мои ребята надели платья умерших двойников, чтобы походить на них. Дальше вы знаете: наш план удался как нельзя лучше, мы получили хорошую добычу, а двойников оставили на произвол судьбы...

Риддингс замолчал. Все напряженно ждали продолжения. Голос председателя прервал тишину...

— Скажите, Риддингс, это вы разрушили сооружение Дэнни?

— Да, мы хотели замести следы.

— Вы уничтожили дневник Дэнни?

— Я этого не хотел. Лоснящийся Питер выкрал его у меня. Он говорил, что дневник стоит больших денег.

Прежде, чем издохнуть от моей пули, Питер успел вырвать страницы и бросить в костер...

— Вы прочли дневник?

— Прочел.

И Бен Риддингс рассказал об изобретении Дэнни...

ДЕННИ ПОСТРОИЛ АППАРАТ — «РАДИОЛЕТ», ПРИ ПОМОЩИ КОТОРОГО МОЖНО БЫЛО СОВЕРШАТЬ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАДИО. СИСТЕМА СОСТОЯЛА ИЗ ДВУХ СТАНЦИЙ, ОТПРАВНОЙ И ПРИЕМОЧНОЙ. ВХОДИВШИЙ В ОТПРАВНУЮ СТАНЦИЮ ЧЕЛОВЕК, ПОД ДЕЙСТВИЕМ ИЗОБРЕТЕННЫХ ДЕННИ ЛУЧЕЙ, РАСТВОРЯЛСЯ НА БЕСЧИСЛЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО АТОМОВ И, ПРИ ПОМОЩИ РАДИОВОЛН, ПЕРЕНОСИЛСЯ НА ПРИЕМОЧНУЮ СТАНЦИЮ, ГДЕ СНОВА ПРИНИМАЛ МАТЕРИАЛЬНУЮ ФОРМУ. ВСЕ ЭТО ЗАНИМАЛО НЕ БОЛЕЕ НЕСКОЛЬКИХ СЕКУНД ВРЕМЕНИ. ДЛЯ «РАДИОЛЕТА» НЕ МОГЛИ СЛУЖИТЬ ПРЕПЯТСТВИЯМИ НИ ГОРЫ, НИ МОРЯ, НИ ЛЕСА; МОЖНО БЫЛО СОВЕРШАТЬ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛЮБУЮ ПОГОДУ И НА ЛЮБОЕ РАССТОЯНИЕ, СО СКОРОСТЬЮ РАДИОВОЛН. ПЕРЕЛЕТ ИЗ АМЕРИКИ В ЕВРОПУ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН БЫЛ БЫ ПОЧТИ МГНОВЕННЫМ.

Зал, затаив дыхание, слушал рассказ бандита, и когда он кончил, надолго установилась мертвая тишина. Все были поражены открывшейся возможностью покорить расстояние и время. Тысячи мыслей проносились в головах, создавались заманчивые картины:

.... Можно жить в Вашингтоне, завтракать в Паряже, обедать в Калькутте, а вечером слушать оперу в Вене.

.... Работать в Нью-Йорке, и принимать морские ванны в Биаррице.

.... Уходить из ночи в день, и из скверной погоды в хорошую.

..... Бедные кредиторы, не догонишь...

.... А товары?.. Возможно ли товары пересылать? Партию пшеницы или спирт... контрабандой?

.... Хорошо играть на валюте, купил в Берлине, продал в Йокагаме.

.... А если столкновение? Лечу я в Париж, а из Парижа какой-нибудь французишка. Смешаемся вместе, того и гляди, прилетишь с чужими руками, ногами, а не то и головой...

Но необычайность рассказанного Риддингсом в некоторых слушателей вселила недоверие. Раздались отдельные выкрики с мест, потонувшие вскоре в общем гуле.

Колокольчик председателя долго пытался успокоить разбушевавшиеся страсти. Когда это, наконец, удалось, председатель обратился к Риддингсу.

— Вы рассказали очень занятную историю, однако, кто может поручиться за ее достоверность? Можно подумать, что все это вы придумали с целью избавиться от электрического стула. Сначала вы говорили, что Дэнни производил двойников, а теперь утверждаете, что он построил аппарат для путешествия по радио. Как связать эти противоречия?

— Дэнни ошибся в вычислениях, и «радиолет», неожиданно для него, вместо того, чтобы пересылать людей по воздуху, создавал новых людей, других.

— Ваша фантазия ничем не подтверждается.

— У меня есть доказательства.

— Какие?

— Последняя страница дневника Дэнни. Мне удалось спасти ее из костра.

— Где она?

— У вас. В нее завернут розовый бриллиант.

Все взоры обратились на председателя.

Смущенный председатель распорядился принести из стола вещественных доказательств розовый бриллиант. Осторожно освободив его от бумаги, он прочел на грязном клочке:

— Все рухнуло. Радиолет превратился в сумасшедшую машину, производящую копии людей. Бедный Вилли. Проверьте формулы, я где-то ошибся. Прощайте.

Это было все, что осталось от дневника Дэнни.

Бен Риддингс, согласно обещания, был сослан на каторжные работы, и вскоре погиб от тропической лихорадки.

Кэтти Томпсон понемногу выздоравливала. Сэди Уолк лечил неврастению своим методом «развлекаться, не утомляясь», и через полгода добился того, что его приход всегда вызывал на лице Кэтти счастливую улыбку. А еще через год, оба они лишний раз блестяще подтвердили, что время излечивает самые тяжелые раны, и что молодость не создана для того, чтобы проводить ее в печали и тоске.

Через год, Кэтти Уолк, бывшая Кэтти Томпсон, купая в патентованной ванне для грудных ребят двух,

похожих как две капли воды, пухлых мальчуганов, не без юмора говорила стоявшему рядом Сэди:

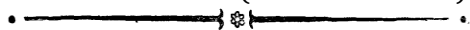
— Видишь, милый, как на меня повлияла идея Дэнни.

Но Сэди уверил ее, что Дэнни здесь не причем, и что в появлении на свет этих двойников он, Сэди, принимает всю вину на себя...

Идеей Дэнни увлеклись многие изобретатели. Если верить последним газетным сообщениям, норвежскому ученому Олафу Свенсону удалось, при помощи радио, переместить некоторое количество кислорода из одной комнаты в другую, через толстую стену...

ТИМ ИММОВИЧ.

НИК. ШПАНОВ (К. КРАСПИНК)

ЛЬДЫ И КРЫЛЬЯ

Фантастический рассказ

Льды и крылья: Фантастический рассказ // Самолёт, 1925, №1 – с.17-20 – [Под псевдонимом «К. Краспінк»].

Использование автором псевдонима при публикации рассказов в журнале "Самолёт" (авиа-технический журнал, орган ОДВФ (Общество Друзей Воздушного Флота)) вызвано, вероятно, тем, что Н.Н. Шпанов в период с конца 1923 г. по середину 1925 г. последовательно являлся зав. редакцией, зам. редактора, а позднее сотрудником указанного журнала.

ЛЬДЫ И КРЫЛЬЯ

I.

На краю света.

Бесконечная ледяная гладь на последних гранях Советского Союза - на крайнем севере. Тусклыми седыми днями - скупое солнце, а ночью - месяц и северное сияние, полымем охватывающее небо, освещают выросшие среди льдов здания...

Над новыми, недавно выстроенными, каменными корпусами, за изгородью, предназначенной для защиты не столько от людей, сколько от диких зверей, высятся мачты. Заиндевелившие провода образуют какую-то сказочную огромную сеть, висящую в воздухе и иногда под лучами северного сияния переливающуюся миллиардами разноцветных огней.

Но обитатели этой крепости культуры, работники радио-станции, уже пригляделись к чудному, фантастическому зрелищу. Деловито, день за днём они исполняют свой долг. Они являются единственной связью этого куска оледенелой земли с внешним миром, со столичными центрами, с культурными уголками всего земного шара.

На станции живёт 15 человек. Начальник - бывший морской волк Василий Крюков. Раньше он служил радио-телеграфистом во флоте, а после революции всецело отдался радио-телеграфии.

Летом, на несколько месяцев море очищалось ото льда. Тогда в небольшую бухту заходили норвежские, английские, шведские суда, и осенью приходил русский пароход, который привозил на станцию запас продовольствия и разные принадлежности к машинам и моторам. Затем снова море замерзло, и снова стан-

ция была оторвана от внешнего мира. На станцию не являлся никто из милого, далёкого края. Лишь самоеды забредали сюда, то в одиночку, а чаще целыми "поездами". Самоедский "поезд" - это ряд длинных саний - нарт, запряжённых собаками.

Приезжали самоеды. Втыкали в снег длиннейшие палки, устраивали юрты, привязывали к ним собак, а сами заходили к радиотелеграфистам посмотреть на странные машины и чудных зверей.

Эта, расположенная на краю света, в тёмной ночи, радио-станция имела последние новости, принимаемые антенной, в тот же момент, когда они были посланы. Эта радио-станция была незримым хранителем и вестником для кораблей, борющихся со льдами великого северного моря.

Радио-телеграфисты имели все газетные сведения раньше, чем столичный читатель, а за последнее время стали слушать и знаменитостей: певцов, музыкантов, симфонические оркестры. В таких случаях начальник созывал всех в столовую. и ребята, расположившись поудобнее за горячи чаем, слушали музыку. В столовой стоял прибор, похожий на большой граммофон, который отчётливо передавал каждую ноту любого инструмента и человеческий голос за тысячи вёрст...

- Сегодня мы будем слушать концерт из Москвы... Будут участвовать самые лучшие артисты Большого театра, - так говорил Крюков, усаживая всех, и в осо-

бенности внимательно усаживая самоедов, которых он специально пригласил на концерт.

Посмотрев на часы, Крюков сказал:

- Минут через двадцать концерт должен начаться.

- Послушай, товарищ, - сказал один из самоедов на ломаном русском языке, обращаясь к начальнику, - сегодня утром я видел, как недалеко от нашего стана с неба слетела какая-то большая птица. Большая птица, - больше той, которая летом привозила на себе людей.

- Это наверное самолёт, - сказал прислушивавшийся к разговору Ярославцев, помощник Крюкова по технической части, - но только какого лешего его сюда занесло?

- Мы все самоеды так испугались, что собрали свои юрты и уехали подальше от этой птицы, - продолжал рассказывать самоед.

- Из этой птицы должны были вылезти люди; вы там каких-нибудь людей видали? - спросил Крюков рассказчика.

- Нет, людей около никого не было. Птица, как прилетела, так и продолжала сидеть с расправленными крыльями. Только мы далеко были, нехорошо видели.

- Неясная история. Это, конечно, самолёт. Но кому это понадобилось лететь к нам без предупреждения. Это даже опасно, - сказал Ярославцев.

- Да, непонятно. Во всяком случае, это сообщение интересное... Ну, а пока, - продолжал Крюков, - готовьтесь, товарищи. Сейчас начнётся передача музыки.

Наступило молчание... И вдруг в зале полились мощные звуки оркестра...

За тысячи вёрст, в Москве, в залитом огнями зале Большого театра пели, смеялись, плакали и перекли-

кались музыкальные инструменты, бросая в мир, в пространство, то нежные трели заунывных песен, то громкие рокочущие звуки марша, и всё это несло по воздуху, воспринималось волшебной сетью заиндигевших проводов и передавалось здесь в непринхотливой маленькой столовой...

Самоеды так же, как и все остальные, сидели чинно, очарованные, и только иногда при сильных нотах испуганно и недоверчиво косились на граммофонную трубу...

Концерт кончился. Крюков, пожелав всем покойной ночи, отправился к себе.

Одна комната служила ему и кабинетом и спальней. Крюков стал раздеваться. Но спать ему не хотелось. Он думал о том, как где-то далеко бьётся мощный пульс жизни. Как бы он хотел снова уйти в борьбу, снова взяться за какую-нибудь работу у себя в Балтийском флоте. Только недавно он узнал, что советское пароходство дальнего плавания соорудило крупнейший океанский пароход "Красная Звезда", поднимающий сотни тысяч пудов груза и представляющий собой последнее слово морской техники. Вот бы попасть на этот пароход... и только одно сознание, что, живя здесь, он исполняет свой долг, несёт ответственнейшую работу - только эта мысль успокаивала его. Крюков любил своё дело, полюбил и эту, именно эту радиостанцию. Он сроднился с каждой её машиной, с каждым винтиком. Иногда ночью, когда ему не спалось, он брал трубку телефонного аппарата и слушал звуки, похожие на нежное жужжание. Телефонная

трубка шла непосредственно от антенны. Эти жужжания, короткие и продолжительные, обращались в его голове в буквы телеграфной азбуки Морзе, буквы складывали слова, и вот он, лёжа на жёсткой железной кровати в своей комнате чувствовал и воспринимал все новости, которыми обменивались люди всех стран.

Держа трубку и слушая, он заметил вдруг что-то неладное... В телефонной трубке послышались уже иные, уже лихорадочные испуганные бессвязные звуки. В передаче видимо что-то произошло... Он взволнованно ещё теснее прижал трубку к уху...

II. На воздушном океане.

Салон воздушного корабля - гигантского дирижабля Англо-Советского Воздухоплавательного Об-ва "RA-34" совершает свой обычный транс-атлантический рейс между Мон-Реалем и Ленинградом через Лондон. Сегодня "RA-34" вылетел из Мон-Реаля в 10 часов утра. Сейчас только что кончился обед. Ночью дирижабль прибудет в Лондон. Почти все пассажиры собрались в салоне. Это - огромная кабина, продольные стены которой почти сплошь стеклянные. В конце кабины - дверь, ведущая в коридор и в пассажирские кабины. Гигант "RA-34" идёт с полной нагрузкой. На его борту помещается 25 человек команды и свыше девяноста пассажиров...

Публика - представители почти всех наций. Здесь и англичане, возвращающиеся к себе на родину, и индус, покинувший Калькутту, побывавший в Америке, и едущий в Лондон. Здесь среди пассажиров и советский посол в Канаде, со спутниками. Он по делам едет в Москву.

Полпред - товарищ Степан Красных, высокий, с бритым лицом, бывший сибиряк-крестьянин, его сопровождают: секретарь Василий Лисицын и прикомандированный к миссии в качестве переводчика бывший моряк и лётчик-наблюдатель Андрей Морозов.

Летевший всё время довольно низко над океаном, гигант "RA-34" стал забирать вверх. Огромное сигарообразное его тело быстро рассекало нависшую грозовую тучу. Ещё несколько минут, и аппарат нёсся над облаками. Голубая гладь воды сменилась белочёрными клубами беспредельного пространства.

Огромным необозримым пространством раскинулись белые как снег волны-облака. На горизонте облака были похожи на вершины снежных гор. Солнце, скрытое грозовой тучей, снова засияло и стало обливаться своими лучами воздушный корабль. Металлические части его сверкали холодным блеском. Все пассажиры любовались через стеклянные стены клубящейся равнины...

Но вот грозовую тучу перегнали. Дирижабль снова нырнул в массу облаков и стал спускаться. Молочный туман на несколько секунд окутал стеклянные стены кабины. Мгновенье... и гигант опять понёсся над волнами океана...

Взоры пассажиров оторвались от стеклянных стен. На передней стенке кабины находился экран, который передавал депеши, получаемые радио-станцией, находящейся на корабле, видимыми буквами. Прозвучал сигнал. На экране стали всплывать буквы...

ПОСЛЕДНЕЕ СООБЩЕНИЕ.

Борт воздушного корабля "RA-34".

Нью-Йорк. 28-XI-26.

"Трест американских судовладельцев изъявил желание войти пайщиком в созданное Союзом ССР акционерное общество "Советский Ллойд". Пароходы "Советского Ллойда" будут совершать рейсы из Ленинградского порта и Новороссийска в Нью-Йорк и Южную Америку. Акции "Советского Ллойда" стоят на Нью-Йоркской бирже очень высоко".

- Вот здорово, как вы думаете, товарищ Красных? - сказал Морозов. Скоро наши корабли будут конкурировать с английскими и американскими. Вы помните в Ленинграде спуск на воду нашего парохода "Красная Звезда", который утрёт нос всем иностранным. Он в полтора раза больше "Титаника" и "Лузитании" и может нести колоссальный груз.

- Да, я слышал, что его предполагали пустить в Америку с очень ценным грузом...

Совсем иное впечатление произвела телеграмма на двух людей, сидевших недалеко от советских представителей. Два совершенно заплывшие жиром американца переглянулись.

- Как вы думаете, Хирк, скоро мы кончим нянчиться и якшаться с этими проклятыми коммунистами? До чего дошла наглость этих молодцов. Они решили послать нам миссию - это оскорбление всему американскому фашизму, а теперь они же учреждают этот "Ллойд", куда потекут американские денежки. - Так

реагировал на сообщение один из американцев, делясь со своим соседом негромкими впечатлениями.

- Сенаторы - дурачье, вернее, прохвосты. В сенаторы попали члены рабочей партии. Вот они и придумали эту штуку. Ну, да это ненадолго. Наш Ку-Клукс-Клан живо приведёт всех к одному знаменателю, - бросил негромко другой.

К американцам подошёл третий, и они продолжали негромкий разговор.

Обрывки их фраз долетали до слуха Морозова и заставляли его нахмуриться...

- Ого, - подумал он, - мы сразу попадаем в группу неприятелей. Будем осторожней. За этими молодчиками надо будет присматривать, - пробормотал про себя Морозов. Но самое неприятное, что они дальше Лондона не поедут. А то бы мы их в Ленинграде... - Он не закончил мысленно фразу.

А на экране в это время выплывало одно сообщение за другим.

Появлялись новости со всех концов мира.

Вдруг Морозов заметил, что к американцам подошёл мальчик рассыльный и подал какую-то депешу, только что полученную радиоприёмником дирижабля.

Один из американцев пробежал депешу и, сделав радостное лицо, показал её соседям. И сразу все три американца выразили на лицах полнейшее удовлетворение.

От Морозова не ускользнуло ничего.

- Неужели действительно они уже подложили нам свинью, - пронеслось у него в голове.

Он прошёл на станцию радио-телеграфа. Там, как ему казалось, он мог узнать побольше новостей, чем на экране, тем более, что радио-телеграфиста он знал ещё по Канаде. Но когда Морозов вошёл в аппаратную, он сразу обратил внимание на бледное лицо радио-телеграфиста. Не говоря ни слова радио-телеграфист снял прибор и подал его Морозову. Морозов услышал ужасный сигнал, понятный ему, как моряку. Эти три буквы - SOS... служат международным сигналом морской катастрофы, сигналом гибели судна.

Прибор, сжимавший голову, назойливо и напряжённо пел в уши Морозова:

SSS - OOO - SSS

Пароход "Красная звезда" гибнет.

- В чём дело, Александр Петрович? - спросил поблевшими губами Морозов.

- Да, вот в чём. Настроился я сейчас, - ответил поспешно радио-телеграфист, - на морскую длину волны, нет ли чего? Ан вот и слышу такую вещь. Я уж и так хотел за вами послать.

А прибор всё подвывал тревожно и неотступно:

SSS - OOO - SSS

Пароход "Красная звезда" гибнет.

- Погоди, сказал Морозов, ты можешь определить, откуда это? Почему они места своего не указывают, если они гибнут? Куда же помощь посылать?

Александр Петрович ответил:

- На это Моррисонов прибор надо. У нас нет.
Но Морозов не растерялся.

- Вызови аэродром нашего Общества и сообщи ему об этом сигнале. У них-то Моррисонов прибор есть? - спросил Морозов.

- Есть, конечно.

Морозов вышел.

Подойдя к товарищу Красных, Морозов, наклонившись к самому уху полпреда, рассказал ему о сигнале, который подаёт "Красная Звезда".

Одно лишь странно, товарищ Красных, - сказал Морозов, - почему они местонахождения своего не указывают. Я сказал, чтобы наша станция, с дирижабля, телеграфировала Лондону. Там смогут точно определить, откуда идут эти сигналы.

Красных вдруг в свою очередь пригнул ухо Морозова и прошептал что-то.

Морозов вышел в аппаратную подать вторую депешу на аэродром Англо-Советского воздушного общества.

На всех аэродромах этого Общества весь служебный персонал был русский, за исключением некоторых инженеров, да в правлении заседали представители английских акционеров. Поэтому Морозов знал, что де-

пеша полпреда СССР будет выполнена Лондонским аэродромом моментально и беспрекословно.

Смущение советской миссии не прошло незаметным для американцев, получивших радио-телеграмму, возбуждавшую подозрение Морозова.

- Теперь акции "Советского Ллойда" не будут стоить ломаного гроша. Ни о каком согла-

шении с американскими судовладельцами не может быть и речи, по крайней мере теперь, а там посмотрим, - сказал тихо один.

- Да, это наш первый удар большевикам, - пробормотал другой.

III.

Страшная весть.

Начальник радио-станции Крюков слушал в трубку и не верил собственным ушам.

- Что за ерунда, почему это стала перебивать посылная?

Крюков услышал, что его станция, находящаяся среди льдов на крайнем севере, стала подавать:

SSS 000 SSS 000 SSS 000 SSS 000 SSS.

Пароход "Красная звезда" гибнет.

Крюков слушал и не верил своим ушам. Первой его мыслью было, что дежурный телеграфист от переутомления сошёл с ума.

Крюков соскочил, как от удара электрической искры и, накидывая на ходу меховую куртку, бросился в соседнее здание, где помещалась радио-станция. В том же здании помещалась и динамо-машина, приводящая в действие станцию.

Крюков так спешил, что не успел даже сообщить о случившемся остальным своим товарищам. Уже выходя он встретил одного из сотрудников, монтажника, который, увидав бледное лицо Крюкова, спросил, в чём дело.

- На станции кажется несчастье, идём со мной.

Начальник и его товарищ подбежали к корпусу, где помещалась радио-станция. Здесь их ждало новое от-

крытие. Все окна здания были темны. Это поразило Крюкова. Динамо-машина работала. Свет был во всех корпусах, кроме аппаратной.

Они подбежали ко входу: дверь была заперта изнутри. Этого никогда прежде не бывало.

Все обитатели станции знали друг друга, и кроме них да приезжающих изредка самоедов, на сотни вёрст никого не было, поэтому запирались было бы глупо и бесцельно.

- Как же мы проникнем внутрь? - задумался на минуту Крюков. - Должно быть там происходит нечто совсем невероятное.

- Можно пройти через аккумуляторную. Придётся выдавить стекло и пробираться среди заряженных батарей и пущенных в действие аккумуляторов, но это, как вы знаете, очень рискованно - предупредил спутник Крюкова монтёр Степанов.

Действительно пробираться в полной темноте, в неповоротливых неуклюжих меховых мешках, среди заряженных на несколько тысяч вольт батарей, было почти безрассудством, но Крюков не раздумывал. Каждая секунда была дорога.

Монтёр продавил стекло, и оба нырнули в зияющее отверстие, а затем поползли между рядами батарей и аккумуляторов. В первый раз в жизни Крюков почувствовал маленькую неловкость. Да и было отчего - малейшее неверное движение, малейшее прикосновение к батарее - и моментальная смерть...

Они проползли, благополучно отыскивали в темноте комнату, где должен был находиться радио-телеграф...

Вдруг от стола, где находился включатель, подающий ток на антенну, мелькнула какая-то человеческая тень. На секунду всё здание осветилось голубым светом, как молнией. Этот неизвестный открыл дверь, ко-

торая почти никогда не отпиралась, и проскользнул в агрегатор...

Крюков и монтёр бросились за ним.

IV.

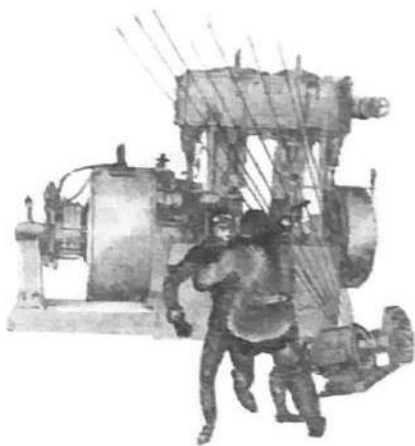
Схватка у аппарата.

Всё это происходило при страшном грохоте и шуме. Агрегатор работал вовсю и наполнял воздух страшными неумолкающими выстрелами. Агрегатор подавал сигнал.

Крюков подбежал к агрегатору, заглянул внутрь помещения, внутрь этого стального шкафа - там стоял незнакомый ему человек.

Что делать? Выключить машину, остановить мотор - некогда.

Нельзя терять ни одной секунды. Где дежурный телеграфист? Почему здесь этот неизвестный? Откуда он сюда попал? Расспрашивать его и предложить ему выйти из агрегатора бессмысленно. Неизвестный со злобой смотрел на Крюкова, давая понять, что если Крюков бросится к нему, он немедленно может испортить агрегатор. Не раздумывая ни секунды, монтёр бросился на неизвестного и схватил его. И вот возле агрегатора, действующего на полный заряд, завязалась борьба. Неизвестный тянулся к агрегатору. В руке у него блеснул револьвер. Он хотел просунуть ручку

браунинга внутрь агрегатора, чтобы его сломать. Мон-тёр напряг последние силы и подмял неизвестного под себя. В эту секунду он плечом коснулся провода...

... Через десять минут на место происшествия собрались сотрудники радиостанции. Оба трупа, и мон-тёра, и неизвестного, погибших от электрического то-

ка, были вынесены из агрегатора. Дежурный радио-телеграфист, который оказался связанным и оглушённым каким-то ударом, пришёл в себя и рассказал:

- Когда я принимал депеши, то почувствовал удар. Упал и вот этот тип, - указал он на труп неизвестного, - стал подавать какие-то сигналы...

- "Красная Звезда" - наша гордость. Самый огромный пароход в мире. Этот мерзавец был подкуплен врагами советской России, чтобы вестью о гибели "Красной Звезды" сыграть в руку нашим врагам, - сказал Крюков. После я вам расскажу об этом подробно. А теперь...

И Крюков, велев пустить в действие станцию, протелеграфировал следующее сообщение:

Всем... Всем... Всем...

Весть о гибели парохода "Красная Звезда" ложная. Никаких аварий с "Красной Звездой" не было... Преступная рука неизвестного пыталась повредить Советскому Союзу".

Начальник второй Арктической радио-станции Крюков

28 ноября 19...

V.

На помощь северу.

Это сообщение Морозову принесли из кабины радио-телеграфа уже тогда, когда внизу, в ночном тумане, засияло гигантское, как светлый дым над океаном, зарево Лондона.

Но радио-телеграмма Крюкова не успокоила ни Красных, ни Морозова.

- Так ты говоришь, - сказал Красных Морозову уже в своей кабине, - что эти два американца, один из которых называет себя Хирком, получили шифровку?

- Да.

- А не кажется тебе, что есть связь между шифрованной депешей и телеграммой Крюкова. Ты заказал самолёт на нашем аэродроме?

- Конечно, - заявил Морозов, - и лётчика назначил: Михаленко. С ним-то я хоть куда. Через четыре часа будем на Чёртовой губе, где стоит эта вторая радиостанция.

Начальник радиостанции, Крюков, был оповещён, что из Лондона послан самолёт, который ему предлагалось принять. Поэтому на ровной снежной площадке были разложены костры, и самолёт Михаленко и Морозова легко спустился. Самолёт был построен на русских заводах и отличался большой скоростью и подвижностью.

Морозов узнал, в чём дело, - Крюков немногословно и толково изложил последние события.

- Преступник прибыл на аэроплане? - спросил Морозов.

И получив утвердительный ответ и сообщение, что надо искать машину, на которой появился странный

злоумышленник, явный доброволец фашизма, шедший на верную смерть, - Морозов сказал:

- Во всяком случае, надо найти аэроплан этой таинственной банды. Их намерения понятны. Они хотели, чтобы при испытании Моррисоновым прибором местонахождение посыльной радио-станции было приблизительно там, куда в последний рейс направилась "Красная Звезда": на севере. Задумано неплохо. Значит надо найти аэроплан.

После опроса самоедов, Морозов твёрдо решил вооружить самолёт пулемётом и лететь отыскивать фашистскую машину.

Было прекрасное утро, когда Михаленко и Морозов поднялись над правильными квадратами и прямоугольниками корпусов и бараков радиостанции.

Взяв направление на северо-восток, аэроплан легко пошёл вверх, и через несколько минут после подъёма Морозов в бинокль увидел серое, почти чёрное, незамёрзшее море, казавшееся однако, холоднее даже льдистого снега на суровых скалах берега и прибрежной равнине.

Солнце низко катилось на горизонте. Кругом было пусто. В широком поле Цейсовского бинокля дрожали плоские снега и серое море. Далеко на бесцветной глади океана за клубился дымок парохода, шедшего вероятно из Мурманска. Морозов довольно долго пристально вглядывался в безграничную даль океана.

... Местность стала меняться.

Плоская белая равнина, которую Морозов привык видеть во время своего полёта, превращалась в неровную цепь пригорков и котловин, при чём котловины казались сверху правильными огромными аренами, включёнными в круглые амфитеатры.

"Какой-то лунный пейзаж. Чрезвычайно удобное место для посадки", думал Морозов, смотря вниз.

И вдруг неожиданно сам для себя он решил, что, покуда он рассматривает землю, его предполагаемый противник может удрать.

В самом деле Михаленко обернулся и крикнул что-то, не заглушив однако шума мотора. Морозов справа увидал большой самолёт, видимо только что снявшийся с земли и уходивший в другую от них сторону к югу, быстро забирая высоту.

Михаленко немедленно повернул к югу и стал тоже подыматься.

Морозов осмотрел пулемёт.

Ещё в гражданскую войну Михаленко летал на красных самолётах и сбил в воздушном бою не один аэроплан.

Знакомое чувство приближающейся воздушной борьбы охватило Морозова. Он был почему-то уверен, что аэроплан противника не снизится и будет защищаться.

"Лишь бы Михаленко не подгадил. Нужно взять высоту. Подойти сзади," как яркие хлопья неслись мысли Морозова.

Самолёт противника был ясно виден. Это была новая быстроходная американская машина, четырёхместная. Но Морозов знал, что там, вероятно, только трое...

VI. Бой.

Михаленко был прекрасный лётчик. Он учитывал положение и силы своей машины. По мере того, как он приближался к американскому самолёту, он уже понял, что его машина быстроходнее. Выигрывал противник преимущество только тем, что взял большую высоту.

В ту же минуту Морозов заметил, что американец начал стрельбу: над бортом его гондолы появилось дуло автоматического ружья.

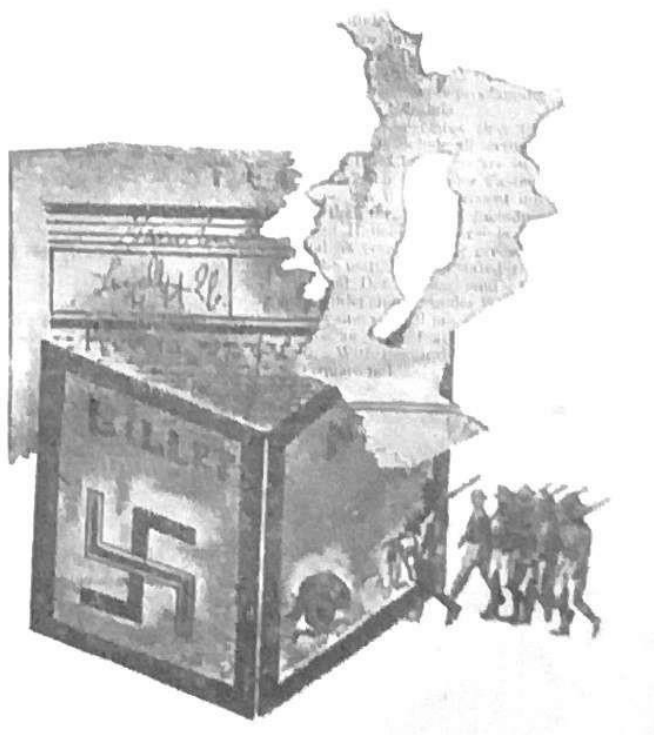
Михаленко сделал поворот. Высота была три тысячи метров. Пилот-американец, заметив это, сделал тоже поворот для того, чтобы зайти сзади русского аппарата. У него было ещё и то превосходство, что автоматическое ружьё в руках наблюдателя поворачивалось как угодно, не то что пулемёт Морозова.

Американец был опытен. Он вертелся, как юла, ухитряясь уходить от ливня пуль, которыми уже начал

поливать Морозов теперь уже определённо враждебную пиратскую вооружённую машину. Но выстрелы по бортам чужого самолёта были безрезультатны. Морозов не имел возможности поймать его в прицел.

Михаленко, заметив это, стал приближаться к вражескому аппарату. И благодаря удачному манёвру, он добился того, что американец потерял его из вида.

В тот же момент, заметив, что преследуемый аппарат находится впереди, что расстояние между самолётами сокращается, Морозов уже твёрдо почувствовал приближение победы. И он упорно расстреливал настигаемый самолёт.

Вдруг противный аппарат накренился, закачался, хотя пропеллер продолжал вращаться. Вглядевшись, Морозов понял, в чём дело: пилот был смертельно ранен. Он безжизненно склонил голову.

Но рано ещё торжествовать победу: второй пилот или механик быстро взялся за управление и выправил свой аппарат. Они опять выиграли время, потому что Михаленко и Морозову казалось, что всё кончено.

Американец пошёл вниз, и Морозов опять перестал видеть так ясно, как он видел несколько минут тому назад, что делается во враждебной машине.

Но вот противник очутился внизу.

С новой силой, пользуясь ошибкой, Михаленко пикировал на него, а Морозов начал обстреливать. Не прошло и двух минут, как вражеский аэроплан с разбитым мотором нырнул и пошёл крутым штопором вниз.

VII.

Из донесения тов. Крючкова.

"Оставшийся в живых механик вышеназванного аэроплана, гражданин С. Ш. Сев. Америки Смит, однако, никакого путного объяснения по этому делу не дал, говоря, что он был просто нанят гр. Хирком."

"В числе его бумаг был найден фашистский билет, выданный Ново-Орлеанским комитетом на имя Роберта Эдльтона, ряд зашифрованных записок за подписью упомянутого Хирка, при чём одна телеграмма за той же подписью гласит, что Хирк "уезжает на две недели в Лондон, чтобы быть поближе".

"Кроме того найдена следующая вырезка из какой-то, очевидно левой, американской газеты следующего содержания:

"Все попытки крайней правой сената, опирающейся на пресловутый Ку-Клукс-Клан, обречены на неудачу. Сорвать налаживающиеся экономические и политические отношения с Советской Россией - тщетная надежда политических сумасбродов и авантюристов."

"Всё это стремление порвать с СССР должно выродиться в ряд условно наказуемых деяний частных лиц, действующих явно во вред Соединённым Штатам".

"На вырезке несколько пометок, восклицательных и вопросительных знаков."

"Тов. Морозов заявил мне, что гр. Хирка он знает и что он найдёт способ наказать истинных виновников преступления, имевшего место на вверенной мне радио-станции"...

НАТАЛИЯ БЕНАР

ЧЕРНЫЙ ПАУК

Фантастическая повесть

Опубликовано в журнале «Самолет», № 8 - 12, 1925 г.
Иллюстрации Пименова, Гончарова.

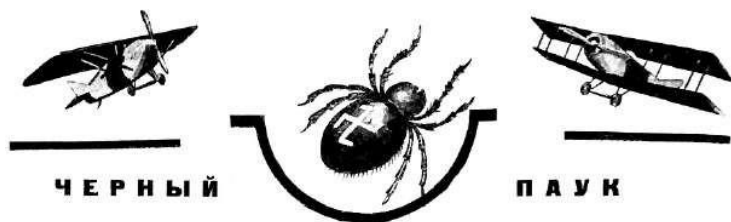

НАТАЛИЯ БЕНАР

Чёрный паук

ГЛАВА I.

НАПАДЕНИЕ В ПЕТРОВСКОМ ПАРКЕ.

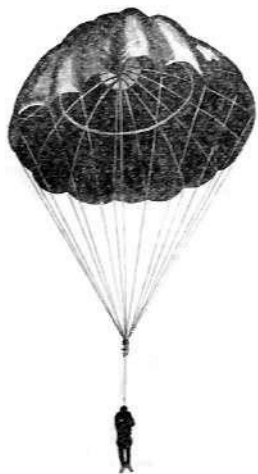
ЧЕРНЫЙ ПАУК.

Над аэродромом вставал розовый весенний закат, кричали галки, жужжали последние пропеллеры, когда старый военлет и комиссар Военно-Воздушной Академии, тов. Афанасьев, почувствовав приступ малярии, отправился домой.

Заканчивался конкурс парашютов. По всему небу плавали огромные зонты, грея круглые спины свои в косом желтом луче.

Афанасьев устал после нескольких часов напряженной работы, все тело его ломило, начинался озноб, но воздух был так свеж и прозрачен, что он решил пройтись домой пешком.

Он в последний раз обернулся на аэродром. Прямо перед ним на жемчужно-розовом и малиновом закате медленно опускался большой черный парашют. Кровавые блики играли на его крутых боках. Он плавно покачивался, иногда, точно в раздумье, замедляя спуск.

Казалось, в воздухе повис огромный черный паук, в вытянутых лапах которого билась беспомощная жертва.

— ... «Черный паук» ...

— Не правда ли, отличная штука, товарищ комиссар? — обратился к нему инструктор ВВА, летчик Юргенс. — Это парашют Козлова, того самого комсомольца-курсанта, что отличился на польском фронте.

— Черный паук, — пробормотал Афанасьев, — черный паук...

Мысли его путались от лихорадки.

— Да, да! Вы уже знаете его странный девиз? Хотя парашют, действительно, напоминает паука. Молодец наш Козлов!

Афанасьев зашел в общежитие, выпил стакан чаю, отдохнул немного и пошел домой.

ЗАЯЧЬЯ ДУША.

Было уже темно, когда он шел Петровским парком. Воздух быстро холодел, и сильнее запахла липовые почки. От земли подымалась легкая дымка. Галочий табор еще горланил, устраиваясь на ночь.

Где-то, очень далеко, проходила первая весенняя гроза, и бесшумные зарницы мигали за деревьями.

Афанасьев быстро шагал, дрожа от озноба.

— Придется зайти к Николаю, — с неудовольствием подумал он, поморщившись при мысли о неизбежной истерике племянника, которой заканчивались все их принципиальные споры.

Николай Иванович Тришатный, Завтех в ВВА, кичился интеллигентским пацифизмом, прикрывавшим его от опасностей военной службы. Он был неисправимым врожденным обывателем, стихийным обывателем, но с целым арсеналом хороших слов.

Когда-то сестричка Афанасьева, милая девушка, увлеклась кокетливым либерализмом некоего юриста, и вышла за него замуж. Сын ее унаследовал от отца заячью душу и пристрастие к дешевому пафосу.

Афанасьев племянника презирал, тот его ненавидел, и оба отлично знали это.

...Спать... спать... спать...

Комиссар шел быстро, усилием воли приводя в порядок заплетающиеся мысли.

В этой ночи была грызущая его тайная тревога, которую он упрямо стряхивал, прислушиваясь к бодрому хрусту песка.

Между деревьями сверкнули освещенные окна. Это был домик Тришатного.

ШАГИ.

В это время военлет Афанасьев услышал за собой торопливые и неровные шаги. Такие шаги бывают у людей с нечистой совестью, — подумал он, но не имел силы обернуться. Сами ноги несли его, совершенно изломанного лихорадкой, к теплой постели и облатке хины.

Шаги приблизились, потом внезапно стихли.

... Спать... спать... спать...

Он схватился за виски холодными ладонями.

Вдруг страшный удар обрушился на его голову, почти раздавив пальцы.

Постояв неподвижно секунду, Афанасьев рухнул

на землю, уткнувшись лицом в холодный влажный песок.

Ему показалось, что кто-то крикнул над самым его ухом:

«Черный паук... Черный паук» — ... но эти странные слова потонули в нестерпимом звоне, разламывающем череп.

Несколько минут лежал он без сознания, но душистая прохлада земли освежила его лоб, и он пришел в себя. В ушах звенело, болезненно отстукивал пульс, пальцы мучительно ныли.

Все это было бы похоже на смерть, если бы не острая физическая боль, которой смерть не знает. Скорее, это был отвратительный паралич.

Он лежал с закрытыми глазами и не мог пошевелиться, но ясно различал каждый шорох в сухой прошлогодней траве и на песке.

Кто-то на цыпочках бежал от него по аллее. Он слышал свистящее, трудное дыхание и шелест макинтоша.

ЧТО С ВАМИ, ТОВАРИЩ?

Прошло неопределенное время, не то час, не то пять минут.

Летчик лежал, не двигаясь.

Снова шаги... ближе ... ближе... Послышалось заглушенное восклицание, кто-то подбежал к нему.

— Ох, да никак это товарищ Афанасьев!.. — Говоривший осторожно повернул голову комиссара.

— Жив, пробормотал он... — Что с вами, товарищ, вам дурно?.. Товарищ Афанасьев! Товарищ Афанасьев!

Афанасьев усилием воли стряхнул с себя мучи-

тельное оцепенение, с трудом поднял голову, открыл глаза и зажмурился от ужаса.

Над ним склонилось страшное в весенней ночи, изуродованное лицо, даже не лицо, а один сплошной багровый шрам. Два испуганные глаза без ресниц, под вывороченными веками, смотрели на него...

— Кто... кто вы такой?..

— Как вы себя чувствуете, товарищ Афанасьев?

— Скажите сначала, кто вы? Я вас не знаю...

— Я Козлов, товарищ комиссар. Козлов из ВБА.

В голове Афанасьева, точно бомба, разорвалось воспоминание:

— Да, да... помню... Козлов... Вы сегодня выступали на конкурсе... Черный паук... Почему черный паук?.. Ох, как трещит башка... У меня бред... Не обращайтесь внимания... Помогите мне встать. Так. Удивительно, как я вас не узнал сразу!.. Теперь мне легче. Спасибо, товарищ, я дойду сам... Мне вон в тот домик, к Тришатному.

В нескольких шагах от них, между стволами лип, как желтые глаза, светились квадраты окон. В одном из них гостеприимно мигала лампа, и ровным синим пламенем горел примус.

— Что же случилось, товарищ Афанасьев? Вам было дурно?

— Какой-то хулиган ударил меня по голове, да голова у меня крепкая, а то бы — тю!..— Понять не могу, почему...

Он не закончил, крепко сжал губы, подумал и сказал про себя:

- Конечно, бред. Ну, конечно!
- Послушайте, Козлов, вы ничего не слышали?
- Мне показалось, что кто-то бежал в том направлении.
- А крика вы не слышали?
- Нет, — с недоумением ответил курсант, — крика никакого не слышал.
- Ну, конечно... конечно... У меня, знаете ли, припадок малярии, я брежу... Нужно шагать. Прощайте, товарищи, спасибо вам.
- Прощайте, товарищ Афанасьев.

ИОСИФ ПАЙОНК ИЗ МИНСКА

Полыхнула зарница, осветив зеленую калитку. Военлет Афанасьев скрылся в палисаднике. После ослепительной вспышки стало еще темнее. Козлов провел рукой по лицу, вдохнул, потом нагнулся и, чиркнув зажигалкой, стал исследовать место нападения. Из-под его ног выскочила кошка, и бесшумно, как нетопырь, скользнула в темноту. Он шарил по земле в поисках каких-нибудь следов, оставленных нападавшим. Огонек зажигалки бессильно боролся с быстро густеющей тьмой. Ночь сомкнулась над Москвой, прикрыв тучами усталое небо.

Вдруг чей-то голос раздался над ухом Козлова.

— Слава богу! Я думал, здесь кого-то раздевают! Издали слышу крик, потом взволнованные голоса!.. В чем дело, товарищ?

Козлов вздрогнул. Зажигалка, мигнув, потухла. Темнота ослепила его. Он ответил, вглядываясь в неясную фигуру стоявшего перед ним человека.

— Какой-то хулиган напал на комиссара ВВА, товарища Афанасьева. Но он уже оправился и пошел к

своему племяннику, Тришатному. Должно быть, уже спит.

— Как, Афанасьев? Знаменитый летчик? Вот так штука! А я только сегодня хотел с ним говорить. Так он сейчас не у себя дома?

Удивленный настойчивыми расспросами незнакомца, Козлов осветил его неверным огоньком зажигалки. Перед ним стоял маленький невзрачный человечек в потрепанном дождевике, с круглыми роговыми очками на беспомощном птичьем носу.

Человечек вздрогнул при виде обезображенного лица Козлова, но как будто узнав курсанта, обрадованно и суетливо заговорил:

— Товарищ Козлов, кажется? Герой гражданской войны! О, я вас знаю! Я счастлив познакомиться с вами.

Козлов почувствовал раздражение против этого назойливого субъекта.

— А вы кто такой? — спросил он сухо.

— Я? Я — Пайонк, Осип Пайонк к вашим услугам, сотрудник Минской газеты... Пожалуйста... вот мое удостоверение личности... вот... — Он вытащил бурый бумажник и стал рыться в нем лихорадочно дрожащими пальцами, роняя какие-то бумажки на землю.

— Не надо мне ваших документов, гражданин, — ворчливым тоном сказал Козлов. — Я не милиционер. Подбирайте ваши бумажки и катитесь дальше. Не мешайте мне.

— Я сейчас... сейчас... — заволновался Осип Пайонк, сотрудник Минской газеты. — Он торопливо шарил по земле, подбирая бумаги и испуганно поглядывая на Козлова.

Курсанту стало стыдно своего резкого тона.

— Идите, идите, — сказал он уже мягче. — Вы мне тут все дело испортите!

Журналист зашуршал бумажником, вздохнул и ушел, пригибаясь к земле, как побитая собака.

— А, черт, — выругался Козлов. Теперь тут ничего не разберешь! Вся земля истоптана!

ВХОДИ, ДЯДЯ

Подойдя к крыльцу, Афанасьев столкнулся с племянником. Он прерывисто дышал и зябко кутался в резиновый [плащ].

— Ты это откуда? — странным голосом спросил военлет.

— А, дяденька!.. Да вот, мотоциклетку чинил... В сарае холодно, сыро, боюсь, как бы не простудиться.

— Наташа дома?

— Дома. Входи, дядя!

Тон его был не очень любезен, но Афанасьев с блаженством погрузился в раскрывшуюся ему навстречу теплую, светлую тишину.

ГЛАВА II

КТО СТРЕЛЯЛ?

ЗМЕИНЫЙ ШИП.

— Побольше лимону, дядя Володя... Пожалуйста, пей и не разговаривай.

— Славная у меня племянница, — умиленно подумал, допивая четвертый стакан чая, Афанасьев.

Припадок пошел на убыль. Теперь он согрелся, и больше всего на свете хотел спать.

Николай Иванович раздраженно ходил из угла в угол, глотая язвительные слова, срывающиеся с его губ.

— В толк не возьму, — сказал Афанасьев, — кому это вздумалось меня по темечку тюкнуть. Вероятно, простое хулиганство... Милое наследие прошлого.

Николай Иванович не выдержал:

— У нас, кажется, и своего хватит, без наследства. Порядочки... Милиции тоже хороша! Такие номера почти среди бела дня! Прямо стыд! Что ж ты, дядя, не закричал, не побежал за ним?

Афанасьев насмешливо взглянул на племянника.

— Вот ты уж, наверное, побежал бы... от него. — Николай Иванович вспыхнул, хотел ответить, но суровый взгляд жены заставил его промолчать.

— Ты прекрати; знаешь, — продолжал Афанасьев, — что хулиганство — это несчастье, которое нельзя изжить сразу. У нас недостаточно средств, чтобы осветить и охранять все окрестности Москвы. Брось нить, Николай Иванович, свою интеллигентскую пеньку испортишь...

Он встал и потянулся.

— Спать хочу. Если бы не Козлов, я, вероятно, и сейчас бы еще валялся в парке. Жаль парнишку —

как его исковеркало!

— Разве он не всегда был такой? — спросила Наташа.

РАССКАЗ АФАНАСЬЕВА О КОЗЛОВЕ,
В ПЕРЕДЕЛКЕ АВТОРА.

Года три тому назад, в самое пекло гражданской войны, Козлов был в N-ой армии. Он числился летчиком-наблюдателем и готовился перейти в военлеты. В то горячее время особых специальных знаний не требовалось, каждый летчик был дорог, а Козлов, парнишка способный, ухитрился на практике основательно изучить летное дело. Было ему тогда не больше 19 лет. Так вот, получает штаб этой армии радиотелеграмму от командующего юго-западным фронтом, такого содержания:

«Последние дни противник широко применяет самолеты в бою с кавалерией, таким способом восполняя свои слабые силы. 16 и 17 августа отряды противника, в числе 9 самолетов кружились над наступающими частями Красной армии. Войска, атакованные не менее чем 3 раза в день, понесли большие потери в людях и конях.

Прошу распоряжения о немедленной высылке в мое подчинение одной противосамолетной батареи и одного истребительного патруля, в составе не менее пяти самолетов».

Значит, лоб в лоб! Что там противосамолетная батарея, самолеты — вот это так.

Собрали несколько аппаратов (гробы, старье), отрядили в штаб Юго-Западного фронта комиссара корпуса с инструкциями и очень важными документами.

Была осень. Август месяц. Ранний листопад, яблоки, холодок... Впрочем, к рассказу о Козлове это не относится.

Командовать патрулем назначили Яновского, бывшего офицера, опытного тактика.

Эта был лояльный человек, с красным военным стажем, ничем не запятнанный и очень приятный в общении. Один Козлов его недолюбливал.

Раненько утром отправились.

Комиссар сел к Яновскому на «Бреге», отбитому у белых, с приличным по тому времени мотором.

Итак, впереди летит Яновский, вторым летчик Угрюмов с наблюдателем Козловым, и далее еще два паршивеньких допотопных «Эльфауге».

Все шло благополучно. Стали уже приближаться к фронту, где предстояло сесть у штаба.

Но вот над местечком С., откуда рукой подать до польской границы — Яновский погибает крутой вираж и летит на запад. Весь отряд покорно следует за ним.

Козлову не по себе. Тут что-то неладно! На кой черт ведущему менять намеченный в штабе маршрут. Он следит за Яновским и старается понять, что бы это все значило. Вдруг, на глазах у замершего от изумления Козлова, «Бреге» начинает «развлекаться». Он ни с того, ни с сего делает крутую петлю. Из его фюзеляжа выпадает какой-то темный предмет и камнем летит на землю.

— Комиссар выпал, кричит Угрюмов. — Забыл пристегнуться, черт его...

Но Козлов мгновенно соображает:

— Предательство! Яновский сбросил комиссара и собирается удрать в Польшу с документами нашего штаба.

— Догоняй паршивца, — орет он благим матом. — Дело нечисто!

Окончив мертвую петлю при выключенном моторе, Яновский постепенно набирает скорость, но это дает возможность Угрюмову подлететь к нему совсем близко.

Вдруг — над фюзеляжем «Бреге» беленькое облачко ... еще... еще...

Будто горох барабанит по крылу... еще дымок... еще... и Угрюмов, с простреленной головой, сползает со своего сиденья.

— Хорошо, что перед полетом установили добавочное управление — думает Козлов и выравнивает начинающий мотаться «Эльфауге».

Остальные самолеты отстают. Там до самого конца так и не могли понять, в чем дело.

Яновский сначала отстреливался из револьвера, потом затих. Пулемет его, установленный неподвижно, мог стрелять только вперед. Видно, он решил, что тратить время на револьверную стрельбу не стоит. Он делает ручкой Козлову и набирает высоту.

Козлов — летчик неопытный. Орудовать пулеметом, одновременно держа управление — для него вещь почти невозможная, но когда под ним развертываются пограничные леса, он делает героическое усилие, и начинает обстрел «Бреге». Он поливает его из пулемета так настойчиво, что Яновский начинает волноваться. Он снова стреляет в Козлова. Козлов, раненный в плечо, чувствует, что силы его покидают, скоро он не сможет больше следить за самолетом.

Под нами уже Польша. Яновский будет в безопасности, с важными документами в руках. Медлить

нельзя. Осталось только одно — таранить.

Погибать, так погибать, но документы в панские жадные лапы не попадут. Козлов решается. Он напрягает последние силы, и слова обстреливает Яновского из пулемета.

Конечно, «Бреге» был быстроходнее гробоподобного «Эльфауге», и мог благополучно удрать.

Но Яновский, напуганный пулеметный обстрелом, на который он не мог отвечать, растерялся, и это его погубило. Он сделал переворот через крыло, чтобы встать носом к противнику и ответить ему своим пулеметом, но, не рассчитав высоты, очутился как раз под Козловым.

Через минуту шасси и колеса «Эльфауге» с силой ударились о его крыло.

«Бреге» покачнулся, бессильно повис в пустоте и мертвым штопором пошел в землю.

Но Козлову было не легче.

В то время, как он таранил неприятеля, самолет по инерции продолжал двигаться, и «Эльфауге» сделал мертвую петлю, из которой неопытный Козлов выйти не сумел; песенка его была спета.

Головой вниз пропланировал он до самой земли, перешел в пике и...

Но тут произошло что-то совсем необычайное... Козлов не сгорел, не умер от разрыва сердца и не разбился насмерть!

Он вылетел из самолета метров за десять от земли и свалился на густые вершины дубов и кленов.

Ветви их не очень дружелюбно встретили летчика и швырнули его, исцарапанного, изуродованного, на мягкую землю.

Но падение было ослаблено, и Козлов остался жив. Он пролежал в лесу несколько часов, чуть не

умер от потери крови и лихорадки, пока его не нашел лесничий, поляк и тайный коммунист.

Он приютил Козлова у себя в сторожке до ночи, и ночью перенес его на своих плечах через границу на ближайший советский пост.

Дали знать в N., где снизились три остальные самолета.

Летчики были потрясены, когда увидели изуродованного, но живого Козлова. Они были совершенно убеждены, что Козлов разбился насмерть.

Его спасение было настоящим чудом. Козлов пролежал в госпитале глухой, слепой, в параличе два года. Едва удалось его отстоять от смерти.

Его молодой организм и мужественное сердце победили. Он выздоровел, но на всю жизнь остался уродом.

ВОЙНА — ЗЛО.

— Война всегда зло, — буркнул Николай Иванович. — Тут было не мужество, а слепая ярость, которая бывает и у собак по время драки.

Афанасьев засмеялся:

— Вот, почему ты в двадцатом году, в самый ад, оставил отряд из-за ревматизма и пошел в завхозы. Помню, был еще один случай...

— Полно, дядя...

Наташа покраснела и умоляюще взглянула на Афанасьева...

Ей было стыдно за мужа, но она щадила его.

Тришатный с ненавистью поглядел на дядю.

— Война всегда зло, — упрямо повторил он,

— Зло-то она зло, — протянул холодно комиссар.

— А вот объясни мне, почему ты так много кричал о

защите родины в семнадцатом году? Откуда же у тебя такое отвращение к войне?

— Бросьте, милые, — попросила Наташа. — Пора спать. Иди, дядя, наверх в Колину комнату, там тебе приготовлена постель. Не забудь принять хину.

Афанасьев ушел.

Через полчаса, после основательной проборки, сделанной ему Наташей, Николай Иванович проскользнул в свою комнату и молча разделся. Афанасьев уже спал.

Воздух тяжелел в предчувствии грозы. Сквозь закрытое окно слышался гул взволнованных деревьев. Зарницы вспыхивали ярче и продолжительнее. Потрескивая, горела свеча.

ЗАГАДОЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ.

Звон разбитого стекла и тупой звук выстрела разбудили комиссара.

— А, черт, что еще такое!

Воздух еще звенел, как потревоженная струна. Едва заметно и сухо пахло порохом.

Справа от окна, прислонившись к стене спиной, стоял Тришатный. В глазах его стоял непередаваемый ужас.

— Что же случилось? Кто стрелял, черт вас всех возьми, — крикнул летчик, спуская ноги с кровати.

— Кто-то пытался влезть в окно, — пробормотал Николай Иванович. — Я видел руку и выстрелил. Я не знаю, кто это был...

— Где же твой револьвер?

— Он... я... я его швырнул, в того, кто сюда лез...

— Что за чушь! — воскликнул Афанасьев, подозрительно поглядывая на племянника. — Если это был вор, чего же ты испугался?

Он кинулся к окну, распахнул его настежь, зазвенев осколками, и выглянув в палисадник.

Ветер ринулся в комнату, задувая свечу. Издали хрипло заурчал гром. Тучи закрыли луну, и в зияющей тьме было невозможно что-нибудь различить. Но вспыхнувшая зарница на минуту осветила пустой палисадник и просторное ночное небо. Никого.

— Эх ты, — с сердцем проговорил Афанасьев, — Вор! Вор! Тебе верно приснилось. Взобраться по этой гладкой стене на второй этаж невозможно... Ты напрасно стрелял... А это что?

Он бросился к своей кровати. На четверть метра выше подушки, на которой только что покоилась его голова, в стене была выбита ямка, в глубине которой

мутно поблескивал свинец.

— Кто же стрелял, ты или... Я слышал только один выстрел, — яростно спросил он, резко повернувшись к племяннику.

Николай Иванович, бледный, как полотно, судорожно тряс головой.

— Ты чего?

— Паук, черный паук! Он свалился на меня с оконной рамы!

— Пауков боишься, — вне себя заорал Афанасьев.

— Паук тебе не война!.. Говори немедленно — стрелял ты или нет, гадина ты этакая!

— Я не стрелял, — пролепетал тот... — Я швырнул в него маузером, когда он выстрелил... Я испугался... Я не успел прицелиться. Он мог меня убить...

— Фу, ты... — выругался Афанасьев.

В комнату ворвалась Наташа.

Увидев осколки стекла на полу, дрожавшую фигуру мужа, взбешенного Афанасьева, она тревожно спросила:

— Что случилось?

— Твой красавец очень удачно прогнал вора, — проворчал военлет. — Он не нашел ничего лучшего, как швырнуть в него заряженным револьвером.

— Я видел его руку... я видел его руку... — как безумный повторял Тришатный. — Он мог меня убить, ведь он стрелял в меня...

— Трус, жалкий трус... Он стрелял не в тебя, а в меня, если только... — Афанасьев внезапно замолчал и стал быстро одеваться.

Над самым домом загрохотал гром. Порыв ветра стукнул оконной рамой. Свеча погасла.

— Идем вниз, здесь нельзя оставаться, — скомандовала Наташа.

Все спустились в столовую, где уже собрались все жильцы, поднятые с постели выстрелом.

КТО ЭТО?

В дверь постучался милиционер.

— Здесь стреляли? Я с Большой Московской слышал выстрел.

Ему рассказали о случившемся.

— Надо бы осмотреть землю под окном.

Принесли фонарь. Но когда они открыли дверь — в лицо им брызнули первые крупные капли, и через минуту дождь лил, как из ведра.

Нечего было и думать найти какие-нибудь следы на размокшей земле. Милиционер поднял покрытый грязью револьвер.

— Это мой, — сказал Тришатный, взглянув на него.

— Что у вас в этом сарае? — спросил милиционер.

— Он у вас всегда заперт. Там хранится мотоциклет. Впрочем, может быть, я забыл его запереть сегодня, — сказал Николай Иванович.

Все двинулись к маленькому сараю, прилегавшему к хлеву.

Дверь оказалась не запертой. Милиционер осторожно открыл ее, держа револьвер наготове. Пахнуло бензином и маслом. Дождь барабанил в деревянную крышу, и весь сарай дрожал от ветра.

— Эй, есть кто там? — выходи, стрелять буду! — Мутное пятно света поползло по пыльным, покрытым паутиной стенам.

Все ахнули: из-за мотоциклетки, от стены отделилась чья-то фигура. Луч фонаря зацепил ее и осветил испуганное небритое лицо и грязные лохмотья.

Дикий крик разодрал тишину:

— Федя! — крикнула Наташа. Афанасьев нахмурился.

Николай Иванович кинулся в сарай, сжав кулаки.

— А, мерзавец, так это ты в меня стрелял!

Бродяга попытался улыбнуться, но улыбка его была такая жалкая, что всем стало жутко.

— Я ни в кого не стрелял. У меня и шмайера¹⁾-то нет. Я спрягался здесь потому, что вот его боялся, — он кивнул на Николая Ивановича. — Хотел поговорить с Наташей... Мочи моей нет. Грязь меня заела...

Милиционер схватил его за рукав.

— Ты кто такой?

Бродяга молчал, все так же жалко улыбаясь. Невольно все обратили внимание на свежую царапину

---

1) Название револьвера на воровском жаргоне.

на его костлявой шее. Такие царапины бывают от пореза стеклом.

— Кто это? — грозно обратился милиционер к Наташе.

— Мой брат, — ответила она.

ГЛАВА III.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

«ЖИСТЬ»

Федька прочно засел на Хитровке. Изредка, между двумя ругательствами, когда под опорками сверкал снег, а над головой звезды, в едва намеченной памяти дали вставал черемуховый садик, отцовские мозолистые, но нежные руки, фабричные гудки, шушпанье приводных ремней, — все то, чего может быть и не было никогда, и что заслонялось тем, что было не так давно.

А было вот что:

Блестящая влажная палуба. Море... Соленый воздух...

Здоровая капитанская зуботычина, свернувшая ему челюсть и озлобившая душу, заставила его дергаться.

Началась волчья бродячая жизнь. Под Ревелем его били; в лесу было холодно, болела грудь; в Нарве опять били в участке, переломали три ребра за краденную булку. И вот у него стали крепнуть клыки, а сердце обросло волчьей шерстью.

Первая революция застала его в Одесской тюрьме, куда он попал за драку в публичном доме.

Его отпустили на волю, до одури пронизанную весной, солнцем, громом...

Потом — Петроград...

Чем-то смутно недовольный, бродил он по Питеру до октября. В октябре поддался соблазну штановкеш, маузера и подсолнухов. Гонял в товарных вагонах по Союзу, отвоевая у мешочников муку и соль. Пил. Пил. Он проспал революцию, и сон его был буйным и яростным. Проснулся Федька в опор-

ках, на Хитровке, где звали его «Федька-Марафет».

Смутное беспокойство, заглушенное бахвальством удачливого вора, томило его. С завистью глядел он на случайно проходивших воровской квартал братишек-морячков.

Сердце ныло, как больной зуб. Он хотел уйти, попросить у кого-нибудь помощи, но было до тошноты стыдно, и мешало веселое и пустое отчаяние.

Однажды, когда стало невтерпеж, он пошел к сестре, к милой и доброй сестре Наташе. Федька ненавидел своего шурина, и когда, подойдя к окну домика в Петровском парке, увидел в ярко освещенной столовой скучное и недоброе лицо Николая Ивановича, злоба закипела в нем, и у него вспыхнуло жгучее желание убить Тришатного.

***

Наташа заплакала.

— Ей-богу, Наташа, чего ты, в самом деле... Я на мокрое никогда не пойду, — растерянно бормотал хитрованец.

— Айда в дом!.. Не мокнуть же здесь, — решительно сказал милиционер. Там разберем.

ДОПРОС.

В комнате начался допрос в присутствии председателя домкома, Иеронима Шварца, агента ГПУ.

— Ваша фамилия? Имя?

— Федор Иванов.

— Судился?

— Две судимости, два привода.

— Почему вы прятались?

— Хозяина боялся. Он бы меня выгнал, а я хотел

попросить у сестры место для меня какое-нибудь сыскать.

— Что у вас за царапина на шее?

— Малость подрался тут с одним. Штаны в закладе были, так не хотел отдавать.

— Так. А вы выстрел слышали?

— Слышал.

— Почему же вы не поинтересовались, кто стрелял?

Федька помялся.

— Засыпаться боялся. Мне это опасно. Документы не в порядке.

ПУЛЯ ИЗ РЕВОЛЬВЕРА СИСТЕМЫ МАУЗЕР.

В это время Иероним Шварц внимательно рассматривал револьвер Тришатного. Он понюхал дуло, едва заметно пожал плечами и обратился к Афанасьеву:

— Вы достали пулю из стены? Она у вас? Дайте-ка ее сюда на минутку. Это — пуля револьвера системы «Маузер».

Афанасьев через плечо Шварца поглядел на пулю, перекатывающуюся по его ладони.

Они переглянулись.

— Выстрел был только один? — вполголоса спросил Шварц.

— Да, один.

— Гм!..

Они опять переглянулись. Допрос у стола продолжался.

— Ну хорошо, а видели вы кого-нибудь в саду?

— Видеть не видел, а выстрел слышал.

— Я все-таки не понимаю, почему вы спрятались, а не ушли.

— А куда же мне было идти, опять на Хитровку? Думал, утром хозяин пойдет на службу, тогда и я выйду.

— Скажите, товарищ Тришатный, — перебил допрос Шварц, — револьвер ваш был заряжен?

— Да.

— И вы ни разу из него не стреляли с тех пор, как в последний раз его зарядили?

— Этого я не помню! Нет, впрочем, одни раз бешеную собаку застрелил. А что?

— Да так, товарищ Тришатный... Тут есть кое-какие соображения.

Составили протокол. Милиционер встал и шумно вздохнул.

— Придется гражданина Иванова задержать впредь до выяснения всех обстоятельств дела.

Наташа побледнела. Тришатный, опустив глаза, вертел дрожащими пальцами ключ от сарая.

Федька стоял спокойно, но губы его прыгали, как будто он хотел заплакать.

Афанасьев отвел милиционера в сторону и о чем-то с ним пошептался. Милиционер пожал плечами и обратился ко всем.

— Гражданин Афанасьев берет на поруки гражданина Иванова. Никто не возражает?

Николай Иваныч открыл было рот, но Наташа грозно поглядела на него, и он промолчал.

— Куда же мне деть этого гражданина? Оставить его вам? — неуверенно спросил милиционер.

— Ну, ясно, как день, он останется здесь! Куда же ему деваться?

Наташа взглядом поблагодарила дядю. Милиционер ушел.

ОПЯТЬ ЧЕЛОВЕК В КЕПКЕ.

Раздался стук в дверь. Наташа и Афанасьев вышли в переднюю.

— Кто там?

Чей-то робкий голос спросил:

— Здесь сейчас находится комиссар ВВА, товарищ Афанасьев. Мне хотелось бы с ним поговорить. Я сотрудник Минской газеты. С ним, надеюсь, ничего не случилось дурного? Я слышал выстрел...

— Дай, я сам с ним поговорю, — заворчал Афанасьев. Тоже журналист! Ведь знают, что для всякой болтовни у меня есть приемные часы в кабинете. Лезут ночью, почему зря.

Он заорал в замочную скважину:

— Меня нет сейчас! Я занят делом! Я болен! Я умер, и для всяких пустяков воскресаю от пяти до шести, по вторникам и пятницам. Всего хорошего!

— Товарищ Афанасьев, — запротестовал слабый голос за дверью.

— Знаю, что я Афанасьев. Можете идти, меня вы не увидите. Прощайте!

ГЛАВА IV.

СЪЕЗД ДРУЗЕЙ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА.

Синее стекло. Подъезд. Хлопающие мотоциклетки, рычащие и бесшумные, как совы, авто. Душное тепло вестибюля.

Дом Союзов. Представители прессы, в числе которых Пайонк.

Тришатного нет, — он на свидании.

Доклады. Награждение Афанасьева Орденом Красного Знамени. Афанасьев предлагает план разработки нового аэродрома. Чертежи остались в его служебном кабинете, в общежитии ВВА.

Афанасьев отводит в сторону своего друга, красвоенлета и инструктора Юргенса, просит его поехать в ВВА за чертежами.

Мимо затерявшегося в толпе на лестнице Пайонка, Юргенс выходит из Дома Союзов.

Пайонк, тщетно пытавшийся добиться интервью от Афанасьева, идет за ним.

Юргенс садится в автомобиль комиссара ВВА.

ГЛАВА V.

В ДОЖДЛИВУЮ НОЧЬ.

ТАИНСТВЕННЫЙ КРИК.

Шурша по мокрому гравия, автомобиль вонзился в темный лабиринт Петровского парка. Была ночь. Накапывал дождь. С деревьев в лицо Юргенсу летели холодные брызги. На поворотах сучья цеплялись о брезентовую покрышку. Низко, над самым кузовом висело туманное, унылое пятно — луна, закрытая облаками. Юргенс плотнее закутался в шинель. Он думал о своей школе, о ее будущем. Он думал о новой стальной птице, которую создал комиссар школы Афанасьев. Это была покорная, исполнительная, осторожная птица, при первом признаке серьезного пожара выбрасывающая своих пассажиров на волю под опекой парашютов.

Он вспомнил, как однажды, охваченный пламенем, он пытался снизиться. Только выдержка и самопожертвование механика спасли его от ужасной смерти. Поджариваемый с двух сторон, он потерял сознание. Механик бросился на его место и закончил спуск. Нет ничего безжалостнее и страшнее огня на самолете, когда тут же находятся баки с бензином.

Стоп. Автомобиль остановился у длинного трехэтажного здания. Два-три освещенных окна отражались в лужах перед домом. Он был непривычно тих и темен. Все курсанты и служащие были на Съезде.

Дверь отворил Флегонтыч, старый, глухой швейцар ВВА.

— Здорово, Флегонтыч. Ночь-то какая сырая, иззяб.

— Здорово, милай. Никак, Афанасьев?

— Я за него, — весело отозвался Юргенс, погружаясь в темную дыру подъезда.

Юргенс шел бесконечным гулким коридором, всматриваясь в плохо освещенные номера на дверях. Вот, наконец, кабинеты комсостава. Он, посвистывая, отпер дверь.

***

По пустому коридору разнесся крик ужаса и гнева.

А-а-а-а-а.

Глухой шум борьбы, стук, и снова дом погрузился в молчание...

ШОФЕР НЕ МОЖЕТ ЗАСНУТЬ.

Шофер сладко дремал, дожидаясь Юргенса. Один раз ему показалось, что он слышал сквозь сон странный, тяжелый и тупой стук. Но из теплой оленьей дохи было лень высовывать нос.

— Ишь, скамейку в саду на растопку сломали, — сонно подумал он.

Кто-то дотронулся до его рукава. Он скосил глаза. С лицом, мокрым от дождя, и с блуждающими глазами, в свете фонаря стоял перед ним Тришатный.

— Михаленко, не подвезете ли вы меня до дому? Вишь какая погода. До ниточки вымок.

— Дожидаюсь товарища Юргенса. Он тут в кабинет к Владимиру Платонычу зашел.

Изумление и тревога отразились на лице Тришатного:

— Юргенс? Не комиссар? Ну, я пойду, пожалуй... не стану дожидаться...

Он нырнул в темноту. Шофер усмехнулся.

— У Самарихи был... Боится, что жена узнает... Ну-ну.

Он снова задремал. Со стороны аэродрома кто-то приближался к дому с фонарем. С другой стороны, наперерез фонарю бежала темная фигура, шлепая по намокшей глине. Оба, и сторож с фонарем, и другой — подошли к автомобилю одновременно.

— Тут был какой-то шум, ты не слышал, браток? — спросил сторож.

Другой был тщедушным маленьким существом в рваных, хлюпающих ботинках, с кепкой, повисшей на одном ухе.

Он был похож на облезлого, больного щенка, и казалось, вот-вот он встряхнется как щенок, и от него фонтаном полетят брызги, — до того он вымок.

Лицо его было перекошено от ужаса, глаза чуть не выпадали из орбит.

— Там — в саду... я видел... Из окна кто-то упал... Здесь сейчас должен находиться Афанасьев. Я знаю, что это он упал... — Какое несчастье, какое несчастье...

— Что такое! Кто упал?

Шофер соскочил на землю. Сторож поднял фонарь, освещая лицо взволнованного Пайонка.

Тот чуть не плакал. Очки его замутились от дождя.

— Я ожидал в саду, за углом... Хотел поговорить с ним. Наша газета мне платит за это... Я слышал, как хрустнула его шея... Он мертв... мертв!..

Сторож, шофер и Пайонк кинулись в сад, храбро шагая по лужам. Фонарь дрожал в руках сторожа. Дождь струями стекал по стеклу. Желтое пятно прыгало по темным кустам и по лужам.

ТРУП ПОД ОКНОМ.

— Здесь!

На мокрой куче щебня, у стены, лицом вниз лежало неподвижно распростертое тело. Шея была естественно подвернута. Одна рука закинута за спину.

Пайонк истерически заплакал...

— Нужно позвать кого-нибудь, — сказал сторож.

— Подождите!

Шофер приподнял голову трупа и повернул ее лицом к свету. На щеке у мертвого лежал прибитый дождем большой черный паук.

— Юргенс, — воскликнул шофер. — Я так и думал!

Ему ответил дикий крик журналиста.

— Юргенс! Боже мой, боже мой, такой молодой...

— Без истерик, — строго сказал Михаленко. — Ты, дедушка, постереги тут, а я мигом слетаю за Шварцем. Он в этих вещах понимает больше нас... Они были друзьями... Тут дело темное... Шварц все распутает... Откуда он выпал? Из какого окна?

Он осветил фонарем стену.

На третьем этаже, в распахнутом настежь окне горел слабый свет. Зеленая занавеска колыхалась от ветра.

— Оттуда, с третьего этажа, — горько плача, указал журналист.

— Вы, гражданин, — обратился к нему шофер, — идите-ка, скажите Флегонтычу, швейцару, чтобы он никого не выпускал из дому. Я мигом смотаюсь на машине...

ГЛАВА VI.

«ЧЬЕ ЭТО ОКНО?»

Ночь так же шумела дождем и деревьями, сторож стоял над трупом, дрожа от сырости и страха. Пайонк, не менее дрожащий, еще вел тревожные переговоры с Флегонтычем, когда, перечеркивая ночь лучом рефлектора, фыркая, как дикая кошка, мотор влетел во двор.

Шварц и шофер выскочили из него и побежали к дому, переговариваясь на ходу.

— Кто входил сюда за последние два часа? — спросил Шварц Флегонтыча.

— Да никого, батюшка, кроме Юргенса. Все курсанты разошлись, а в канцелярии и кабинетах и по-давно никого нет.

— Чьи же окна освещены?

— Да может, кто больной лежит или электричество, уходя, забыли потушить.

Флегонтыча повели в сад.

— Чье это окно? — спросил его Шварц.

— Это? Это, кажись, Козлова.

Шварц, шофер и журналист направились в дом.

КОБРА ИЛИ ТИГР?

Они подошли к двери Козлова. В замочной скважине торчал ключ. В комнате было тихо. Они осторожно, на цыпочках вошли.

Сначала им показалось, что в комнате никого нет. Вдруг странный вибрирующий звук заставил их насторожиться.

Звук напоминал трель пастушьего рожка или

змеиный свист. Через минуту он сменился грозным рычанием. Им стало не по себе.

Но вот рычание прекратилось. Шварц шагнул вперед и знаком подозвал к себе остальных.

В широком кресле у письменного стола, скорчившись в три погибели, лежала чья-то неподвижная фигура. Лицо было прикрыто носовым платком. Все трое с ужасом переглянулись. У всех троих мелькнула страшная мысль:

«Убит!».

Несколько секунд прошло в напряженном молчании. Шварц протянул руку, чтобы снять с лица убитого платок. Вдруг новый страшный звук заставил его отскочить.

Платок шевельнулся, точно от ветра, и медленно сполз на кресло.

Открылось изуродованное лицо Козлова. Глаза его были закрыты. Он мирно пожевал губами и снова оглушительно захрапел.

Шварц яростно потряс его за плечи. Козлов открыл глаза.

— В чем дело? — заспанным голосом спросил он.

Шварц напустился на него.

— Видели вы Юргенса?

— Нет. А что? Разве он должен быть здесь? Который теперь час? Не опоздать бы на съезд!

— Вы и так опоздали, — сердито сказал Шварц. — Сейчас час ночи.

— А...

— У вас никто не был?.. Что вы делали все время?

— По-видимому, спал... Не задавайте мне сразу так много вопросов. У меня спросонок голова кружится. Что-нибудь случилось?

— Случилось то, что Юргенс умер.

— Что?

Козлов вскочил, как ужаленный.

— Вы шутите!

— Хороши шутки. Юргенс помер. Он свалился из окна и сломал себе шею.

— Ужасно! Где же это случилось?

— Под вашим окном. Он мог упасть отсюда.

— Не может быть! Я бы проснулся!

— Гм... не думаю. Мы стояли в вашей комнате четверть часа, вы и не подумали проснуться.

— Из-за этого храпа землетрясения не заметишь, — ехидно вставил шофер.

— Как бы то ни было, мне нужно осмотреть вашу комнату, товарищ.

Осмотр ни к чему не привел. Шварц стоял в раздумье.

— Кто живет под вами? — спросил он Козлова,

— Никто. Там деловой кабинет комиссара.

НЕСЧАСТЬЕ ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

Сошли вниз. С первого взгляда стало ясно, что кто-то недавно тут побывал. Дверь в кабинет была полуоткрыта.

Они вошли.

Вспыхнуло электричество. На стуле, посреди комнаты лежал брошенный впопыхах шарф. Окно было распахнуто настежь. Шварц внимательно исследовал подоконник.

— Как плохо здесь убирают, — проворчал он. — Всюду паутина, дохлые пауки, пыль... Вот еще паук... Дождем пришибло...

— Что это?

Он замолчал, нагнувшись над подоконником,

спиной к спутникам. Потом стремительно выпрямился.

— По-видимому, Юргенса испугало что-нибудь, он высунулся из окна и по неосторожности выпал. Или голова закружилась. Все объясняется очень просто. Намеренно напугать его никто не мог, потому что... — он выглянул в окно, — невозможно без лестницы взобраться на такую высоту. Одни мухи и пауки могут карабкаться по гладкой стене. Произошло несчастье, а не преступление.

Глава VII.

«АФАНАСЬЕВ Н.-И»

ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ПЕРВЕНЕЦ.

Прозрачный воздух звенел, как хрусталь. Солнце еще лежало на горизонте, покойно и снисходительно поглядывая на веселую толпу курсантов. Огромная стрекоза, распластавшая крылья на аэродроме, отливала серебром и, казалось, дышала полной грудью, радуясь своей молодости и свежести майского утра.

Скоро воздух подымет ее на широких мускулистых крыльях, и она снова глотнет синевы — первый раз после долгого заточения в мастерских и ангарах.

Афанасьев, до краев переполненный торжественной радостью, стоял у аппарата, нежно поглаживая выпуклое крыло.

Урывками, обкрадывая свои ночи, ловя минуты между двумя заседаниями, он конструировал свою птицу.

Партийная работа была для Афанасьева высоким долгом, а эта прекрасная птица — любимым ребенком, которому он дарил свой ночной досуг и отцовскую нежность, накопленную в его одинокой, холостой жизни.

Сейчас в суровых глазах Афанасьева, в уголках всегда стиснутых губ, пряталась тайная улыбка.

Труд его, утомительный, но радостный, увенчался победой. Аппарат летал прекрасно. Помимо новизны самой конструкции, в самолете «Афанасьев Н-1» было усовершенствованное приспособление, автоматически выбрасывающее пилота и пассажиров во время аварии. Сегодня предполагалось новое испытание его на фигурные полеты.

Никому не мог Афанасьев уступить первого пробного полета на этом аппарате.

ХРАБРЫЙ ЗАВТЕХ.

Над ангаром подняли красный флаг — запрещение полетов.

К самолетам, ожидавшим своей очереди, подбежали механики, чтобы увести их в ангары.

Курсанты заворчали.

— Завтех сошел с ума. Небо чисто как ладошка.

— Это он муху принял за тучу.

— Или чихнул, и ему показалось, что это гром.

Комиссар увидел флаг и грозно нахмурился.

— Кто сегодня дежурный по аэродрому? — спросил он механика.

— Флаг поднят по распоряжению не дежурного, а заведующего технической частью, товарищ комиссар.

Афанасьев направился к племяннику.

— Что это значит? Не могло быть лучшей погоды для полетов!

— Юргенс...— начал было струсивший Тришатный, но Афанасьев перебил его.

— Что же! Ты, кажется, желаешь, чтобы весь воздушный флот Республики прекратил свою деятельность, потому что один человек свалился из окна и сломал себе шею?

— Я не это хотел сказать, — истерично крикнул Николай Иванович. — Всякий опытный человек подтвердит, что на сегодня нужно ждать дурной погоды... Вид сегодняшнего неба...

— А что же ты находишь в нем дурного? Может быть оно чересчур синё? Или чересчур высоко? Или земля недостаточно мягка?

— Метеорологическая станция...

— К черту! Когда гроза действительно будет на носу — тогда могут прекратиться занятия, а теперь...

Подошел начальник аэродрома.

— Распорядитесь спустить красный флаг, — обратился к нему комиссар, — полеты сегодня состоятся.

— Ты думал, вероятно, — обернулся он к племяннику, что тебя сегодня заставят участвовать в пробном полете. Вот, трус!

***

Тришатный подошел к самолетам. Он небрежно осматривал корпуса и несущие поверхности. У «Афа-

насьева Н-І» он на минуту задержался, потрогал троссы, скрепы и заглянул в кабину. После осмотра он, понурившись, подошел к жене.

— Конструкция нового самолета, по-моему, неудачна. Я не хотел бы на нем лететь, — кисло сказал он.

Все это утро он суетился, помогая выводить «Афанасьева Н-І» из ангара.

Ему доставляло болезненное удовольствие купаться в лучах дядиной славы, но завистливая тоска грызла его малокровную душонку.

РОЖДЕННЫЙ ПОЛЗАТЬ.

Курсанты обменивались впечатлениями.

— Хороша птичка, товарищи!

— Гордая.

— Наш комиссар всем иностранцам нос утрет. Орел, а не комиссар!

— Воздух-то, ребята! Огурчик с медом.

— А вот и журналисты появились... Видишь, вон там шагают трое.

— Гляди-ка, Петров, малыш в дождевике разыгрывает из себя знатока. Всюду свой нос сует.

К новому самолету подошел моторист. Через несколько минут мощно заревел мотор. Винт отбросил назад струю ветра, срывавшую шапки с курсантов, стоявших вблизи.

Это была проба мотора.

— Этого крошку унесет ветром, как моль. Он еле держится на ногах, — сказал, смеясь, один из курсантов.

Пайонк, попав в струю вихря, уцепился за стабилизатор и судорожно держался за него. Его потре-

панный дождевичок поднялся над его головой, как крылья бабочки.

Вид у него в эту минуту был очень несчастный. Сделав невероятное усилие, он как-то приподнялся на руках, а ноги заболтались в воздухе. Он раскачался, как маятник, и легко прыгнул в сторону.

— Сильные руки у этого малого, — заметил курсант.

— Ну, такое тощее тело поднять не трудно, — сказал второй, — а вот ноги у него быстрые, прибавил он. — Смотри, как улепетывает! Чуть очки не потерял...

Пайонк, действительно, был очень напуган. Он тяжело дышал и держался за сердце. Чего только не требует от репортера газета!..

***

Козлов возбужденно и радостно благодарил Афанасьева. Ему было разрешено участвовать в фигурных полетах нового самолета, да еще вместе с самим комиссаром. Вот это счастье, так счастье!

Он бросился за своим шлемом и чуть не сбил с ног какого-то человека. На него в упор поглядели грустные, робкие глаза под круглыми очками.

— А вы опять тут как тут! — воскликнул Козлов. — Что за неугомонное существо!

— Вы... вы тоже летите? — заикаясь, спросило неугомонное существо. — И вы не боитесь? Может быть, маленькая неисправность... и тогда...

Козлов только усмехнулся в ответ...

***

В стороне стояли Наташа Тришатная, Федька и Шварц. Федька так и не мог закрыть рта, открывше-

гося при виде диковинной птицы. Покровительство комиссара помогло ему пройти на аэродром и даже осмотреть вблизи новый самолет. Он с тайным восторгом похлопал по его серым глянцеvitым бокам, долго в упоении рассматривал машину, и с лица его не сходило выражение восхищения, смешанного с испугом.

ОРЛЫ.

Через полчаса все было готово к старту.

— Может быть, все-таки вам дать летчика, — спросил Афанасьева заведующий аэродромом. — Вы так много работаете и должны сильно уставать.

— Не надо мне никого. Со мной летит Козлов, управлять буду я сам. Я чувствую себя совершенно бодрым. Разве у меня больной вид?

Он напряг свои железные руки, не знавшие усталости. Чувство страха было ему незнакомо. Опасностей для него не существовало.

Курсанты с восхищением глядели на его высокую, сильную фигуру. Такого комиссара поискать... Комиссар, который не бросает летной практики и конструирует, как первоклассный инженер. Гордость не только ВВА, но и всей Республики.

Афанасьев и Козлов уселись на свои места.

— Управление проверено? — спросил Афанасьев.

— Все в порядке, товарищ комиссар... Но, если вы хотите...

— О, нет, я вполне полагаюсь на ваши глаза, — небрежным тоном ответил комиссар.

Он никогда, если это было не нужно, не терял времени на подобного рода осмотры, предоставляя

делать их механикам. Так было и на этот раз.

— Контакт?

— Есть контакт.

Пропеллер рванул и бешено закрутился.

Упоительный запах горелой касторки и бензина дохнул в лицо Афанасьеву.

Подняв хвост, самолет скользнул по земле, подставляя грудь студеному, крепкому воздуху. Мотор его торжествующе запел, приветствуя распахнувшийся навстречу небесный простор.

Минута, и он взмыл над аэродромом.

Задрав головы, все следили его ровный и чистый полет.

Как короткие молнии, поблескивали его троссы. Косой, желтый луч ползал по стальному брюху. Самолет петлил, штопорил, виражил, со страстью отдаваясь весеннему утру. Он ложился на бок, и крылья его вспыхивали серебром, сверлил воздух, как игла, переходя в пике.

Во время одной из фигур, когда он пропланировал метров пятьсот, развалившись на спине, как ленивая кошка, Тришатный, закрыв лицо руками и втянув голову в плечи, быстро пошел к ангарам. Его спина согнулась, как будто в ожидании удара.

Федька зажмурился. Даже опытные инструкторы тревожно переглянулись.

Самолет нырнул, выпрямился и отскочил метров на триста вверх.

Он летел в небо горками, скача как упрямый кенгуру.

— Э-эх, не подведи!

Уверенный полет успокоил всех. Вот, с грациозной и гордой стремительностью «Афанасьев Н-1» пошел на снижение. 3.000...2500...2200...

РАНЕНАЯ ПТИЦА

— О...о...о...о!

Все замерли. Там, наверху, в приветливой весенней синеве, дергалась в агонии серебряная птица. Она то отражала солнце, как зеркало, то потухала. Предсмертная лихорадка трепала ее крепкое тело.

Вот аппарат качнулся, клюнул носом и больше уже не смог выправиться... Затем он лег на одно крыло, затем на другое, и опять начал круто идти вниз.

Самолет потерял управление.

Раздался зловещий крик с наблюдательного пункта.

Авария была так очевидна, что самые хладнокровные растерялись.

— Руль глубины не действует, — раздался крик из толпы взволнованных курсантов. — Милый, бодрись!

— Еще можно сделать что-нибудь с помощью руля направления... Если его удастся положить на бок, что пилот теперь пытается сделать, то его вертикальный руль перейдет в горизонтальный, и с грехом пополам выполнит его роль...

Еще минуты две самолет дергался, стараясь сохранить равновесие, планируя в боковом положении. Он еще раз неуклюже перевернулся на другой бок, продолжая опускаться, но в эту минуту, на глазах обезумевших зрителей крылья его сложились над корпусом, как крылья отдыхающей стрекозы, и он камнем рванулся вниз.

Но раньше, чем еще крылья сложились, из корпуса самолета, раскрывшегося как опрокинутый сундук, вылетели две черные фигуры... Вздых ужаса облетел аэродром...

Но вот над падающими открылся зонт парашюта, ветер рванул его в сторону, и в это время мимо с ревом пролетела вниз искалеченная птица. Последовал страшный удар о землю.

Над самолетом взметнулось пламя. Часть присутствовавших на аэродроме бросилась к пылающему самолету, остальные, затаив дыхание, следили за двумя «черными пауками», плавно опускавшимися на землю.

Уже можно было различить лица. Козлов улыбался.

Бешенство искажало лицо Афанасьева.

Над самой поверхностью земли парашюты автоматически отцепились, и две фигуры легко прыгнули на землю.

МЕРТВЫЙ ПЕРВЕНЕЦ.

— Троссы, черта с два!.. Все было в порядке... Ах, мерзавцы! — в дикой ярости думал Афанасьев, стоя над пылающими обломками. Спасти самолет было невозможно. Так, в какие-нибудь полчаса погибли труды бесконечных ночей, подкрепленных порошками пирамидона, ночей, проведенных в мастерской и над чертежами. Сколько времени и средств отнимет новый «Афанасьев Н-1». И это уже не будет первенец, с трепетной любовью построенный собственными руками.

Афанасьев внимательно исследовал жалкий скелет самолета. На все тревожные вопросы он отвечал одно:

— Сам виноват, плохой материал... Скверные троссы...

Самые настойчивые пугались его яростного тона и отступались от него.

ЧТО ДУМАЛ ФЕДЬКА.

Когда самолет судорожно дергался в вышине, Наташа, бледная, без кровинки в лице, но спокойная, стояла не двигаясь, и только в последнюю минуту зажмурилась.

Федька жадно следил за катастрофой.

Он не раз наблюдал смерть вблизи, но это было страшнее всего, что ему пришлось увидеть за свою буйную жизнь. Мешочник, перерезанный пополам поездом, убитый наповал в драке товарищ, поножовщина в Ермаковке, — это были детские игрушки рядом с такой гибелью, трагический пафос которой был понятен даже его звериной душе.

Он не мог оторвать глаз от серебряного силуэта, точно в ознобе трясшегося в чистой синеве.

Несмотря на все потрясение, нехорошая, цепкая мысль не докидала его:

«Почему шурин отказался от полета? Почему не он полетел вместо Козлова? Ведь еще вчера сестра уговаривала мужа восстановить свой пошатнувшийся в ВВА авторитет, предложив Афанасьеву принять участие в полетах. И он тогда согласился. Кто мог подумать, что он струсит в последнюю минуту?!»

СЛАБЫЕ НЕРВЫ.

Недалеко от него бился в истерике Иосиф Пайонк. Он с неописуемым ужасом следил за аварией. В горле клокотало рыдание. Робкие, добродушные глаза извергали потоки слез, туманивших круглые стекла очков.

Авария длилась минуты четыре, и за это время он успел испытать все муки ада и чистилища. Когда

самолет ринулся вниз, он с визгом упал на землю, ломая пальцы о твердый грунт. На губах его показалась пена, и глаза закатились.

В это время парашюты распустились в воздухе, как черные опрокинутые маки. Иосиф Пайонк не видел их. Он уткнулся носом в землю, дрожа от ужаса. Летчики спустились на землю, а он все лежал мешком, не смея поднять головы.

— Вставайте, товарищ, — участливо потрогал его за плечо один из курсантов, тронутый его неподдельным отчаянием. — Все благополучно; летчики спаслись. С такими нервами вам нельзя работать для газеты. Мало ли что бывает!

Тело Пайонка задрожало мелкой дрожью.

— Припадочный, — с легкой брезгливостью подумал курсант.

Пайонк, смертельно бледный, встал. Он больше не плакал. Он снял очки, чтобы вытереть стекла.

— У меня так же вот погиб лучший друг. — пробормотал он сдавленным голосом... — Лучший друг... Самое близкое существо...

Он помолчал и тихо добавил:

— Мой лучший друг, летчик. Он погиб при таких же обстоятельствах...

НАДРЕЗЫ НА ТРОССАХ.

Афанасьев отвел в сторону Козлова:

— Вы не догадываетесь?

— О чем?

— Троссы были подрезаны. Очень острыми щипцами была надрезана проволока. Достаточно было самого незначительного перенапряжения, чтобы трос порвался.

— О! Еще одно покушение! Это становится странным.

— По некоторым причинам это никому не должно быть известно. Я сам постарался уничтожить следы надреза. Никому не говорите о том, что я вам сказал.

— Понимаю, товарищ комиссар.

— Прошу вас, проверьте состояние других самолетов лично. Если нигде не окажется других повреждений, значит, это покушение действительно было направлено лично против меня. Прислушайтесь к разговорам среди курсантов. Вы пользуетесь среди них доверием и любовью, и ваша любознательность не покажется подозрительной. Я лично склонен думать, что преступник не из среды летчиков, но на всякий случай — нужно искать следы.

— Слушаюсь, товарищ комиссар.

— Вы не знаете, где сейчас мой племянник?

ГОРЕ—ЛЕТЧИК.

Козлов и Афанасьев с трудом нашли Тришатного. Он сидел на корточках, на цементном полу ангара, с

головой, закутанный в парусиновый чехол одного из моторов. Когда Афанасьев положил ему руку на плечо, он весь задрожал, как осиновый лист, а когда он назвал его по имени, — закричал так громко и так испуганно, что комиссар отшатнулся от него.

— Что это за коме-

дия? — сердито сказал он. — Что за неуместное поведение!?

Глаза Тришатного блуждали.

— Не трогайте меня, не трогайте. Я падаю, — в диком ужасе закричал он, прижимаясь лицом к холодному цементному полу. — Никто не может заставить меня полететь и погибнуть так же, как погибнете вы. Я не желаю умирать!.. Я знал, знал, что это случится... Не трогайте меня!

Афанасьев нахмурился.

— Ничтожество! Жалкий трус! Здесь не детский сад, — прохрипел он в бешенстве. — Здесь тебе не место! И так уж на тебя все пальцами показывают.

— И этот человек служил в Красной армии! — с горечью прибавил он. — Идем, Козлов. Я подвезу вас в город на автомобиле, если вам надо.

Они ушли из ангара. Афанасьев пошептался с Иеронимом Шварцем, попрощался с Наташей и Федей и сел в ожидавший его автомобиль вместе с Козловым.

БЫЛА ТАКАЯ ЖЕ ВЕСНА.

Некоторое время они ехали молча.

Негодование на свое бессилие душило Афанасьева.

Он вспомнил, как два года тому назад он очутился в липкой, душной паутине, сотканной черным пауком, и как он навсегда вырвал слабость из своего сердца, когда душил хрупкое горло.

Тогда он узнал своего врага, и стальными пальцами разорвал паутину. Чутье и опыт человека, всю свою жизнь окруженного опасностями, подсказывали ему, что и сейчас существует враг так близко от него, что он почти физически ощущает его присутствие. Но враг этот неуловим.

— Николай трус, он не решится на преступление, — мрачно думал комиссар, перебирая в памяти события последних недель, — кто же? Федя?.. — нет, конечно, нет...

— Что вы про все это думаете? — обратился он к Козлову, пыхтевшему «басмой».

— Про покушения?

— Да.

— Они связаны между собой и направлены против вас. Эта мысль часто приходит мне в голову, но все это так неопределенно... Может быть, случай... совпадение. Не знаю. Но все-таки...

— Я расскажу вам, Козлов, как такие же совпадения навели меня однажды на след шпиона. Вы бывали на юге два года тому назад?

— Нет, тогда я лежал в госпитале.

— А, да — так вот, слушайте. Дело было в N. Хорошее это было время. Я был моложе. Была такая же вот весна. Акации и всякие такие штуки...

Вокруг кипело, строилось. Верстах в двадцати от города сформировалась школа летчиков. Я был коммиссаром, а начальником школы — старый летчик, Подгорский. По праздникам наша братва ездила в город, в кино, в театр, в цирк. Там мы познакомились с одной изумительной красавицей. Это была актриса, милая, веселая. Остроумная. Мы все ее любили. Подгорский был моим другом. Вместе мы летали, вместе в тифу валялись. Он был стойким коммунистом и добрым товарищем...

Так вот, скрипел он все, скрипел, ворчал, ворчал, глядеть на эту женщину не хотел и вдруг, точно чума его сразила, почернел даже весь. Приходит ко мне, говорит:

— Женюсь. Люблю ее. Она милая, Володя.

Правда, она была мила. Но, жена-красавица, да еще циркачка!..

Козлов насторожился. Его ужасное лицо побледнело под шрамом.

— Скажите, тов. Афанасьев, вот вы знали цирковых актеров... Не встречалась ли вам одна женщина—акробатка... У нее было такое лицо, что вы не могли не обратить на нее внимания, если только ее видели. Она была не русская... Кажется, венгерка — точно не знаю...

Он умолк, задохнувшись от волнения.

— Как ее звали?

— Фамилии не знаю. Имя — Жермена... Была известна под псевдонимом «Черный паук».

Афанасьев не ответил. Он смотрел перед собой пустыми глазами. Губы были сжаты.

«О, ЖЕРМЕНА!»

— ...Черный паук, — уныло протянул Козлов и задумался. Перед его насторожившейся памятью потекли дни горячие, пламенные, сумбурные. Работа в РКСМ, авто-броневая школа. Вечерние занятия. И за целым рядом автомобильных поворотов, за углом Тверской, за закопченной дверью общежития — пылающее подобие страсти и тайны. Ночи — длинней прощальных вздохов... Как он помнит все это... О, Жермена!..

— Я знал ее, — добавил Афанасьев сухо. — Она расстреляна два года тому назад.

— Как, расстреляна? «Черный Паук» расстреляна!?

Козлов с диким ужасом глядел на него, глотая воздух, как рыба, выброшенная на песок.

— Я расстрелял ее, — повторил Афанасьев... Про нее я вам и рассказываю. Слушайте же дальше.

«БРОДЯЧАЯ ЖИЗНЬ МНЕ НАДОЕЛА».

«Влюбился в нее Подгорский. Вижу — пропадает парень почем зря. Какая же она ему жена? Из-за нее и все летчики в школе передерутся. Это то же, что бомбу в костер спрятать. Я, значит, повел против нее подкоп. Поговорил с братвой. Поругались, но все-

таки в город ездить перестали. Однажды встречается меня Жермена на улице и говорит так грустно:

— Почему вы меня невзлюбили, Володя. Я так одинока. Бродячая жизнь мне надоела... Мне хорошо со всеми вами и, право же, я неплохой товарищ. Помогите мне стать честным, полезным гражданином.

Что греха таить? Сам я был немного влюблен...

Актрисы-буржуазки, — туфельки лаковые, губки красные, — такие женщины меня никогда не привлекали. Но, друг Козлов, эта женщина была неотразимо обаятельна, и, к тому же, по-настоящему умна. Да что уж...

Я раскис, пожалел ее... Словом, долго ли, коротко ли, переехала она к нам в школу. У Подгорского с ней любовь да согласие.

Прошло месяца три. «Черный Паук» принимала участие в общественной жизни школы, училась, помогала всем, чем могла. В нашем шахматном кружке считалась лучшей шахматисткой.

АВАРИИ.

И вот — участились у нас аварии. То один разбивается, то другой... Все говорят: — такая полоса пошла, ничего не поделаешь. Я и сам так думал. Тщательно проверяли состояние аппаратов и здоровье летчиков, но аварии не прекращались. Однажды чуть было не раскрылась вся махинация.

Инструктор Лури ухитрился упасть с двух тысяч метров, однако еще дышал, когда к нему подбежали. Жермена была потрясена. Глаза се блуждали, она вся дрожала от сдерживаемых рыданий. Она была очень дружна с Лури, и его гибель была для нас страшным ударом. И вот, когда она подошла к носилкам и

склонилась над изуродованным телом — инструктор открыл глаза и... если бы вы видели, Козлов, его лицо в ту минуту!

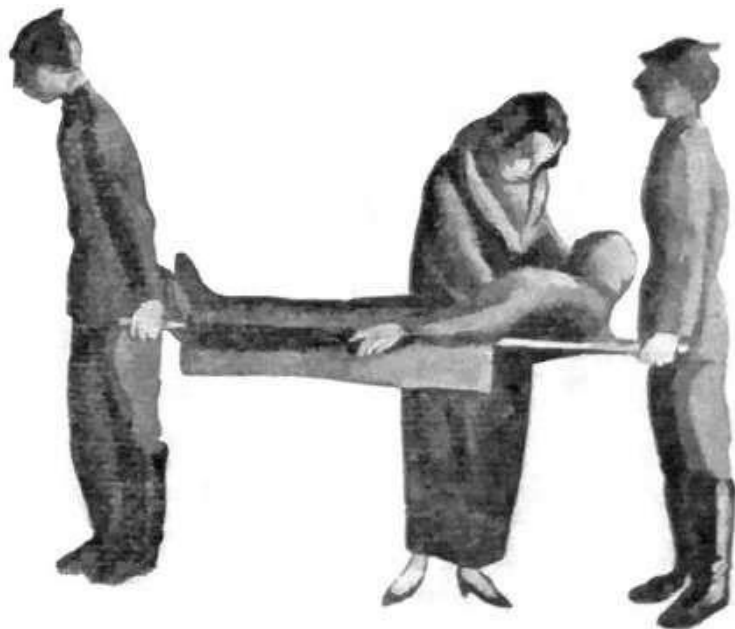
Все решили, что он кончается. Только у меня тогда мелькнула мысль, что в этой предсмертной гримасе не физическая боль, а дикая ненависть и угроза.

Я подавил эту мысль, уж очень она была нелепа. За что он мог ненавидеть «Черного Паука»? — С Жерменой его связывала тесная дружба, и ей он выказывал знаки самой нежной преданности.

Жермена вздрогнула и закрыла лицо руками.

Я думаю, это была единственная минута слабости за всю ее богатую событиями жизнь, по крайней мере, никогда больше я ее такой не видал, даже во время расстрела.

Лури царапал ногтями холщовую обивку носилок

и шевелил губами: он силился что-то сказать. Санитары остановились на минуту. В его горле клокотала кровь, мешая говорить. Я прижался ухом к самым его губам. Он сделал отчаянное усилие и еле слышно шепнул только одно слово. Из горла хлынула кровь, глаза скозились, нащупывая лицо медленно отступающей Жермены.

Знаете, что он сказал?

— Паучиха...

Только потом я понял, какой смысл он вложил в это слово. Но в то время меня как нож ранила жалость к нему, к его любви, которую он выдал в своем предсмертном хрипе.

Он умер через пять минут.

Прошел месяц. Прилетели к нам из Москвы гости на «Юнкерсе». В то время немецкий «Юнкерс» был у нас редкой птицей. Из этого посещения мы сделали настоящее событие. Гости были — ответственные партийные работники из центра: зампредчека, товарищ Наркомпочтеля и представитель РВС в Одесском округе. Жермена моментально подружилась с летчиком немцем — Шпет. Она бывала на его родине, в Верхней Силезии, и даже знавала какого-то кузнеца — двоюродного дядю летчика.

ЖЕРМЕНА ЕДЕТ В ГОРОД.

Собственно, они не в гости к нам приехали. Зампредчека летел в Н с важными инструкциями из центра и документами, изобличающими крупного экономического шпиона на юге.

Вечером мы устроили совещание в квартире начальника школы. Жермена ушла в свою комнату. Говорили до полуночи. Утром был назначен старт.

Настроение у нас было подавленное. За этот месяц погибли два инструктора и один курсант. Это уже принимало размеры стихийного бедствия, но мы не знали, как бороться с ним. Среди курсантов начиналась паника, и нужно было много выдержки, чтобы подавить ее с самого начала.

Была создана специальная комиссия для проверки наших учебных аппаратов, — но все они оказались в полном порядке и были признаны вполне пригодными для полетов.

Мы посоветовались с товарищами из центра, и было решено, что начальник школы отправится вместе с нами в N для доклада командующему воздушными силами юга. Мы уже пожелали друг другу спокойной ночи, когда из комнаты Жермены донеслись крики.

Подгорский побледнел и бросился туда. Мы оставались в недоумении.

Через пять минут, очень смущенный, Подгорский шепнул мне, что жене его дурно и что ее немедленно нужно отправить в город, к врачу.

— У нас же есть свои врачи, — удивленно сказал я.

Он помялся и потом, отведя меня в сторону, сообщил, что жена скрыла от него свою беременность, и сейчас у нее начинается что-то неладное, как будто выкидыш, я уж не знаю, что-то в этом роде, и ей необходимо обратиться к специалисту.

Город был от нас верстах в двадцати, автомобилем час езды, дороги хорошие.

Я успокоил его. Сам отвезти Жермену он не мог: нужно было успеть за ночь приготовить материалы для доклада, а в шесть утра был назначен старт.

Жермена наотрез отказалась от какой бы то ни было помощи и твердо заявила, что поедет одна, без

спутников. Боли прекратились, но по ее измученному лицу было видно, что она боится их повторения.

Подгорский посадил ее в автомобиль, шоферу были даны инструкции, гудок рявкнул, и она уехала.

Рано утром, когда «Юнкерса» уже выводили из ангара, Жермена вернулась. Подгорский с нетерпением поджидал ее, и с такой любовью заглянул в ее осунувшееся личико, что, ей-богу, мне стало обидно, что я никого так не любил. Тогда же я подумал, что нельзя так крепко привязываться к недостойной женщине.

Она успокоила мужа, сказала, что ошиблась: у нее были просто боли в кишечнике, и все обстоит благополучно.

Да, забыл вам сказать, что шофер с ней не вернулся, и она сама правила автомобилем. По ее словам, он сошел в степи, чтобы зайти на минуту на хутор к больной матери, и она сама предложила ему остаться там до утра...

***

С какой-то суеверной настойчивостью заставила Жермена механика еще раз осмотреть аппарат, и сама приняла в этом горячее участие; положила в кабине цветы и виноград и, прощаясь, с особенной нежностью обняла мужа.

ПАУТИНА.

Надо вам сказать, товарищ, что мое предположение, что все в школе передерутся из-за этой обаятельной женщины, не оправдалось. Многие вздыхали по ней, но она держала себя так осторожно и тактично, предотвращая всякие эксцессы, что я совер-

шенно успокоился на этот счет.

Один из курсантов, славный мальчик, комсомолец Мухин, был от Жермены без памяти. Нужно было видеть, как он смотрел на нее, как бродил за ней унылой тенью, чтобы понять, в какой прочной паутине он запутался. Мы смотрели на это сквозь пальцы, хотя обычно боролись с подобными явлениями в своей среде. Жермена с неподражаемым искусством сдерживала его влюбленность и не давала ему воли.

В этот день я случайно услышал их разговор.

В полдень, когда у нас полетов не бывает, я забрел на старую каменоломню на берегу моря. Вскрабавшись на вершину холма, я увидел их внизу, на камнях. Меня поразила ее поза. Она положила ему руки на плечи и пытливо смотрела в глаза. Отогнав неприятное чувство, я направился к ним. Вдруг ветер донес до меня ее слова:

— Да, да, я клянусь тебе, но подожди еще немного. Предположи, что мне грозит большая опасность. Пошел бы ты за меня на смерть, если бы я этого потребовала?..

Я остановился, как вкопанный, пораженный ее странным тоном. Из-под ног моих скатился щебень. Они обернулись. Жермена медленно сняла свою руку с его плеча и усмехнулась.

Лицо Мухина еще хранило следы волнения и сосредоточенной страсти.

Козлов застонал, вцепившись пальцами в кожаное сиденье.

Афанасьев искоса взглянул на него и спокойно продолжал:

— Мы пошли домой. У самого дома собралась большая толпа. Навстречу мне выбежал завхоз и, страшно взволнованный, оттащил меня в сторону.

— Шпет угробился, какой ужас! Бедная Жермена!
— Афанасьев замолчал и закурил папиросу.

ГИБЕЛЬ „ЮНКЕРСА”.

Дело было так. Летели они спокойным манером, не очень высоко, так метров на 800 над степью.

В это время на хуторе выгоняли скот.

Мальчишка-пастушок глазел на самолет и вдруг, как он рассказывал потом, увидел белое облачко над крылом самолета. Он закричал.

В степь высыпало все население хутора.

«Юнкерс» замотался, завихлялся, перешел в штопор, потом в пике и, охваченный пламенем, врезался носом в землю.

Когда из-под обломков извлекли трупы, они были обуглены, как головни. Мясо дымилось. На Шпете еще сохранился кусок сапога, все остальное превратилось в уголь.

Подгорскому все-таки посчастливилось. Он выбросился из самолета метров за 8-10 от земли, и хотя тоже разбился насмерть, но не был так страшно изуродован, как остальные.

Пастушонка на лошади погнали в школу.

Нас всех, как громом, поразила эта весть. Сейчас же снарядилась печальная экспедиция на место катастрофы. Поистине, рок нас преследовал с упорной свирепостью.

Жермена не плакала. Она держалась мужественно и отправилась вместе с нами, хотя мы пытались ее удержать.

НЕУГОМОННЫЙ ЖУРНАЛИСТ.

Автомобиль остановился у дома, где жил Афанасьев.

— Зайди ко мне, друг Козлов. Я доскажу тебе эту историю. Тебе нужно ее знать, — серьезно и печально сказал Афанасьев.

Козлов молча пошел за ним. Они поднялись по лестнице. У дверей Афанасьевской квартиры их поджидал неугомонный журналист. Он робко мял кепку в руках и жалобно глядел на комиссара.

— Товарищ Афанасьев, одно слово... Пожалуйста...

— Ну? — довольно неприветливо буркнул Афанасьев.

— По поводу аварии... Подозреваете вы кого-нибудь? Думаете ли вы, что покушения повторятся. Моя газета...

— Вы ошибаетесь, — сварливо прервал его Афанасьев. — Никакого покушения не было, и не могло быть. Простая случайность. Аппарат был не в порядке, вот и все. Такие случаи бывали, ну, и всего наилучшего! Оставьте меня в покое.

И он захлопнул дверь перед самым носом испуганного Пайонка.

УБИЙСТВО В СТЕПИ.

— «Жермена не плакала. Она была мужественной и сильной женщиной. За это я еще больше стал уважать ее.

По аппарату ничего нельзя было выяснить. Он совершенно обгорел, и вместе с ним сгорели все драгоценные документы из Москвы.

Тяжкое подозрение глухо бродило во мне. Я ни-

чего не знал, но чувствовал, что тут дело не чисто. Я даже, собственно, ничего не предполагал и не мог объяснить своей странной тревоги, но она тайно зрела, как тяжелый горький плод. И я думал, стоя над останками погибших товарищей:

— Они молчат. Они ничего не скажут. И тайна их гибели никогда не раскроется.

Вот. Теперь дальше.

Дома нас ждала еще одна печальная новость. Шофера, отвозившего Жермену в город, нашли мертвым в степи. Горло его было перерезано чем-то вроде бритвы. Вызвали из города милицию и агентов Уголовного розыска МУР. Выяснилось, что мать шофера была здоровехонька, и в этот вечер преспокойно гнала самогон. Вот этот самогон и прельстил, вероятно, шофера, когда он отпросился у Жермены на хутор. Он был пьяницей и задирой, и легко могло быть, что его зарезали во время драки или из мести.

Во всяком случае, ни МУР, ни мы ничего не выяснили».

Афанасьев поймал на себе умоляющий, страдальческий взгляд Козлова. Этот взгляд молил не рассказывать ему того, о чем он уже догадывался.

Комиссар затянулся папиросой и продолжал:

— Вам надо знать это, милый Козлов. На ошибках мы учимся.

ТАЙНЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ.

С этого самого времени я ходил, как чумной.

Я никак не мог оформить неопределенных подозрений, которые накапливались у меня в течение нескольких дней.

Все, до чего я додумался, сводилось к тому, что баки с бензином взорваться от неисправности в моторе не могли.

Конструкция «Юнкерса» совершенно исключает эту возможность. Герметически закрытые баки находятся в крыле, и раньше, чем огонь доберется до них, летчик благополучно спланирует. Особенно такой опытный летчик, как Шпет, имеющий два ордена Красного Знамени, три железных креста и еще что-то. Самое большее — штаны у пассажиров затлеют.

Отчего же случилась авария? Разрыв сердца? Обморок? Вряд ли. Очевидцы уверили меня, что над крылом «Юнкерса» показалось белое облачко. Это значит, что взорвался бак с бензином — но каким образом? Неужели случайная папироса?

Я ломал себе голову и не мог прийти ни к какому заключению. Жермену оставили в школе. В Москву было послано прошение о предоставлении ей персональной пенсии. К ней мы относились бережно и внимательно, из уважения к ее горю и в память военных и революционных заслуг Подгорского.

Боюсь, что многие из нас жалели больше ее, чем погибших товарищей.

ЭПИЗОД В РЕСТОРАНЕ.

Прошел еще один месяц. Наступили холода. Полеты должны были сократиться на зиму. Курсанты возвращались после полетов с носами синими, как сапфиры.

Однажды в городе я зашел в ресторан и, к моему изумлению, увидел там в углу Жермену в обществе какого-то человека, довольно потрепанного, но с

претензией на дешевую элегантность. Ну, думаю, какой-нибудь товарищ по цирку! Она сидела ко мне спиной и о чем-то с увлечением говорила.

Я невольно следил за ними из-за развернутой газеты. Они говорили вполголоса, и из-за проклятых скрипок ничего нельзя было слышать. Тогда я был в таком состоянии, что всякая таинственность возбуждала во мне острое любопытство.

Глядя на ее смуглый затылок, легкий овал щеки и сухие, цепкие рука, я задумался.

... Черный паук...

Почему она выбрала этот псевдоним? — думал я.

И вдруг глубокий смысл этих слов открылся мне в своей первоначальной сущности.

— Паук... Паук... Паучиха... хищное насекомое, плетущее паутину и высасывающее кровь из неосторожных жертв.

Я вспомнил Лури, но сейчас же мне стало стыдно перед собой за эти вероломные мысли.

Милая, честная, мужественная Жермена!

В это время, — я ясно это видел, — руки их встретились в ее муфте, лежащей на столе. Она незаметно вытащила оттуда какой-то небольшой сверток и спрятала его у себя на груди. Эта таинственность по-

казалась мне странной, но снова я с негодованием отказался от своего любопытства. Какое право я имею вмешиваться в личную жизнь молодой женщины? Я ушел из ресторана, и до вечера бесцельно бродил по городу, отдавшись своим мыслям.

ПАУЧИХА.

В школе готовились к прощальным полетам перед зимним перерывом.

Накануне этого дня за ужином я взглянул в прозрачные синие глаза «Черного Паука» и как следует выругал себя за скверные мысли, хотя сам не смог бы объяснить себе, почему они скверные. Пришла ночь, светлая и студеная. Я не мог спать. Бессонница привела меня на аэродром. Тоска стучалась в виски. Сонно откликался часовой. Ангараы были заперты. Я прошел мимо них, и вдруг увидел узенькую полоску света в одной из дверей. Вот тебе и на!

Подкрался к ангару. Дверь была не заперта, и внутри кто-то был. Тихий, таинственный треск, несшийся оттуда, показался мне оглушительнее грома. Я подождал несколько секунд. Треск не прекращался. Заглянув в щелку, я увидел только, как будто вишащее в воздухе, белое крыло Авро, освещенное слабым колеблющимся светом.

— Кто-нибудь из летчиков чинит аппарат, — успокоил я себя и открыл дверь. И вдруг...

Афанасьев взглянул на Козлова, Тот сидел ни жив, ни мертв, и губы его были так же белы, как ощеренные в мучительной гримасе зубы.

Было жестоко рассказывать с такими подробностями о предательстве женщины, которую он, по видимому, любит до сих пор.

Но это было необходимо, чтобы в дальнейшем закалить его в борьбе с женщиной и соблазном.

...И вдруг я увидел белый, чистый лоб под черными косами, синие испуганные глаза, блуждающие тени на прекрасном лице. Одним словом, передо мной была Жермена.

В ее руках были клещи и небольшой патрон. Она глядела на меня, не двигаясь с места.

Это было похоже на непоправимый, страшный сон. И вот, как будто мои затуманенные глаза кто-то протер, как помутневшее стекло, я увидел все то, чего раньше не замечал. Я увидел настоящего, живого, хищного черного паука.

— Что вы здесь делаете, Жермена? — спросил я.

Она не ответила. Она увидела по моему лицу, что мне все понятно.

— Что вы здесь делаете? — повторил я и шагнул в ангар, чувствуя, что у меня колени начинают дрожать от бешенства.

Все-таки она нашла в себе силы улыбнуться и ответила хриплым, незнакомым мне голосом:

— Мне не спалось. Я пришла проверить моторы к завтрашним полетам.

Я мог позвать часового и скрутить ее, как бешеную суку, и это было бы лучше всего, но ярость оглушила меня. Хотелось немедленно тут же избить, оскорбить, изувечить это чудовище.

Воспоминание о Подгорском остановило меня на мгновение. Вдруг она сказала совершенно спокойно:

— Что я делаю? Я делаю хорошенький гроб для одного моего приятеля.

Она цинично рассмеялась.

— Видите эту маленькую адскую машинку? Я по-

ложу ее вот сюда и завтра... фьють ... Новая авария в Советской Школе. Работа чистая.

Ее тон парализовал меня.

— Вы шутите, Жермена!..

— Убийствами не шутят, — холодно и немного устало ответила она.

До сих пор не могу понять, почему она так быстро, без всякого сопротивления, открыла свои карты и не попыталась, как всегда, хитрить. Может быть, действительно, она устала от крови и предательства.

— Убийствами не шутят... — повторила она. — Что-ж! Поймана! Погибла. Моя игра проиграна, но я успела многое сделать для моих друзей.

— Гадина, гадина... — Она говорила правду, я это почувствовал.

Я схватил ее за горло. Перед самым моим лицом были обезумевшие глаза и нежный рот, из которого вырывался хриплый смех вперемежку с отвратительными ругательствами.

— Из-за угла! Стерва! Шпионка! Убийца!

Я все сильнее сжимал ее горло. Но она ударила меня клещами по голове, я ослабил хватку и упал.

Она подскочила к дверям и свистнула. В ангар вбежал Мухин, который стал предателем из-за этой дряни. Я был оглушен и не мог позвать на помощь. В ушах звенело нестерпимо.

Черный Паук и Мухин

взволнованно о чем-то переговаривались, стоя надо мной.

— Убей его! — требовала она.

Но, по-видимому, на это его не хватило. Когда она занесла над моей головой тяжелые клещи, он схватил ее на руки и унес из ангара.

Вероятно, это был единственный случай, когда он сам проявил инициативу и не послушался ее.

Я потерял сознание и когда очнулся — уже безжил рассвет.

В ПОГОНЮ.

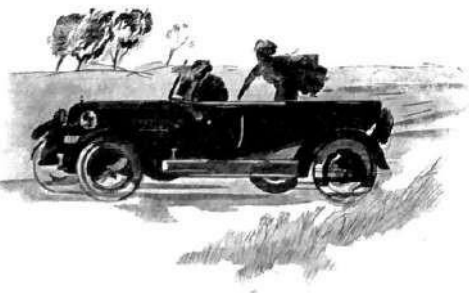
Вся школа была поднята на ноги. Побежали к гаражу. Механик лежал с проломленным черепом, одного Фиата — самого быстрого — не

хватало, а камеры на остальных были проколоты. Они улизнули. Догнать их на лошадях было бы безнадежным делом. Вывели самолет. Со мной сел опытный летчик, и мы отправились в погоню.

Покружив над дремлющей степью, мы увидели в синем рассвете мчащийся Фиат.

Бешенство мое сменилось холодной яростью.

Мы пролетели над самым автомобилем. Мне удалось подстрелить сидящего за рулем Мухина.

Жермена тоже была ранена и потеряла сознание. Автомобиль остановился.

Мы с большими трудностями сели, исковеркав шасси и сделав неполный капот.

Летчик был ранен довольно сильно, я отделался ушибами.

Через пять минут Жермена была крепко-накрепко связана моим ремнем и ее собственным шарфом. Сначала мне хотелось искровянить это подлое, красивое лицо, вырвать ее проклятое паучье сердце, но потом благоразумие взяло верх. Она должна быть сдана на руки тем, кто имеет больше права ее судить, чем я.

Из кармана ее выпало письмо, написанное польски и, по-видимому, зашифрованное, потому что я ничего в нем не понял, хотя прилично знаю польский язык.

Мертвого Мухина я стащил за ноги с шоферского места и, будьте уверены, делал это не особенно почитительно.

Раненый летчик кое-как взгромоздился на Фиат, и мы погнали в школу.

СЕРДЦЕ ПАУЧИХИ.

Через две недели акробатка и танцовщица Жермена, по прозвищу «Черный Паук», польская шпионка и многократная убийца, была расстреляна, и в ее расстреле личное участие принимал и я.

До самого конца эта женщина верила в свое обаяние, пыталась соблазнить коменданта тюрьмы и легкомысленно шутила с красноармейцами, ведши ее на расстрел.

Сообщников она не выдала, но по письмам ее,

расшифрованным с большим трудом, удалось установить, что главным сотрудником ее в этом шпионаже был ее любовник, партнер по цирку, который успел скрыться.

Как она устраивала аварии?

Способов у нее было много. Одних она утомляла любовными, бессонными ночами, у других надрезывала крепления в самолетах, третьим давала перед полетом какое-то наркотическое средство и, наконец, подкладывала адские машины под баки с бензином.

Таким же образом она погубила своего мужа и еще четырех людей, прилетевших на «Юнкерсе». Она сама мне все рассказывала, с мельчайшими подробностями, и при этом смеялась невинным, звонким смехом. Это было чудовище с паучьим сердцем!

Только одного она мне не сказала, что она сделала с Лури и почему была так взволнована его гибелью. Но из писем ее, мне кажется, удалось установить истину. По-видимому, она любила его, и по ошибке испортила его самолет вместо того, который был намечен, и он, насколько я мог понять, посвященный в ее планы, только одного не смог ей простить — своей смерти.

Она собственными руками убила шофера, чтобы замести следы ее городских друзей, к которым она поехала за адской машиной в ту ночь.

Вот и все.

Афанасьев бросил давно потухшую папиросу и закрыл глаза. Козлов долго молчал.

Он был бледен, но в глазах его горел тот же огонь, который загорался в глазах Афанасьева, когда он говорил о Пауке.

Он откашлялся и, пересиливая свое волнение, сказал:

— Это была паучиха и сволочь... Ее нужно было попытать, прежде чем убить... Сколько людей она погубила... И это была единственная любовь в моей жизни!.. Мне казалось, что она тоже любит меня, но после того как... — он запнулся, — после того, как я вышел из госпиталя, я не хотел видеть ее, не хотел навязывать ей любовь уроды. Убийца! Проклятая!

Афанасьев открыл глаза.

— Скажи, Козлов, — спросил он, опять переходя на ты, — ...твой парашют был назван «Черным Пауком» в ее честь?

Козлов вспыхнул.

— Да... Но я переменю...

— Не надо, пускай этот «Черный Паук» хоть немного исправит то зло, которое нанес нам другой «Черный Паук».

ГОРЬКИЙ МИНДАЛЬ.

ПОЧЕМУ ПЛАКАЛА НАТАША.

Как всегда, в воскресенье Афанасьев пошел к племяннице. У нее были заплаканные глаза, а Николай Иванович ходил хмурый и злой.

— Ты опять что-нибудь натворил, Николай? — сурово спросил Афанасьев. — Почему Наташа плакала?

Тришатный истерично закричал.

— Оставьте меня в покое, прошу вас... Ничего я не натворил. Просто выгнал этого пьяницу из моего дома!

— Кого?

— Жениного братца. Терпенье мое лопнуло! То носки пропадают, то папиросы улетучиваются. А неприятностей все прибавляется...

Афанасьев нахмурил брови.

Николай Иванович задергал плечом, швырнул портсигар на диван и высморкался.

— До слез доводите... Прикажете всякого бродягу с ложечки кормить! Ничего! Не пропадет, не маленький. Он, слава богу, не в таких переделках бывал... Ученого учить — только портить...

— Как тебе не стыдно!

В голосе комиссара послышалась угроза.

— Я подниму вопрос о тебе в Академии.

— О, господи, опять! — застонал Тришатный. — Чего вы все за него волнуетесь? — Вывернется! Вот он теперь с каким-то газетчиком путается: тот ему обещал место найти. Пускай к нему и обращается. Отстаньте от меня. — Он в сердцах вышел из комнаты.

Наташа нежно обняла мрачно задумавшегося комиссара.

— Дяденька, твое молоко тебя ждет... Выпьешь, голубчик? — Она принесла из кухни запотевший кувшин с молоком, студеным, как осенний ручей.

— Пей на здоровье, на льду стояло.

Афанасьев погладил племянницу по голове и поднес кружку к губам. Вдруг из нее прямо на его рукав выполз огромный, черный паучище.

Он прятался от жаркого дня в прохладной тени фаянса. Афанасьев вздрогнул и брезгливо стряхнул с себя насекомое.

Оно напомнило ему синеглазую, чернокосую паучиху, о которой он недавно рассказывал Козлову.

Заглянув в кувшин, — нет ли там еще паука, — он ощутил тонкий запах миндаля.

— Ты что это, Наташа, в молоко миндаль кладешь!

ВЕСНА В КУВШИНЕ.

Не успела Наташа ответить, как сердце его кольнуло страшное подозрение.

Он покачал с сомнением головой и снова понюхал. Из кувшина пахло весной и смертью.

— Ерунда, глупости ... подумал он...

— Что ты, дядя, молоко чистое, — обиженно сказала Наташа.

— Дай-ка я попробую.

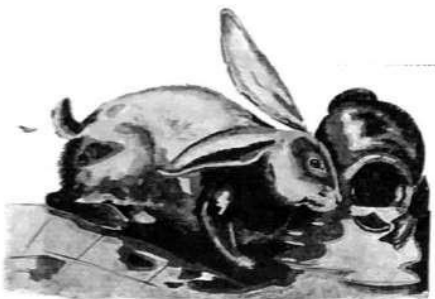
Она схватила кувшин и поднесла его ко рту.

Сверкнуло белое, запотевшее донышко.

— Брось! — дико закричал Афанасьев и выбил из ее рук кувшин.

— Ты что! — испугалась Наташа.

— Яд, — ответил он, наклонившись над лужей молока. — А может быть, и не яд, но мог быть ядом! Интересно знать...

Он поглядел на Наташу и увидел, что широко раскрытые глаза ее со странным выражением обращены на что-то, находящееся сзади него на полу.

Он быстро обернулся.

За его сапогами, с краю молочной лужи, корчилось маленькое пушистое тельце.

Наташин любимец, беленький кролик попробовал отравленного молока. Его лапки судорожно скользили по луже, розовый стеклянный глаз быстро мутнел. Он вытянулся и замер. Афанасьев поднял его за нежные ушки, и он повис в его руках, как меховая горжетка.

«НА-ТА-ШЕНЬ-КА»

Раздался заглушенный крик.

Афанасьев поднял голову. В дверях кухня стоял бледный Николай Иванович. Их взоры встретились. Не спуская с него глаз, Афанасьев вытащил носовой платок и тщательно вытер пальцы.

Весенний, пасхальный запах кружил голову. Комиссар раздвинул на окнах занавески.

Николай Иванович забился в угол и там трясся, как молодая осинка.

— Я мог выпить молоко. Какой ужас!

Наташа хотела посылать за милицией. Афанасьев удержал ее.

— Стоп, племянница! Никому ни слова. Так лучше. Чтобы ни одна собака не знала, что тут произошло. Проветри как следует комнату, а часа через три можешь вытереть пол... Синильная кислота к этому времени разложится. Скажи мне только, кто был на кухне за последний час.

— Никого, дядя... Я... да Коля... и... да еще...— она запнулась — и...и... Федя. К нему еще кто-то приходил на пять минут, но человек совсем случайный.

Глаза ее наполнились слезами.

— Дядя! Мне кажется... мне кажется... что это я виновата... моя оплошность... У меня давно лежала синильная кислота для фотографии... Вчера я, должно быть, по ошибке налила ее в кувшин... Ах, какая неосторожность! ...

Афанасьев шепнул ей на ухо с подчеркнутой выразительностью:

— Ната-шень-ка! Какая такая синильная кислота для фотографии? Не бойся, я все понимаю и не причиню тебе горя. Слышишь, милая?

И он ушел, не взглянув на племянника.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ.

«ЭТО БОЛЬНАЯ, ПРОХОДИТЕ».

В пятницу вечером Афанасьев отдыхает. Каждый день он то на занятиях, то в клубе, то на партийных съездах...

Только в пятницу он идет домой, в свою скромную комнату, и отдыхает, работая над своей книгой о самолетостроении.

В эту пятницу он пришел домой усталый и взволнованный. В ушах еще звенело от жужжания пропеллеров, неистового рокотания моторов, от непрерывного стука пишущих машинок в канцелярии, от весеннего гама на улицах.

А тут его обволакивала тишина. Вещи жили, дышали заодно с ним и требовали от него ежевечернего отчета. Он был как плод, зреющий в теплом чреве этой комнаты. Но... прижатые к телу, напряженные, детские локти и несчастное лицо...

Уже издали вспомнилось ему необычайное происшествие этого дня.

Собственно, ничего особенного и необычайного не произошло. Он возвращался домой после утомительной, шумной работы. На углу Малого Власьевского из автомобиля вышли двое. Лица их были тревожны и злы. Они грубо тащили в подъезд молоденькую девушку, с детским заплаканным личиком. Под наспех накинутым на плечи плащом Афанасьев увидел скрученные веревками кисти худых рук и острые обнаженные локотки.

Девушка выглядели такой измученной и несчастной, что Афанасьев чуть не охнул от жалости.

Она поглядела на него глазами, полными нестерпимой муки. Он остановился, как вкопанный. Молодой человек, заметив тяжелое впечатление, произведенное на прохожего этой сценой, грубо сказал:

— Это больная. Проходите.

И они исчезли в подъезде.

ЗАПИСКА, ПАХНУЩАЯ ФИАЛКАМИ.

Афанасьев все стоял, чего-то ожидая. Этот суровый и сильный человек давно не испытывал такого волнения.

Вдруг к его ногам упала записка. На третьем этаже хлопнула форточка. Забравшись в подворотню, при слабом сумеречном свете он прочел ее.

«Я несчастна спасите меня они выдают меня за сумасшедшую потому что я им мешаю если я сумасшедшая вы ничего не потеряете если же нет сделайте доброе дело боже вас сохрани присылать ко мне врачей или милицию они меня убьют ждите завтра ночью под окном я дам вам знать как вы смогли бы мне помочь они опять идут меня истязать помогите помо...»

Почерк был неровный, крупный, торопливый. Что-то трогательное и детское было в полном отсутствии знаков препинания. Видно было, что она очень торопилась, когда писала. На одну минуту его смутило то, что записка пахла фиалками.

Станет ли женщина, окруженная врагами, наспех, на клочке бумаги царапающая свое отчаянное послание, прислушивающаяся к шагам, — станет ли она думать о духах. Может быть, это просто ми-

стификация или, что еще хуже, ловушка!

Наконец, непобедимая жалость взяла верх. Он поверил.

— Надо спасти ее, если возможно.

Афанасьев себя не узнавал. Твердый, суровый, осторожный, не имеющий других интересов, кроме партии и своей работы, он превратился в пылкого романтика и шел навстречу подозрительному приключению.

Что делать? Афанасьев стоял в раздумье. Благообразие его испарялось, как дым. Страдающее лицо девушки произвело на него ошеломляющее впечатление, и он готов был немедленно ворваться в квартиру, где ее истязают.

— А что, если это повредит ей?

«БАРЫШНЯ ОПЯТЬ КРИЧАЛИ»

В это время в подворотне появился дворник.

Афанасьев обратился к нему:

— Послушайте, кто это сейчас подъехал на автомобиле к вашему дому? Девушка и два гражданина в сером?..

Дворник усмехнулся.

— Это, должно быть, на 20-го номера, с третьего этажа — Алферовы. Барышня больная, сумасшедшая то-ись, а господа — ейные братья. Они к нам недавно переехали. Небось, барышня опять кричали?

Афанасьев не ответил. Он круто повернулся и пошел домой, сжимая записку в руке.

***

Вот какие события камнем обрушились на комиссара и камнем легли на его сердце. Он лег спать, и ночью тысячу раз вставал и перечитывал таинственное послание...

На другой день, под вечер, мучимый сомнениями, он отправился на Малый Власьевский.

ВСТРЕЧА.

Дом, в котором жила девушка, был пятиэтажный, узкий, похожий на гроб. Афанасьев долго смотрел на него. Окна язвительно подмигивали ему. Подъезд скалил зубы в насмешливой улыбке.

Он решил навести справки в Домкоме о людях, живущих в квартире № 20. С этим решением он вошел в подъезд, ища на стене доску с номерами квартир. Вестибюль был темный, стекла в подъезде забиты наглухо досками. На потолке уныло горела пя-

тисвечная лампочка. По обыкновению московских лестниц, пахло кошками. Афанасьев шарил носом по стене, в тщетных поисках каких-нибудь указаний, где найти домком. Кто-то, шаркая ногами, спускался с лестницы. Афанасьев обернулся. Перед ним стоял... Тришатный...

КРАСИВАЯ... РЫЖАЯ...

Афанасьев остолбенел. Тришатный посмотрел на него в упор равнодушными рыбьими глазами.

— Здравствуй, дядя, — сказал он голосом, стертым, как старый пятак.

Афанасьев пришел в себя.

— Что ты здесь делаешь, Николай?

Николай Иванович криво усмехнулся.

Афанасьева поразил его вид. Он постарел на десять лет. Голос его звучал глухо и устало, а лицо было страшно, — такое тупое, равнодушное отчаяние было в нем.

— Где ты был? — повторил вопрос Афанасьев.

— Был в гостях, в двадцатом номере.

— В двадцатом? — Афанасьев раскрыл рот от удивления. Было чему удивляться.

— Да, у моей любовницы.

— Кто она такая? — быстро спросил Афанасьев.

— Проститутка, — равнодушно ответил Тришатный.

— Как ее фамилия?

— Баронесса Шталь. Если хочешь, пойди к ней. Интересная женщина. Не знаю фамилии, под которой она теперь живет. Все равно. В двадцатом номере только одна женщина. Третий этаж, налево. Она очень гостеприимна ...

Он усмехнулся,

— Прощай, дядя!

— Стой, — остановил его раздираемый яростью Афанасьев. — Как она выглядит?

Николай Иванович тупо поглядел на него, как будто не понял вопроса.

— Какое у нее лицо, волосы?..

— Обыкновенное... — вяло пожал, плечами Тришатный. — Тебе понравится. Красивое, пожалуй. Рыжая. Мне все равно.

Он говорил сонным, монотонным голосом.

— У нее есть братья?

— Ах, ты про этих... Ну какие братья! Шпана. Коты. Прощай!

Он пошел к выходу, сгорбившись, шаркая ногами.

Афанасьев, вне себя от изумления, следил за ним, пока он не скрылся в дверях.

— Что с ним случилось? — подумал он. — Точно, мертвый.

Что за чудеса!

Он покраснел, вспомнив, как чуть не попался на удочку.

Пошлая мистификация! Развлекающаяся прости-тутка!

— Дурак... дурак... а еще партиец! Нет, уж больше этого не повторится.

Он плюнул и пошел в клуб.

***

В клубе его поймал Шварц.

— Мне очень нужно с вами поговорить, товарищ Афанасьев.

Они пошли в полутемную канцелярию.

О чем они там говорили, откроется через одну главу. — Но во всяком случае, по-видимому, военлет Афанасьев не отличался твердостью своих решений, потому что через полчаса, прощаясь с Шварцем, он сказал ему:

— Итак, сегодня ночью я на углу Малого Власьевского, против дома № 5.

НОЧНОЕ СВИДАНИЕ.

Над крышами глухого переулка бежали слепые облака. Луна текла им навстречу, путаясь в их серых клочьях. Афанасьев нетерпеливо посматривал на темные окна дома № 5.

Торжественно и гулко звучали шаги случайных прохожих.

Спасские на Красной площади пробили три часа.

Он уже начинал жалеть, что пришел на это свидание.

Очевидно, он дал маху, и не произойдет того, чего он ожидал.

Недалеко от Афанасьева пропел петух, и вслед за этим одно из окон третьего этажа осветилось, хлопнула оконная рама, и женский голос тихо, но внятно произнес:

— Вы здесь?

Афанасьев откликнулся. Голос продолжал:

— Войдите в подъезд. Он не заперт. Дворник за углом, но он всегда спит. Спасибо вам, что пришли.

Окно захлопнулось. Афанасьев шмыгнул в подъезд. Электричество в вестибюле не горело. Было совсем темно. Только на лестнице брезжил слабый свет, проникающий из круглого окна на втором этаже.

Прошло минут пять. Афанасьев напряженно прислушивался. Вот — скрип двери и чье-то неровное дыхание ...

Афанасьев прижался к стене, стараясь стать как можно более плоским.

Кто-то осторожно продвигался вперед. Афанасьев

уловил едва слышный шелест макинтоша.

В то же время со стороны лестницы слышались легкие осторожные шаги. В стекающем сверху слабом лунном свете показался тонкий, стройный силуэт.

Тот же женский голос опять спросил;

— Вы здесь?.. Я жду вас... Только, ради бога, тише! Голос дрожал от волнения. — Мне удалось обмануть моих братьев и подобрать ключ от квартиры. Сейчас их нет дома... Подойдите ко мне.

Она чиркнула спичкой и, щурясь, стала всматриваться. Ее лицо в красных струях волос напоминало теперь лицо Медузы. Дрожащие тени бегали по нему. Спичка в руке дрожала. Она поддерживала на груди байковый халатик, одной ногой, нащупывая ступеньку.

— Скорей, скорей, — шептала она... — Идите за мной. — Афанасьев искоса бросил взгляд в темные углы вестибюля. Свет спички не доходил до них. Одним ухом чутко прислушиваясь к шорохам за своей спиной, он сделал несколько шагов по направлению к девушке. Вдруг она круто повернулась к нему.

Вторая спичка догорала в ее руке, и она заговорила поспешно, как будто для того, чтобы успеть увидеть впечатление от своих слов на его лице.

— Знаете, почему я вас позвала? Вам нужно это знать, чтобы вы испытали такое же волнение, какое было у одного человека по вашей вине, вам нужно это знать для того, чтобы мы могли насладиться местью! Сейчас вы умрете. Вспомните «Черного Паука»!..

За спиной Афанасьева раздался злорадный смех, и чья-то темная фигура подскочила к нему с поднятой рукой.

В ту же минуту острый луч электрического фонаря перерезал темноту, осветив лицо... Осипа Пайонка.

От неожиданности он зажмурился, и нож выпал из его руки. Но это было еще не все.

Шесть человек бесшумно отделились от темной стены, направляя шесть револьверов на журналиста и женщину.

— Ни с места!

БЕГСТВО.

Афанасьев стоял, спокойно заложив руки в карманы. Расчет оказался верен. Шпион попался.

Но через секунду обстоятельства переменились.

Раньше, чем кто-нибудь мог сообразить, в чем дело, Пайонк ураганом налетел на Шварца, выбил у него из рук фонарь, который с грохотом разбился, и шмыгнув мимо растерявшихся агентов ГПУ, как крыса, зашуршал по лестнице.

Вслед ему засвистели пули.

Оставив агентов с женщиной у дверей, Шварц и Афанасьев бросились в погоню за шпионом. Они слышали выше этажом топот бегущих ног, свистящее дыхание и стреляли в темноту, наудачу.

Афанасьев вытащил на ходу свою зажигалку, но она не понадобилась. Здесь было достаточно светло от круглых окон на площадках, чтобы прицелиться в человека.

Они достигли верхней площадки и уперлись в чердачную дверь. Афанасьев нащупал висящий замок и выругался, но Шварц дернул дверь, она легко раскрылась... Одна замочная петля была сорвана.

Прямо перед ними, на другом конце чердака, мутно голубое слуховое окно.

На его фоне болтались две ноги. Шварц выстрелил. Мимо!

Афанасьев выстрелил. Мимо!

Ноги подтянулись кверху и исчезли.

Над их головой, как театральный гром, загрохотала крыша. Афанасьев до-

бежал до окна, высунулся и тихо свистнул: влезть на крышу отсюда невыносимо. Дом был старый, давно не ремонтировался. Перед окном крыши вообще не было. Когда-то здесь был навес, но давно провалился, и жестяной лист повис над улицей.

Карабкаться наверх осмелился бы только акробат-профессионал.

Конечно, существует еще ход на крышу, но где его сейчас найти, а медлить нельзя.

— Живо, бегите вниз, — крикнул он Шварцу, — оцепите дом, пришлите сюда дворника и вызовите из какой-нибудь квартиры, где есть телефон, подмогу... Я остаюсь стеречь чердак.

***

В это самое время Осип Пайонк, зажмурившись, прыгнул на крышу соседнего трехэтажного дома. При падении он почувствовал острую боль в руке и

застонал, но сейчас же, собрав всю силу воли, заставил себя поползти дальше. Он не должен был медлить...

Собственная жизнь была ему дороже и слаще самой сладкой мести.

Добравшись до чердака, он безуспешно пытался выломить плечом дверь на лестницу. Пришлось снова карабкаться на крышу.

Он заглянул вниз. Луна стремительно выплыла из груды облаков и осветила маленький дворик, к которому примыкал огороженный забором пустырь...

Журналист уцепился здоровой рукой за водосточную трубу. Мимо его ушей просвистела пуля...

Его преследователи бежали по направлению к нему по соседней крыше, выпуская в него заряд за зарядом. Сморщившись от нестерпимой боли, он спустился вниз по трубе. Через минуту он был уже по ту сторону забора, на пустыре, и сердце его бешено рвалось навстречу милой жизни.

А баронесса? Разве мог он жалеть кого-нибудь с тех пор, когда так трагически погиб «Черный Паук»!?

***

Убедившись, что дальнейшее преследование беспо-

лезно, Шварц и Афанасьев спустились в домком.

Шварц отвел в сторону Афанасьева и вполголоса сказал ему:

— Я должен извиниться перед вами, товарищ Афанасьев, что не смог сообщить вам об этом раньше — дело прежде всего. Сегодня, как раз перед моим уходом из дому, в 11 час. вечера застрелился Николай Иванович Тришатный.

Афанасьев подскочил... Он вспомнил, какое странное лицо было у племянника вчера вечером. Дыхание смерти чувствовалось на нем еще там, в вестибюле этого дома, где они так странно встретились; он был тогда уже мертв, хотя и не умер еще.

— Что за причина?

— В записке, найденной на его письменном столе, он сообщает, что заразился сифилисом от какой-то баронессы Шталь.

Афанасьев удивленно свистнул:

— Хотите видеть эту баронессу?

Шварц удивленно взглянул да него.

— Глядите, вот она.

Афанасьев указал на сутуло сидящую в углу, под охраной револьверов женщину — сообщницу Пайонка.

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ ШВАРЦ И АФАНАСЬЕВ.

Теперь читатель может узнать, о чем говорили Шварц и Афанасьев в клубе.

Разговор был такой:

— Я имею новость, которая вас очень обрадует, товарищ Афанасьев. Мы, наконец, нашли того, кого искали все эти дни — человека, который покушался на вашу жизнь.

— Я догадывался, кто это был... Кто-нибудь из друзей шпионки, которую я расстрелял? Я только недавно понял, что означали слова, слышанные мною в момент нападения в Петровском парке: «Черный Паук». Так звали эту шпионку. Но я не представляю себе...

— Сейчас я вам все объясню. Помните, в ту ночь, когда умер бедняга Юргенс, у него на шее лежал черный паук... Точно кто-то нарочно взял и положил его — Но я тогда не понял и решил, что паук был прибит дождем.

Во время осмотра вашего кабинета на подоконнике я заметил еще трех огромных пауков. Это было уже странно... В кабинете комиссара ВВА, где ежедневно тщательно убирают, за ночь поселилось целое паучье семейство. Но это все-таки не возбудило бы во мне никаких подозрений, если бы я не заметил в лапках одного паука пушинки темной шерсти.

— Пушинка? — Я не понимаю, почему...

— А вот, погодите, сейчас вам будет все понятно. Пушинка темной шерсти. Такая маленькая, что вы с трудом могли бы ее рассмотреть. Такие пушинки часто бывают в карманах платья у неопрятных людей.

Получилось такое впечатление, что кто-то, не очень аккуратно обращающийся со своим платьем, держал в своих карманах целую партию пауков и, по какой-то причине, оставлял их вроде визитной карточки. Я сопоставил это обстоятельство с тем, что вы мне рассказывали о нападении в Петровском парке и о словах, которые вы приняли за свой бред.

Не правда ли, странно? Это было похоже на какой-то тайный знак. Я человек опытный, и не раз в своей практике сталкивался с романтическими выходками преступников.

Я дал исследовать эти шерстинки у нас в лаборатории ГПУ. Платье, с которого были эти пушинки, было темно-синее, шевиотовое и не очень новое. Так мне сказали в химической лаборатории... Словом, это было платье не того человека, которого, помните, мы с вами подозревали, и не платье брата Натальи Аристарховны и не... Словом, это был кто-то другой. Я ломал себе голову.

Потом вспомнил, что журналист, бывший в ту ночь с нами, солгал, указав не на то окно, из которого упал Юргенс. Это раз. Во-вторых, я понял, что преступник убил Юргенса по ошибке вместо вас, и что это покушение из той же серии, что и предыдущие — конечно, Юргенс не упал из окна по неосторожности, а был сброшен с целью убийства — это два. И, наконец, точно молния меня озарила... Пайонк... Пайонк... Это, кажется, польское слово? Вы знаете польский язык, товарищ Афанасьев?

— Да, немного. Пайонк — слово польское и означает: паук... Но при чем тут это слово?

— Вот именно, при том самом! Фамилия журналиста — Пайонк. Паук. Ясно? Тогда мне показалось, что я понял. Кстати, Пайонк под своим неизменным

дождевиком носит синий шевиотовый поношенный костюм.

— Вот в чем дело, — задумчиво сказал Афанасьев...

— Мы навели справки в Минске. Никакого Пайонка, сотрудника Минской газеты, там никогда не бывало.

В Москве установить его местожительство не удалось. Я потерял его из виду, но его следы привели в один дом на Малом Власьевском, где живет некая Алферова, проститутка, по-видимому, его любовница.

— Малый Власьевский? Алферова? Вот тебе и на! Прекрасно! Очень хорошо!

— Что вы хотите сказать, товарищ Афанасьев? Я соображаю очень медленно, надо вам сказать, но зато основательно.

— Я хочу сказать, что сегодня ночью я пойду на свидание с одной прекрасной дамой, — с грозной иронией над самим собой проговорил Афанасьев.

— Ну, и...

— И хочу просить вас сопровождать меня на это свидание.

— То-есть как?

— ... На это свидание, которое произойдет в полночь, на углу Малого Власьевского, у дома № 5.

И комиссар рассказал в подробностях свое романтическое приключение.

— Очевидно, этой ночью готовится новое покушение на вас с участием Пайонка, и мы можем его сцапать на месте преступления.

— Вот именно.

Они углубились в детальную разработку своего плана.

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ.

В ПРОЛОМЕ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ.

Опять ночь, воробьиная, душная ночь. Ночь, самая страшная из всех ночей, в которые совершаются преступления. Она тяжело висит над Замоскворечьем, раздавливая человеческие души своей несказанной тяжестью.

В проломе Китайской стены — один из самых посещаемых клубов — клуб темной Москвы. По каждой щели тянет душной сыростью, человеческими испарениями, самогоном. Каждый кубический аршин этого великолепного помещения, как диванная подушка ватой, туго набит тошнотворными запахами и отвратительными ругательствами.

Те, кто не попадает в ночлежку или чувствует себя небезопасно на Хитровке, тянутся сюда. Это — самая спокойная «хаза»¹⁾. Даже «менты»²⁾ не рискуют сюда заходить. Кое-где — скошенное на сквозняке, маленькое пламя огарка, желтый огонек папироски. Когда вспыхивает далекая зарница, огоньки желтеют и блекнут. Гулкие ровные шаги, шаги честного обывателя, загоняют этих обитателей в самые отдаленные углы.

Тогда в темноте строят преступные замыслы, люди, насторожившись, готовятся к прыжку.

Шаги сворачивают в Замоскворечье, не доходя до пролома. Слова чиркает спичка, закуриваются папиросы. Из мрака на мгновение выступают небритые скулы, звериные глаза, цепкие, хищные руки.

---

1) Квартира (воровской жаргон).

2) Милиционеры (воровской жаргон).

Там, где горят огарки, идет игра. Мечутся «стирки»¹⁾. Ругань. Ругань. Ругань.

Недалеко от входа, слабо освещенные огоньком церковной свечечки, — две темные фигуры. Звенит бутылочное стекло. Булькает самогон.

Разговор вполголоса:

— Говорю тебе, никакой опасности. Вот — дай срок, закончу свои дела... К черту вашу паршивую Москву... разбогатеем мы с тобой...

— Н-не хочу, — мычит пьяный голос, — не хочу быть предателем рабочего класса... н-не хочу быть шпионом ...

— Дурак, никто тебе не предлагает быть шпионом... Будешь перевозить кокаин, чулки, спирт... Разно это предательство! Небось, сам пьешь? Опасности никакой! Без риску! Там у нас все организовано на ять. Давай сюда бутылку (буль-буль). Деньги будут такие, что тебе и не снилось. На, пей... О, матка боска, как мне все это опостылело (буль-буль). Сoglасен, что ли?

— Н-не хочу шпионом! А спирт — это можно... Ну, что-ж! Все одно — жизнь моя загублена. Несчастный я. Потянуло меня на вольный воздух, в чистоту, и вот снова на улицу выгнали (буль-буль). А воровать не буду, ни-ни. Кончено. Точка. Пронял меня комиссар этот, Афанасьев.

— О, Афанасьев! Жебы его перун сполил²⁾...

Воробьиная ночь — верная сообщница. Она никому не выдаст. А сердце разрывается от желанья все рассказать — всю унылую повесть любви ненависти, озлобления, предательства, страха ...

---

1) Карты (воровской жаргон).

2) Чтoб его молния спалила (польск.).

БЕЗ МАСКИ.

— Слушай, друг, была у меня жена. Такая красавица, такая... Ты в жизни никогда такой не видел. Умная, породистая, злая. Моя жена, моя!.. Она так же, как я, ненавидела весь ваш этот красный сброд и была мне верной помощницей в моих делах. Когда-то я был богат, у меня все отняли и заставили по циркам скитаться. Они погубили нас, мы погубили их — ненавистное быдло... Ты не мычи! Ты слушай, пьяница. Что ты понимаешь в ненависти, огромной, как мир! (буль-буль). А, кроме того, мы деньги полу-

чали. Ого! Много денег... Долларами. Чистенькими.

Своей милой Польше служили. И вот, один человек поймал ее, мою жену, мою Жермену милую. О, Паук, Паук... Черный Паук. С тех пор я ненавижу его. Ненависть жжет меня, сушит, гложет! Вот тут жжет, понимаешь, вот тут, в груди... Только, видишь ли, Федор, — трус я. И мстить могу только тайком, из-за угла. Я не хочу умирать, я жить, хочу! Выпей-ка еще. Вот так. Еще... Водка делает нас другими людьми. Я сейчас храбр, как сам Костюшко, и не побоялся бы вцепиться в эту глотку. Убью! — дико вскрикнул он.

— А когда я трезв, я трусливей канарейки. Единственная смелость, которую я себе позволяю, — ее имя — Пайонк. Я ношу его, как щит с девизом моей дамы... Как герб... Слышь, кохана, моя крулева?

— Ты не русский? — спросил пьяный голос.

— Не русский, хвала богу! Я — поляк. Муж «Черного Паука». Доктор прав и гимнаст по профессии — Пайонк, — прибавил он с пьяным бахвальством, — а теперь польский шпион... и мститель. погоди, не вставай! дай мне договорить. Храбрецы смеются над нами и презирают нас — предателей и трусов. А мы, тем временем, проводим их за нос, посылаем на смерть, уничтожаем и получаем еще за это денежки. Де-неж-ки!.. Кто же кого умнее, ну-ка?

И вот, моя умница, красавица жена, расстреляна, расстреляна, расстреляна, как бешеная собака. О, Черный Паук! Кохана ...

— Ты, значит, шпион? — хрипло спросил починающий трезветь Федька.

— Ну да, шпион. Я же говорю тебе, — ответил Пайонк совершенно просто. — Что остается делать нам, трусам, не привыкшим к бедности, с белыми панскими ручками? Сражаться мы не умеем. Да и

заработать на фронте нечего. А тут — мы служим нашей великой родине и живем припеваючи, как порядочные люди. Нас много. Но я не только шпион. Подымай выше. Я — мститель. Черный Паук — мститель. Это звучит гордо. Да ты не кобенься... Послушай дальше, что было.

Захмелевший Федька грузно, с бессильным вздохом свалился со своего сиденья и уткнулся носом в сырую, вонючую глину. Слова Пайонка долетали до него из пылающего тумана.

— Польское правительство, в разведке которого моя жена была лучшим сотрудником, предложило убить расстрелявшего ее коммуниста летчика Афанасьева и выкрасть чертежи его самолета. Я в это время работал на границе... Пустяки... Мелкая работа. Контрабанда. Я вызвался поехать в Москву. Меня снабдили необходимыми документами, только фамилию мою я оставил. Это неосторожно, конечно, но я уже говорил тебе — почему я это сделал. Это — единственная моя гордость! Я попал в Москву, следил за Афанасьевым. Изучал авиацию. Я хотел, чтобы в последнюю минуту он знал, кто его убил, а для этого нужно было выждать удобного момента. Однажды мне показалось, что момент этот наступил. Это было в Петровском парке, в ночь, как тебя нашли в сарае. Я знал, что он пойдет домой пешком и следил за ним издали. Когда стало совсем темно, я подбежал и ударил его по голове. Это был хороший удар! Я наклонился и закричал ему в ухо: «Помни Черного Паука, дружище!» — Потом подошел этот проклятый урод, Козлов, помог ему подняться и, вообрази себе, эта живучая скотина встала и пошла себе, как ни в чем не бывало!..

От Козлова я узнал, что он пошел к племяннику и

останется там ночевать. Увидев свет во втором этаже, я вбил в землю длинный шест, который нашел около дома, и вскарабкался по нему. Для акробата это сущие пустяки!

Я бросил сначала в комнату черного паука — это приносит мне счастье. (У меня их всегда целый запас.) Кроме того, мне хотелось его подстрелить так, чтобы он не сразу умер, увидел бы этого паука и вспомнил бы... Я выстрелил, соскочил на землю и спрятался в парке. И вдруг мне показалось, что я вижу его лицо в окне. А, черт! Неужели опять неудача, думаю! Выждал немного и зашел, под видом репортера, узнать, в чем дело. Так и есть! Он был живехонек!..

Недели две тому назад я попал на съезд ОДВФ. Афанасьев вышел из залы, я за ним. Он сел в свой автомобиль, я прицепился сзади. Мы подъехали к зданию ВВА. Швейцар назвал Афанасьева по имени, и тот откликнулся. Понимаешь, как все сложилось, черт бы их побрал! После этого я не мог сомневаться, что этот человек — действительно Афанасьев.

Я знал, где находится кабинет комиссара, и полез по стенке к его окну.

Федька хотел крикнуть, но не мог произнести ни звука. В окружавшем его мраке он тщетно пытался понять, откуда доносился голос невидимого рассказчика, который то понижался до жуткого шепота, то звучал пронзительно и дико. В дальнем углу оборванцы играли в карты, и хриплые восклицания заглушали голос журналиста. Никому здесь не было дела до других. Здесь было все дозволено: воровство, убийство, предательство ...

— Только что я добрался до окна и заглянул в комнату — дверь кабинета отворилась, и он показал-

ся на пороге. Я видел только очертания его фигуры на фоне освещенного коридора.

Ночь была темная, дождливая, но он все-таки меня увидел и бросился к окну, как сумасшедший. Я пикнуть не успел, не то что выстрелить... До смерти перепугался! Даже сейчас дрожь пробирает. Я почувствовал на лице неровное, горячее дыхание его. Он хотел схватить меня, высунулся в окно, но не рассчитал своего движения, а тут я вцепился в него, что есть силы, и потянул вниз.

Он скувырнулся. Я услышал, как хрустнула его шея, ударившись о камни.

Я был страшно напуган, но дрожал от безумной радости. Со мной начиналась истерика. Я подошел к нему, к мертвому (он лежал лицом вниз), и тихонечко положил ему на щеку мертвого черного паука. Пусть моя жена видит «оттуда», что она отомщена. Ты понимаешь, брат, я белугой ревел от радости, а эти идиоты подумали, что я жалею его... Его!

И вдруг — удар. Ошибка. Это был не он — другой, только похожий на него.

ФЕДЬКА НАЧИНАЕТ СООБРАЖАТЬ.

Дрожащий от безумного бешенства голос Федьки прорвал рассказ.

— Так это ты убил Юргенса, гадина, стерва, убийца! У, раздавлю тебя, подлый паучишко!..

Этот вор и бродяга был совершенно потрясен страшной повестью вероломств и убийств.

— Брось! Сядь. Ты еще не то узнаешь! Это я перерезал троссы на самолете в то воскресенье. И тут этот дьявол вывернулся! Мне не везло...

От тебя я узнал привычки Афанасьева, знал, что

он каждое воскресенье бывает у Тришатного, и твоя сестра держит специально для него кувшин со сливками. Покуда ты ругался с шурином, когда он тебя выгонял, я вылил в кувшин яд.

Что там произошло — я не знаю, но Афанасьев и на этот раз спасся.

Федька замер от ужаса, представив себе, что отравленное молоко могли выпить сестра или Афанасьев.

Он хотел встать и не смог, пошарил рукой по земле, нащупал бутылку с остатками самогона и залпом опорожнил ее.

— Проклятый паук, — бормотал он, но не мог подняться.

Не обращая внимания на это бормотанье, Пайонк продолжал, все больше и больше волнуясь.

— Наконец, я придумал ловкую штуку. У жены была подруга, баронесса, которая в тяжелые годы революции танцевала на эстрадах, а потом перешла в цирк. Эта баронесса и моя жена знали друг друга еще до революции, учились обе в одном католическом монастыре, в Бретани. Это была хорошая женщина — настоящая аристократка, которую разорили проклятые большевики. По их милости она сделалась проституткой. Она уже два года мстит им — заражает сифилисом и совращает самых видных и стойких коммунистов. Что ж! Так им и надо.

Так вот. Она должна была заманить этого дьявола, Афанасьева, к себе, дворник был нами подкуплен, и ночью, на лестнице, я всадил бы ему нож в спину.

Я мечтал плюнуть ему в лицо, когда он будет подыхать у моих ног, напомнить ему о „Черном Пауке"! Вот наслаждение!..

Афанасьев на свиданье явился, но, — тут Пайонк,

разразился страшным проклятьем, — сам сатана впутался в это дело. Откуда он мог все пронюхать — ума не приложу! Я сам еле спасся. Опять неудача!

— Но я все-таки убью его... убью, убью, — лихорадочно повторял он. — Клянусь сердцем Жермены, я перегрызу ему горло, я выпущу ему кишки, я вырву его бесчеловечное сердце!.. И всю жизнь мою я отдам на борьбу с ненавистными большевиками, буду убивать их из-за угла ... доберусь до вашего Калинина...

— Мразь! — заорал Федька. — Мразь! Предатель! Гидра проклятая — белогвардейская сволочь!

«СКАЖИТЕ ТОВАРИЩУ АФАНАСЬЕВУ...»

Федька совсем протрезвел.

Его крик привлек внимание шпаны. Некоторые продолжали играть, равнодушно прислушиваясь к ссоре, другие подошли поближе.

— Так его... Жарь!.. Бей!.. Пришей очкастого!.. Лови!..

Пайонк побежал вдоль Китайской стоны. Зарницы гнались за ним, не давая ему спрятаться.

Мальчишки улюлюкали вслед. Человеческая свора почуяла запах крови.

Федька, пошатываясь и спотыкаясь, кинулся за ним. Журналист зацепился руками за выступающий из стены кирпич, подтянулся на мускулах и, как муха, полез наверх. Щебень и обломки кирпича с шуршаньем срывались из-под его ног. Федька карабкался за ним, прислушиваясь к треску ломаемых камней. Слабый свет фонаря у дома, напротив стены, освещал их. Но этот фонарь вдруг потух, и все погрузилось в темноту, вспоротую лезвием зарницы.

Внезапно Федька разразился угрожающим смехом.

В этой темной страшной ночи он нашел источник безумной храбрости и освежающего гнева.

Пайонк стал злейшим его врагом, потому что он был врагом Афанасьева и тех, кто был с Афанасьевым, врагом Федькиного класса и Советской России.

И Федькины руки сжимались в кулаки от веселого бешенства.

Эту, внезапно пробудившуюся в нем силу, почувствовал в его смехе Пайонк.

— Не убивай меня, не убивай! — пронзительно закричал он.

Откуда раздавался этот голос? Сверху? Снизу? Ничего нельзя было разобрать.

Какой-то бродяга предупредительно засветил карманный фонарик. Две тени, карабкавшиеся по стене, были похожи на зловещих пауков.

Вот они уже забрались на стену.

Сюда доходил слабый свет фонарей со стороны площади. Пайонк бежал по самому краю стены, втянув голову в плечи. Внизу продолжали улюлюкать. Кто-то тщетно пытался взобраться за ними на стену.

С пьяной бессознательной ловкостью бывший юнга, Федор Иванов, перескакивал по расшатанным кирпичам, размахивая руками и шумно дыша.

— Зекс! — крикнули снизу.

Пайонк подпрыгнул от ужаса. Опять милиция! А тут еще этот пьяный хам...

Он круто обернулся к своему преследователю, оскалив мелкие, как у хорька, зубы, и как-то странно изогнулся.

Через мгновение Федька замотался на краю стены, как петрушка, широко взмахнул руками и с ди-

ким криком полетел вниз.

Шпана разбежалась: приближался обход. Милиционеры нашли Федьку уже в агонии, с ножевой раной на плече, у самой шеи.

Милиционер нагнулся над ним:

— Поножовщина! Ранен в состоянии опьянения; должно быть, на «пролома», — сказал он. — Сейчас кончится.

Федька скосил на него глаза и заскрипел:

— Скаа... скажите товарищу Афанасьеву, что газетчик Пайонк... гадина... шпион... Убил Юнгера...

меня ... тоже... не хочу быть катра... катрабанди-
стом... Я за советскую...

Он смолк и вытянулся.

— Готов, — равнодушно сказал милиционер, не
разобравший предсмертного бормотанья вора и бро-
дяги Федора Иванова.

ИСПАНО-СЮИЗА. 180 СИЛ.

Скользя по мокрому тротуару, падая и снова вскакивая, Пайонк крался вдоль улицы. Перед ним бежала, размахивая руками, его тень.

Он бредил и иногда ловил себя на том, что повторял вслух бесчисленное число раз одну фразу:

— Испано-Сюиза... сто восемьдесят сил... Испано-Сюиза сто восемьдесят сил...

Он закрывал тогда ледяной ладонью рот и до боли прикусывал губу, чтобы сдержать озноб и не бредить вслух. Тогда раскаленное дыхание прожигало ему ладонь насквозь. Слезы, вызываемые жаром, скатывались по круглым стеклам очков, как весенний дождь.

Пайонк очень хорошо знал, что с ним такое.

Пребывание в притонах, куда загнал его страх перед арестом, для всех может окончиться трагически. Для него оно окончилось самым настоящим сыпняком, о котором уже успела забыть оправившаяся от девятнадцатого года Москва.

— Испано-Сюиза... сто восемьдесят сил... Испано-Сюиза... сто восемьдесят сил...

Луна качалась за его затылком, и он ощущал соприкосновение к влажным от пота волосам.

— Где я потерял кепку?.. где я потерял кепку?.. где я? — бессмысленно повторял он, отстукивая зубами марш.

— Не забыть: книгу по моторостроению, по самолетостроению, чертежи „Афанасьева Н-Г” и для меня,

для меня... Что для меня?... Ах, да!.. ее письма... Почему он держит ее письма?... Ее письма...

***

Этой ночью должна была закончиться страшная цепь его преступлений. Этот раз враг не уйдет...

Он еще был здоров, когда, шаг за шагом, подготавливал для этой последней ночи.

Переодетый монтером, он пробрался на квартиру Афанасьева и снял слепок со всех замков, в дверях и в шкафу. Убить его тогда он не захотел. Квартира битком набита жильцами, его сцапают и расстреляют... Нет, это не годилось! Тогда его изобретательность напряглась до последней степени. Он вызвал подложной телеграммой одного жильца — старшего бухгалтера — к больной жене в Харьков; другому нашел комнату на лучших условиях.

Один из жильцов вовремя догадался заболеть и лечь в больницу, а самого упрямого он выманил в Оршу письмами, напечатанными на машинке, на бланке большого госучреждения, с предложением места с хорошим окладом.

Осталась старуха-служанка и десятилетняя дочь бухгалтера.

Ну, с этим он справится...

Так рассуждал он, когда был еще здоров. Теперь он шел, толкаемый ненавистью и алчностью, но мысли его сошли с привычных рельс.

Лунатики ходят по карнизам и крышам и не падают. Его бредовое состояние обостряло инстинкт и бессознательное равновесие. Он открыл свой чемоданчик.

Вот вход от парадного хода. Вот ключ от комнаты Афанасьева. Вот ключ от его кабинета. Все на месте.

Отмычки для письменного стола, флакон с хлороформом, стилет... бутылка с... Испано-Сюиза... сто восемьдесят сил... Испано-Сюиза... сто восемьдесят сил...

ОТМЫЧКА И ХЛОРОФОРМ.

— Вам к кому? — спрашивает швейцариха, открывая ему дверь.

Уже три часа ночи, у посетителя странный вид и нет головного убора.

— Испано-Сю...

Он взял себя в руки, отчетливо и спокойно сказал:

— Я врач. Меня вызвал по телефону из 24 номера Владимир Платонович Афанасьев. Ему очень плохо, и я тороплюсь.

Он решительно прошел мимо женщины, сунув ей в руку монету.

По лестнице он шел, не торопясь и не останавливаясь. Когда внизу хлопнула дверь в швейцарскую, он вложил дрожащими пальцами ключ в американский замок. Легкий нажим... Дверь пропускает его без возражений... Красные стены маленькой передней стремительно бегут мимо него, слегка наклонившись вперед. Он инстинктивно хватается за стол и трясет головой. Стены становятся на свое место. Он одевает войлочные подметки и пробирается коридором.

Стоп. Вот она!

Комната, наполненная враждебными шорохами и запахами, втягивает его в себя.

Эта комната, где спит и ест товарищ Афанасьев, иначе, — на языке дореволюционных квартир, —

спальня, столовая, будуар и гостиная. В углу ширмы. За ними постель. На постели «он».

Пайонк трет виски, прикладывая холодный ключ к пылающему лбу.

Луна льется широко полной в венецианское окно. Белый луч углом ложится на жесткую, плохо выбритую щеку спящего.

Нет, он не убьет его сейчас. Он устроит ему иллюминацию на прощание! А пока — спи! Прыжок. Шум борьбы. Сладковатый и тлетворный запах хлороформа. Готово!

Теперь за дело. Он входят в кабинет и презрительно усмехается. Но умеют эти люди жить! И это называется частный кабинет комиссара ВВА, конструктора и прославленного летчика. Это — комната работника среднего достатка, занятого компилятивным трудом. Много книг... бумаги... словари...

Через пять минут в чемодане все, что надо, кроме... кроме... писем. Вот чертежи, заметки, дневники, а писем, ее писем — нет.

Он лихорадочно роется в бумагах, перетряхивает книги...

— Я брежу, — шепчет он, — с чего я взял, что у него есть письма моей жены? Ты не должен думать о письмах... Ты не должен думать о письмах, — несколько раз повторяет он. — Писем никаких нет!

ДЕВОЧКА.

В комнату легкий стук. Пайонк сжимается в комок. Нежный детский голосок нерешительно спрашивает:

— Дядя Володя, вы не спите? Дядя Володя!

Пайонк тихо крадется к двери. Эта девчонка по-

губит все его дело: разбудит старуху, и обе поднимут скандал на весь дом.

Девочка говорят со словами в голосе:

— Дядя Володя, мне страшно. Кто-то ходит по передней, и дверь на лестницу открыта. Дядя Володя, почему вы не отвечаете, я же слышу, что вы в кабинете, и...

Дверь на лестницу! Вот в чем дело! Как он неосторожен. За дверью слышен печальный вздох.

— Дядя Володя, я же не хочу вам мешать, если вы работаете, мне просто страшно... И так плохо пахнет чем-то...

Пайонк шипит от злости. Он вкладывает ключ в замок и очень быстро открывает дверь. На мгновение мелькает испуганное личико и длинная ночная рубашка.

Детское горло так хрупко. Никакой возни... Валийся тут, падаль.

ПАУКИ.

Он снова пробирается в «спальню». Вокруг всей комнаты, под кроватью, под окном с кисейными занавесками, под столом со свешивающейся скатертью, под диваном поползла черная змейка, пахнувшая газOLIном.

— Испано-Сюиза... Испано-Сюиза... Теперь — главное.

Из маленькой коробочки от монпансье Пайонк достает несколько мертвых пауков. Больших, черных, жирных пауков.

Он разбрасывает их по одеялу, по полу, на ночном столике, на подушке.

— Теперь ты вспомнишь „Черного паука“, — злобно шепчет он.

Может проснуться служанка не вовремя... Он крадется на кухню. В руке его блестит синяя узкая сталь стилета. Через пять минут возвращается, и теперь стилет не синий, а красный.

Он проснется от жары, дыма. Кинется к двери. Дверь закрыта. А дверь крепкая — одному не выломать: дом старый, добротный, купеческий.

Кинется к другой. Заперта. Окно на пятом этаже... А если он будет звать на помощь в окно?..

Не годится! Надо связать. Так. Теперь попробуй двинуться или крикнуть, ты, комиссар Афанасьев!

Огонь и комната будет замечен не сразу. Никто не догадается, что в комнате кто-то есть, потому что Афанасьев не отзовется на стук.

Девчонку и старуху запереть в кабинете, чтобы трупы не возбудили подозрений и не заставили взломать дверь раньше времени. Никому не придет иначе в голову ее взломать до прибытия пожарной части.

— Испано-Соиза... 180 сил ...

Надо взять себя в руки и не поддаваться болезни.

Завтра на самолете в Нижний, оттуда окружным путем в Минск. А болеть можно в Польше, и с большим комфортом.

В миссии все готово, документы, билет... В крайнем случае, если будет очень плохо, дадут сопровождающего или сиделку.

— Лежи, лежи, Афанасьев, помни Жермену Пайонк!

СЛИШКОМ РАННЯЯ ЗАРЯ.

Черве десять минут к швейцарихе позвонили.

— Выпустите меня, я зря прождал товарища Афа-

насьева. Служанка только сейчас вспомнила, что он, не дожидаясь меня, поехал в больницу.

Голос у господина сердитый, лицо недовольное. Конечно, неприятно! Будят ночью, а потом заставляють ждать.

Швейцариха сочувственно покачивает головой и выпускает посетителя. Она жмурится спросонок и не замечает, что верхние окна дома, что напротив, занимаются нежным, розовым светом — как будто раньше срока проснулась розовая июньская заря.

ПОТЕРПИТЕ, ДЯДЯ ВОЛОДЯ!

— Дядя Володя ... милый ... Потерпите!.. Моя дверь тоже закрыта. И Настя здесь... Но она, кажется, умерла... Господи, господа.

Маленькая девочка, с посиневшим горлышком, цепляется тонкими пальчиками за дверь, за которой стонет привязанный к кровати Афанасьев. Она видит его в замочную скважину. Комната полна дымом и он пробирается едкими струйками сквозь кабинетную дверь.

Афанасьев не может кричать, рот его крепко стянут, но он глухо стонет, разрывая на части сердце девочки. Пламя лижет его волосы... Одеяло тлеет... Черные пауки шевелятся, оживают и ползут на лицо... Это не пауки, это синеглазая Жермена...

Уже на дворе заметили пожар. Топочут по лестнице. Но Афанасьев уже задыхается. Он сгорит раньше, чем выломают дверь.

Взгляд девочки падает на ключ, торчавший в шкафу... Скорее, скорее... Может быть, подойдет...

Глава XV

Утро. Центральный аэродром. В 7 час. 05 мин. отправляется на Казань пассажирский «Юнкерс».

Летчик с сомнением смотрит на небо. Похоже на то, что полеты не состоятся. Ждут сообщения с метеорологической станции.

Молодая, изящная женщина с тоской смотрят на грозовые тучи, тяжело покаявшиеся на горизонте.

Ее пугает их зловещая неподвижность. Она явно волнуется.

— Неужели мы не полетим? — огорченно спрашивает она по-немецки летчика.

— Увы, фрейлейн, кажется, нет.

— Если бы вы знали, сколько я потеряю, если не вылечу сегодня!

Летчик вопросительно поднимает брови.

— Коммерческое дело?

— О нет, что вы! Так, домашние обстоятельства. Отправляю мою больную матушку в Казань, — нервно отвечает девушка.

— А что там за аэроплан? — через минуту спрашивает она.

— О! Это самолет комиссара Афанасьева.

— Как? Ведь, говорят, он сгорел!

— Да, но мастерские ВВА к его юбилею сделали ему подарок: в ударном порядке восстановили погибший аппарат. Этот Афанасьев очень популярен.

— Да? Я слышала, что его самолет погиб безнадёжно.

Летчик улыбается.

— Разве фрейлейн не знает, что русская молодежь очень экспансивна. В ремонте самолета принимали участие все ученики Академии, все рабочие, все кон-

структоры. Работа не прекращалась ни на одну минуту, ни днем, ни ночью, и, кроме того, месяц не такой уж маленький срок.

— Так почему же этот аэроплан не в ангаре? Простите, сударь, что я отвлекаю вас праздными вопросами... Но все, что касается Афанасьева, меня очень интересует. Это замечательный, достойный человек.

— О, да! Прекрасный летчик. Немного не осторожный, правда. Он собирается сейчас лететь в Нижний по делам службы, а небо, как вы видите, не очень приветливо.

— Афанасьев? Сейчас? Не может быть!

Голос ее был полон изумления, почти испуга.

— Почему не может быть, фрейлейн? Он еще три дня temu назад назначил на сегодня старт. Вероятно, у него в Нижнем важные дела. Но, конечно, это очень неосторожно с его стороны...

— Не может быть! Он... — прервала его девушка и запнулась. — Впрочем, вам лучше знать.

— Вы мне почему-то не верите, фрейлейн. Взгляните-ка! Вот, идет Афанасьев. Как всегда, точен.

Девушка быстро обернулась.

К самолету быстрыми шагами шел комиссар Афанасьев, такой же решительный и бодрый, как всегда, но с забинтованной головой и перевязанными руками.

— Боже мой! — едва слышно прошептала девушки.

Она следила за ним, нахмутив брови и прикусив губу. Ей пришла в голову какая-то мысль.

— Это меня очень устраивает, — сразу повеселев, сказала она. — Я пойду посоветоваться с моей матушкой. Может быть, Афанасьев не откажется взять ее с собой.

Она поглядели на небо.

— Вы говорите, можно ожидать плохой погоды?

— Увы, фрейлейн!..

— И вы не полетите сегодня?

— Думаю, что нет.

— А когда отправляется следующий аэроплан?

— Не раньше, чем дня через три.

— Хорошо, благодарю вас, сударь. До свиданья.

Афанасьев чувствовал себя очень плохо. Руки болели, голова была так обожжена, что нельзя было натянуть шлем. Но железная воля помогла ему справиться с недомоганием. Ему предложили взять с собой летчика или, по крайней мере, механика — но он упрямо отказался. Проглотив полпуда хины, чтоб предупредить лихорадку, и поручив Шварцу принять меры к поимке шпиона, он отправился на аэродром.

Прохладное утро освежило его. Увиден тучи на горизонте, он презрительно сплюнул: игрушки! Раньше, чем подует ветер, он будет уже в Нижнем.

Вспомнив о происшествии этой ночи, Афанасьев усмехнулся: опять этот дурачок попал впросак!

Хорош шпион, который вместо нужных для вражеской страны ценных рукописей по моторостроению крадет протоколы всероссийских съездов и заседаний ОДВФ, а вместо чертежей „Афанасьев Н-1” — планы Московского аэродрома, которых у наших врагов до черта.

В его памяти уже стерлись страшные минуты, когда он лежал в кольце пламени, зажмурив готовые лопнуть глаза, теряя сознание от жары и зловонного дыма.

Милая, маленькая девочка, — она очень любит шоколадные бомбы — мужественно кинулась сквозь огненную завесу, обжигая руки, распахнула окно и

развязала его. Сейчас она находятся под наблюдением лучших врачей Москвы и с нетерпением ждет его возвращения.

МАМА... МАМА...

Пора лететь. Афанасьев укутал голову оренбургским платком. Смешно, конечно, но это уступка необходимости...

— Товарищ Афанасьев, — раздался за его спиной взволнованный женский голос.

Он обернулся.

Бледная, темноглазая девушка умоляюще смотрела на него.

— Чем могу служить?

— Товарищ Афанасьев, прошу вас, очень, очень, возьмите мою больную мать с собою в Нижний. Ей

нужно делать операцию у профессора Х... Если она сегодня ее не сделает — она умрет.

— Гражданка, для этого есть пассажирский «Юнкерс».

Девушка вскрикнула:

— Но они не летят сегодня! Умоляю вас, умоляю! Моя мать не будет вам мешать. Она сейчас чувствует себя совсем хорошо и будет сидеть спокойно.

— Я не могу, гражданка.

— Боже мой, боже!..

Девушка в отчаянии заломила руки и заплакала.

— Мама... мама...

Афанасьева тронуло ее горе.

— Я уверяю вас, гражданка, что это невозможно. Я не сумею подать помощи вашей больной, если ей будет дурно. Она может выпасть из самолета, и на мне будет лежать ответственность за ее жизнь. Нет, нет... Может быть, еще летит кто-нибудь, кроме этого благоразумного немца.

Девушка горько рыдала.

Твердость Афанасьева пошатнулась под натиском этого неподдельного отчаяния.

— Помните, я лечу сегодня один, без механика. Я не совсем здоров, да и погода, по правде, неважная. Вы сильно рискуете, поручая мне свою мать.

Девушка вскинула на него заплаканные глаза.

— Поймите же, что если я даже рискую, то все-таки есть надежда.

— Вы такой опытный летчик! А если она не будет сегодня в Нижнем — она обязательно умрет. Умрет! Понимаете ли вы это? Пощадите ее и меня... Я внесу все мои сбережения в пользу „Общества Друзей Воздушного Флота”. Только помогите мне ... Если у вас есть мать ... О, мама, мамочка...

Твердость Афанасьева окончательно рухнула.

— Ну, хорошо, гражданка, — сурово сказал он. — Тащите сюда вашу мать и ваши документы. Только внушите больной, что она должна вести себя хорошо.

— О, благодарю. Я никогда этого не забуду ...

— Идите, идите... мне некогда.

АМАЛИЯ ФЕННЕР.

Через четверть часа в кабину взгромоздили тихую старушку в лисьей шубе, до носа укутанную в байковый платок, в пуховых варежках и с синими очками на носу.

Страшно было на нее смотреть, до такой степени она была укутана.

Она трясла головой и дрожала так, что дребезжал графин на стене кабины.

Дочь положила ей кожаный чемоданчик на колени, сунула под бок подушку и нежно поцеловала руку. Старушка, по документам Амалия Федоровна Феннер, вдова оберлерера Петербургской Анненской школы, подняла на лоб синие очки свои и вытерла слезы на глазах.

— Прощай, малютка, — сказала она по-немецки глухим и томным голосом.

— О, мамочка, не говорите так... Я завтра же буду в Нижнем.

— Прощай, дитя мое!..

Афанасьев нетерпеливо повернулся к ним.

— Скоро вы? Пора лететь. Отойдите в сторону, гражданка.

Грохот. Рев. Ветер. И вот уже серое, пасмурное небо окружает „Афанасьева Н-1”.

НА ВЫСОТЕ 3000 МЕТРОВ.

Афанасьев пристально вглядывался в потемневшее на востоке небо, в которое вонзалась, как стриж, его послушная машина. Он так был занят своими наблюдениями, что не слышал рядом с собой никакого движения. Когда, потревоженный каким-то случайным шорохом, он обернулся — перед ним стояла Амалия Феннер с револьвером в руке, дуло которого было приставлено к самому его виску. Ее очки поблескивали. Платок сполз с головы, обнажив голый, выбитый череп. Свободной рукой старуха стянула с себя очки.

Перед Афанасьевым стоял — Иосиф Пайонк!

— Не стреляйте! Вы сумасшедший! — крикнул Афанасьев голосом, заглушившим шум мотора. — Мы оба погибнем!..

Пайонк насмешливо улыбнулся. Теперь он ничего не боялся. Страх, доведенный до последнего предела, уничтожил в его сердце все, что делает человека

робким, и ничто уже не могло его более испугать. Ничто, кроме смерти. Но Афанасьев сейчас в его руках и должен ему подчиниться. А угрозы? — Ха!..

Никакая храбрость не может сравниться этим предельным страхом.

Афанасьев усмехнулся и спокойно поднял крылатый аппарат еще выше.

Ничто, кроме стрелки альтиметра, не указывало на скорость подъема.

Афанасьев чувствовал на своем виске горячее, лихорадочное дыхания шпиона.

Пайонк изнемогал от жара, его глаза слезились, но он твердо продолжал держать свой револьвер у лба Афанасьева, и рука у него не дрожала.

Здесь, в воздухе, он уже не боялся, что его арестуют и расстреляют.

Здесь они были один на один, и Афанасьев должен был подчиняться силе.

Пайонк кивнул на запад и, наклонившись к уху комиссара, прокричал:

— В Польшу — или я буду стрелять!

Да, смерть сидела теперь рядом с Афанасьевым, но комиссар и старуха Смерть были давнишними приятелями. Они не раз летали вместе.

Ничего не боялся комиссар, но его тень заплакала бы от стыда, если бы этому подлому шпиону и убийце удалось заставить его снизиться.

Он снял свою руку с руля глубины и поднял ее вверх. Пайонк побледнел.

— Доставьте меня невредимым в Польшу, — снова прокричал он. — Иначе я буду стрелять! Слышите? Не проделывайте никаких штук.

Они были теперь на высоте 3.000 метров.

— Слышите? Никаких штук! — повторил Пайонк.

Загорелое суровое лицо Афанасьева было бесстрастно, губы крепко сжаты, но в стальных глазах светилось столько беспощадной ненависти и грозной воли, что смертельный холод проник в самые кости Пайонка.

Как, почему, — этого Пайонк не знал, — но он знал наверное, что хотя жизнь этого сильного человека была в его руках (стоило ему только нажать курок), — но самого его спасти уже ничто не могло.

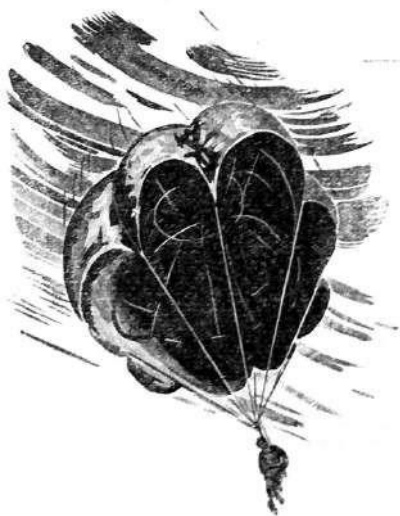
— Не делайте того, что вы сделаете! — завизжал он, теряя голову. — Не смейте этого де...

Он не окончил...

Афанасьев нажал какую-то кнопку, дно самолета раскрылось, как трап, и сиденье пилота выбросилось в пространство, увлекая за собой Афанасьева и оторвавшийся от фюзеляжа парашют. Умная птица не подвела своего хозяина. Парашют развернулся и медленно поплыл на землю. Еще несколько секунд, и мимо него пронесся брошенный на произвол судь-

бы самолет, и на мгновение Афанасьев увидел неуклюжую фигуру в старушечьем салопе, мертвенно - бледное лицо и рыбы глаза Пайонка.

Отданный во власть аппарату, который, крутясь, нес его вниз, Пайонк в смертельном страхе схватился за руль глубины и взял его на себя.

Головокружительная стремительность спуска была на мгновение приостановлена. А затем...

ГИБЕЛЬ.

Следившая внизу сиделка Польской миссии и агент польской контрразведки увидела, как самолет дернулся вверх и сделал петлю, а за ней другую, еще, еще, при неумолкающем реве мотора. Пайонк судорожно вцепился в руль глубины. Теперь аппарат должен был делать петли до тех пор, пока не сломаются его крылья.

Языки пламени показались из корпуса „Афанасьева Н-1”.

Они ползли из машинного отделения к крыльям.

Еще три петли сделал самолет, и пламя охватило его стабилизатор.

Аппарат понесся вниз, как пылающий факел.

„Черный Паук” благополучно донес до земли Афанасьева.

Он не мог сразу сообразить, где он опустился, это несомненно были окрестности Москвы. Автоматически отстегнувшийся парашют надулся ветром, как щеки херувима, и его протащило по земле несколько сажень прямо в молодой, веселый, щебечущий лесок.

Из туч испуганно выглянуло солнце.

Над юными, прозрачными верхушками берез

бился в истерике пленный парашют, запутавшийся веревками в их ветках. Солнце снова скрылось, и свинцовая тишина опустилась на лесок.

— Пускай этот „черный паук” хоть немного исправит то зло, которое нанес нам другой „черный паук”.

Афанасьев вспомнил эту свою фразу, сказанную им Козлову. В это время тревожные гудки аэродромного автомобиля заставили его пойти по направлению к шоссе, желтевшему издали. Запах горящего бензина и масла тянулся откуда-то справа. За деревьями березового леска встало, как флаг, высокое ровное пламя.

Это догорал „Афанасьев Н-1”.

С. Л. ГРАВЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ

Научно-фантастическая повесть

С рисунками художника С. Н. Макленцова

Л. «ПРИБОЙ», 1926 г., серия «Знание пионеру»

ГЛАВА I

Чудища

В ущелье реки Памира, близ Колай-Бар-Пянджа, на афганской границе, пастушонок пас овец и горбатых яков — горных быков и коров. Хотя уже наступил ноябрь, но в обращенной к югу ложине было не холодно. Орел-ягнятник парил в безоблачном небе. Курчавая овчарка, Журавка, зорко следила за стадом и хищником. Вдруг она насторожилась. Из-за уходивших на запад Шунганских гор слышалось странное гудение точно огромного шмеля. Орел быстро взмахнул крыльями и исчез.

Что за штука? Откуда?

Петя закинул вверх голову. Рот его и глаза широко открылись. Два огромных чудовища плыли по небу, вынырнув из-за цепи высоченных гор. Желтые, длинные, перетянутые веревками, они стали кружить над перевалом, неистово треща. Журавка бешено разлаялась. Петя вспрыгнул, хотел закричать; со страха голос

перехватило. Чудища без головы, без ног, без крыльев опускались все ниже, и вдруг одно коснулось горы с плоской широкой верхушкой, рассеченной как раз по середине. Другое еще продолжало искать, куда бы опуститься. Какие-то точки закопошились на первом. Вот взвилась длинная тонкая веревка — кишка либо жила чудовища, метнулась и, упав, застряла в расщелине. Качнулось, сорваться хотело чудовище и снизилось, а из брюха выпала новая кишка, ровно лесенка с перекладинами, и стали ползти вниз по кишке на землю те копошившиеся точки. Не может быть!.. Зоркие Петькины глаза разглядели у этих точек руки, ноги, головы... Люди! Люди вылезали из брюха чудовища!

Петя не выдержал. Крикнув Журавке стеречь овец, он бегом направился к чудовищу. Привычной цепкой походкой горца перепрыгивал он по камням через трещины и, хватаясь за выступы, подтягивался вверх на мускулах рук и двигался быстро вперед по местам, непролазным для жителей равнины. Остановился он в двадцати шагах от высокого человека в кожаной куртке, — начальника, что ли? — вокруг которого столпились вылезшие из чудовища люди, и, вскарабкавшись на большой камень, принялся его разглядывать.

Высокий в куртке понравился ему. Он говорил громко и внятно. Бритое лицо его загорело во время продолжительного полета на дирижабле, белыми казались зубы и белки глаз, черных и ярких. Остальные его слушали, кто потягиваясь, точно расправляя руки и ноги от долгого сиденья, кто кивая в лад речи головой, кто молча глядя под ноги. Один был совсем молодой, с круглой, белобрысой, точно седой, головой.

— Ну и будем строить, Алексан Ваныч, — подхватил он, — чего лучше место для подпорок, ишь какая рас-

щелина глубокая, и прямо на юг. Давай сигнал «Борцу 2-му», он спланирует напротив, и айда за работу!

Выватив из кучи сброшенных с чудовища инструментов кирку, он весело взмахнул ею.

— Ишь, Пантюшин не дождется, видно. Самому на Луну попасть охота, поди.

Петя развесил уши. «На Луну? Это на Месяц, что ли? Как так попасть? На этом чудище, видно? Вот так штука!» Он придвинулся еще шага на два.

Высокий в куртке махнул красным флажком на длинной палке. Точно такой же взметнулся и на втором чудище, которое все еще описывало плавные круги, не зная, опускаться ли и ему, и вдруг снизилось и выбросило такую же веревку с якорем. Так же выкинулась лестница, так же посыпались с нее на землю люди, и такой же в куртке оказался между ними начальник, но поменьше и потолще. Он приставил ладони ко рту и весело крикнул:

— Ура! «Борец Ильич»!

«Ильич-ич-ич!» повторило гулкое эхо, а те первые ответили «Ура! Ура! Ура!», и обе партии рабочих столпились по краям расщелины.

ГЛАВА II

Великое начинание

— Товарищи! — начал между тем тот, которого называли Александр Иванович. — Товарищи! На нашу долю выпала безмерная честь осуществить заветную мечту человечества: совершить первое межпланетное путешествие. Мы полетим на Луну по проекту русского физика Константина Эдуардовича Циолковского — в гигантской ракете. Мы, однако, не должны забывать, что еще в девятнадцатом веке идея летательной машины, действующей посредством отдачи, зародилась в голове одного из героических борцов за свободу, Николая Ивановича Кибальчича. Этот герой революции за несколько дней до казни набросал в тюрьме проект летательной машины и просил непременно передать его немедленно на рассмотрение ученых. Если бы его просьба была исполнена, может быть, и жизнь этого выдающегося человека была бы пощажена. Но среди рабов-полицейских не нашлось ни одного смелого и честного голоса. И 36 лет, до 1917 года, проект Кибальчича хранился в пыли полицейских архивов. Но Кибальчич мечтал тогда не о полете на Луну, а просто о полетах по воздуху, которые ныне нам столь привычны. Его идея, но совершенно самостоятельно разработанная товарищем Циолковским в применении к полету заатмосферному, полету на Луну, которую люди когда-то считали богинею, близка к осуществлению. И, попав на Луну, мы докажем, что в ней нет ничего божественного.

«Послушайте, в чем заключается проект Циолковского. Каждый из вас, кто видел фейерверк, знает, что такое ракета. Ракета — это трубка, спереди закрытая, а сзади открытая. В ней помещено несколько зарядов пороха, которые один за другим взрываются. При взрыве образуются газы, которым в трубке, конечно, тесно, они во все стороны давят на стенки трубки. Но один конец трубки открытый, в него газы свободно вылетают, и потому равновесие нарушается: та часть газов, которая давит на противоположный отверстию конец, гонит всю ракету вперед. Такую же ракету, но только громадных размеров, — таких размеров, что в верхней ее части свободно могут поместиться 3-4 человека, построил тов. Циолковский. Нижняя ее часть — полая труба, в которой будут происходить взрывы, но не пороха, а особого газа, изобретенного мною. Этот газ в жидком виде, а также жидкий кислород заключены в двойную оболочку самой ракеты.

Астрономы и физики давно уже высчитали, что всякое тело, всякая вещь, которая отлетит от земли со скоростью 11/2 километров в секунду, больше не упадет на Землю, а улетит в мировое пространство. Но ведь 11/2 километров в секунду — это страшная скорость, гораздо больше скорости пушечного снаряда. Таких двигателей, которые сразу давали бы такую скорость, у людей еще нет. Да если бы они и были, то все равно толку от этого было бы мало, потому что человек, который рискнул бы пуститься в путь в аппарате с подобным двигателем, от ужасного толчка погиб бы в первый же миг своего путешествия.

Однако, нет никакой надобности непременно сразу лететь с такой скоростью. Ее можно развивать постепенно, и тогда толчки будут едва ощутимы. Достигнуть этого можно именно ракетой. Первым взрывом

она поднимется на очень небольшую высоту, но, еще не остановившись, не начав падать обратно, она даст второй взрыв, который опять подтолкнет ее. Скорость, которую этот взрыв даст, прибавится к тому, что оставалось от скорости первого взрыва; значит, после второго взрыва ракета будет лететь скорее; затем последуют третий, четвертый, десятый взрывы, и наконец, будет достигнута желанная скорость в 11/2 километров в секунду. Тогда ракета будет предоставлена самой себе и будет притянута тем небесным телом, на путь которого она попадет, например, Луною. Чтобы ей на Луну не грохнуться сразу и не разбиться, она снабжена приспособлением, посредством которого она может перевернуться и давать взрывы в обратную сторону. Этим она замедлит свое падение и плавно опустится.

Чертеж ракеты К. Э. Циолковского.

Значит, вся задача сводится к тому, чтобы правильно нацелиться на Луну. Это лучше всего можно было бы сделать где-нибудь близ экватора, где Луна часто стоит в зените, т.-е. прямо над нашими головами. Но там у СССР нет своих владений, а буржуазные государства не согласились отвести нам участок для полета. Ну, и черт с ними! Хотя отсюда, по разным причинам, и значительно труднее осуществить наш

полет, но он все-таки возможен, и мы осуществим его. Выше всего в этом году Луна на северном небе поднимается 20-го декабря. Поэтому надо вылететь так, чтобы к этому сроку туда прилететь, т.-е., считая 612 дней на полет, надо вылететь в ночь с 14 на 15 декабря. Мы вылетим до полнолуния, а прилетим на Луну после полнолуния.

Из советского материала, советскими рабочими и инженерами, по проектам советских ученых, была создана наша ракета, и с советской земли улетит она.

Самым подходящим для нас пунктом отправки мы нашли этот край на 37° с. ш. Он — ближайшая граница наша к жаркому поясу и возвышается на 3.500 метров над уровнем моря. С незапамятных времен носит он свое имя «Памир», что значит: Крыша мира... И хотя нам с этой крыши придется отправиться не по кратчайшему пути, а с уклоном в 10° от нормали, но мы воздвигнем здесь над расщелиной специальные подпорки, с которых и ринется в высь «Пионер», наш первый заатмосферный разведчик.

Мы назвали его «Пионером», первым носителем и провозвестником новой эры в жизни человечества, и горды тем, что, когда правительство разрешило нам открыть всесоюзную подписку на сооружение нашего аппарата, первая лепта в 1 р. 27 к пришла от мальчика, подписавшегося «Пионер». В своем письме маленький жертвователь сообщил, что эти деньги — его первый заработок от продажи им самим сделанного летучего змея, который он тоже назвал «Пионер», но жертвует их для создания лучшей летательной машины. Имени своего он не сообщил. Но пусть этот юный гражданин знает, что его рука привела миллионы других... Никогда ни одна подписка не имела такого дружного и быстрого успеха.

Товарищи! Дружнее за работу! Через месяц, за 3 дня до декабрьского полнолуния, мы должны вылететь. Три недели на сооружение подпорок, 9 дней на окончательную установку и проверку ракеты! Вперед! Вперед! В память Кибальчича, во славу товарища Циолковского, во имя бессмертных заветов Ильича».

— Ура! Ура! Ура!

Эхо долгими раскатами повторило это «ура».

— Товарищи! — ответил с другого края инженер Малеев, — я хочу добавить несколько слов к речи товарища Башарина. Мы идем на громадный риск, отклоняясь от кратчайшего прямого пути на целые 10° . Мы поневоле подвергаем аппарат гораздо долшему трению воздуха, а потому и нагреванию. Но товарищ Башарин не жалел времени, не щадил ни здоровья, ни сил на выработку новой модели, модели сильно усовершенствованной. Благодаря ему открыто новое, более мощное взрывчатое вещество; благодаря ему же, открыт и новый сплав из трех металлов, который выдержал доведенные до беспримерных цифр опыты атмосферного давления и тугоплавкости. Секрет и того и другого — тайна рабочего государства, и мы не выдадим ее никому... Он же, Башарин, усовершенствовал и скафандру, т.-е. водолазный, но мы скажем лучше, внеатмосферный костюм, в котором нам придется разгуливать по лунной поверхности.

На мою долю выпало оборудование электрическое — свет, тепло и химическая очистка воздуха, а равно и проверка аппаратов фотографических, астрономических и геодезических, которые помогут нам сфотографировать пейзажи и произвести самые точные измерения вечного спутника Земли... Ура товарищу Башарину за его неодолимую энергию!

ГЛАВА III

Пионер

Не успел опомниться Башарин, как десятки рук подхватили его и стали подбрасывать кверху при новых «ура», весело отдававшихся от скал.

— Тише, товарищи! Тише! — орал инженер. — Этак вы меня и без ракеты на Луну закинете... Тише, черти! Довольно! Говорю вам: довольно! — заругался он, когда расходившаяся молодежь стала злоупотреблять силою. — Ишь, чуть всю куртку не разорвали! — продолжал он, отирая пот. — Потешились и ладно! Марш на работу!

— А где же моя фуражка? — хватился он, пока люди, посмеиваясь, двинулись к куче сваленных инструментов у воздушной лестницы «Ильича».

— На Луну залетела! Там отыщется! — расхохотались двое рабочих и бегом понеслись к остальным.

Башарин подошел к краю расщелины, круто обрывавшейся над ущельем. По головокружительному скалу, перескакивая с камня на камень, бежал серый комочек. Это был пастушонок Петя. Он первый увидел, как слетела в пропасть фуражка Башарина, и бросился за нею. Петя, конечно, не много понял из речи Башарина, но его лицо и манеры пришлись ему по сердцу. Одно было ему ясно, что русские люди, назло обиженным чужакам, сами полетят на Луну. «Пи-о-нер», — твердил он, думая о том мальчике, который первый прислал деньги... Его зоркие глаза давно разглядели фуражку. Он схватил ее и, не передохнув, стал карабкаться обратно.

— Пи-о-нер... — повторяли его губы, когда он подал ее Башарину.

— Кто ты? Откуда? — спросил тот.

Петя смотрел ему в глаза и машинально произнес: «Пионер».

— Что? Какой пионер? Из какой школы? Разве тут есть школа?

— Я, дяденька, не из школы... я не знаю... Я пастух.

— А при чем же ты пионер?

Петя не отвечал, но, смотря все так же в глаза Башарина, спросил:

— Дяденька, а на какой из этих штук ты на Луну полетишь?

Башарин улыбнулся и положил ему руку на белесую головенку.

— Ни на одной из них. А на чем полечу, привезут после дождика в четверг, когда подпоры готовы будут.

— И они все полетят? — допытывал мальчик, указывая на выгружавших балки и бочонки людей.

— Нет, они останутся. Полетим только двое.

— Вот тот? — спросил Петя, ткнув пальцем на Малеева, возившегося на другом берегу с каким-то аппаратом.

— Да.

— А отчего других не возьмешь?

— Места мало, и воздуха не хватит.

— Дяденька, а можно мне? Я маленький, много места не займу.

— Куда? На Луну? — рассмеялся Башарин. — Хочешь на ней пионером быть?

— Хочу. Ох, хочу, — вздохнул Петя.

— Куда тебе! Потерпи... Вырастешь, тогда попадешь. К тому времени на нее попасть много проще будет.

— Нет, дяденька, я сейчас хочу. С тобой хочу. Возьми меня!

— Мало ли что хочешь, на хотенье есть терпенье.

В эту минуту из-под горы раздался неистовый лай Журавки. Петя, бросив Башарина, пустился опрометью к стаду, щелкнул кнутом с четырьмя узлами на конце. Скалы отозвались точно выстрелами, и овцы и яки снова сбились в кучи. Когда все успокоилось, пастух и собака уселись рядышком. Петя вытащил из-за пазухи лепешку, и кусок отломил для Журавки. Сидел, жевал и глядел на мерно качавшиеся **возкору** (воздушные корабли). Чем дольше, тем больше хотелось попасть на Луну.

— Как-нибудь прокрадусь и заберусь. Они не увидят. Я ведь маленький. Спрячусь под лавку. Они не заметят.

Вслед за первыми возкорами прилетели на другой же день еще два, и привезли две новые смены рабочих и две заготовленные железные полуарки. Работали сменно день и ночь, чтобы укрепить их над расщелиной. Работа была тяжелая, потому что зимой на Памирах очень холодно, но люди не унывали. В пустынном до того ущелье стало шумно и весело. Провели электричество. Поставили радио-телеграф. Как две огромные челюсти, тянулись дуги навстречу друг дружке.

Петя каждый день забегал из ущелья на работы, перезнакомился с рабочими. По примеру Башарина, все его звали «Пионер».

Когда устои были закреплены, к ним приладили две длинные стальные балки, как воздушные рельсы, вложив их в круглое отверстие выросшего над пропастью сетчатого моста. Долго возились, чтобы придать им уклон в 80°, наконец справились. Тогда прилетели два новых и еще более громадных возкора, а между

ними в сетке из толстых стальных тросов была подвешена огромная серо-свинцовая груша. Золотыми буквами было выведено кругом «П-и-о-н-е-р». Это и была ракета. С величайшей осторожностью опустили ее в отверстие от сошедшихся зубьев устоев над расщелинной, куда глубоко, не задевая дна пропасти, опустился хвост аппарата, плавно скользящего из сетки на рельсы, глядя искоса на юг.

Петя стоял у подножия и разглядывал диковинную штуку. Незаметно удалось ему подняться вместе с рабочими до обитой заклепками, настежь открытой сейчас двери. С удивлением увидел он круглую комнату с привинченными к полу столами и стульями. Разинув рот, слушал он Башарина, громко разъяснявшего устройство невиданного помещения с кварцевыми окнами по бокам и наверху и с целой системой прикрепленных к ним подвижных зеркал, в которых отражалось все находящееся кругом и сверху и снизу.

Детские глаза бегали по комнате, ища уголок, куда можно было схорониться. В эту минуту Башарин открыл шкаф, где висели четыре... Петя так и обмер... четыре белых мертвеца-великана с выкаченными глазами... Нет! что же это? Башарин отвинчивает одному голову и сам залезает в мертвеца, и мертвец ходит, и вдруг, завидев Петю, хватает его...

— Ай-ай-ай! Пусти! Пусти! — забился мальчуган.

— Сам на Луну просился, а теперь небось испугался! — раздались голоса. — Ах ты, Петька-Пионер!

Башарин выпустил Петьку и стал объяснять эту усовершенствованную им скафандру из специального, им же изобретенного материала.

— Эти скафандры — двойные, из ткани, выдерживающей давление до шести атмосфер, и с накачанным между обоими слоями воздухом, так что тело все вре-

мя будет находиться под обычным атмосферным давлением. Ранцы же наполнены сгущенным воздухом, который, как только опустить забрало, автоматически начинает поступать через трубку в шлем. Используемый воздух будет проходить через патрон с поташем, который будет поглощать углекислый газ, и, таким образом, воздух вновь станет пригоден для дыхания. Есть и приспособление для принятия жидкой пищи. Подошвы двойные, асбестовые — придется ходить по раскаленной почве Луны. Из этого же асбеста, выработанного до прозрачности стекла, — забрала.

Он снял скафандру и повесил в шкаф. Петя увидел, что шкаф запирается просто на задвижку... значит, в следующий раз, или накануне отлета, он заберется и спрячется в этот шкаф!.. А Башарин объяснял:

— Нас летит двое, а скафандр четыре, по одной запасной на брата. Скафандры мы наденем перед самым выходом из ракеты, а во время полета будем дышать воздухом каюты, который будет химически очищаться.

— А зачем у вас, Алексан Ваньч, мебель-то вся к полу привинчена? Или вас, как в море, качать будет? — спросил один рабочий.

— Качать будет не во время полета, мы плавно лететь будем, покачает в море, может быть, если мы счастливо в него при возвращении упадем и вынырнем. А главное, ведь два раза, перед спуском на Луну и спуском на Землю, нам вверх ногами повернуться придется: мы полетим этой каютой, т.-е. головой вперед, а опускаться на хвост придется, и все вещи на нас посыпаться могут. Они потому все и принайтовлены, а под потолком, как видите, сетка протянута, чтобы головою в него не ударяться.

— Александр Иванович, а на Луне притяжение есть? — вставил свой вопрос белобрысый Пантюшин.

— Да, и Луна притягивает, только в 81 раз слабее Земли.

— А почему же это, Алексан Ваныч? — спросили и остальные.

— Потому, что у Луны в 81 раз меньше притягивающего вещества, чем у Земли. Не то, чтобы она сама была в 81 раз меньше Земли, — она только в 49 раз меньше ее, — но вещества, из которых она состоит, реже, менее плотны, чем земные. Вот и выходит, что ее объем составляет 149 земного, а так называемая «масса», т.е. количество содержащегося в ней вещества, еще гораздо меньше.

— Так что, на Луне мы будем в 81 раз легче, чем на Земле?

— Никак-с нет-с. Только в шесть, точнее — в $6 \frac{1}{10}$ раза. Если хочешь понять — отчего, то слушай внимательно, никакой особенной премудрости тут нет.

Башарин опять передохнул, обдумывая, как легче объяснить закон всемирного тяготения. Потом взял переносную лампу и поднес ее к стене, на которой были булавками приколоты какая-то таблица.

— Сейчас таблица хорошо освещена? — спросил он рабочих.

— Хорошо, — ответили они хором.

— А теперь? — И Башарин стал отодвигать лампу от стены.

— А теперь все хуже.

— Да, сила света с расстоянием ослабевает. Так вот, сила притяжения точно так же ослабевает, если между обоими телами увеличивается расстояние. При этом мы можем совершенно точно сказать, насколько именно обе силы ослабевают. Они ослабевают соответственно квадрату расстояния.

Башарин, протяжно произнесший три последних

слова, улыбнулся, увидев озабоченное лицо Пантюшина.

— Не пугайтесь, сейчас объясню вам, что такое квадрат. Сколько дважды два?

— Четыре. — Пантюшин был немножко обижен таким вопросом.

— Так вот, четыре — это квадрат двух. А трижды три сколько?

— Девять.

— Значит, девять — это квадрат трех. А четыре раза четыре?

— Шестнадцать.

— Значит, шестнадцать — квадрат четырех. Теперь, если кто не дурак, скажи сам, что такое квадрат какого-нибудь числа?

Пантюшин минутку подумал, потом с уверенностью произнес:

— Квадрат какого-нибудь числа мы получаем...

— ...Если умножаем его на самого себя, — хором подсказало несколько голосов.

— Правильно! — Башарин дружески хлопнул Пантюшина по плечу.

— Теперь вы без труда поймете, что значит — свет ослабевает соответственно квадрату расстояния. Решите-ка такую задачу: вот я держу лампу на 1 метр от стены; стена освещена; я отношу лампу на два метра; во сколько раз меньше света получит стена?

— В четыре раза.

— Верно, потому что дважды два, или, как говорят математики, два в квадрате — четыре. А если отнесу лампу за 3 метра?

— Стена получит в девять раз меньше света, — ответили все разом.

— Почему?

— Потому что три в квадрате — девять.

— Умники, все поняли. Теперь поймите еще, что сила притяжения точно так же ослабевает, соответственно, или, выражаясь по-ученому, пропорционально квадрату расстояния. Кроме того, людям удалось установить, что сила притяжения всегда действует так, как будто она вся сосредоточена в самой середине, в так называемом центре притягивающего тела. Поэтому, хотя притяжение Луны и в 81 раз слабее Земли, но все предметы на ее поверхности гораздо ближе к ее центру, чем земные предметы — к центру Земли. Расстояние от поверхности Земли до ее центра, так называемый радиус Земли — 6.377 километров, а расстояние от лунной поверхности до ее центра, лунный радиус — только 1.750 километров. Зная это, нетрудно вычислить, что на Луне сила притяжения в $6 \frac{1}{10}$ раза слабее, чем на Земле.

— Ну, физики! — прервал их тут Малеев. — Довольно вам мудрствовать. Давайте-ка обедать.

— Да, пойдем обедать. Недолго нам теперь на огне вареным обедом баловаться.

— Как так, Алексан Ваньч? А чем же вы там в ракете питаться будете?

— Консервами в жестянках, которые вон в этой грелке электрической разогревать будем. На нашей ракете никакой другой огонь гореть не может. Газы, образующиеся при горении, подыматься кверху не будут вследствие непрерывного движения ракеты вперед, и, оставаясь на месте, они всякое пламя сразу загасят, закрыв к нему доступ нужного для горения свежего воздуха.

— Еще одно, товарищ Башарин. А далеко ли до Луны?

— От центра Земли до центра Луны 384.400 километров, а от поверхности до поверхности — приблизительно на 8.000 километров меньше.

Последовало короткое молчание, после которого Пантюшин озабоченно спросил инженера:

— Так почему же вы говорили, что вам придется лететь 6 $\frac{1}{2}$ суток? Пролетая по 11 километров в секунду, вы должны быть на месте часов через десять!

Башарин засмеялся.

— Но ведь мы только вылетим с этой скоростью! Ведь от земного притяжения полет будет непрерывно замедляться, и наконец, ракета остановится совсем. Но расчет-то так и сделан, что она остановится только тогда, когда уже будет в сфере притяжения Луны, и тогда она просто упадет на нее. Так-то!

— Спасибо, Алексан Ваныч, за все, что объяснили, — сказал Пантюшин.

— Спасибо, спасибо! — раздались и другие голоса. Рабочие гуськом стали спускаться по ступенькам следом за инженером и, шумно беседуя, пошли к своим кухням и кострам.

Пантюшин обнял Петю за шею и весело сказал:

— Ну, Пионер! Ступай с нами... У нас сегодня шашлык...

Петька уплетал за обе щеки горячую баранину и думал о Башарине. «И какой же он, этот дяденька, умный! Ну, полечу — увижу».

И, спрятав кость за пазуху, побежал отнести ее Журавке.

— Вот улечу, Журавушка. Кто-то тебя косточкой побалует?.. На! Поглодай пока...

ГЛАВА IV

Летим

Ко дню полета ракеты прилетела целая эскадрилья аэропланов, а также еще один возкор, привезший народных представителей от союзных советских республик, представителей от академий и обсерваторий, членов разных ученых обществ и делегатов и делегатов от всех вузов.

Партиями ходили они осматривать гигантский аппарат. В толпе лавировала фигурка пастушонка в рваном тулупчике, но он так примелькался за эти недели, что на него не обращали внимания.

Раз только щипнул его за ухо знакомый красноармеец с кордона:

— Ты что тут путаешься, дьяволенок?

— Ничего, это наш Пионер, — заступился Пантюшин.

Петька юркнул в сторону и пристроился к следующей партии осматривающих.

Наконец доступ посетителям был закрыт. Шланги и баллоны, из которых накачали газы в ракету под личным наблюдением Башарина, убрали.

Была морозная ночь, светлая как полдень. Огромные 1000-свечовые фонари заливали окрестность электричеством. Серебром сверкали голубые горные снега, а на гранитных уступах горели костры; их розовый дым уходил в небо, где между звездами мелькали разноцветные огоньки кружившихся аэропланов. Возкоры окаймились гирляндами из пестрых лампочек. Вспы-

хивали и потухали щиты с надписями пожеланий, заранее празднуя полную победу Земли над Небом.

Звезды мерцали, побледнев, а на самом закате сияла близкая к полнолунию Луна, скривив налево насмешливый лик, точно говорила: «А вот посмотрю, как вы до меня доберетесь, хвастуны-людишки!». А сама, как будто со страху, пряталась за горы.

Заиграли Интернационал. Тысячи голосов подхватили его. Башарин с Малеевым стояли на площадке у входа в ракету. Оба, взволнованные, глядели на собравшихся внизу людей, прилетевших со всех концов родины приветствовать смелых заатмосферных летчиков. Оба думали: «Вернемся ли обратно? Опустимся ли счастливо на родную Землю?». Они не вслушивались в последние обращаемые к ним речи, видели только возбужденные лица и жесты. Под громкое «ура» и колебания целого леса красных и малиновых знамен и плакатов с золотыми буквами, они высоко в последний раз взмахнули фуражками и скрылись за дверью с заклепками. Толпа отодвинулась по возможности дальше. Все замерло. Вдруг гора вздрогнула. Внутри расщелины раздался взрыв, и наружу вырвался белый пар. Ракета плавно заскользила по смазанным салом рельсам и поднялась над вершинами с целым облаком вылетавшего из хвоста красноватого дыма и снопом искр. Яркие огоньки аэропланов в небе расступились, давая ей дорогу. Полет ее все ускорялся, и через несколько секунд только в самые сильные стекла можно было различить ее как точку в глубине опрокинутого над Землею небесного купола.

Оба летчика были слегка оглушены. Две минуты длилась серия взрывов, и — странно! — во все это вре-

мя им обоим слышались непонятные звуки, точно взвизги и стоны.

— Что такое? Ты слышишь, Башарин?

— Слышу и недоумеваю... Может быть, свистит газ? Утечка? — Озабоченно проверили насосы и трубы, — все было цело и в порядке.

Вдруг в наступившей тишине раздался ясный детский рев за дверцей шкапа со скафандрами. Башарин открыл его, и оттуда выползла, хватая его за ноги, фигура пастушонка. Его обыкновенно веселая рожица казалась одним неистово орущим ртом.

Малеев опомнился первый и схватил его за шиворот.

— Ты откуда, мерзопакостник? Как ты попал сюда? Черт тебя, что ли, в шкап тиснул?.. Башарин! Да что же это? Да ведь все наши расчеты теперь к дьяволу полетели! Нам воздуху не хватит! Выкинем его!.. Все равно, дело пропало!

И Малеев поволок Петьку к двери, неистово трясая за плечи.

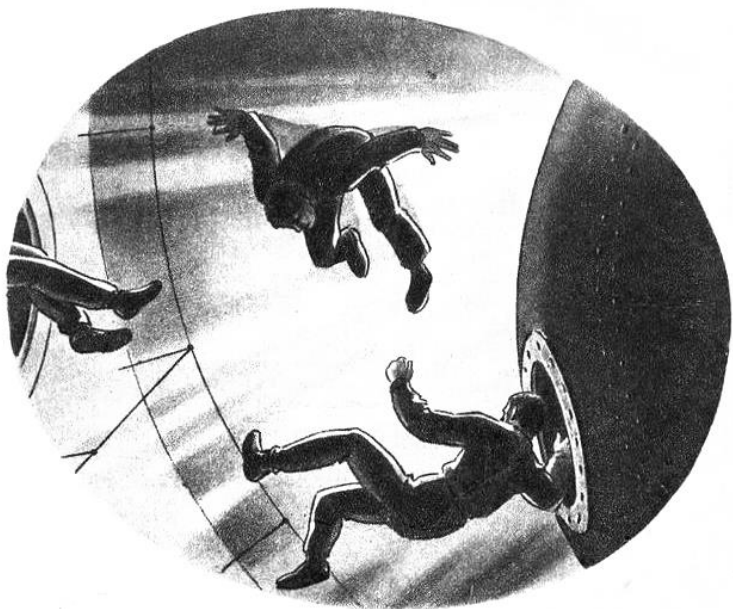
— Стой! — остановил Башарин, весь бледный от волнения. — Не забывай, что мы уже вылетели из земной атмосферы. Если ты откроешь дверь из вестибюля наружу, то немедленно и задохнешься, и замерзнешь. Надо новые расчеты делать.

— Какие тебе новые расчеты? И так ясно: ни воды, ни воздуху не хватит! Надену скафандр и вышвырну его! Все сгубил, постреленок проклятый! Откуда ты попал сюда? Отвечай! — яростно орал Малеев, топнув со злости об пол ногою...

И вдруг подскочил к потолку и ударился в сетку головою, и, как мячик, отлетел опять на пол, и подскочил бы снова, но удержался за привинченный к полу стол. Это удивительное происшествие подействовало

на него как холодный душ, и он больше не ругался, а злобно смотрел в сторону.

Петя уже не плакал и не орал. Он, разинув так же широко рот, с ужасом глядел на казавшегося резиновым Малеева. Башарин стиснул зубы и смотрел на него исподлобья.

— Слушай ты! Как ты попал сюда? — стараясь справиться с собою, спросил он мальчонку.

— Отвечай, гад! Мерзавец стоеросовый! — перебил Малеев. — Какая чертова тетка тебя нам сюда на шею навязала? Слышишь!

— Я, дяденька!.. Я, дяденьки!.. — Петя запнулся.

— Дяденьки, дяденьки!.. Какие мы тебе, черта два, дяденьки! Говори, кто тебя сюда засунул? Подкупили,

что ли? Чтобы нам дело испортить? То-то ты все подсматривал, да под ногами вертелся?

— Нет, дяденька, никто! Я сам в шкаф к мертвецам залез, когда вы людей тут важных провожали. Я видел, как Алексан Ваньч отпирали его... ну и залез... Я тоже на Луну хотел... Я... — зарыдал снова Петя.

— Что же, тебе на Земле жилось плохо? — спросил Башарин. — Отец и мать надоели, что ли?

— У меня ни батьки, ни матки... Я как есть сирота.

— Да кто же ты?

— Я пастух... при пункте кордонном... у пограничников. Отец мой тоже пограничник был... Его персы-контрабандисты убили... Матки не помню... Я один.

— Поэтому ты нам навязался?.. Башарин! Да что же мы делать будем? Откуда воздуха возьмем?

— Кислородом подышим. Все равно, мальчишку вышвырнуть нельзя... Не придушить же его? А?..

Как ты полагаешь? Я, по крайней мере, на это не способен. Да и ты вряд ли... — Башарин отошел к письменному столу и нагнулся к каким-то записям.

Малеев прижал оба кулака к вискам. Потом подошел к товарищу и сжал его плечо.

— Слушай, единственный исход: повернуть обратно...

— То есть как так? Лететь не на Луну, а перекувырнуться и спуститься на Землю?

— Да...

— Ты ошалел?! Ни за что!.. Первый полет наш чтобы вышел комом?.. Чтобы весь мир стал издеваться над двумя советскими инженерами, что они уподобились синице, обещавшей море зажечь, и повернули оглобли, едва отлетев за пределы земной атмосферы?.. А потом открывать новую подписку на новый полет?.. Да кто же поверит, что мы его на тот раз выполним?..

Нет, брат! Этого ты от меня не дожدهшься!.. Я не вернусь, не побывав на Луне. Надо сесть и высчитать все хладнокровно, — и он снова наклонился над записями.

— Слушай, — сказал он через несколько времени. — Мы долетим благополучнее, чем показалось сгоряча. Так как мы, для верности, вместо 11,3 километра в секунду рассчитали взрывы в 11,8 при живой нагрузке в 150 килограммов, то увеличение веса на 40 килограммов, которые весит этот кавалер, на Землю нас не вернет. Воздуха у нас взят запас на 20 дней. Мы полагали пробыть 13 дней в дороге и 3-4 дня на Луне, да сохранить его на 4-5 дней про запас на случай осложнений. Теперь, при тех же 13 днях дороги, на Луне мы пробуем только один день, и запаса не останется никакого.

— Нечего сказать... один день... Что мы увидим и осмотрим за один день?!

— Да, придется, чтобы на обратном пути не задохнуться, ограничиться просто прогулкой, наделать побольше фото- и кинематографических снимков, произвести самые нужные измерения, и баста. А то влипнем.

— Коряво!.. и все из-за стервенка!..

Петя застыл и съежился, когда услышал, что, может быть, придется всем задохнуться.

Башарин пристально посмотрел на него и спросил:

— Слушай, Пионер, который тебе год?

— По весне пошел одиннадцатый.

— Грамотен? Читать и писать умеешь?

— Умею, но плохо... то есть читаю-то, пожалуй, и хорошо, меня отец еще грамоте учил... Ну, а потом дяденьки красноармейцы... Да еще доктор наш кордонный, когда на посту живал... А пишу плохо... Вот считать я, говорят, очень горазд.

— Сколько раз побывал ты в этой ракете?

— Много... Почитай, каждый день, когда ее показывали.

— Ну, и что же ты понял?

К удивлению инженеров, Петя довольно толково, хотя и по-своему, объяснил, на чем основан план полета, и даже к чему служили многие предметы в каюте. Малеев фыркнул и отошел к своим самопишущим инструментам, бормоча: «Настоящий поросенок, тоже на Луну залетит... Подумаешь, какая ей честь!».

Заглянув в окна, снабженные зеркалами, он нетерпеливо крикнул:

— Да брось ты возиться со щенком... Пусть его дрыхнет... Довольно он у нас времени отнял. Иди

Сюда. Смотри, какая красота...

— Спи, Пионер, или молчи ... Довольно, — сказал Башарин.

Петя вздохнул и, запахнув тулупчик, растянулся покорно на полу. Но странно: пол показался ему мягче перины!

ГЛАВА V

Сказка наяву

Когда через несколько часов Петя проснулся, он ничего не мог сообразить. Ему казалось, что он видит странный сон. Подле него не было ни Журавки, ни кордонных лошадей, около которых он спал в конюшне. За стеною не слышно было блеянья овец в закуте, и яки не фыркали, переминаясь с ноги на ногу, а была круглая комната с синеватыми стеклами кругом и горело электричество. У одной стены стоял толстый, рыжеватый, с красным лицом... «Малеев!» — прошептал Петя и сразу вспомнил, как он скакал мячиком вчера, и понял, что он летит с ним и Башариным на Луну в ракете... Да вон и Башарин... опять пишет, нагнувшись над столом.

— Дяденька! — позвал его Петя. Он чувствовал страшный голод. И немудрено: убежал с утра вчера, захватив одну лишь лепешку, которую почти целиком отдал на прощанье Журавке... «А что-то она, сердешная? Как ей без меня житья там будет?» И ему стало жаль и собаки, и стада, и кордона, и знакомых лиц пограничников, и самого ущелья, и гор, где столько лет было пусто и тихо, пока не прилетел на своем возкоре Башарин, и с ним точно свет перевернулся.

— Дяденька! — взмолился он громче. — Я встать хочу... Я голоден до смерти ... тошнит...

Башарин молча достал из шкапа жестянку с прилаженной фарфоровой трубкой, быстро разогрел ее в электрической грелке и приказал: «Соси!».

Петя стал втягивать из жестянки сладкий кофе со сгущенным молоком.

— А вместо хлеба вот сухарь. Лови!

Башарин легким движением руки бросил ему сухарь. И опять пришлось Пете разевать рот от удивления: сухарь не упал, как водится, по дугообразной линии на пол, а равномерным движением поплыл по воздуху. Это было до того неестественно, что сухарь показался ему заколдованным, и мальчик с некоторым ужасом отскочил в сторону, давая сухарю дорогу. Но при этом он, совсем как накануне Малеев, взлетел вверх и, ударившись о верхнюю сетку, стал, как мячик, летать вверх и вниз. Это его, конечно, развеселило.

— Дяденька, глянь, а я ведь взаправду летаю!

Малеев проворчал снизу:

— Летай, летай! Высоко взлетел, куда-то сядешь? — и крикнул: — Башарин, ложись ты... теперь твой черед... Я уже выспался, а ты еще и глаз не сомкнул...

— Сейчас. Проверю, сколько пройдено...

— Ну, ты чего над головой мотаешься? — обратился Малеев к Пете и сдернул его вниз на пол за ноги.

Петя послушно сел на корточки и смотрел, как Малеев достал такую же жестянку из шкафа, где все они помещались в гнездах на полках, и сунул в грелку. Он жевал данный Башариным вкусный белый галет с дырочками и думал: «Ишь, Малеев, на что лютый, а, видеть, тоже страсть умный, чего-чего кругом него не навешено! И что за штуки диковинные!», А по стенам висели карты, таблицы, диаграммы, термометры, барометры, манометры и покачнувшийся, но косо оставившийся маятник. У верхнего окна трещал кинематограф и крутилась бесконечная лента фильма, запечатлевая постепенные изменения поверхности Луны, выраставшей перед кварцевыми окнами. Пете по-

чему-то она напоминала огромную докторскую губку, с глубокими ноздреватыми дырами. «И что это за кружки на ней и пятна темные?» — думал он, но расспрашивать занятых делом инженеров боялся. Он отлично понимал, что тут творится великое дело, и сам он участвует в какой-то сказке наяву.

Конечно, всей тонкости подготовленных подробностей этого полета он понять не мог. Он не знал, сколько ученых работали над планом сложного аппарата, сколько новых открытий повлекло его выполнение. Все, до последнего еле заметного шпунтика, до тончайшего волокна непроницаемой, нетеплопроводной материи было изготовлено на специально построенных фабриках и заводах СССР. Самопишущие оптические, астрономические и измерительные приборы работали безукоризненно. Разные концентрированные питательные вещества наполняли шкафы каюты, и Петя с любопытством заглядывался на них, когда Малеев, доставая что-нибудь, открывал дверцу. Электрические, вновь изобретенные приспособления грели, освещали и освежали помещение.

Петя с удивлением смотрел, как инженеры испепеляли собранные в герметические жестянки человеческие выделения. Все было странно до чудесности и насколько не скучно и не страшно.

Только жажда мучила после сухаря. У стены висел привинченный бак с водою. Стакана не было, и Петя решил напиться из ладони. Но напрасно открыл он кран — воды не вылилось ни капли.

Малеев обернулся на возню.

— Чего тебе?

— Пить, дяденька, до смерти хочется, а вода не бежит.

Малеев достал из шкапа бутылъ с водою и стеклянную трубку.

— Вставъ в горлышко и соси. Это твоя дневная порция воды. Больше не получишь. Воды у нас в обрез.

Петя напился через трубку и спрятал бутылку в то же гнездо, а рядом и трубку. Чудно: почему воду не пить, а сосать надо?

Башарин все еще возился у своей стѣны.

— А ведь ты был прав: радио не работает. Ответа мы не получили.

— И мудрено было.

Петя, заслышав голос Башарина, обрадовался.

— Ну, что, Пионер? Не надоело лететь?

— Нет, дяденька... Хотите, я вам молоко погрею?

— Ну? Разве сумеешь? Пойдем, я тебя поучу, как с грелкой обращаться.

Петя под руководством Башарина принялся за дело. Малеев только покосился. «А что, и взаправду мальчишка полезен станет?» И Петя старался точно и аккуратно исполнять приказанія инженеров по хозяйству, и таким образом давал им возможность посвящать себя всецело научным наблюдениям.

ГЛАВА VI

Чудеса

Видя, что даже Малеев сегодня добрее, Петя сразу повеселел. Ему ужасно хотелось расспросить обо всем, но все-таки предпочел обратиться к Башарину.

— Алексан Ваныч, а почему это вчера дяденька Малеев ровно мячик между потолком и полом скакал, а сегодня я летал, и сейчас вот так странно мне, будто я в воде, что ли, хожу, и меня что держит?

— Ну вот! — засмеялся Малеев. — В награду за то, что он нам все расчеты спутал, не угодно ли еще целую лекцию по физике читать!

— Что поделаешь! Уж пусть ему эта поездка впрок идет, — так же весело возразил Башарин. — Все равно, сейчас делать нечего. Ну, слушай, Пионер.

Подумав минутку, он спросил мальчика:

— Бывал ты когда-нибудь в больших городах, в Ташкенте, что ли? На трамвае ездил?

— Ни, дяденька. Дальше Памирского поста на Мургабе не был. А про трамваи мне дяденьки- красноармейцы на нашем кордоне рассказывали. Это возы такие, что без лошадей людей перевозят.

— Ну, а на возу ездил? На арбе?

— Как не ездить? Езжал!

— Ну-с, так вот слушай. Двести лет назад, в Англии жил очень умный и ученый человек. Его звали Исаак Ньютон. Ньютону люди обязаны объяснением многих темных и трудных вопросов, над которыми они до него тщетно ломали себе голову. Открыл он, между прочим, и инерцию...

— А что это инерция?

— Не перебивай. Инерция, это — свойство каждой вещи либо оставаться в покое, пока ее не сдвинут, либо двигаться, пока ее не остановят. Ты видел, конечно, что лошади тяжелее всего взять воз с места, а раз он двинулся, везти его ей уже легко. Это и есть инерция: пока воз стоит, ему точно не хочется тронуться, а пошел, — остановиться сразу трудно, и если лошадь вдруг останавливается, воз, продолжая двигаться, напирает на нее сзади, и, того гляди, хомут перелезет через голову. Чтобы этого не случилось, лошади и заправляют шлею под хвост. Вот и на трамвае такая же история. Люди стоят и едут спокойно. А остановится внезапно трамвай, — и все друг на друга попадаются. Колеса двигаться перестанут, а люди продолжают, пока их стенка впереди не остановит. Так вот, та сила, которая продолжает их двигать помимо их воли, и есть инерция. Понял?

Петя кивнул головою.

— Ну, слушай дальше. Возьмем нашу ракету. И мы с тобой, и дядя Малеев, и все вещи кругом, мы все силою взрыва улетели с Земли вверх. Ты скажешь, куда?

— В небо! — бойко отозвался Петя.

— Если хочешь — в небо, но мы, ученые, зовем его мировым пространством, и летим мы в этом мировом пространстве все одинаково скоро, наравне со скоростью самой ракеты. И если я возьму вот этот карандаш, и выпущу его из руки, будет ли у него какая-нибудь причина лететь тише, чем вся ракета, как ты думаешь?

Пети отрицательно замотал головой.

— Ну а что же с ним будет?

Мальчик открыл было рот, но ответить не решился. За него ответил сам карандаш: он остался висеть в воздухе.

Петя засмеялся:

— Как сухарь давеча!

— Да, как сухарь. Верно! Чтобы карандаш или сухарь упали сейчас на пол, мне пришлось бы толкнуть их вниз, а просто открывая руку, я даю им возможность по инерции продолжать свое движение, начатое с ракетой; а лететь им тише ее, причины никакой нет.

— А как же на Земле?

— На Земле, открыв руку и выпустив вещь, я ее уроню, т.-е. Земля притянет ее к себе; а здесь инерция, которая движет карандаш вперед, сильнее земного притяжения, потому-то ты и мог летать и держаться в воздухе: ты стал удивительно легким, попросту говоря — твой вес исчез. Ты ведь спал на полу, а заметил ты, как тебе мягко было?

— Еще бы, дяденька! Мне казалось - я на сене, нет, не то, что на сене, на пуховике лежу!

— Видишь, это оттого, что твое тело на пол не давило. Оно — легкое как пух. И стоит тебе лишь топнуть с силой о тот же пол ногою, ты мячиком подскочишь к потолку, как дядя Малеев вчера, когда стал топтать, рассердившись на тебя. Ты взлетишь кверху, ускорив данное тебе взрывом движение.

— А отчего же, Алексан Ваныч, вода из крана не льется?

— А почему бы ей литься? Ведь для нее литься вниз, пока мы летим вверх, означало бы отстать от нас. А по какой причине ей отставать? Она вместе с нами летит по инерции. А знаешь ты, что будет, если мы немножко воды бросим на воздух? Дай-ка твою вчерашнюю бутылку, не осталось ли в ней воды?

Петя достал бутылку из шкапа. Башарин потрянул ее, и из горлышка вылетел и поплыл по воздуху водяной шар.

Петя разинул рот...

— Лови его! — приказал Башарин.

Мальчик хотел схватить воду, но шарик раздавился на тысячи мельчайших росинок, как изморось, повисших кругом. Ну, и чудеса!

— Воздух давит на воду со всех сторон, и она собирается в шар. И каждая капля есть такой же шар,

— сказал Башарин. — Ну, а теперь довольно. Устал я с тобой.

— Ложитесь, дяденька, я вам кресло откину; я видел, как вы его показывали гостям.

У каждой стены стояло по креслу с поднимающейся подножкой, превращавшей его в койку.

— Нет, — сказал Башарин, — нам этих коек не надо пока. В них мы на Луне переночуем, а теперь и без них мягко. Строго говоря, раз не имеешь веса, можно спать и стоя. Но я привык, а потому смотри.

К великому удовольствию Пети, Башарин подпрыгнул к потолку, ухватился за сетку и, подтянувшись на мускулах, придал телу горизонтальное положение, затем выпустил сетку и подложил руки под голову.

— Видишь, как удобно! — засмеялся он сверху. — И как мягко! Ну, спокойной ночи, Пионер! А если больше нравится — спокойного дня!

«День! Как день?» — недоумевал Петя, но, видя, что Башарин закрыл глаза, он не решился спросить у него объяснения: ночь теперь или день? Он проскользнул под заснувшим на воздухе инженером и подошел к окну. Сверху, или спереди, немного справа, но левее, чем вчера, глядела на него почти полная, громадная Луна. Ее размеры его не удивили. Он понимал, что, раз они к Луне приближались, то она должна казаться все больше и больше. Узнал он и созвездия, которые ее окружали: их ему показывал кордонный доктор, кото-

рого он водил по Памирским горам. Вот Стожары или Плеяды, вот Орион, вот Возничий... Странно только, что во всех созвездиях, кроме их обычных звезд, еще много маленьких, которых с Земли не видно.

Но самое большое удивление еще предстояло. Наглядевшись на Луну, Петя взглянул и на систему зеркал, в которых отражалась остававшаяся за их спиною часть мирового пространства. И тут он замер от изумления: в зеркале он увидел вторую Луну, но не полную, а тонким серпом, и еще больше первой, а рядом с этой Луной светился яркий огненный шар, который Петя сразу же признал за Солнце, но и оно было какое-то странное, резко окаймленное, без лучей. И вокруг него тоже сверкали звезды.

Тут Петя не выдержал и превозмог свой страх перед Малеевым.

— Дядя Малеев, — позвал он шепотом. — Посмотрите, посмотрите, что это?

Малеев, думая, не случилось ли что-то, одним прыжком подскочил к нему. Узнав, в чем дело, он улыбнулся.

— Ну, как ты думаешь, что это такое? — тоже шепотом спросил он, чтоб не будить Башарина.

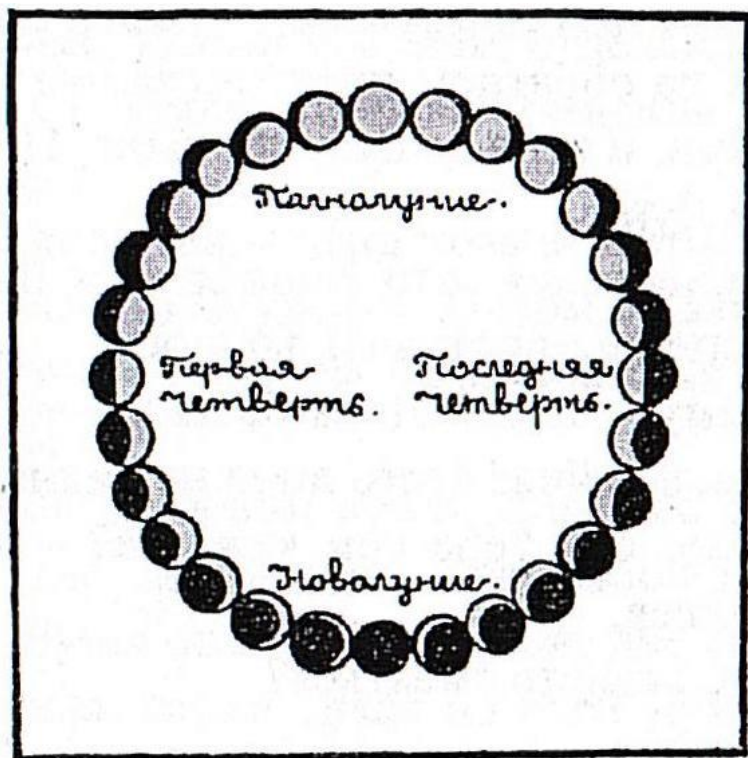
— Не понимаю, — ответил Петя. — Летим на Луну, а сзади вторая Луна...

— Не Луна, Пионер, а Земля! Да, да. Это наша Земля, на которой мы живем. Она такая же круглая, как и Луна, только больше ее. И если на нее смотреть издали, то она и выглядит как Луна.

— Так как же, дядя Малеев, если Луна и Земля круглые, почему же они нам кажутся серпами?

— Потому, что они сами по себе темные, и видеть можно только ту часть, которая освещена Солнцем. Когда Солнце у них с боку, как сейчас у Земли, то мы

видим только освещенный край, который и представляется нам серпом, а Луна сейчас почти напротив Солнца, поэтому она нам и кажется почти совсем круглой.

— Так что же сейчас, дядя Малеев, ночь или день?
Малеев тяжело вздохнул при этом вопросе.

— Ой, трудно мне будет это объяснить тебе, Пионер! Но все-таки попытаюсь. Скажу тебе сразу: ни ночь, ни день! В мировом пространстве нет ни дня, ни ночи. Это ты поймешь только, если точно разберешься в том, почему на Земле они есть. Вон посмотри на

Землю: видишь, на обоих концах ее серпа очень белые пятна? Это ее полюсы, вокруг них она вертится, как волчок. Поэтому она к Солнцу повернута то одной, то другой стороной, а людям кажется, что это Солнце то восходит, то заходит. Когда они повернуты к Солнцу, они говорят, что у них день, а когда от него отвернуты — считают, что ночь. А тут мы летим прямо, не поворачиваясь, мы постоянно сзади освещены Солнцем, у нас нет смены дня и ночи. Но по нашим часам мы, конечно, можем сосчитать, сколько прошло времени с тех пор, как мы улетели с Земли, можем, значит, вычислить, день или ночь сейчас на Памирах.

Больше Петя вопросов не ставил. Хотя еще многое было ему неясно, но он был слишком взволнован, чтобы слушать своего учителя.

Малеев искоса поглядывал на задумчивое детское личико.

— Брось смотреть на Землю, — сказал он, — ею мы налюбуемся на обратном пути; тогда она будет прямо перед нами, и серп ее будет больше. Посмотрим-ка лучше на Луну.

Петя обрадовался, что Малеев сам берется его учить, и поспешил поставить вопрос:

— А почему с Земли Луна была на человеческое лицо похожа, а сейчас этого лица не видно?

— А сейчас она тебе чем кажется? — с улыбкой спросил Малеев.

— А вы не станете смеяться?

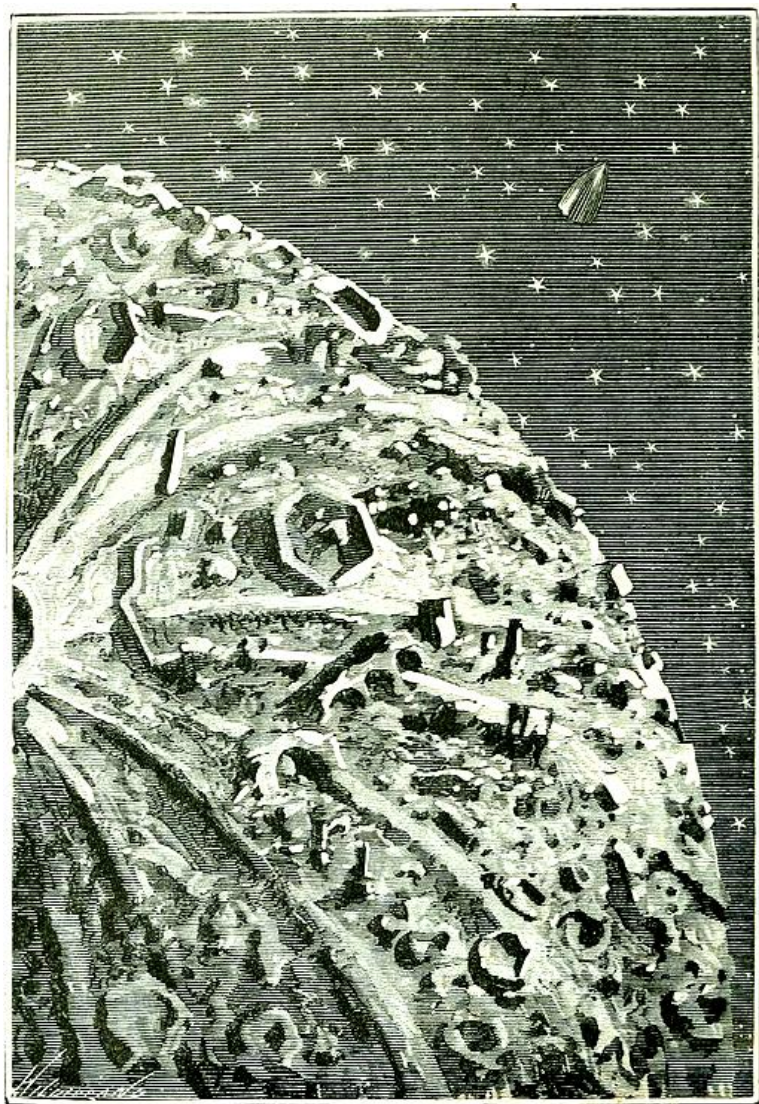
— Нет.

— У нас, дядя Малеев, иногда лепешки с такими дырками выходят.

— Теперь посмотри на Луну в трубу.

Петя приставил глаз к небольшому рефрактору.

Несколько минут спустя он выпрямился и сказал:

— Вся поверхность Луны в дырах, совсем круглых, точно у нее оспа была. И у каждой дыры высокие края, от которых влево тени падают.

— Ну, как ты думаешь, что это может быть?

— Мы еще далеко от Луны, — рассудил Петя, — значит, это что-нибудь очень большое, не горы ли это?

— Правильно, — одобрительно кивнул головой Малеев. — Это именно горы. А эти большие темные пятна — это так называемые лунные моря. На самом деле это не моря, а просто равнины; воды на Луне нет. Но пока люди этого не знали, они эти пятна называли морями. Название так и осталось. Они случайно расположены так, что, если смотреть издали, то Луна действительно похожа на лицо.

Но если подлететь поближе, как мы сейчас, а тем более смотреть через телескоп, то всякое сходство с лицом исчезает.

— А высоки эти лунные горы?

— Да повыше твоих Памиров. Вот постарайся запомнить названия важнейших из них. Я тебе покажу не самые высокие, но те, которые больше всего бросаются в глаза, потому что стоят отдельно от других; потом ты их с Земли в полевой бинокль рассматривать сможешь.

Малеев встал на колена позади Пети, так что их глаза были на одном уровне. Потом он взял его руку и стал Петиним пальцем показывать на отдельные лунные горы.

— Видишь на левом краю Луны, на самом терминаторе, т.-е. на линии, отделяющей освещенную часть Луны от неосвещенной, две очень яркие точки: верхняя, самая яркая на всей Луне, это гора Аристарх, нижняя — гора Гассенди. Между ними и правее — еще две яркие точки: левая Кеплер, правая Коперник. И,

наконец, еще правее, в самом низу, — ниже, чем Гассенди, — самая интересная из лунных гор, называемая Тихо. Видишь, как от нее во все стороны расходятся белые полосы: они тянутся страшно далеко, на тысячи верст, и при этом проходят через горы и равнины, не меняя своего направления. Для земных ученых они до сих пор представляют загадку, и одной из важнейших наших задач и является их исследование.

— А разгадка-то какая-нибудь есть?

— Не разгадка, а только пока догадка есть, что в том месте, где сейчас гора Тихо, когда-то произошло страшное землетрясение, и что эти полосы — трещины, заполнившиеся белой лавой. Но совершенно непонятно, что они проходят через горы и везде идут в уровень почвы: они нигде не углубляются и нигде не возвышаются. Это видно по тому, что у них нет никакой тени.

— А у лунных морей тоже есть названия?

— Да. Важнейшие постарайся запомнить. Небольшое круглое пятно у правого края Луны называется море Кризисов; то, которое образует правый глаз лица, если считать от земного наблюдателя — море Ясности, а левый глаз — море Дождей. Нос образуется одной из немногочисленных лунных горных цепей. Она называется «Аппенины». Темное пятно на кончике носа — Центральный залив. Правее и немного ниже моря Ясности — большое темное пятно, книзу разделяющееся на два рукава, это — море Спокойствия, а его разделения, левое — море Нектара, правое — море Изобилия. Пятно, намечающее рот — море Сыростей, но оно плохо видно.

— Спасибо, дядя Малеев, вы мне столько наговорили, что у меня в голове все кругом пошло... Но скажите еще одно: а что же с другой стороны Луны?

— Этого никто не знает. Луна в один месяц облетает Землю, но при этом она поворачивается и вокруг своей оси, почти точь-в-точь в то же время; поэтому она к нам всегда повернута одной стороной, и мы знаем только чуть-чуть больше половины ее поверхности. А другая половина нам совершенно неизвестна.

— А вы на ту сторону Луны пойдете?

— Если ракета упадет близко к краю видимой части, то пойдём, а если упадет в середине, то не хватит времени. Да едва ли там и есть что-нибудь более интересное, чем с этой стороны.

— А вот вы сейчас говорили, что на Луне нет воды; и вы скафандры с собой везете потому, что на ней дышать нечем. Так как же там живут без воды и без воздуха?

— Там никто и не живет. Там нет ни зверей, ни птиц, ни насекомых, ни растений. Там только камни, пыль и застывшая лава.

— Так зачем же вы туда летите, коли там ничего нет?

— А ты зачем полетел?

— Я, чтобы посмотреть.

— И мы, чтобы посмотреть и убедиться, что все это так, как мы предполагаем.

Петя продолжал рассматривать Луну и вздохнул.

— А ведь скучно там, а... дяденька? На Земле, поди, веселее? А все-таки любопытно. Верно, все не по-нашему?

— Прилетим — увидишь.

— А вы, дяденька, что же там все гулять будете?

— Будем.

— А меня с собой на Луну возьмете? Я горазд ходить, да и вещи вам носить помогу.

В эту минуту раздался зевок Башарина.

— Что вы там шепчетесь? — спросил он, радуясь, что Малеев видимо примирился с Петей.

— Я, дяденька, на Луну прошусь. Возьмите меня с собой.

— Тебя? Да что нам с тобой делать там? Нет, ты только помешаешь и стеснишь нас.

— Конечно, Башарин, его лучше всего в ракете оставить, — сказал Малеев.

— Да, ты прав, только мало ли что случится! Вдруг ему все-таки из ракеты выйти придется — помочь нам тащить что-нибудь... Знаешь, вот что: мы его в скафандру оденем на всякий случай.

— Да ведь он в ней утонет!

— Ничего, и штаны и куртку прибинуем. Так лучше всего будет.

Петя пришел в восторг от мысли облачиться в скафандру и вскоре заснул, блаженно улыбаясь.

ГЛАВА VII

Прилетели

Ракета неслась все так же плавно. Расстояние сокращалось. Было шесть часов утра земного времени на Памирах, когда на седьмые сутки по отлете инженеры начали готовиться к спуску на Луну. Прежде всего, они собрали в огромный мешок все инструменты и баллоны с водой. Малеев осмотрел скафандры и кликнул Петю.

— Ну, облачайся.

Петя казался неуклюжим болвашкой в тяжелой на вид одежде, но, благодаря продолжавшейся невесомости, он двигался по-прежнему легко и мог прыгать до потолка. Сквозь кварцевые окна поверхность Луны была как на ладони.

— Глянь, ровно наша лощина, — указал мальчик на расщелину между двух гор. — Только чудно они в хоровод заплелись...

Все неровности почвы, застывшей после сильных извержений, черные кратеры и огромные моря

серого шлака без воды надвигались с каждой минутой все ближе.

— Ну, товарищи, — обратился Башарин, тоже облаченный в скафандру, — ты, друг мой Малеев, и ты, Пионер, теперь наступила пора попрощаться. Не знаю, что вы чувствуете, а я, кажется, никогда счастливее не бывал. Ведь сейчас сбывается самая заветная мечта человечества: первые люди вступят на Луну! На ту самую Луну, которая веками манила нас к себе, которая дважды в сутки притягивает воды наших океанов, не имея их в своих! Жаль немножко, что, благодаря появ-

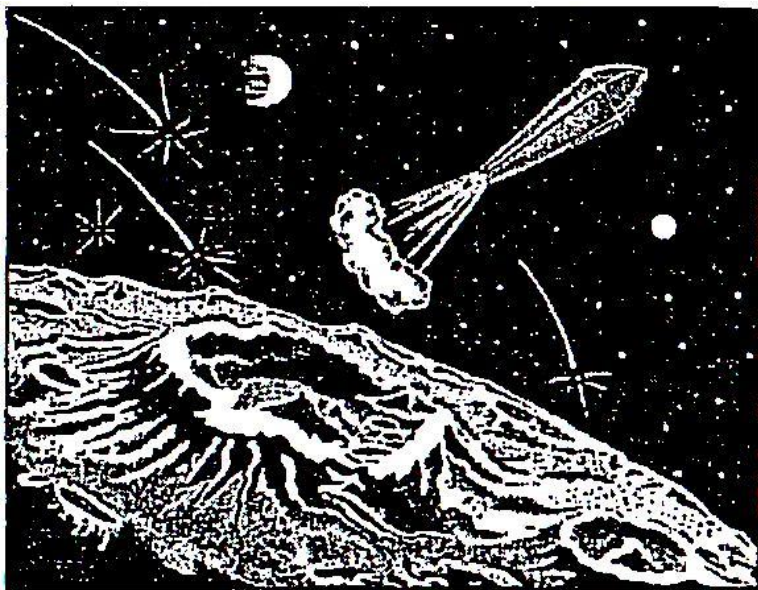
лению Пионера, мы не сможем пробыть на Луне столько времени, сколько собирались. Но поверь, милый мальчик, я уже не жалею, что нас трое вместо двух, жалею только, что я не знал этого заранее: не так уж трудно было бы переделать все расчеты. Пусть наша прогулка по Луне останется бесплодной и не даст науке ничего нового: самое важное — возможность перелететь на ракете на небесное тело — мы все равно доказали. И чуть ли не самое важное доказал ты, маленький Пионер наш. Ты доказал, что в подрастающем поколении нам растет хорошая смена. А сейчас, за дело! Наступает момент перевернуться хвостом к Луне. Знай, Пионер, что если мы с Малеевым в ракету с Луны не вернемся, то ты должен, то ты обязан лететь обратно один. В ход тыпустишь ракету вот этим рычагом. Потом через шесть с половиной суток начни следить за этими игрушечными пропеллерами, которые торчат из обеих стен: когда ты начнешь влетать в земную атмосферу, они один за другим начнут вертеться. Тогда немедленно ты должен перевернуться хвостом к Земле. После того, как завертится последняя пара пропеллеров, сопротивлением атмосферы контр-взрывы включатся сами собой. Теперь смотри, как надо переворачивать ракету.

Башарин положил Петину руку на рукоятку и повернул ее. Взрывов не слышалось, — они летели в безвоздушном пространстве, — но вся ракета задрожала, и некоторые неукрепленные предметы посыпались на одну из боковых стен. Сами летчики тоже еле сохранили равновесие; через полминуты вращательное движение прекратилось, и вновь наступила полная невесомость. Теперь в окно на небе виднелся сильно уменьшившийся в размерах, но выросший в фазе серп

Земли, а в зеркалах отражалась поверхность Луны с ее горами и равнинами.

— Благополучно, — произнес Башарин. — Теперь пойдем останавливать ракету.

Они подошли к другому рычагу и нажали его. Ракета опять задрожала, и все предметы в ней сразу стали весомыми. Какую-нибудь минуту продолжалось торможение, потом почувствовался удар, и ракета остановилась, осев, точно на пружинах. Это автоматически открылись подпорки, на которые она стала, как фотографическая камера на треножнике.

— Ура! Прилетели! — воскликнули все три летчика.

— Прилетели, и ладно! — добавил Башарин, выглянув из окна. — Не будем терять времени. Следи по часам, Пионер: если через двадцать четыре часа мы с Малеевым не вернемся, то, как я уже говорил, ты один

полетишь обратно. Ну-ка, покажи, что тебе тогда нужно делать?

Петя показал, как он пустит ракету в ход и как перевернет.

— Умница, Пионер. Еще последнее предупреждение: если, спускаясь на Землю, увидишь перед собою не сушу, а море, то не пугайся, а радуйся: в воду спуститься тебе гораздо безопаснее, ракета наша плавучая, она нырнет и вынырнет. Когда выплывешь, то приведи в действие вот этот аппарат (он указал Пете на прибор вроде пожарного сигнала), он автоматически даст радио-депешу, и наши суда Доброфлота, уже дежурящие во всех морях, тотчас поплывут тебя вылавливать.

Минутку помолчав, он прибавил:

— Ну, а если вернемся все вместе, то знай: твое сиrotство кончено. Я тебя, мальчик, полюбил; тем, что ты за нами сюда увязался, ты показал, что волею крепко и умишком не плох. Дай, я поцелую тебя, пока шлем не надет.

Башарин подошел и крепко поцеловал Петю. Малев ущипнул его за щеку и ласково сказал:

— Ну, а я не знаю, полюбил ли, но больше на тебя не злюсь.

Он привинтил Пете шлем и откинул забрало.

— Дыши комнатным воздухом, — сказал он, — и только в крайнем случае опусти забрало. Тогда из ранца в шлем пойдет воздух, но его надо экономить. Кроме того, дай самое крепкое обещанье, что не откроешь двери и не тронешь ни одного инструмента; они все самопишущие, и их тронуть — значит их испортить. Ну, прощай!

Инженеры пожали Пете руку и опустили забрала. Потом они соединились резиновыми рупорами, чтобы

иметь возможность переговариваться, поделили багаж и направились к выходной двери. Она вела в маленькую переднюю, из которой другая дверь служила выходом наружу. Обе двери были так устроены, что никак нельзя было открыть обе одновременно: это было сделано, чтобы случайно не выпустить воздуха из ракеты. Но воздухом, который был в передней, конечно, при каждом выходе из ракеты, приходилось жертвовать.

Когда его спутники и учителя скрылись за дверью, Петя прильнул к окну. Вскоре он увидел, как из наружной двери плавно спустилась веревочная лестница и как по ней впервые сошли на Луну первые пришельцы с далекой планеты...

ГЛАВА VIII

На Луне

Спустившись на поверхность, оба инженера от волнения схватили друг друга за руки и, несмотря на рупоры, ни слова не говорили. Нетвердой походкой обошли они вокруг ракеты; глаза разбегались, они не знали, на чем сосредоточить внимание — на необычайном ли небе, или на еще более необычайном лунном пейзаже, ярко освещенном, с резкими, черными падающими тенями. Вдруг, высоко над собою, почти в зените, они увидели свою родную Землю в виде широкого блестящего серпа, а направо от нее — Солнце, причем поперечник Солнца казался в 4 раза меньше земного поперечника. Само Солнце было совсем иным, нежели его привыкли видеть земные жители. Оно не заливало неба светом, из него не исходило никаких лучей. Ослепительным шаром висело оно на черном-черном небесном своде, на котором, несмотря на яркий дневной свет, были рассыпаны тысячи звезд. Это происходило оттого, что на Луне нет атмосферы, и потому свет на ней не рассеивается, а освещает только те предметы, на которые падает непосредственно. Особенно поразили инженеров две великолепные звезды, сверкавшие совсем близко от Солнца: это были планеты Меркурий и Венера. Они, как и все планеты, вертятся вокруг Солнца, но ближе к нему, чем Земля. Поэтому земные жители могут их видеть только либо налево от Солнца после его захода, либо направо перед восходом, ибо ночью они вместе с Солнцем скрываются под гори-

зонтом, а днем тонут в солнечных лучах. Тут же они обе сверкали сразу, одна справа, другая слева от Солнца. Солнечные лучи, не поглощаемые воздухом, жгли немилосердно, и Малеев первым долгом воткнул в почву длинный термометр, могший показывать до 360° по Цельсию, т.-е. до точки кипения ртути. Ртуть быстро поднималась и остановилась на 200° . Обоим путешественникам невольно стало жутко: они ясно почувствовали, что, не будь их скафандры совершенно непроницаемы ни для тепла, ни для холода, то они, конечно, уже давно бы изжарились.

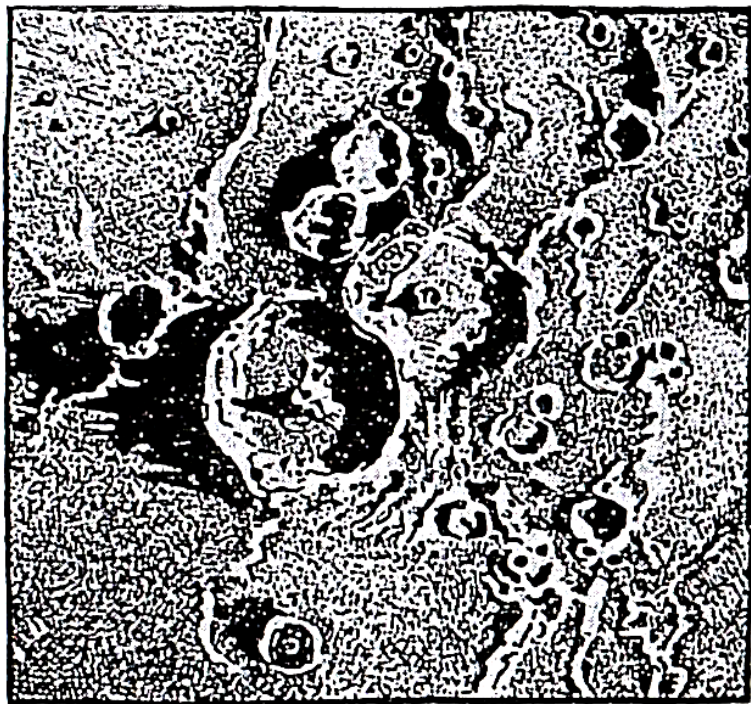
Раньше всего прочего предстояла задача по возможности точно определить местоположение ракеты. Это было нужно, во-первых, чтобы знать, какие места лунной поверхности доступны для них, несмотря на короткий срок, во-вторых — чтобы во время прогулки не заблудиться, наконец, самое главное, чтобы знать, какое дать направление ракете для обратного пути. Поэтому Малеев, измерив температуру, немедленно занялся этим вопросом, для чего установил на небольшом возвышении астрономический инструмент, называемый теодолитом, и, направив его на Землю, сказал Башарину:

— Мы находимся на 10 градусе южной широты и приблизительно на 25 градусе восточной долготы. Посмотрим карту.

Он быстро вытащил из мешка лунный атлас и развернул его. Оказалось, что, согласно карте, ракета спустилась вблизи громадного кратера, который земные астрономы называют Феофилом. Из этого они заключили, что они находятся либо в море Спокойствия, либо в его рукаве, называемом морем Нектара, и, действительно, осмотревшись, увидели, что стоят среди громадной равнины. Но, к их удивлению, очертания

равнины нисколько не соответствовали очертаниям обоих морей, как они изображаются на лунных картах. Это была совершенно круглая площадь, в несколько сот километров, окаймленная сплошным кольцом тесно прижавшихся друг к другу гор. По самой середине серо-желтой пустыни возвышался одинокий, крутой и сравнительно невысокий конус.

Нигде ни просвета, ни выхода. Душу охватывала невольная жуть: зловещее кольцо с черными тенями у подножия гор словно зажало их в своих клещах...

**Лунная гора Феофил, внутри которой
опустилась ракета.**

— Где мы? Где же мы? Или наши карты так врут? — спросил сбитый с толку Малеев. — Это же невозможно! Они должны быть вернее земных, ведь их срисовывают прямо с Луны! Где же Феофил? Где Кирилл? Где Торичелли? Все горы одинаковы! И чего им вздумалось заплестись в это чертово кольцо?

Башарин смотрел то на горизонт, то на карту, и вдруг совершенно спокойно сказал:

— Никакого Кирилла, ни Торичелли в этом хороваде нет. Мы угодили внутрь самого Феофила!

Малеев тоже взглянул на карту. Сомнения не могло быть, и теперь инженерам даже стало смешно, что они сразу не сообразили, что ракета опустилась на дно лунного вулкана. Из астрономии они, конечно, знали, что лунные кратеры - не то, что земные, как Этна или Везувий: не 400-500 метров в поперечнике, а 60 и больше километров. Но, очутившись на Луне, они все-таки невольно подошли к пейзажу с земной меркой и, увидев равнину, приняли ее за лунное безводное море.

Теперь ошибка выяснялась и приводила к довольно безотрадным выводам. Со всех сторон торчала непроходимая на вид цепь гор, высотой с наш Казбек. Только на небольшом промежутке, на севере, они были немного ниже. Центральный же конус имел высоту около 1.500 метров, значит — и сам был настоящей горой. Он и был тем местом, из которого тысячи лет назад вырывалась клокочущая лава, но теперь она образовала этот конус, и уже много веков этот вулкан спит мертвым сном, как и все прочие бесчисленные вулканы, усеявшие поверхность нашего спутника.

— И не повезло же! — сказал Малеев. — Упади мы верст двести восточнее, можно было бы дойти до белой полосы, кончающейся в море Нектара! А что теперь делать?

— Во всяком случае? надо дойти до гор, — ответил Башарин. — Поперечник Феофила — километров 60, но до северного края отсюда, кажется, не больше 10. Но начнем с установки ракеты для возвращения.

Для этого они сначала занялись вычислениями: нужно было определить точку неба, в которой Земля должна была находиться через 6 дней, к моменту возвращения. На эту точку и надо было нацелиться ракетой. Ракета при спуске встала на большой тренажник, острия которого глубоко въелись в почву. Особая система шарниров, которая соединяла ракету с ногами, позволяла без особого труда придать ей желаемое направление. На Земле для этого понадобилась бы большая сила, но на Луне ракета, как и все прочее, была в шесть раз легче. Все же эта работа заняла около часа. Покончив с нею, инженеры стали обсуждать план действий. Прежде всего, они решили проделать пару опытов.

— Проверим-ка, правда ли, что тут нет атмосферы, — сказал Малеев Башарину.

Он вырвал из записной книжки лист бумаги, взял в одну руку этот лист, а в другую большущий камень. Таких камней тут валялось множество. Вытянув обе руки вперед, он и камень, и бумагу выпустил одновременно. Оба предмета совершенно одновременно опустились на поверхность Луны; значит, никакой воздух не задерживал бумагу во время падения, как на Земле: атмосферы не было.

— В этом мы можем и иначе убедиться, — заметил Башарин. — Смотри на отдаленные вершины, на центральный конус и на все кольцевые горы: на них видны все подробности, как будто они тут рядом стоят, только меньше кажутся. Здесь есть только линейная

перспектива, а воздушной нет, совсем как на картинах плохих художников.

Малеев между тем достал из мешка складной метр и вставил его в почву. Потом в одну руку взял секундомер, а другою держал камень на высоте 80 сантиметров. Выпустив камень, он увидел, что падение продолжалось ровно 1 секунду.

— Правильно, — сказал он. — На Земле тело пролетает в первую секунду 4 метра 89 сантиметров, а здесь в 6,1 раза меньше, т.-е. 80 сантиметров.

Потом они стали обсуждать, как лучше всего использовать время. В план прогулки по Луне первоначально входило посещение кратера Тихо с целью разгадки таинственных белых полос. Но до этой горы было около 1.500 километров, а благодаря Пете срок пребывания был сокращен до одних суток. Правда, одна из белых полос кончалась сравнительно близко к ним, в самой середине моря Нектара, но и то было слишком далеко; кроме того, с той стороны надвигался терминатор. Солнце стояло невысоко, а рисковать быть застигнутыми полной темнотой было слишком опасно. Башарин, давно примирившийся с тем, что этот полет — только технический опыт, махнул рукой на астрономические наблюдения и предлагал простую прогулку до центрального конуса. Малеев, более молодой и увлекающийся, не соглашался.

— Побывать на Луне и не повидать лунного моря! — говорил он. — Вот смотри, как раз на севере, горы Феофила значительно ниже, а позади расстилается море Спокойствия, длиной не меньше 750 километров... Вот красота-то, должно быть...

— Во-первых, там перед морем Спокойствия еще стоит гора Торичелли...

— Она правее, и не может закрывать вида, — прервал Малеев.

— Во-вторых, до самого кольца Феофила — километров десять. Конечно, будучи в шесть раз легче, мы их пробежим в шесть раз скорее, чем на Земле. Но мы попадем в тень и можем исправнейшим образом заблудиться.

— У нас хорошие фонари, и заблудиться мы не можем. Тут есть своя Полярная звезда, вот она (он указал на небо), в созвездии Дракона. Кроме того, ведь Луна вертится вокруг своей оси не в 24 часа, как Земля, а 27 дней с чем-то...

— В 27 дней, 7 часов, 43 минуты, 11 секунд, — смеясь, вставил Башарин. — Одновременно с движением вокруг Земли.

— Совершенно верно, поэтому тут все звезды почти неподвижны, и по ним ориентироваться — плевое дело. Ну, идем, идем...

И он дружески тянул приятеля за руку. Башарин дал себя уговорить, и громадными десятиметровыми шагами они понеслись к северу, навстречу колоссальным серым горам, зловеще бросающим к востоку свои длинные, непроницаемые, черные, как смоль, тени...

ГЛАВА IX

Катастрофа

Петя, оставшись один, заскучал. Делать решительно было нечего. Он обошел все инструменты и увидел, что маятник, пущенный Малеевым перед выходом из ракеты, медленно качается. Он снова подошел к окну и стал разглядывать горы. Небо было совсем черное, и тем резче выделялись на нем белые верхушки. Горы совсем не были похожи на Памирские, они были крутые, скругленные и совершенно голые. Нигде ни травки... У подножия виднелись круглые ямки с приподнятыми краями... «И чего мне так сюда хотелось? Прав Малеев — ничего тут нет... И у нас горы, но наверху снег на них... а там мох в расщелинах, кусты... тальник и тамариск... тоже терескен колючий... корни одни, а как горит хорошо... ниже арча... Может быть, посадить тут что, зернышко какое, так тоже бы пошло?.. Воздуху нет?.. Как нет? Может, свой есть?.. Лунный?..»

И он вспомнил, что в кармане снятого тулупчика оставались еще тыквенные семечки, которыми с ним поделился Пантюшин. Верно... целых пять, и тут еще жук-щелкунчик, по обыкновению притворившийся мертвым.

«Вот, — мечтал он, — посадить бы эти семечки у той ямки на солнышке, наверное, принялись бы... и жука выпустить, — от него новые бы пошли». И так ему захотелось привести свою мысль в дело, что он было двинулся к двери, но вспомнил данное Башарину слово и остался.

«А может, Малеев тоже не знает, а тут чудища водятся ... Здесь сейчас нет, а туда, куда они пошли, могут и встретиться... Есть ли левольверы у них? У Алексан Ваныча нет, я видел. Может, Малеев взял?.. он побойчее. Только бы ничего с ними не стряслось на Луне этой! Кто ее знает, какая она. Может, ни архаров наших, ни кииков, ни медведей, ни волков нет, а бегемоты да слоны, как в книжке, что мне доктор подарил... Но ведь всех больше кит... Может, тут киты водятся?.. Впрочем, тут воды нет... Может, на Луне такие киты, что им и плавать не нужно?»

Все эти сомнения дразнили фантазию, и снова хотелось выйти, но опять данное слово преодолело соблазн.

«А если все-таки выйти и недалеко походить, только камушков пособрать, посмотреть — такие ли они, как у нас?.. Нет, нельзя... Выйду, и все-таки воздух лишний со мною уйдет... Лучше поем, да спать лягу».

Петя прилег и сразу уснул безмятежным и безгрешным сном. Когда он проснулся, на суточных часах пробило 6. До условленного срока оставалось ровно 6 часов. Петя справился, как всегда, с уборкой за собою, порадовался, что из бака, хотя и медленно, текла вода, и, помочив полотенце, вытер лицо и руки. Двигаться в скафандре было уже гораздо привычнее... Он обошел окна, не видно ли кого из инженеров — никого. Местность была все та же, только тени чуть-чуть подлиннее. Опять стало скучно. Петя вытащил шелкунчика и заставил его попрыгать, но тот скакнул так высоко, что скрылся где-то, и Петя не досмотрел, куда он упал... «Ничего... пусть летит с нами домой на Землю». И тут он вспомнил, что Алексан Ваныч обещал его взять в сыновья... «Значит, на родной кордон он не вернется и Памира больше не увидит... и с Журавкой тоже не уви-

дится?.. Его, наверное, в школу учиться отдадут?» — и хотелось устроить так, чтобы и в школу ходить, и чтоб и Журавка, и яки, и овцы при нем были.

Мальчик так размечтался, что и не заметил, как часы пробили 10... «Ну, теперь всего 2 часа... Они сейчас, верно, из-за той горы покажутся. Верно, устали сердечные, отдыхают теперь». Он стал разогревать жестянки. А время шло для Пети с каждой минутой все медленнее. Пробило 11, 11 1/2... наконец 12... и никто не показывался.

«Они велели мне лететь в 12 часов... Но разве я могу улететь, а их одних тут оставить?.. Нет, подожду еще... Они говорили, что, если останусь дольше, воздуха на обратную дорогу не хватит... Мне одному хватит... А без них... как я полечу и там, на Земле, скажу, что они тут остались?.. Не могу, не могу!..

Если их в 3 часа не будет, пойду искать... Я видел, они за ту гору зашли... Мало ли что случилось! Может, кто из них сорвался, а другой его тащит, и ему тяжело, и он его из пропасти вытащить не умеет... Я по горам лучше лажу... Доктор меня завсегда с собою брал, потому что я как-никак держаться на скалах умею...»

Эти три положенных себе часа Петя, напялив рукавицы, то прижимался по очереди ко всем кварцевым окнам, то топтался на месте, принимаясь всхлипывать при мысли о какой-нибудь беде с инженерами. Наконец не выдержал и без четверти 3 опустил забрало и открыл дверь. Он ступил в темную коробку, а затем через наружную дверь очутился на ослепительном солнце. Сперва он растерялся, куда идти, но решил направиться именно по следам инженеров.

Его асбестовые подошвы едва касались почвы. Он шел, вернее — бежал, как и они, в 6 раз скорее, чем по Земле, и через 2 минуты пробежал целый километр.

Гора, однако, которая ему казалась чуть не рядом, стояла на месте, едва приближаясь, потому что отсутствие воздуха обманывало глаз, привыкший к земному измерению расстояния. Подбегая, он увидел, что она совершенно круглая и отвесная, но очень широкая в основании и с целым венцом вершин. «Все равно, взберусь на эту, отсюда увижу, куда идти...»

Со свойственной ему цепкостью, он полез на гору. Опять поразила его та легкость, с какой он поднимался. Добравшись до вершины, он увидел под собою совершенно круглую котловину, с возвышением посередине. Черные резкие тени разрезали ее... Инженеров в ней не было... Петя обежал кольцо, перепрыгивая легче архара с уступа на уступ, и спустился с обратной стороны, откуда уже не было видно ракеты... Куда идти?.. Перед ним высилась огромная, отдельно стоящая гора... Петя наугад пустился к ней... «С нее будет виднее, она куда выше первой...» Ноги его, казалось, бежали сами... В $\frac{1}{2}$ часа он отмахал такое расстояние, которое хорошая лошадь пробежит в час, и очутился действительно у поразившей даже его, горца, громады... Он решил и ее обежать кругом... «Верно, и она хороводом идет... Я в трубу видел... Тут наших хребтов нет, а все горы кружками стоят...»

Он забежал в теневую сторону горы и даже сквозь скафандру ощутил перемену температуры, и сразу повернул назад из этого жуткого обиталища теней и черноты. Завидев свет за выступом, он стал карабкаться вверх. Рыхлая, отогретая солнцем, почва крошилась под его ступнею. С вершины та же картина... Котловина с горкой посередине... И направо и налево глубокие, узкие, черные долины, а за ними такие же крутые горы без конца, без числа, целое море гор... Отчаянно зарыдал Петя, только тут почувствовав свое страшное

одинокость и безвыходность положения. Случайно он оглянулся назад и обомлел. Под его ногами шел крутой скат, обрываясь к необозримой изжелта-серой равнине. Справа уходил вдаль полукруг гор. Ни впереди, ни слева ничто не заслоняло горизонта. Небо ровным, черным куполом опиралось на него. Таким всегда рисовалось ему море, которое видал он лишь на картинках. Но это море было неподвижно. Куски плоского шлака однообразно устилали сухое дно. Ни следа волн или зыби.

Мальчик невольно подошел к самому краю. И тут несколько левее, почти у подошвы горы, увидел странно мечущиеся тени. Что-то заслоненное от него выступом ската бросало их... Что-то, очевидно живое, способное шевелиться... Чудище!.. Петя лег на грудь и свесил голову, стараясь разглядеть.

На тени ясно обрисовались две огромные ноги.

«Великан?.. А может, птица?..»

Ослепительно белый ком показался из-за угла, точно огромный плоский горб... головы не было. Только горб и две ноги. Великан вползал на гору, высоко поднимался, видно было, как из-под каждого его шага катились, крошась, комья... Вот новый выступ скрыл странную фигуру, но через две минуты она вынырнула, уже много выше, из тени. Солнце сразу впилось в нее, и глаза Пети узнали: это был человек в белой скафандре; он нес на спине другого, крепко держа за руки. Петя громко закричал, но шлем заглушал голос... И, даже если бы он снял его, или затрубил в рог, или забил в барабан, — горы не дали бы отклика и звук умер бы, не родившись. На безвоздушной Луне царит вечная безответная тишина, потому что только воздух своими колебаниями производит шум... И никто и ничто никогда еще не нарушало там мертвого безмол-

вия... Петя замахал руками, но человек не смотрел на него, а карабкался все выше, видимо, выбиваясь из сил... Только мальчик хотел броситься на помощь, несмотря на отвесный скат, как в ту же минуту огромный ком выступа, на который ступила нога несшего тяжесть, оборвался с обоими людьми в пропасть. Быстрее кошки и архара бросился на выручку Петя. Он лег на спину и съехал с крутого склона на нижний выступ, менее покатый; налево через расщелину он увидел почти у подошвы горы распростертых людей в скафандрах. Один лежал совсем как мертвый; другой силился подняться, но сразу опустился на бок — видно, свихнул ногу. Справа наползала черная тень горы... Еще минуты две — и она поглотит инженеров... Не зная, как перепрыгнуть через эту огромную расщелину, он решил обратить на себя внимание шевелившегося. Тот отрывал товарища из груды засыпавшего его пепла. Подобрал комок почвы, Петя швырнул его, но комок рассыпался, не долетев. Он бросил второй, к счастью, оказавшийся камнем. Камень упал в двух шагах от путешественников. Но и это было напрасно — падение камня было бесшумно. В третий раз Петя бросил камень, метко нацелившись на шевелившегося. Камень достиг цели, инженер поднял голову и, увидев мальчика, отчаянно замахал руками, указывая на неподвижного товарища. Петя между тем перелезал через расщелину, но, когда он перебрался на ту сторону, где находились пострадавшие, тень горы доползла до них и поглотила их. Петя тоже очутился в полной темноте и обезумел от ужаса: приходилось ползти ощупью. Тут только вспомнил Петя о фонарике на своей скафандре и мигом зажег его. Белым пятном упал свет на почву, и идти стало легче. Не спуская глаз с огонька, карабкался мальчик вверх. Два раза падал он в глубокие

трещины, но падение его совершалось так плавно, что он почти не ушибался и затем легко влезал по стенам трещины.

Добравшись наконец до своих друзей, он все же не мог их узнать: в скафандрах оба выглядели одинаковыми. Сидевший жестом велел ему нагнуться и присоединил свой рупор к его шлему.

— Взвали Александра Ивановича на плечи и неси его в ракету. Я сломал ногу... Он меня тащил и сам оборвался... и вот лежит без чувств... Лети с ним сейчас же обратно, слышишь?.. Меня бросьте... дело не во мне...

— Слышу, дядя Малеев... Но я вернусь за вами...

— Не надо... вам воздуху не хватит и так... Мы запоздали... Спасибо тебе, если спасешь его, — а меня смерть не страшит. Беги... не теряй времени.

Малеев отнял рупор. Петя ухватил Башарина и, взвалив на плечи, стал карабкаться по теневой стороне, заметив, что там почва была много тверже... Когда он, перевалив через гору, вышел на свет, он еще раз обернулся к Малееву и помахал ему рукою, как бы обещая вернуться.

Потом он стал спускаться, положив Башарина на спину и таща его за ноги... Добравшись до подошвы, он опять взвалил инженера на плечи и, как ягненка, потащил к ракете... Там он уложил его на приготовленную еще с утра койку и рысью помчался за Малеевым... Подбегая и осветив его фонарем, он заметил, что скафандра вся вздрагивала. Малеев навзрыд рыдал под шлемом, зарывшись забралом в пепел... Петя потянул его за рукав ... Инженер сразу приподнялся, хотел привскочить, но нога не держала, и он опять упал на правый бок. Петя хотел ухватить его и взвалить, как Башарина, на спину, но Малеев обнял его за шею рукою и заскакал на здоровой ноге. Однако у подошвы горы Петя уложил его и, таща за руки, переправил на вершину, а там опять, как Башарина, за ноги спустил вниз. У подошвы Малеев снова соединил оба шлема рупором.

— Зачем... зачем, мальчуган, вернулся ты за мной? Оставил бы околевать тут... А. теперь... воздуху на нас троих все равно не хватит... Мы все погибнем...

— Ну, и погибнем все вместе... Не хватит его из-за меня... Не заползи я, болван, в шкаф, вам бы хватило...

Скакать и говорить было трудно.

— Дяденька... Давайте, я лучше понесу вас... Так мы скорей доберемся... Садитесь мне верхом на плечи, тут место ровное, и я вас духом домчу... Здесь все мы легкие, куда легче, чем на Земле.

Малеев понял, что Петя рассудил практично, и влез к нему на плечи. Петя осторожно прижал к себе его больную ногу со свихнутой ступнею и помчался, как дикий баран, домой в ракету...

Башарин так и лежал на койке, не приходя в себя, хотя Петя перед уходом и поднял его забрало.

— Дяденька... неужто он умер? — спросил мальчик, с ужасом глядя на столь милое ему бледное лицо...

— Будем надеяться, что нет... - Малеев закусил губу. — Надо бы лететь сразу, — пробормотал он, — но сперва я попытаюсь привести его в чувство... Все равно теперь... воздух пополним кислородом...

Он отвернул кран, и в комнате стало дышать странно легко... Это нарушало расчеты взрывов, но прежде всего надо было облегчить дыхание Башарина. Делать было нечего. Сняли шлем с Александра Ивановича; Малеев, стоя на коленях, осмотрел его. Все так же, передвигаясь на одной ноге, достал он из шкапа баллончик с водою и разведенным нашатырным спиртом и флакон с коньяком, и привел больного в чувство. Через три минуты неподвижная грудь задышала, веки открылись, и он застонал.

— Как ты себя чувствуешь? Что болит у тебя? — допытывался Малеев.

Башарин приподнялся.

— Летим обратно?

— Нет еще... Что с тобою?

— Ничего... я цел, но снимки... инструменты?

— Мои свалились вместе со мною в кратер, твои верно в море Спокойствия... Черт с ними!

— Напрасно! Лучше бы их спасли, а меня бросили!

— Нечего сказать... умно рассудил... Скажи лучше, что болит у тебя? внутри?.. снаружи?..

— Может быть, синяки где... не знаю... Так, кажется

— все цело. Дай еще воды и вина... Просто сотрясение...

Малеев опять заскакал к шкапу.

— А ты что же? Как твоя нога?

— Я ничего... ногу, кажется, свихнул, а может и сломал... пустяки. — Он принес новый флакон и вылил его в рот товарищу. Сразу лицо Башарина заалело и глаза оживились.

— Чудодейственное средство... — Он сел. — Как же ты добрался? Как со сломанной ногою сюда вкарабкался, и меня втащил?

— Обоих нас по очереди он втаскивал, — ткнул Малеев на Петю.

— Видишь, пригодился Пионер! — сказал Башарин, улыбаясь. — А ты его по дороге вышвырнуть хотел. Без него застряли бы здесь оба на Луне, а теперь не станем терять времени. Придется действительно лететь без снимков обратно. Давай мне руку, я встану.

Хотя и с трудом, Башарин встал и подошел к рукоятке. Ракета дернулась, но подпорки ее так врезались в шлак, что оторвались сразу, и она неожиданным толчком рванулась вперед.

В это время в окно глядел серп Земли, словно призывая обратно покинувших ее неделю назад людей. Ясно вырисовывались на нем очертания обеих Америк.

Малеев вздохнул.

— Беда в том, что теперь мы летим наугад. Не знаю, сколько в запасе кислорода...

— Что делать, может быть, и справимся... Воздуху должно хватить... На случай есть еще и запасная скафандра...

Он поднял Петю к себе и поцеловал его в губы.

— Спасибо, мальчуган...

— Дяденька... милый, милый дяденька... — ответил тот. — Как же мы до Земли доберемся? — И вытер рукавом скафандры глаза и нос.

— Не тужи, все образуется... А рад ты лететь обратно?

— Рад... А вы, дяденька?

— Я!.. Не только рад — счастлив. Разве не счастье, что мы побывали на загадочной Луне?

Малеев вздохнул и вдруг застонал. Он чуть не корчился от боли. Башарин взял его за талию и, опрокинув в воздухе, стащил скафандру, а затем указал Пете, где достать лубки и бинты. С его помощью он ловко перевязал поврежденную конечность.

— Спал ты сегодня? — спросил он Петю.

— Да, хорошо выспался...

— Ну, тогда мы оба поспим... А ты пободрствуй.

Он вспрыснул Малееву морфий. Через две минуты в каюте раздался дружный дуэт: Малеев храпел, как кузнечные мехи, а Башарин ему тонко подсвистывал.

ГЛАВА X

и последняя

Трое смельчаков летели обратно на родную планету. Отлет с Луны совершился благополучно, зато спуск на Землю внушал самые серьезные опасения. Перерасход воздуха вынудил к заимствованию кислорода из двигателя, и надобность в повторении этого к концу путешествия была весьма вероятна. Таким образом, было ясно, что контр-взрывы удадутся не полностью, и что ракета рискует развить при падении внушительную скорость. Вся надежда, таким образом, была на то, что ракета упадет не на сушу, а в море. К счастью, это и было гораздо вероятнее, ибо почти 3/4 земной поверхности покрыты водою.

Башарин и Малеев, по просьбе Пети, рассказали ему о своей катастрофе на Феофиле.

— Я виноват, — сказал Малеев. — Но не могли же мы вернуться на Землю, не повидав ни одного лунного моря. Ведь наша ракета остановилась внутри вулкана. Мы стали через горное кольцо пробираться в море Спокойствия, и для удобства пути шли только по освещенным местам. Мы, конечно, знали, что от жары почва расширяется и рыхлеет, но в голову нам не приходило, что местами этот, будь он проклят, Феофил, даже человека не выдерживает... Забрался я на один из его мелких кратеров, откуда впервые открылся вид на это море Беспокойствия, и установил кинематограф, чтоб снять дядю Башарина, да и рухнул в жерло... К счастью, успел ухватиться за выступ и повис на веревке, которой мы оба себя на всякий случай связали.

Александр Иванович вытащил меня, но у меня оказалась свихнута ступня, и он потащил меня на плечах, но тут обрушилась вся стенка, и мы покатались оба, на этот раз не в жерло, а чуть не на дно самого моря Спокойствия... Когда я пришел в себя, то увидел, что Александр Иванович лежит, засыпанный песком и пеплом. Я отрыл его, с трудом поползя на коленях. Он лежал как мертвый, и через скафандру я не мог слышать, бьется ли его сердце... но он пришел в себя и понес меня опять, и снова обрушился. Тут я был уверен, что все кончено, — хотя втайне надеялся, что ты нас какими-нибудь судьбами разыщешь. Но ты не шел, а тень ползла на нас. Хотя и тише, чем на Земле, а помаленьку Солнце садилось. Что я чувствовал, не помню. Вдруг в меня попал ком. Я думал — новый обвал, грозящий засыпать нас, как вдруг на выступе вырисовалась твоя фигура...

Петя радостно вздохнул и вдруг чмокнул Малеева.

— Я, дяденька, так вас жалел... Вы хоть и сердитый, а я вас теперь, ну, ничуть, ни столечко не боюсь.

Башарин целые дни проводил над записями и заметками, занося в них все виденное на Луне и часто переговариваясь с Малеевым.

Тот лежал с вытянутой ногою и беседовал часами с Петей, который научился наблюдать в телескоп суточное движение Земли. Материки с их главными частями, возвышенности и низменности, горные хребты и главные реки, а также океаны и моря с островами — уже были ему все знакомы, и он прекрасно знал, что и после чего должно появиться на колоссальном глобусе, вертевшемся перед ним в мировом пространстве. Интересно было следить и за тучами и туманами, бродившими по Земле.

Луна уже отражалась в боковых зеркалах и все более походила на прежнюю памирскую лепешку с волдырями застывшего теста. Петя чувствовал к ней настоящую враждебность. Глядя на нее в зеркала, он сказал однажды:

— И к чему вообще на свете эта Луна? Точно вся в язвах... Ну ее... - Он злобно посмотрел на ногу Малеева. — Вон и вы пострадали как, да и Алексан Ваныч чуть не погибли...

— Как зачем Луна? — приподнялся на локте Малеев. — Луна, брат, — согласен с тобой, — точно оспой изрыта, но для Земли не только полезна, но просто необходима. Во-первых, светит ей ночью, как большой фонарь, во-вторых, дважды в сутки учиняет прилив и отлив, т.-е. приводит в движение наши огромные моря и океаны. Дважды в сутки омываются земные берега и уносятся вдаль отбросы: вот тебе санитарная служба Луны. Дважды в день помогает кораблям входить в гавани и подниматься вверх по течению рек, не прибегая к помощи буксиров, а другие она снимает с якоря и выводит в море; вот тебе ее лоцманская служба. И недалек тот час, когда люди из прилива и отлива извлекут еще неизмеримо большую пользу: у этой громадной массы поднимающейся и опускающейся воды такая сила, что она может привести в действие все наши фабрики и заводы; нужно только на берегах поставить большие колеса, называемые турбинами: они под действием воды завертятся и создадут электрический ток, который по проводам можно передать в любое место.

— А нам-то разве Луна не сослужила службы? — отозвался в свою очередь Башарин. — Разве наш полет на нее не есть проба, репетиция полета более дальнего и более трудного, но зато и более интересного — поле-

та на Марс, на обитаемую планету?.. А разве наши рассказы и этот кинематограф, который сейчас работает, не доставят земным ученым новых и великих работ и открытий...

Башарин помолчал немного, потом продолжал:

— Нет, Петюк, ты Луну не ругай... С лица ее не воду пить, — она рябая, да и безводная, но без нее на Земле во многом было бы хуже.

Петя не спорил, но спросил:

— Дяденька, а как Луна прилив учиняет? Я моря не видал...

— Дважды в сутки вода из одного полушария переливается в другое и дважды отходит назад. Это луна притягивает к себе Землю, и так как вода подвижнее суши, то она и поднимается, а потом отливает обратно...

— Верно Луне напиться хочется... Своей воды нет... — задумчиво сказал Петя и, вздохнув, прибавил: — И подумать, что есть люди, которые верят, что, когда Месяц умывается, то на Земле дождь идет...

— Да, брат, есть. Но дождь бывает и в новолуние, и в полнолуние, и в первую, и в последнюю четверть. Все эти старые поверья давно пора забыть. Ученые 28 лет вели записи дождей — и никакой связи дождя с Луной не установили.

За эти дни, проведенные с Малеевым, Петя наслышался столько нового и интересного, что сам себя не узнавал. Он гораздо легче понимал речи обоих инженеров и сам стал говорить лучшим языком.

— Помни, — сказал ему Малеев как-то, — если у тебя есть теперь батя Башарин, то и дядя Малеев тебе не чужой. Скажи-ка мне, чего бы тебе всего больше хотелось, когда вернешься на Землю?

- Мне, дяденька?.. Журавку увидеть.
- Журавку? Это что такое?
- Собака моя... Она умная и так любит меня! Жить без меня не может... Поди, может, и околела уже.
- Будем надеяться, что не околела. И я обещаю тебе ее привезти на «Борце 2-ом» в Москву.
- В Москву? А что я там делать буду?
- Учиться будешь; в школу поступишь, пионером станешь.

На шестой день полета они оба смотрели в зеркала на Луну, уже казавшуюся почти такой же маленькой, как с Земли. С правой стороны уже был большой ущерб, из больших морей виднелось только море Дождей, а все прочие, в том числе и море Спокойствия со злополучным Феофилом, скрылись в тени.

— А почему на Луне воды нет?

— Потому что нет воздуха, а воздуха нет потому, что у нее слишком слабое притяжение: воздух не держится и улетает в мировое пространство. Вот и тот воздух, который мы выпустили через переднюю из нашей ракеты, он уже давно рассеялся. А без воздуха не держится и вода: она сразу испаряется и тоже улетает. Из-за этого на Луне никогда не было никакой жизни.

— Уж заодно еще вопросик, — не унимался Петя. — Вот посмотрите сейчас на Землю: она имеет вид серпа, вы мне объяснили, что это — та часть Земли, которая сейчас освещена Солнцем. Но почему же налево между остриями этого серпа чуть-чуть видна прочая часть Земли? И у Луны я это тоже часто замечал: тоненький серп, а сбоку у него совсем бледный кружок. Что это такое?

— Очень просто. Ту часть Земли, которая сейчас отвернута от Солнца, освещает Луна, поэтому она и вид-

на, хотя и плохо. Точно так же и наша Земля освещает Луну. Пока мы были на Луне, она была тонким серпом, но когда для земных жителей наступает новолуние, то есть когда Луна становится между Солнцем и Землей, то Земля к Луне повернута всей своей освещенной половиной. Тогда она дает Луне столько света, сколько нам бы дали тринадцать Лун, потому что поверхность Земли в 13 раз больше лунной, да и свет она отражает сильнее. И этот круг, который мы видим между рогами Луны, так называемый пепельный свет Луны, это и есть та часть Луны, которая освещена Землею. Люди долго ломали себе голову над этим вопросом. Верное объяснение впервые дал итальянец Леонардо да Винчи. Если мы благополучно вернемся и ты, действительно, поступишь в школу, то тебе много придется слышать и читать об этом замечательном человеке: он был и художником, и инженером, и астрономом, и доктором. Пробовал он и аэроплан построить.

— А вот вы сказали, дядя Малеев, что во время новолуния Луна становится между Солнцем и Землею. Почему же она тогда на нас тени не бросает?

— Обыкновенно она проходит либо немножко выше, либо немножко ниже, чем Солнце, а иногда прямо перед ним, и тогда, конечно, бросает тень на Землю. Тогда происходит так называемое солнечное затмение. Ты никогда такого не видел?

— Нет.

— Ну, проживешь — увидишь. Солнечное затмение бывает по два, три, четыре раза в год, но только тень от Луны очень маленькая, каждый раз она падает на другое место на Земле, поэтому в одном и том же городе затмение Солнца приходится наблюдать очень редко. Гораздо чаще приходится видеть лунное затмение. Оно, правда, бывает реже, чем солнечное, но зато

сразу видно со всей ночной половины Земли. Оно случается, когда во время полнолуния Луна попадает в земную тень.

Между тем, сотрясение, полученное Башариным при падении, снова дало себя чувствовать. Он бледнел и слабел, а злоупотреблять лекарствами не хотел. Да и забота его съедала. За последние сутки — это были уже шестые с их отлета с Луны, — Земля окуталась туманом, и нельзя было определить, куда сейчас направляется ракета.

— Если ракета угодит на сушу — мы пропали, — сказал Башарин, — потому что у нас даже и подпорок нет...

— Ну, вряд ли они помогли бы нам, коли мы стукнемся о гранит Альп, Гималаев или Кордильеров. А я так верю, что мы нырнем в Тихий океан, и завтра же искупаюсь в нем...

Взглянув на Башарина, Малеев велел достать запасную скафандру и одеть ее на приятеля.

— Подыши-ка свежим воздухом. Неужели мы с лунного Феофила спаслись, чтобы скексовать на виду у Земли? Нет, брат, шалишь. Мы все расскажем, каково на этой Луне, и другим посоветуем в ее кратеры не заглядывать...

Малеев нарочно шутил, хотя и у него кошки скребли на сердце.

Между тем воздух становился все тяжелее. Химическая очистка почти перестала действовать, а прибегать к кислороду из двигателя летчики еще не решались. В середине шестого дня Малеев велел Пете привязать почти бесчувственного Башарина к койке, а вечером Пете пришлось проделать то же над Малеевым, но койку его поставить так, что он все время мог смотреть на Землю, уже стоявшую перед окном сплошной сте-

ною. Несмотря на близость Земли, они все же не вытерпели и позаимствовали кислорода из двигателя: так все-таки оставались шансы на спасение в случае падения ракеты в море, в противном случае смерть от удушья была неизбежна.

Последние часы никто не молвил ни слова. Башарин был без сознания, а Малеев и Петя впились глазами в маленькие пропеллеры на наружных стенках, с замиранием сердца ожидая решающего момента. На Землю смотреть не стоило: она была вся закутана облаками, и лучше было себя не мучить страшным вопросом: в воду или на сушу? Спасение или смерть?

Но вдруг они привскочили: слабо завертелась первая пара самых маленьких колесиков, за ней последовала вторая и третья...

— Теперь! — скомандовал Малеев.

Петя подскочил к рычагу и повернул его. Едва внятно раздались боковые взрывы, но и этот слабый звук после двух недель гробовой тишины веселил путешественников. Как и при полете туда, ракета перевернулась, весомость на один миг почувствовалась, потом опять исчезла. Между тем, движение быстро передавалось от одной пары колесиков к другой.

Крепко схватив друг друга за руки и почти задыхаясь от волнения, Петя с Малеевым не срывали глаз с последней пары колесиков, движение которой должно было служить предвестником контр-взрывов. Вот завертелась и эта пара... Страшный грохот раздался, ракета затряслась, все предметы обрели свой нормальный, даже увеличенный вес. Но в этот же миг почему-то вдруг погас электрический свет, и страшная, непроницаемая тьма окутала кабину. Неописуемый ужас охватил летчиков, их перемученные нервы не выдержали, и они вдруг в один голос отчаянно закричали,

неведомо к кому взывая о помощи, как будто хотели перекричать работу мотора.

— Помогите! Помогите-и-и-т-е-е!.. — отчаянно вопили они, хотя и сознавали, что никто не поможет, что никого тут нет... И, как внезапно они закричали, так же внезапно они и смолкли, онемев от еще большего ужаса, вдруг заметив, что прекратились спасительные взрывы... Проклятая, ненавистная невесомость вновь завладела ими... На этот раз она не означала смелого, свободного полета в мировое пространство, она говорила, что ракета с неведомой высоты, с неведомой скоростью, камнем летит на Землю, и не за что ухватиться, не за что задержаться...

— Ну, теперь кунчал* — прошептал Петя и, лишившись сознания, повис на воздухе.

Он пришел в себя от свежего солоноватого воздуха, врывавшегося в верхнее открытое окно. В тучах нырнула срезанная справа Луна, как ныряет миллионы лет над Землею. Пете она показалась знакомой и близкой сердцу, гораздо ближе, чем когда он ходил по ней. Он приподнялся и увидел, что Малеев стоит, поджав больную ногу, у койки Башарина. Забрало откинуто, и в воздухе разливается крепкий запах камфарного эфира. Через 2 минуты глаза больного открылись. Он прислушался. В стены ракеты слышались мерные удары волн...

— Долетели? — блаженно улыбнулся он.

— Да, плывем.

— Где?

— Во всяком случае, в северном полушарии. Луна, идя на ущерб, обрезана справа. А градусы высчитаю.

Башарин поднялся с койки.

— Помогите, Пионер. Скафандра давит...

---

* Кунчал — по-памирски гибель, смерть.

Петя помог ему снять тяжелую куртку, а затем и сам влез в свой изодранный тулупчик. Малеев, весь дрожа, наблюдал Полярную звезду, выглянувшую через тучи.

— На 43-м, — весело воскликнул он. — Сейчас запросим долготу по радио.

Башарин нажал кнопку и, когда выбросился шест, дал радио-телеграмму на международном языке моряков — на английском:

«На 43° с. ш. в море упала вернувшаяся с Луны ракета. Просим определить долготу и подать помощь».

— Кто повернул ракету? — спросил он. — Ты, Малеев?

— Он, Пионер... Я, как рыба на суше, только ртом хлюпал. У меня силы хватило лишь окно открыть потом... Когда мы бухнулись в воду и я понял, что спасены, я вобрал в легкие последний воздух из скафандры и ждал, пока вынырнем... Когда ракета заплесала, я надавил кнопку... окно открылось, и я откинул забра-

ло. Пионер лежал у рычага. Я первым делом снял с него шлем... Ну, а потом занялся тобою... У тебя воздух в ранце был свежее нашего...

— Так и следовало... Значит, еще раз мы обязаны сынку нашим спасением? Спас на Луне, и на Землю спустил благополучно... Молодец, мальчуган...

В это время на радио получил по-русски ответ:

«Баку, по проверке с Астраханью: Каспийское море, 51° 30' восточной долготы от Гринвича».

— Почти дома! — вскричал Башарин, радуясь, как ребенок.

И он, и Петя, открыв переднюю, вышли на верхнюю поверхность ракеты. Их взоры сразу поднялись на небо, на эту самую Луну, с которой они были связаны, как никто из земных обитателей.

— Мы там были! — задыхаясь от волнения, не веря собственной памяти, прошептал Петя.

Малеев, из-за больной ноги оставшийся внизу, звал их обратно. Опять работало радио, и Башарин принял новую депешу:

«С восторгом приветствуем пионеров лунного полета».

Ответом с ракеты было:

«Счастливые пионеры шлют радостное «ура!»».

Вблизи уже стучал пропеллер снижавшегося гидроплана...

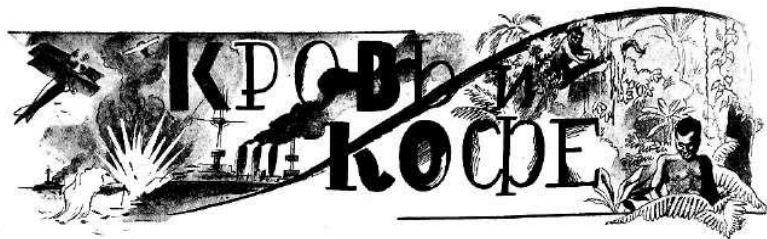
К. ГРИГОРЬЕВ

КРОВЬ И КОФЕ

Фантастическая повесть

Под вечно синим небом Индонезии, на островах Ява, Суматра, Борнео, Целебес и других — живет пятидесятимиллионный малайский народ, уже 3 столетия поработенный кучкой пришельцев-голландцев. Национальной крупной буржуазии в Индонезии нет.

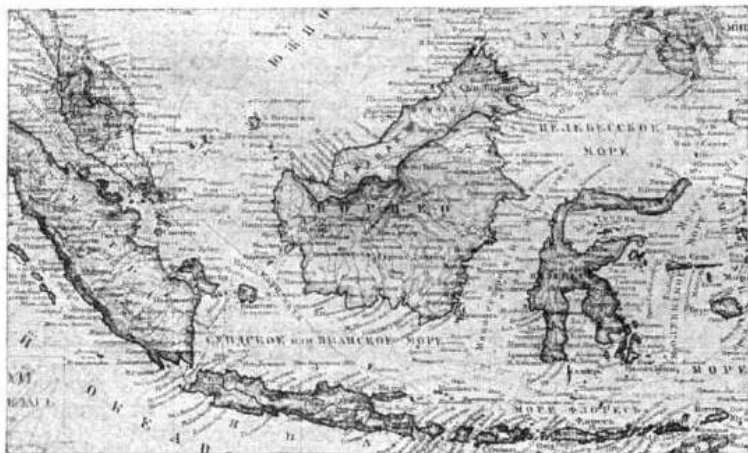
Густо населена одна лишь Ява, где на 1 км² приходится 250 жителей (общая площадь Явы около 121 тыс. км², население же острова достигает 30 миллионов). Борнео и Целебес заселены лишь по побережью, а внутренняя часть Борнео почти что не исследована; Суматра имеет довольно редкое население.

При огромной скученности населения на Яве значительная часть земель принадлежит голландским плантаторам: около 38 % сельского населения совершенно не имеет земли. Не менее причин к недовольству, чем крестьяне, имеют и яванские рабочие: их безжалостно эксплуатируют, им мешают объединяться в профсоюзы и жестоко подавляют каждый их протест, каждое их выступление.

«Культурные» завоеватели приложили все усилия к тому, чтобы помешать туземному населению развиваться духовно, и вплоть до конца прошлого столетия в Индонезии совершенно не было туземной интеллигенции. Лишь совсем недавно правительство, желая иметь дешево оплачиваемых чиновников и квалифици-

рованных туземных рабочих, открыло ряд школ. Так возникла туземная интеллигенция.

За последние два десятилетия, благодаря невыносимому гнету, трудящиеся Индонезии начали быстро приобщаться к революционному движению, постепенно охватывающему колониальные страны. В 1912 г. там была основана «Национальная индийская партия»; в 1915 г. группа социал-демократов голландцев основала «Индийскую социал-демократическую партию», явившуюся предтечей нынешней компартии Индонезии. По данным конца 1923 г. (время всеобщей забастовки на острове Яве), оппозиционные группировки в Индонезии имели нижеследующее число членов: индийская национальная партия—10 000 членов, национально-революционная «Сарекат-Ислам» — 30 000, компартия — 3 000 членов. К 1925 г. компартия насчитывала в своих рядах 8 000 человек. Коммунисты пользуются большим влиянием в массовой организации «Сарекат Райят» (Народный союз), насчитывающем 120 000 членов. Коммунисты же играли руководящую роль в восстании на Яве осенью прошлого года.

Яванское восстание было затоплено в море крови, но ни пытки в застенках тюрем, ни казни не смогли сломить революционности народов Индонезии. Движение перекинулось вглубь страны, вылившись в волну аграрных беспорядков и партизанской борьбы восставшего безземельного крестьянства и батрачества. Даже замалчивающая истинное положение дел голландская колониальная власть должна была признать, что «в центральных земледельческих районах Явы — неблагополучно». По сообщениям колониальных французских и английских газет «неблагополучно» не только в земледельческих областях, но и в больших городах и крупных промышленных центрах; всюду идут волнения и забастовки: бастуют рабочие, бастуют железнодорожные и почтово-телеграфные служащие, бастуют матросы и даже «пытаются» бастовать низшие правительственные чиновники. Подавляющее большинство индонезийской интеллигенции, активно участвующей в революционном движении, сосредоточено на Яве, на ней наиболее сильны компартия и другие революционные организации и, наконец, на ней наисильнейше распространены воинские части (во время осеннего восстания прошлого года многие воинские части действовали крайне вяло, а некоторые даже позволили себя обезоружить).

Индонезия проснулась. Вместе с пролетариатом Китая, Индии и других угнетенных колоний, и полуколоний она в самом недалеком будущем покажет надлежащее место иностранным буржуазным грабителям.

Редакция

---

20 марта 1933 г. Светлый, солнечный день, необычный для лондонской весны с ее серым небом, изморозью и туманами...

Генри Эванс, старший инженер гринвичской радиостанции, сидел в Трафальгар-сквере на скамейке у выхода на улицу. Это был высокий полный человек лет 35, одетый в теплое коричневое пальто, спортивные ботинки и мягкую шляпу. Сменившись с дежурства, по дороге домой он решил зайти в сквер выкурить сигару. Сев на скамейку, Эванс погрузился в математические выкладки и, нервно пожевывая кончик потухшей сигары, чертил тростью на песке кривые, углы, цифры, буквы. Он думал о деталях прибора, над которым работал уже второй год.

Крики пробежавших по скверу газетчиков вернули Эванса к действительности. Он сунул руку в карман и, найдя двухпенсовую монету, купил газету. Со свежего, еще пахнущего типографской краской листа сразу же бросились в глаза, набранные жирным шрифтом заголовки: «Революция на Яве», «Войска присоединились к народу», «Батавия в руках восставших».

В голове Эванса пронесся ряд воспоминаний... Он неоднократно читал и слышал о жестоком угнетении голландцами туземных обитателей Явы. В пользу этих самых яванцев то и дело ставились концерты, спектакли, и на покупку им оружия собирались деньги. Теперь революция совершилась, и Ява свободна. Жаль лишь пролитой крови... но борьба ведь немыслима без кровопролития...

— Алло, Генри, — раздалось над самым ухом Эванса...

Постепенно мысли Эванса вернулись к его изобретению, тому самому изобретению, которое сделает войну невозможной.

— Алло, Генри, — раздалось над самым ухом Эванса, и к руке его приблизился кончик раскуренной сигары. Эванс вздрогнул, резко отдернул руку и, обернувшись, увидел рядом с собой на скамейке худощавого человека в шерстяном полосатом кепи и не по сезону легком непромокаемом пальто.

— Вы неисправимы, Перси! «Король репортажа» с Флит-стрит должен быть хоть чуть-чуть серьезнее, — укоризненно заметил Эванс.

— Но зато вы сама аккуратность, — возразил флегматично Перси Хог, — зовете обедать к четырем, а сами до половины пятого дремлете на лавочке сквера. Я знал, что я вас здесь найду.

— Не будем терять времени и поедем, — ответил Эванс и повел приятеля к рядом стоявшему такси.

Дорогой говорил один Хог и говорил о злобе дня — об яванской революции.

— Малайцы дерутся оружием, доставленным английскими капиталистами, держателями акций колониальных предприятий¹⁾...

Последние делают это неспроста, но с весьма хитрым расчетом: пусть на Яве идет война, пусть будут разорены плантации, пусть кровь смешается с кофе, и тогда голландцы будут разорены и не опасны на будущее время, как конкуренты... Сейчас на Яве провозглашена республика. Погодите — пройдет несколько недель, и голландцы явятся усмирять восставший остров. Тогда-то вы увидите, что мы и пальцем не двинем, чтобы помочь «угнетенной Индонезии» ... Чем дольше будет длиться война на Яве, тем лучше для наших капиталистов...

---

1) Уже около полу столетия Англия старается создать как можно больше затруднений для голландцев в их колониях: англичане почти открыто снабжали оружием и снарядами последнего из независимых правителей северной части Суматры — султана Ачинского, воевавшего с голландцами; они же помогали яванским и суматрским повстанцам и давали убежище в Сингапуре и Маллаке всем беглецам из Индонезии. Делается все это, конечно, не из человеколюбия и сострадания к угнетенным, но лишь из желания «насолить» соседям-конкурентам. - Ред.

Эванс хмурил брови и кусал губы. Не будучи в силах дольше сдерживаться, он перебил Хога:

— Вы заблуждаетесь, Перси: британцы не могут поступать так подло... Мы не бросим тех, кого снабжали оружием.

Хог усмехнулся.

— Поживем, увидим...

Глава 1. Гибель Батавии

Батавия ликовала после почти бескровной революции. Улицы запрудили шумные многотысячные манифестации с развевавшимися красными флагами, проходили войска, приветствуемые громким неумолкающим ура, проезжали грузовики, наполненные солдатами и рабочими. Около генерал-губернаторского дворца, в котором происходило первое заседание народно-революционного правительства, человеческое море с трудом пропускало приезжающих во дворец. Громкими криками встречали вождей, чьи имена уже стали общим достоянием.

Во дворце шли горячие прения. Малайцы, европейцы и люди, в жилах которых текла и та и другая кровь, сменяли друг друга на импровизированной трибуне.

Думать о далеком не время... Дружеское радио сообщает, что бежавший из Батавии голландский генерал-губернатор отдал приказ стоящим в Телон-Батанге¹⁾ воздушным силам бомбардировать Батавию... «Необходимо обратиться к посредничеству английского верховного комиссара Малакки», — раздавались робкие голоса.

На трибуну вскочил высокий худощавый человек. Густая шевелюра и матово-желтоватое лицо говорили о примеси туземной крови. Это был начальник яванской воздушной эскадрильи Эдуард Гербст. Сын голландского колониального чиновника и яванки, он получил в Европе высшее образование. Гербст одним из первых присоединился к восставшему народу.

---

1) Порт на южном побережье острова Суматры. Ред.

— Сингапурский губернатор не спасет нас от бомбардировки, — горячо начал Гербст. — Пока он снесется с Лондоном, а Лондон с Амстердамом, голландские самолеты десять раз успеют разрушить Батавию и залить ее отравляющими веществами. Спасение в одном — действовать решительно. Мы должны предупредить нападение, сделать налет на Телон-Батангский аэродром и уничтожить эскадрилью... Потом разберемся... Англия окажет помощь...

Батавии грозит гибель... Гербст прав!..

Надо защищаться!..

Налет был решен, несмотря на бурные протесты социал-соглашателей.

***

К рассвету следующего дня 36 самолётов вылетели с расположенного у Батавии Антиольского аэродрома.

Первыми поднялись машины, загруженные до отказа бомбами, за ними истребители и, наконец, огромные, похожие на воздушные крепости трехмоторные аэропланы, вооруженные бортовыми пушками. Сделав несколько кругов над аэродромом, эскадрилья вытянулась в строй по-журавлиному и полетела на северо-запад.

Предрассветный туман начал понемногу рассеиваться, и солнце показалось над горизонтом... Внизу четко обрисовывался яванский берег, за ним тянулась блестящая полоса моря, а на горизонте вырисовывались неясные контуры Суматрских гор. С каждой минутой контуры эти росли и становились все более и более отчётливыми.

В глубине залива показались густые пятна зелени и белевшие на солнце постройки порта Телон-Батанг,

около которого находилась стоянка голландского авиаотряда. Не долетев до аэродрома, эскадрилья начала снижаться. Ее здесь не ждали... Было отчетливо видно, как внизу на аэродроме только начала просыпаться жизнь: сновали люди, одни выводили из ангаров машины, другие что-то чинили, третьи шли с ведрами за водой к колодцу.

Увидав врага над головой, голландцы в панике побежали, бросаясь кто к ангарам, кто к машинам. Чтобы избежать ненужных убийств, сбросили с эскадрильи бомбы, начиненные слезоточивыми отравляющими веществами, и через несколько секунд вся поверхность аэродрома опустела. Яванские самолеты снизились еще. Трехпудовые фугасные бомбы полетели на ангары и машины... Взрыв за взрывом потрясал воздух, и над аэродромом поднялись густые черно-коричневые столбы облаков дыма и пыли. Яркое пламя выкинулось сбоку аэродрома, — бомба попала в бензинохранилище.

Но неожиданно на горизонте показались какие-то точки. Отряд гидросамолетов голландцев, извещенный по радио о пролетевшей эскадрилье яванцев, отрезал ей обратный путь.

Затрещали пулеметы. Ряд поединков завязался в воздухе. Два яванских истребителя загорелись и рухнули вниз... За ними, планируя, стал снижаться бомбовоз, в мотор которого попала разрывная пуля.

Недешево стоил бой и гидросамолетам: яванский летчик сбил два неприятельских самолета, а трое других упали, подбитые снарядами орудий.

Бой затянулся. Голландцы не выдержали и полетели назад, настигаемые огнем орудий. Не преследуя наполовину уничтоженного врага, яванская эскадрилья повернула на восток и вскоре очутилась над морем.

Час спустя остатки эскадрильи спустились на Батавском аэродроме. Победа досталась яванцам не даром: из 36 вылетевших самолетов 12 погибли в бою, 7 же были повреждены так сильно, что не смогли лететь назад и принуждены были спуститься на неприятельской территории.

***

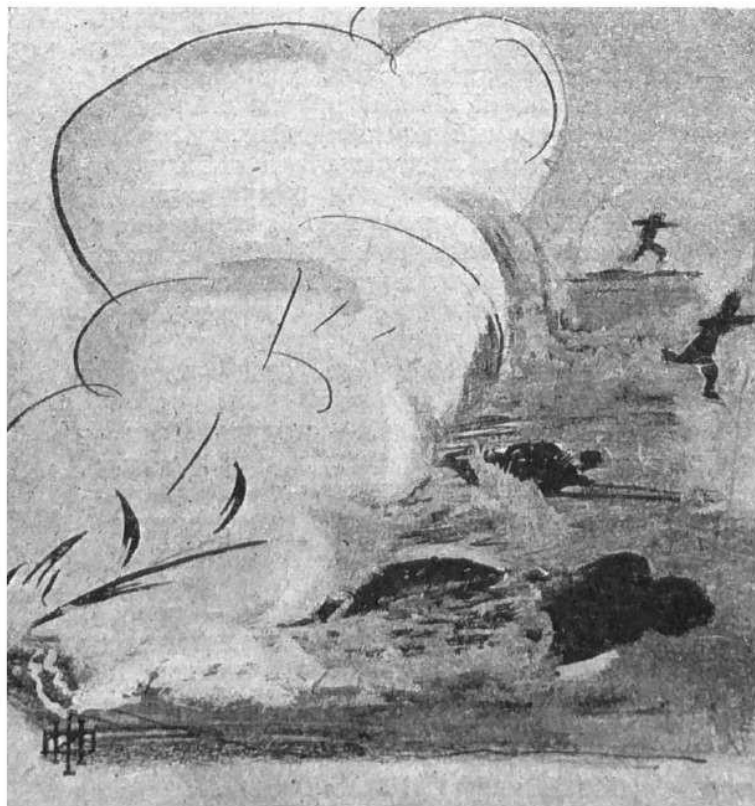
Прошло три месяца.

В знойный экваториальный полдень улицы Батавии пусты. Лишь изредка на рикше торопится куда-то пассажир, или мелькнет одинокий пешеход, старающийся держаться в тени деревьев, окаймляющих тротуар.

Вдруг ставни отворились, поднялись жалюзи, народ высыпал на улицу. Повсюду образовались кучки людей, указывавших на западную сторону неба. У всех на устах только что полученное известие: — Голландский флот вошел в военный порт на острове Теланганге и выгружает привезенные самолеты. Нужно ждать воздушной бомбардировки.

Тревога железной рукой сжала сердца; кошмарно тянулась бессонная ночь при потушенных огнях. С восходом солнца люди покинули дома, пытаясь узнать что-нибудь новое о продвижении неприятеля.

Около полудня радиостанция сообщила, что в порт Паданг вошла вторая голландская эскадра и высаживает десантные войска. Два часа спустя разведочный самолет, пролетевший над Суматрой, донес, что по железной дороге, перерезывающей остров, движутся к югу воинские эшелоны. К вечеру было получено радио, что два голландских авианосца под конвоем морских судов вошли в пролив между Явой и Суматрой.

Газ удушал...

Паника все более и более усиливалась... Всякий, кто мог, пытался покинуть город: места в отходящих поездах брались с бою, а пригородные дороги были запружены десятками тысяч батавцев, в автомобилях, на лошадях и пешком спасавшихся от воздушной бомбардировки.

Вечерние газеты, вышедшие в Лондоне 27 июня 1933 г., сообщали: «Яванская эскадрилья приняла бой и истребила поднявшиеся с авианосцев голландские

самолеты». Но не прошло и двух часов, как по улицам и скверам носились газетчики, выкрикивая:

«Бомбардировка Батавии газами! Город горит! Тысячи погибших!»

Позже стало известно, что вся центральная часть яванской столицы совершенно разрушена. Несколько сот человек погибло от отравляющих веществ, не меньше — от осколков снарядов и под развалинами. Корреспонденты сообщали потрясающие подробности.

Безумная паника охватила население. Происходившее в эти часы в Батавии напоминало гибель Помпеи¹⁾. Под грохот разрывов из рушащихся домов неорганизованные люди в диком ужасе бросались на улицы, метались из стороны в сторону, бежали вслепую, стараясь вырваться из разбушевавшегося ада. Но вещества отравляющие и взрывчатые неумолимым кольцом смерти охватили несколько районов. Люди, вдохнувшие отравляющие вещества недалеко от места разрыва бомб, начинали себя плохо чувствовать сразу. Вдохнувшие О.В., уже разреженные воздухом, поодаль от разрыва, продолжали с криками бежать, но через самое короткое время падали.

Более ста детей погибло в одной из больших школ. Бомба пробила крышу, и дети ринулись на улицу, но встретили здесь облако О.В. Бросившись назад в школу, они образовали пробку, и после этого только немногим удалось вырваться наружу и спастись. Радио сообщало, что уцелевшие жители разбирают эту гору трупов. Родители, — многие из них обожженные, некоторые почти безумные от горя, другие в состоянии оцепенения, — толпятся вокруг, стараясь опознать в изуродованных телах, раскладываемых длинными

---

1) Город в Италии, погибший в 79 году (после Р. Х.) во время извержения вулкана Везувия. - Ред.

рядами, своих детей. Крики и вопли раздирают сердца. Так как в этом жарком климате нельзя ждать, пока изготовят гробы для всех погибших, их хоронят в общих могилах, по 50 в каждой.

В течение следующей недели узнали о воздушной бомбардировке Батанга, Сэранга, Сарабайи и других крупных яванских городов.

Наконец всякое сопротивление было сломлено, и высадившиеся с судов голландские генералы и чиновники принялись за расправу. Пощады не давалось никому: тюрьмы были переполнены, и тысячи людей после проформы суда истреблялись пулеметным огнем.

При газетных сообщениях о жестокостях, производимых голландскими империалистами, Эванс хмурился и кусал губы. Прочитавши однажды о том, что пароход с яванскими беглецами был потоплен подводной лодкой на глазах английского крейсера, Эванс выругался, и так сильно, что компаньонка его сестры заметила:

— Генри, вы невозможны!.. Вы становитесь нестерпимым, похожим на большевика.

Встретив вечером этого дня Хога, Эванс сказал ему:

— Вы были правы три месяца назад... Мне стыдно, что я англичанин.

Глава II.

В военном министерстве

Работа Эванса шла успешно, и ему удалось достигнуть того, к чему лишь оцупью подходили другие изобретатели. К концу июня уже была построена небольшая модель аппарата. Произведенные опыты дали прекрасные результаты: на расстоянии 4 м испускавшиеся аппаратом лучи замедляли работу и воспламеняли порох. Ободренный успехом, Эванс еще несколько раз проверил свои вычисления и пришел к выводу, что проблема использования невидимых лучей решена им правильно. Оставалось лишь построить более совершенный аппарат, могущий направлять лучи, достаточные по мощности для остановки мотора и крупных взрывов. Постройка аппарата должна была стоить, по меньшей мере, 800 — 900 фунтов стерлингов. Но где взять эти деньги?

Хог советовал обратиться к помощи прессы; другие находили, что лучше сдать изобретение в военное министерство. К последнему склонился, в конце концов, и сам Эванс. Он отправился в секретариат военного министерства и попросил аудиенции. Ему ответили, что министр занят. То же самое повторилось и в следующие дни. Лишь после двухнедельного обивания порогов в министерстве Эвансу пришла мысль послать описание своего изобретения и фотографические снимки опытов по частному адресу министра. Два дня спустя Эванс получил ответ: министр приглашал его явиться к полудню 5 октября, захватив чертежи и вычисления.

Эванс пришел в приемную военного министерства за две минуты до назначенного времени. Ровно в 12 затрещал звонок, и спустя секунду секретарь подошел к Эвансу и сказал:

— Вас просят...

Министр сидел у письменного у стола, заваленного книгами и бумагами. Увидав Эванса, он кивнул ему головой и указал на овальное, обитое кожей кресло.

— Я с интересом прочел ваше письмо. Вы просите 1 000 фунтов на постройку аппарата. Видите ли, дать деньги так просто мы не имеем права и должны предварительно ознакомиться с вашими чертежами и вычислениями. Вы захватили их с собой? Да? Ну и превосходно. Я направлю вас в экспертную комиссию к Альфреду Сторгмету. С ним я уже говорил о вас, — сказав это, министр наклонил голову в знак того, что аудиенция окончена.

Миновав ряд извилистых коридоров и несколько раз спустившись и поднявшись по лестницам, Эванс очутился перед комнатой, на двери которой висела дощечка с надписью:

«Экспертная комиссия». Войдя туда, Эванс увидел высокого худощавого человека с бледноватым лицом и синевой под глазами. Это и был председатель экспертной комиссии Альфред Сторгмет.

— Я заинтересовался вашими работами, — сказал Сторгмет.

— К сожалению, я знаком с ними лишь по письму, посланному вами министру. Нужны чертежи и вычисления. Вы принесли их?.. Тогда все в порядке; мы посмотрим содержание принесенной вами папки, сделаем заключение, и вам без задержки выдадут средства на постройку аппарата.

Поговорив несколько минут, Сторгмет попрощался

с Эвансом и проводил его до порога. Уходя, Эванс спросил:

— А все же, как долго придется мне ждать?

— Ну, самое большее неделю, полторы... Вне себя от радости Эванс сбежал по лестнице и, выйдя из вестибюля министерства, вскочил в такси.

— Везите меня на Флит-стрит, — кинул он скороговоркой шоферу.

Машина тронулась. Эванс попросил шофера ехать скорей. Замелькали дома и улицы. Наконец и Флит-стрит. Такси остановился около высокого многоэтажного дома, отделанного под гранит. Расплатившись с Шофером, Эванс поднялся на 2-й этаж, где помещалась газета, в которой работал его приятель. Хог был в редакции и что-то диктовал машинистке.

— Слушайте, Хог, мои дела превосходно... Я только что из военного министерства... Идем завтракать.

— Охотно, и тем более, что в кармане у меня нет ни пенса...

Выходя, они встретили на лестнице карикатуриста Майльса и специального корреспондента газеты Престона, только что вернувшегося из Москвы. В избытке благодушия Эванс пригласил завтракать и их. Они согласились, но сказали, что освободятся лишь через час и тогда приедут.

Остановившись на площадке лестницы, они стали обсуждать вопрос, куда идти завтракать. Майльс стоял за ресторан «Рубикон», Престон говорил о каком-то итальянском кабачке, Хог же предлагал отправиться на Пикадилли в «Бразилию».

— Там хотя и дорого, — говорил он, — но умопомрачительно шикарно.

После долгих споров решили встретиться в «Бразилии».

В «Бразилии» Эванс и Хог сели за столик у окна, и скоро перед ними появилась целая батарея бутылок. Вино развязало языки. Эванс говорил без умолку о своей удаче и строил планы один другого фантастичнее. Хог тоже разошелся и рассказывал о том, как сегодня утром ему удалось заработать больше чем за любую неделю: он нашел и проинтервьюировал одного из очевидцев батавской бомбардировки. Человека этого он встретил в приемной министерства и там же узнал, что это не какой-нибудь рядовой инсургент, а один из главарей восстания — начальник воздушного флота Яванской республики.

Наконец пришли Майльс и Престон. Спросили еще вина. Престон говорил о Москве и большевиках, Майльс же о художниках и, в частности, хвалил работы сестры Эванса Эллен. Пили за науку, искусство, Лондон, Темзу и даже за метрдотеля, то и дело косившегося на их столик и бывшего, очевидно, в страхе, что репутация ресторана будет нарушена.

Начинало темнеть. Зажгли электричество.

— Надо куда-нибудь поехать. Здесь скучно, — воскликнул Хог.

Никто не возражал. Расплатились и вышли на улицу. Кругом

кипел сказочный ночной Лондон. Пикадилли был залит волнами электрического света. Бурным потоком неслись автомобили, экипажи и автобусы.

Наняли такси и решили ехать в театр «Импайр», — но по дороге сообразили, что поздно, и остановили машину у подъезда ночного ресторана «Варьете», где только что начиналась программа. Сев около самой рампы, друзья стали пить замороженный коктейль.

Около 12 часов ночи через залу прошел высокий элегантный джентльмен под руку с дамой, довольно крикливо одетой и преувеличенно декольтированной. Эванс полуприподнялся и, придерживаясь за край стола, отвесил поклон. Вошедший ответил кивком головы.

— Вы знаете, кто это? — спросил Майльс.

— Ну, конечно, — ответил Хог, — это Альфред Сторгмет, а с ним танцовщица Лилиан Сандро — та самая, что обходится ему, или, вернее, военному ми-

нистерству, по пятисот фунтов в месяц.

— Не говори же ерунды, — перебил Эванс, — я знаю этого Сторгмета... Он милейший и достойнейший человек.

— Не поздравляю с таким знакомством, — перебил в свою очередь Престон. — Ваш Сторгмет прохвост величайшей марки. Шесть лет тому назад он еле выкрутился из дела Колин Мейерса,

— продажа секретных документов. Из Скотланд-Ярда и то выгнали... Мерзавец...

На эстраде появился негритянский хор. Заиграл джаз-банд. Все выпили свои бокалы, будто по команде. Эванс пытался что-то говорить, но его никто не слушал.

Глава III.

Вместо славы сумасшедший дом

Отпустив Эванса, Сторгмет сел к столу и начал просматривать содержание принесенной папки. Уже с беглого взгляда он понял, что дело идет о крупнейшем изобретении, могущем перевернуть все взаимоотношения сил мировых держав.

Не будучи в силах работать, Сторгмет отодвинул от себя бумаги и задумался. «Дуракам счастье» — припомнилось ему.

— «Да, это так, лишь дуракам везет в жизни... А этот толстый, неповоротливый Эванс — ведь типичнейший же дурак. Да иначе и нельзя назвать человека, предлагающего военному министерству ценнейшее изобретение и пишущего, что оно сделает войну невозможной... И все же глупый и толстый человек через месяц будет миллионером, а он, Сторгмет» ...

Затрещал телефон. Звонила Лилиан Сандро — артистка «Варьете». Она интересовалась, помнит ли Альфред свое обещание уплатить ювелиру за переделку ее серег. Сторгмет ответил, что сделает все возможное, и повесил трубку.

Он снова задумался. Положение его было тяжелое, почти что безвыходное: протесты векселей... клубные дела... нехватка казенных денег... и вдобавок ко всему, эта танцовщица, которая стоила так дорого, и которую он не в силах был бросить. Взгляд Сторгмета упал на разложенные по столу чертежи и бумаги.

«А может быть выход именно здесь? — пронеслось у него в уме. — Пожалуй, стоит рискнуть... Ну да, стоит»

...

В продолжении следующих трех недель Альфред Сторгмет совершенно изменил свой образ жизни: он нигде не бывал и никого не принимал у себя; прямо со службы Сторгмет шел домой и там принимался за какую-то спешную таинственную работу.

В военном министерстве считали, что Сторгмет заканчивает какое-то важное изобретение. Такого же мнения держались и в «Варьете», где танцевала Лилиан Сандро. Она уверяла, что «ее Альфред» будет к новому году миллионером и купит ей загородный коттедж, автомобиль и большой голубой бриллиант, выставленный у ювелира около Виктория Стэйшн.

А Сторгмет в это время целыми часами переделывал работы Эванса, искажая их и вводя в них всевозможные нелепости. Одновременно с этим двое приглашенных чертежников выполняли чертежи, неправильные по содержанию, но внешне сходные с теми, что представил Эванс.

Наконец эта работа была закончена, и сфабрикованный материал был переписан тем же шрифтом и на той же бумаге, как подлинник. Оставалось лишь воспроизвести подпись Эванса, но это было сущим пустяком для Сторгмета, прослужившего около двух лет в Скотланд-Ярде.

27 августа Сторгмет передал папку Эванса на заключение экспертов военного министерства. Передавая ее, он сказал:

— Не тратьте особенно много времени на чтение этой ерунды. Я бился над ней три недели и пришел к выводу, что писал все это человек ненормальный...

Через три дня эксперты вынесли заключение, мало чем разнящееся от того, что сказал Сторгмет.

Как было условлено, Эванс зашел ровно через 10 дней. Сторгмет принял его не менее любезно, чем в первый раз, и, извиняясь, сказал, что комиссия загружена сейчас работой и ему, Эвансу, придется подождать с неделю. Семь дней спустя Сторгмет опять отложил дачу заключения, сославшись на какие-то непредвиденные обстоятельства.

— Не следует ли мне принести в министерство модель аппарата и произвести несколько опытов? — спросил Эванс.

— По-моему, не стоит — с обворожительной улыбкой ответил Сторгмет, — ваша работа ясна для нас и так.

Наконец 27 октября Сторгмет сам позвонил на службу к Эвансу и сообщил, что тот может прийти и получить заключение. Сторгмет принял Эванса совсем не так, как в предшествующие разы: он уклонился от рукопожатия, не предложил сесть, и холодно-официальным тоном сказал, что экспертная комиссия высказалась отрицательно о проекте машины.

— Таково и ваше мнение?

— Безусловно.

— Но скажите, что ж вы оспариваете? Что считаете ошибочным?

— Я не имею времени вступать в рассуждения. Скажу лишь одно: как у меня, так и у моих коллег, создалось убеждение, что все принесенное вами — это сплошной бред.

Эванс побледнел, потом побагровел. Ему до боли хотелось схватить, сжать, уничтожить Сторгмета. Все же он сдержался и, давясь словами, сказал:

— Возвратите мне все сданное!

— Возьмите, — сказал Сторгмет, указывая на лежащую папку.

***

Эванс пришел в себя в соседнем баре и понемногу начал успокаиваться.

«Ведь, в конце концов, это горе уже и не так велико, — рассуждал он. — Удивительно лишь, что Сторгмет долгое время относился серьезно к работе, а потом переменил мнение. Почему? Да вернее всего, что из зависти. За это говорит уже и то, что он отказался дать какие бы то ни было объяснения. Ну что же, не вышло с военным министерством — выйдет где-либо в другом месте. Нужно лишь проверить, целы ли все материалы».

Эванс открыл папку и начал разбирать ее содержимое. Все казалось в порядке: он узнал свои чертежи и текст, напечатанный на плотной синей бумаге среднего формата. Машинально он взял один из чертежей и начал его пристально рассматривать: ...что такое... подобной нелепости он не чертил, да и не мог бы начертить... с другими чертежами то же...

У Эванса закружилась голова. Задыхаясь совершенно так же, как и при разговоре со Сторгметом, он выкрикнул:

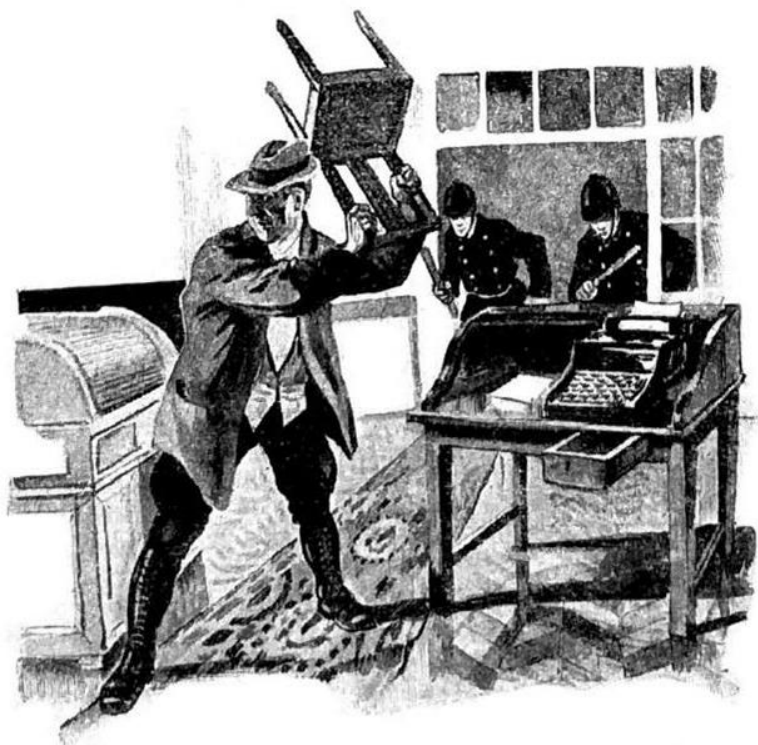
— Коньяку!

Привычный ко всему официант подал заказанное и безучастно глядел, как сидящий за столиком полный молодой человек нервно перелистывал какие-то бумаги, поглощая при этом коньяк.

«Это не моя работа, но под ней моя подпись. Значит, мое изобретение украли!» — пронеслось у Эванса в мозгу... — «Кто мог украсть? Да лишь один Сторгмет!»

Эванс вскочил из-за стола, бросил официанту 10 шиллингов и, не ожидая сдачи, выбежал на улицу. Вихрем он влетел в вестибюль министерства и побежал по лестницам и коридорам.

***

В комнату хлынули полисмены...

Сторгмет сидел спокойно за своим письменным столом и просматривал технические журналы, делая

на полях отметки красным карандашом. Вдруг дверь с шумом отворилась, и влетевший в комнату Эванс бросился к нему с поднятыми кулаками, крича: «Вор, негодяй!»... Две сильные руки вцепились в горло Сторгмета и стали душить его. Сотрудники экспертной комиссии бросились на помощь своему начальнику и облепили Эванса. Все упали на пол. После нескольких секунд борьбы Эванс высвободился и, схватив стул, начал махать им во все стороны. Комната мгновенно опустела.

Не обращая внимания на то, что перед ним не было уже больше противников, Эванс бил стекла и крушил мебель.

Через несколько минут в комнату хлынул целый взвод полисменов. После упорной борьбы Эванс был связан и отправлен в приемный покой психиатрической больницы.

***

В редакции газеты, где работал Перси Хог, о происшествии с Эвансом узнали к вечеру. Заведующий хроникой позвал Хога и спросил его:

— Вы не замечали в последнее время чего-либо странного в поведении вашего друга?

— Нет, он был таким же, как и всегда.

— Ну, а как вы относитесь к самому изобретению Эванса? Присутствовали ли вы при производившихся опытах?

— Изобретение Эванса было научно обосновано. Такого мнения держались, по крайней мере, специалисты. Сам я был на двух или трех опытах, и видел поразительнейшие вещи.

— Все это очень странно...

— Да, очень странно.

Позвонил телефон. Заведующий хроникой взял трубку.

— Пожар от взрыва в мастерской инженера Эванса. Любопытно.

— Если разрешите, я туда сейчас же поеду.

— Поезжайте.

На улице Хога нагнал Престон и, дернув его за рукав, сказал:

— Старина, я поеду с вами из личного интереса.

— Превосходно.

Когда журналисты приехали, пожар был уже почти совсем потушен. Тем не менее около дома стояла довольно большая толпа. Никаких ценных сведений собрать не удалось.

— Как вы думаете? Есть ли «внешняя» причинная связь между сумасшествием Эванса и взрывом на его квартире? — спросил на обратном пути Престон.

— Безусловно, да, — ответил Хог. — Прескверные вещи творятся в «доброй старой Англии».

***

На следующий день утром Сторгмет делал доклад военному министру. Закончив его, он попросил месячный отпуск для поправления здоровья. Министр не возражал.

Час спустя Сторгмет сдал дела и уехал домой. Там все уже было готово к отправке в загородный коттедж; лакей снес чемодан и положил в автомобиль. Не желая брать шофера, Сторгмет сам сел к рулю, и машина тронулась, прорезая молочный туман. Машинально правя рулем, Сторгмет обдумывал, что он сделает по приезде.

«Необходимые материалы уже на месте, — мысленно говорил он себе. — С завтрашнего же дня приступим к работе... Быстрота и полная секретность... Через месяц все будет готово».

Мысли Сторгмета прервал пронзительный свисток и вслед за ним хриплый окрик:

— Берегись, мост разведен!

Сквозь нависшую пелену тумана виднелись расплывчатые очертания набережной и прямо впереди громада мостовой арки.

До нее оставалось всего лишь каких-нибудь 8-10 м. Ужас охватил Сторгмета. Он нажал тормоз и повернул руль. Автомобиль рванулся в бок, накренился, подпрыгнул, опять накренился, ударился с силой о столб и, перевернувшись, полетел в арку моста. Раздался глухой всплеск воды...

На следующий день около доков был выловлен труп Альфреда Сторгмета.

Глава IV.

Сочельник 1933 года

К рождественскому сочельнику 1933 г. в Лондоне готовились по установленной веками традиции: жарились гуси, делались пудинги и изготавливались пироги с запеченным внутри бобом...

С раннего утра все магазины были полны народа, а банки и конторы лишь с трудом удовлетворяли клиентов, спешивших закончить к празднику дела.

В редакции газеты, где сотрудничал Пэрси Хог, работали до позднего вечера. Последние полосы задержались; все нервничали, и редактор был сильно не в духе, находя, что принесенный материал неинтересен. В седьмом часу с радиостанции сообщили о перевороте в Бразилии, о смене мадридского кабинета и открытии на юге Трансвааля новых, необыкновенно богатых алмазных россыпей.

— Это дело, — сказал, повеселев, редактор.

Затрещали телефоны, заметались сотрудники и застучали пишущие машинки. К семи часам пришла подробная телеграмма, сообщавшая о казни в Батавии 93 арестованных революционеров.

— Что вы можете дать к этому? — спросил Хога заведующий хроникой.

— Да все, что угодно. Ну хотя бы мой недавний разговор с одним из важнейших яванских эмигрантов.

— Ладно, валяйте...

— Сделаю... Поговорите только с редактором, чтобы мне выдали хоть немного денег.

— Ведь вы же получили двадцатого числа около двадцати фунтов¹⁾ ...

— Вы правы: четыре дня назад у меня было двадцать фунтов, теперь же — ни пенни.

— Пишите, я поговорю...

Хог долго рылся у себя в столе и, наконец, найдя какую-то бумажку, пошел диктовать машинистке.

Полчаса спустя беседа с яванским эмигрантом, размером в 2000²⁾, слов была сдана заведующему хроникой. Хог взял чек и пошел получать деньги.

— Этот яванец был для вас настоящим Санта-Клаусом³⁾, — сказал в передней Престон Хогу.

— Да, и не однократно...

***

Престон и Хог зашли в один из ближайших ресторанов. Через минуту Хог поднялся и стал пристально смотреть куда-то.

— На что вы уставились, Пэрси?..

— Не мешайте... Я, кажется, нашел моего яванца.

Хог поднялся и, подойдя к соседнему столу, начал что-то оживленно говорить сидевшему за ним высокому худощавому человеку. Тот слушал сперва равнодушно, потом оживился и начал отвечать. Незнакомец поднялся, и вместе с Хогом пошел к столу, где сидел

---

1) Английский фунт — около 10 руб.; пенни — приблизительно 4 коп.

2) В некоторых английских изданиях и по сие время держится обычай считать материал не на строчки, а на тысячи слов.

3) Санта-Клаус (св. Николай) — рождественский святой, приносящий, по поверью, к празднику детям игрушки. - Ред.

Престон. Представились друг другу. Завязался разговор. Престон в достаточной мере интересовался Индонезией, яванец же охотно слушал лондонские новости и всевозможные редакционные сплетни.

Около одиннадцати часов Престон то и дело начал поглядывать на часы.

— Вы боитесь опоздать к вашей Анни? — сказал насмешливо Хог.

— Ну, хотя бы и так, — буркнул Престон и, пожав обоим руки, направился к двери.

— Не пора ли и нам на свежий воздух? — предложил Хог.

— Пожалуй...

***

Они вышли на улицу. Слегка морозило, и падал снег.

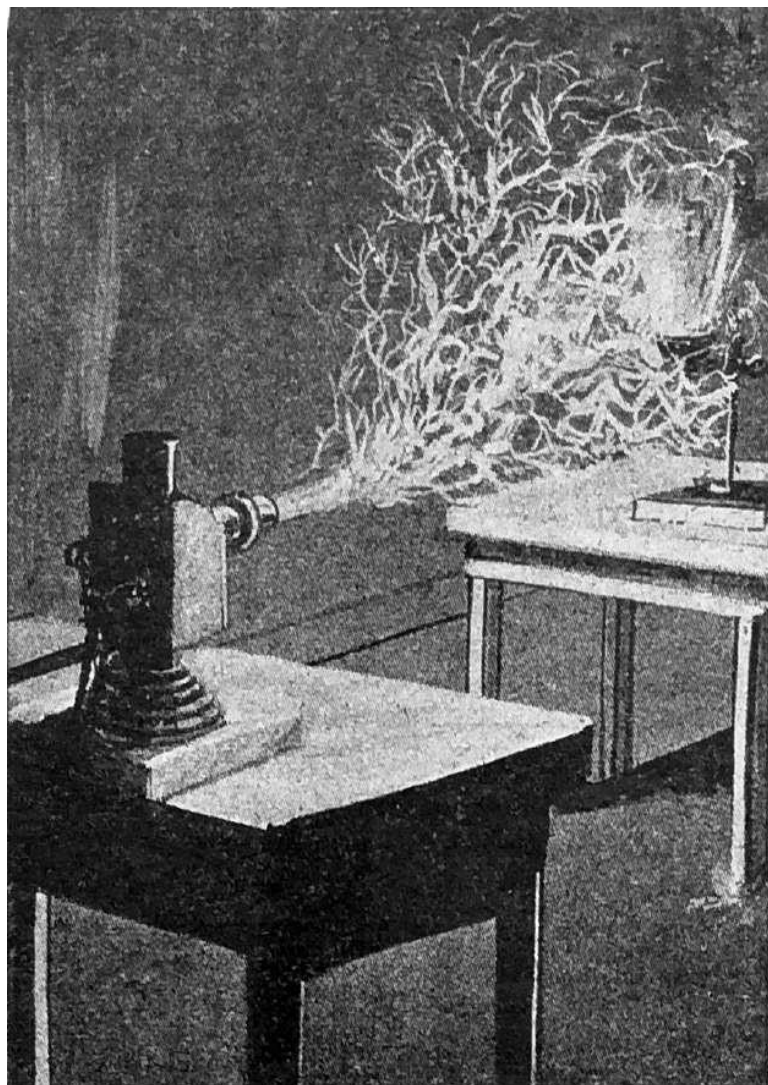
— Я заработал на вас пятнадцать фунтов, — сказал Хог, — теперешний же разговор я завожу не для газеты. Мне просто непонятно: как это двадцатимиллионный яванский народ мог быть так легко разгромлен голландскими капиталистами?

Гербст криво улыбнулся и начал рассказывать о разрывах бомб, о посинелых мертвецах, отравленных газами.

— Н... да, — процедил сквозь зубы Хог, — двадцать лет назад люди могли бороться за свободу, имея лишь винтовку и патроны. Теперь, очевидно, не то: нужно быть сильным и в воздухе.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Гербст. Они шли несколько минут молча.

— Я знал человека, который мог бы свести на нет все воздушные силы, — вымолвил, наконец, Хог.

Аппарат воспламенял порох на расстоянии...

— Что вы говорите?

— Говорю то, что знаю... Человеку этому удалось достигнуть поразительных вещей: его аппарат оставливал моторы и воспламенял порох на расстоянии.

— Вы все это видели сами?

— Ну да, конечно.

— А где теперь этот ваш изобретатель? Можно по-видать его?

— Попробуйте, он сидит в сумасшедшем доме.

— Почему?

— Это длинная история. Если хотите слушать, так зайдемте куда-нибудь.

Разговаривая, они незаметно дошли до порта.

— Это Истиндиан-док-стрит; на углу есть неплохой бар. Там грязновато, но зато весело, и можно видеть великолепнейшие негритянские пляски. Идемте...

— Хорошо...

***

Большинство посетителей бара состояло из портовых рабочих и моряков различных национальностей. Они пили, кричали, ругались и пели, аккомпанируя себе стуком каблуков.

Войдя, Хог и Гербст сели за свободный столик. Хог постучал монетой о пожелтевший мрамор, и перед ними появились увесистые оловянные кружки с элем.

Путаясь в подробностях и делая бесконечные отступления, Хог рассказал о работах своего друга и трагическом его конце.

— Признание Эванса сумасшедшим, пожар в его доме, все это имеет несомненную причинную связь, — так закончил он.

— Что же вы думаете?

— Да лишь то, что у Эванса украли изобретение, а самого его упрятали в Бедлам...

— Кто же мог сделать это?

— По моему мнению, лишь председатель экспертной комиссии Сторгмет.

— Но ведь он же погиб?

— Да, Альфред Сторгмет во время тумана свалился в Темзу. Это только лишь случайность, не исключаящая кражи изобретения. Я думаю, что Сторгмет унес на дно Темзы все, что знал. По крайней мере, за последние месяцы не было слышно ничего об этих «невидимых лучах».

— Но видал ли кто-нибудь чертежи и вычисления вашего друга?

— Их отдали сестре Эванса — Эллен, и она показывала их разным специалистам.

— И что они сказали?

— Да что все это сплошной вздор и ерунда.

— Так, может быть, ваш приятель и на самом деле был сумасшедшим?

— Но тогда как же могли удаваться ему опыты?

— Мне очень хотелось бы познакомиться с сестрой вашего друга.

— Хорошо, завтра я представлю вас ей. Они замолчали. Хог пристально глядел в одну точку, силясь что-то припомнить.

— Ах, чуть не забыл, — сказал он. — Сегодня мы получили телеграмму о новых расстрелах в Батавии. Вот ее копия.

Гербст взял скомканную бумажку и начал читать.

— Телеграмма пришла в семь часов вечера. Сейчас же меня позвал заведующий хроникой и попросил что-либо написать... Я и дал беседу с вами.

— Но ведь мы же не разговаривали!

— Ну, какая важность...

— А как вы называли меня?

— Да, просто, «видным яванским эмигрантом», беседа с которым уже давалась на страницах газеты три месяца назад.

— Тогда еще ничего... Слушайте, Хог, вы случайно узнали мою настоящую фамилию. Будьте джентльменом и никогда ее не произносите... В Лондоне я живу по документам Эразмуса ван-Троттена.

— Помню, вы так и рекомендовались вечером Престону... Но скажите, пожалуйста, кто был или есть этот Эразмус ван-Троттен?

— Это мой старый сослуживец, умерший за несколько недель до восстания.

— Но как попали к вам его документы?

— Что это, допрос?

— Да нет. Вполне понятное любопытство журналиста.

— Тогда слушайте: примерно за год до восстания ван-Троттен бросил службу и отправился в неисследованные области центра Борнео. Я участвовал в розысках ван-Троттена и был при его кончине.

— Так и вы были в центре Борнео?

— И неоднократно.

— Ох, какая великолепная тема погибает!

— Такова уже судьба...

Было поздно, бар закрывали. Прощаясь на улице с Гербстом, Хог сказал ему:

— Так завтра в четыре мы идем к Эллен Эванс.

— Непременно. Я буду у вас к трем часам.

***

На следующее утро Гербст получил записку с просьбой зайти непременно к трем часам на квартиру одного из яванских эмигрантов. В назначенное время Гербст был уже на месте. В маленькой тесной квартирке из двух комнат собралось человек 25-30. Они с жаром обсуждали только что полученные известия.

— Голландский террор не ослабевает...

— Всякая попытка протеста заканчивается расстрелом...

— Забастовавших рабочих предадут полевому суду...

— Голландцы содержат тысячи шпионов, ищущих повсюду недовольных...

— Опять казнили 93 человека: это четвертый массовый расстрел за последние две недели...

К приходу Гербста собравшиеся уже вынесли решение: обратиться за помощью к голландским социал-демократам. Запрос в парламенте, они надеялись, мог бы обуздать зарвавшихся колониальных генералов.

Послать письмо в Амстердам было бы рискованно. Следовало поехать кому-либо лично. Долго и пространно спорили, кто должен отправиться туда. Наконец пришли к выводу: может ехать один лишь Гербст, имеющий подлинные голландские документы. Выслушав решение товарищей, Гербст не стал возражать; он мало верил в заступничество голландских соглашателей, но ехать в Амстердам все же решил.

Глава V.

Обстоятельства меняются

При отходе пассажирского парохода в Роттердам царила обычная сутолока: суетилась команда, сновали взад и вперед доковые рабочие и нескончаемой вереницей тянулись отъезжающие пассажиры. За несколько минут до подъема сходен показался высокий худощавый человек. Он был налегке, имея при себе лишь фибровый чемодан и перекинутый через плечо дождевой плащ. Поднявшись на палубу, он спросил, где каюта, записанная на имя ван-Троттена. Получив ответ, прибывший не захотел спуститься вниз завтракать и пошел на ют¹⁾.

Команда выбирала концы, шумели лебедки, и с капитанского мостика то и дело доносились зычные выкрики лоцмана. Наконец пароход тронулся, отделился от набережной, вывернулся и пошел вниз по реке, пробираясь между целым роемдвигающихся взад и вперед судов.

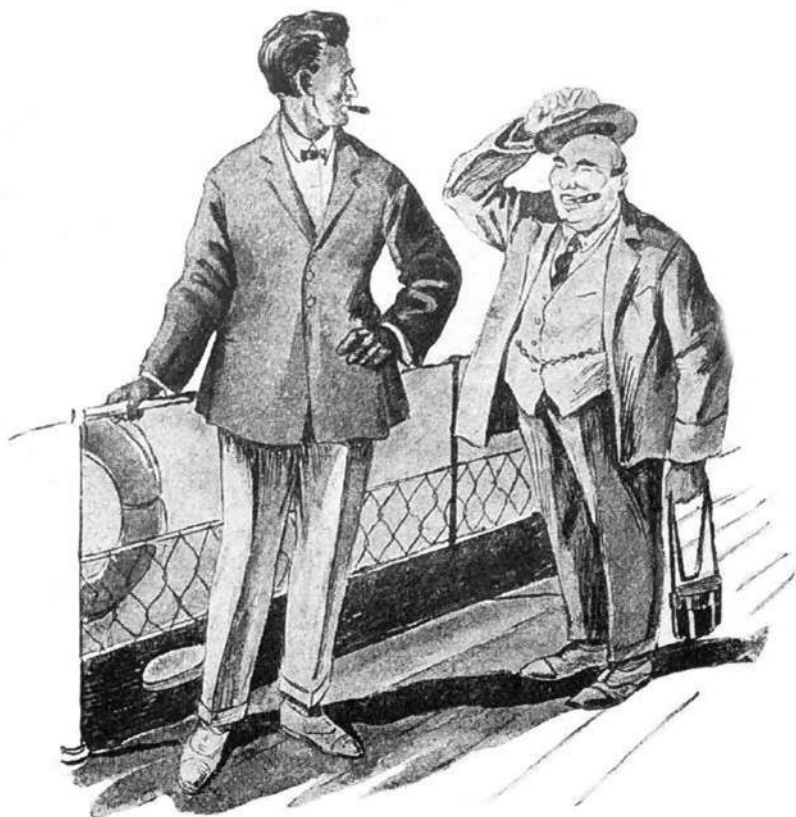
Пароход слегка покачивало. Гербст стоял на полу юте и, куря сигару, глядел на удаляющийся берег. Мысли роились в его голове:

«Пять месяцев тому назад я совершенно так же отплывал из Сингапура, — вспомнил он. — Тогда я надеялся найти в Лондоне помощь и защиту. Пришлось разочароваться. Меня всюду принимали любезно, но говорили: «Англии сейчас не время вмешиваться в колониальные дела». Что выйдет из поездки в Роттердам? Я одних лет с ван-Троттенем, мы оба родились на

---

1) Кормовая часть верхней палубы. - Ред.

Яве, и наши матери имели половину туземной крови. К тому же я похож лицом и фигурой на покойного. Ну, хорошо... Допустим, что я благополучно высажусь, не обратив на себя внимание голландской полиции. Это еще ничего не даст. Надо думать, что нидерландские социал-демократы похожи на соглашателей других стран, — они законопослушны и не рискнут на настойчивое выступление. Нет, бороться с угнетателями нужно лишь оружием. Но возможно ли это? Хог говорил, что знал изобретателя, который мог бы свести на

...Вы ли это, герр ван-Троттен?..

нет все воздушные силы. Пусть так, но изобретатель этот в доме умалишенных. Да и выйди он оттуда, где найти деньги на постройку машины? Ведь даже только увеличенная модель должна была обойтись почти в тысячу фунтов».

Размышления Гербста были прерваны возгласом:

— Вы ли это, герр ван-Троттен?

Гербст обернулся и увидел низенького, толстого человека с пухлыми красными щеками и лоснящимся от жира лицом. Человек этот как-то забавно семенил ногами и без умолку тараторил.

— Я нашел ваше имя в списке пассажиров и пошел вас разыскивать. Видите, я узнал вас. Вы же меня сразу не узнали. Немудрено, мы не видались более шести лет. Помните Минадо на Целебесе? Знойные вечера... пальмовый арак... бронзовые малайки... да... да... Вы едете домой? Пора, там всякие хлопоты... наследство... ввод во владение...

— Не будем говорить об этом...

— О, да. Я понимаю ваши чувства и ценю их... Н-да, я должен вас покинуть и идти к себе. Знаете, я имею на пароходе целый апартамент: спальню, салон, кабинет и все прочее. Н-да, заходите за мной, и мы вместе пойдем посидеть в ресторан. Как найти меня? Да очень просто, спросите любого. Нет на пароходе человека, который не знал бы Вильгельма Лооса. Так зайдете? Всего наилучшего...

Сказав это, маленький человек засеменил по палубе и скрылся в дверях ютовой надстройки.

Оставшись один, Гербст припомнил, что Лоос — это крупнейший колониальный экспортер, имеющий плантации на Целебесе и нефтяные источники на Борнео.

Такое знакомство было на руку: водя компанию с

Лоосом, можно было не бояться голландской полиции. Не плохим казалось и то, что он, Гербст, похож на ван-Троттена более, чем можно было думать. «Но что значат слова Лооса о наследстве и вводе во владение, — подумал Гербст. — Впрочем, какое мне дело до всего этого?»

Вечером Гербст сидел в ресторане, потягивая коктейль и играя шахматную партию с Лоосом.

На следующий день Гербст высадился в Роттердаме и через несколько часов уже находился вместе с Лоосом в вагоне поезда, шедшего в столицу Голландии. Прибыв в Амстердам, Гербст сразу же начал искать встречи с лидером социал-демократов Отто Герике. Последнее было делом далеко не легким: социалист его величества Отто Герике принимал с большим разбором и заставлял ожидать приема не меньше, чем любой премьер-министр.

В конце концов, Гербст все же добился встречи. «Рабочий вождь» встретил его у входа в кабинет и, старательно заперев дверь, проводил к письменному столу.

— Вы неосторожно поступили, придя ко мне, — сказал он укоризненно.

Выслушав Гербста, Герике помолчал минуту, очевидно, обдумывая в уме ответ, и, наконец, сказал:

— Я, то есть нидерландская социал-демократическая партия, — поправился он, — ничем не может помочь вашим товарищам. Не такое теперь время, чтобы делать резкие запросы. К тому же, недавнее восстание дало правительству в руки оружие.

— Напишите все то, что сказали мне, — попросил Гербст.

— Ни в коем случае! Неосторожностью было уже и то, что я принял вас и вел с вами разговор.

Переговоры были окончены, и Герике встал. Поднялся и Гербст. Окончив деловую часть разговора, лидер нидерландских социал-демократов сделался вдруг крайне любезен и, провожая Гербста, говорил ему:

— Вы не думайте, что я лично не хочу быть вам полезным. Виной обстоятельства, и лишь они одни. Я крайне рад знакомству с вами и надеюсь, что мы еще встретимся при лучших обстоятельствах. Итак, всего наилучшего! Передайте привет вашим друзьям.

***

Выйдя из подъезда, где жил Герике, Гербст долго бесцельно бродил по городу. Наконец он почувствовал голод и зашел в какой-то ресторан. Ему подали запеченную с яйцом ветчину и морскую рыбу, приправленную острым, удивительно вкусным соусом. Спросив кофе, Гербст стал просматривать газету. Первые три полосы были наполнены статьями и телеграммами. Последние сообщали: в штате Нью-Йорк закончились автомобильные гонки; принц Уэльский едет в Канаду; в колониальных французских войсках открыт коммунистический заговор; японский император поднимался на дирижабле; конфликт между Италией и Югославией улаживается, а Дягилев ставит в Монте-Карло новый русский балет. Дальше шла амстердамская хроника, а за ней литературный отдел с длиннейшей и скучнейшей статьей о последнем романе Пьера Бенуа. Все это мало интересовало Гербста, и он начал переверачивать страницы, отыскивая расписание отходящих поездов.

Вдруг в глаза ему бросилось объявление, напечатанное среди текста жирным шрифтом. В нем несколько раз повторялась фамилия ван-Троттен.

Гербст стал внимательно читать. Нотариус разыскивал единственного наследника Иоганна-Эразмуса ван-Троттена, проживавшего год тому назад в Голландской Индии на острове Борнео. Всякому, указавшему местонахождение Эразмуса ван-Троттена или сообщившему о нем точные сведения, назначалась награда в 100 гульденов¹⁾.

«Так вот что означали разговоры Лооса о наследстве, — подумал Гербст. — Но как же теперь поступить мне? Эразмус ван-Троттен был последний в роде. Лишь только станет известно о его смерти, наследство, как выморочное, отойдет в казну. Не лучше ли, используя бумаги ван-Троттена, получить деньги и употребить их на борьбу? Такое решение, наверное, одобрил бы и сам покойный: ведь он всегда был оппозиционно настроен и демонстративно бросил военную службу... Но как устроить дело с вводом во владение? Да не иначе, как через Лооса. Во всяком случае, надо попытаться».

***

Контора Вильгельма Лооса помещалась в старинном двухэтажном доме. В нижнем этаже целый ряд комнат был заполнен людьми, что-то подсчитывавшими и записывавшими в толстые бухгалтерские книги. Выше находились кабинеты заведующих отделами и помещение самого Лооса. Последнее считалось чем-то вроде святого святых, и туда разрешалось заходить лишь в исключительных случаях и по особо важным делам.

---

1) Голландский гульден равен, приблизительно, 80 коп. - Ред.

Лоос сидел около большого стола полированного дерева и курил толстую, похожую на полено, сигару. Выпуская изо рта колечки синеватого дыма, Лоос размышлял о превратностях судьбы и постигших его огорчениях. Да, с ним перестают считаться... В иллюстрированном журнале не поместили его портрета, а американский сенатор, посетивший Амстердам, не захотел осмотреть его картинную галерею...

Позвонил телефон.

— Алло, кто у аппарата? Это вы, ван-Троттен? Ну, конечно, можно... приезжайте...

Лоос оживился и повеселел. «Да, это то, что мне нужно — подумал он. — Человек, побывавший в центре Борнео, интересен всякому. Его присутствие оживит мой новогодний вечер, и, конечно, газеты заговорят».

На пороге показался секретарь и почтительно доложил:

— Герр ван-Троттен просит принять его.

— Просите.

Заметив на рукаве Гербста траурную повязку из черного крепа, Лоос сразу же затараторил:

— Я чувствую, я понимаю ваше горе... я так рад видеть вас.

— Я пришел просить вас об огромном одолжении...

— С огромным удовольствием... все, что могу.

— Видите ли, я был солдатом, колонизатором, путешественником. В делах же я ничего не смыслю. Помогите мне советом и, в первую голову, съездите со мной к нотариусу.

— Превосходно...

Старичок-нотариус был крайне польщен самоличным приездом Лооса. Прочитав завещание, он заставил Гербста и Лооса расписаться на каких-то бумагах и потом, провожая их к выходу, сказал:

— Я закончу все хлопоты по вводу во владение в неделю, ну, много, много, в две.

Три недели спустя Гербст прощался с Лоосом.

— Вы не так уже неопытны в делах, — говорил Лоос. — Вы поступили вполне правильно, продав часть бумаг и акций. Деньги можно делать только в колониях. Счастливой дороги!.. Только не забывайте, что я компаньон в нефтяных в этих самых новоисследованных областях.

— Конечно, это решено...

Минуту спустя старший бухгалтер принес три аккредитива¹⁾ на Британский банк. На каждом стояла сумма 25 000 фунтов стерлингов.

Гербст спрятал аккредитивы в портфель и, крепко пожав Лоосу руку, направился к двери. Пройдя несколько шагов, он вернулся и, подойдя вплотную к Лоосу, сказал:

— О продаже через вашу контору бумаг и получении мной от вас аккредитивов никто не должен знать. Иначе может сорваться экспедиция на Борнео, и тогда нам не видать нефти, как своих ушей. Поняли?

---

1) Аккредитив — документ на получение денег. - Ред.

Глава VI.

Совет адвоката Грина

Утром 25 декабря Хог позвонил Эллен Эванс и сообщил, что придет с одним иностранцем, живо интересующимся судьбой ее брата.

— Приходите, буду ждать, — ответила Эллен и повесила трубку.

Хог побрился, надел свой лучший костюм и сел около окна с новым романом. Время шло; пробило 2, 3 и, наконец, 4 часа. Гербст все не приходил. К 5 часам терпение Хога истощилось, и он ушел к одному из своих приятелей.

Два дня спустя на выставке Хог повстречался с Эллен Эванс.

Она подозвала его и спросила с улыбкой:

— Как поживает ваш таинственный иностранец?

— Он, очевидно, занят делами более важными, чем рождественские визиты, — промолвил Хог и исчез в толпе.

Прошла рождественская неделя, миновал новый год. Лондон жил своей обычной нервной жизнью. Гонясь за сенсациями и посещая бары, Хог почти совсем забыл о своем яванском приятеле. Лишь изредка, пробегаая глазами телеграммы из Индонезии, он бурчал:

— Пропал, мерзавец, скрылся, сбежал, как матрос из пивной.

Однажды, вернувшись домой далеко за полночь, Хог нашел у себя под дверью конверт из толстой синей бристольской бумаги. В нем лежала записка следующего содержания:

«Эразмус ван-Троттен просит мистера Хога пожаловать к нему в гостиницу «Вавилон».

Засыпая, Хог думал: «Вавилон» — это шикарнейший из лондонских отелей... Как попал туда Гербст? Выходит, что он не даром уезжал...

***

Утром следующего дня Хог входил в подъезд отеля «Вавилон». Справившись у швейцара, он узнал, что ван-Троттен живет в бельэтаже и занимает номер 109. Поднявшись по лестнице, Хог постучал в дверь.

— Войдите, — последовал ответ.

Гербст сидел у стола и пил кофе с какими-то очень аппетитными на вид маленькими хлебцами.

— Вы расширяетесь и богатеете, — сказал Хог, оглядывая комнату и соображая, что она стоит в сутки не меньше 30 шиллингов¹⁾. — Где вы пропадали?

— Был в Роттердаме, Амстердаме и других голландских городах.

— Тогда у вас должны быть приличные сигары.

— Пожалуйста... Хотите кофе или чаю?

— Я предпочту можжевеловой водки: она предохраняет желудок от простуды.

— Ну, как хотите...

Хог проглотил большой стакан водки, запил его кофе и потом съел ветчины и маленьких хлебцев. Насытившись, он закурил сигару и сказал:

— Ну, выкладывайте что у вас там есть.

— Я крайне сожалею, что не мог пойти с вами на Рождество к мисс Эванс.

— Дальше...

---

1) Шиллинг — около 50 коп. - Ред.

— Я хотел бы пойти к мисс Эванс, и возможно скорее.

— Ладно...

Хог взял телефонную трубку и позвонил; соединили...

— Это вы, Эллен? Знаете, вернулся «таинственный иностранец» и жаждет быть вам представленным... Можно? Когда?

— Ну, выкладывайте что у вас там есть...

— Что говорит мисс Эванс?

— Она сомневается в вашем существовании и предостерегает меня против напитков.

— Последнее резонно, — заметил Гербст и отодвинул бутылку с водкой. — Когда же можно заехать к мисс Эванс?

— Да хоть сейчас, она рисует и пробудет дома до обеда.

— Тогда идемте.

— Хорошо...

***

После признания брата сумасшедшим Эллен Эванс пришлось покинуть квартиру и распрощаться со старушкой-компаньонкой. После долгих хлопот Эллен сняла недорогую и довольно удобную комнату в доме, населенном литераторами и художниками. Дом этот не отличался чистотой, но зато имел величественные ворота, украшенные колоннами и аркой с изображением древнегреческих богов.

Пройдя под аркой, Гербст и Хог очутились на маленьком квадратном дворе, похожем на колодец. Войдя в подъезд, они поднялись на третий этаж и очутились в широком полутемном коридоре. На полу лежал сор и пахло бифштексом, жарящимся с луком. Отсчитав третью дверь справа, Хог постучал. Звякнул ключ, и на пороге появилась высокая стройная шатенка лет двадцати.

— Заходите, пожалуйста, — сказала она.

Комната Эллен была мала, но изящно убрана. По стенам были развешаны декоративные вещицы. Гости сели. Хозяйка засуетилась, накрыла стол оранжевой скатертью, вскипятила чайник и поставила тарелки с печеньем. Эллен, интересовавшаяся Востоком, расспрашивала об Индонезии, Яве, малайцах и недавнем восстании.

Удовлетворив любопытство собеседницы, Гербст перевел разговор на работы ее брата и случившееся с

ним несчастье. Эллен потупилась, замолкла и, давясь слезами, сказала:

— Все вышло так неожиданно. В приемном покое мне не дали свидания. Теперь я навещаю брата в Кэм-мэрдаун-хилл¹⁾ ; там так страшно... Кэммэрдаун-хилл — ужасное место, и, говорят, оттуда не выходят.

— Ну, как сказать, — перебил Хог. — Ричмонд почище Кэммэрдаунхилл, но и оттуда удрали Пирс и Вилькинс.

В дверь постучали. Пришел карикатурист Майльс с двумя художницами. Сейчас же заговорили о газетах, редакторах, картинах и иллюстрациях.

Час спустя, прощаясь с Эллен, Гербст сказал:

— Разрешите мне ознакомиться с работами вашего брата.

— Стоит ли? Сведущие люди сказали, что это бред сумасшедшего.

— Но все же я хотел бы...

— Тогда заходите завтра утром и возьмите их.

Целую неделю Гербст провел над изучением бумаг и чертежей Эванса. Покончив с работой, он зашел к Эллен и, сдавая связку взятых на просмотр материалов, сказал:

— Это писал не сумасшедший. Это искажение работы.

— Вы хотите сказать: работы моего брата?

— Да.

— Я слыхала об этом уже от Хога.

— Теперь слышите и от меня, человека более компетентного в научных вопросах, чем «король лондонского репортажа».

---

1) Кэммэрдаун-хилл — один из старейших английских домов умалишенных. Он послужил образцом для описания Бедлама в знаменитом романе капитана Маризтта «Питер Симпл».

— Вы уверены, что брат мой здоров?

— Безусловно!

— Тогда что же делать?

— Да постараться каким-либо способом освободить его.

— И вы поможете мне?

— Охотно.

Эллен пришла в восторг и, забыв внушенные ей некогда правила хорошего тона, закружилась по комнате. Минуту спустя она была по-прежнему серьезна и говорила Гербсту:

— Извините меня и не считите неблагодарной, но мне непонятно, почему вы принимаете такое участие в судьбе Генри.

— На это много причин. Я расскажу вам подробно, но только не здесь. Ведь каждую минуту могут прийти художники и литераторы всех имеющих в Лондоне направлений. Пойдемте завтракать, теперь как раз время. Там и поговорим.

В уютном кабинете итальянского ресторана Гербст рассказал Эллен, что первая мысль разыскать ее брата пришла ему в голову после фразы Хога «о человеке, могущем свести на нет воздушные силы».

— Теперь я обладаю большим состоянием и мог бы предоставить вашему брату любую сумму на постройку аппарата, — закончил Гербст.

Счет был оплачен, и они вышли на улицу. Прощаясь, Гербст крепко пожал руку Эллен и сказал:

— До завтра.

— До завтра, — ответила она.

***

В течение двух последующих недель Гербст и Эллен обошли всех виднейших лондонских психиатров и юристов.

Толку получилось мало, и им всюду говорили, что дело безнадежно, и Эвансу придется просидеть в сумасшедшем доме, по меньшей мере, два или три года.

Однажды, читая газету, Гербст наткнулся на заметку об утверждении судом духовного завещания консервного фабриканта Броуна. Последний за год до смерти потерял, по словам газеты, душевное равновесие и даже лечился одно время в частной психиатрической больнице. Дело вел в суде и выиграл в пользу племянника Броуна адвокат Ричард Грин, проживающий около Слоан-сквер. Гербст позвонил Эллен, и через час они встретились в приемной адвоката. Грин был очень любезен, но повторил лишь то, что до него уже говорили другие светила медицины и юриспруденции. Прощаясь, адвокат сказал, будто невзначай:

— Небрежный чиновник и глупый врач могут сделать сумасшедшего в пять минут. Для того же, чтобы обратить его снова в здорового человека, нужно много времени. Тем не менее, в нашем законодательстве о сумасшедших есть гуманнейшая статья: если помешанный сможет уйти из сумасшедшего дома и прожить на свободе две недели, он юридически признается нормальным.

— Я ни минуты не сомневался в гуманности британских законов, — сказал Гербст, подавая Грину чек на 5 фунтов. Выйдя на улицу, Гербст порывисто схватил за руку Эллен и выкрикнул над ее ухом:

— Вы поняли, в чем дело?

— Нет.

— Я уплатил пять фунтов и не жалею. Адвокат подал мудрейший совет; единственный выход — это побег вашего брата из Кэммэрдаун-хилл.

— Но как?

— Стойте... я припоминаю: Хог говорил что-то о Пирсе и Вилькинсе, удравших из какого-то Ричмонда. Простите, но я должен покинуть вас... иначе я не захвачу Хога в редакции.

Герbst встретился с Хогом на лестнице редакции.

— У меня к вам огромное дело, — сказал он.

— О делах с богатыми людьми я говорю лишь в кафе «Нептун».

— Едемте...

Через несколько минут автомобиль был уже на площади Пикадилли, и они входили в кафе.

— Мюнхенского или пильзенского? — спросил кельнер.

— Не надо пива, давайте шампанского — распорядился Герbst.

— Вы превосходите самого себя...

— Пусть так, заказывайте себе обед.

— Черепеховый суп и каплуны.

— Итак, с едой и питьем покончено. Перейдем к делу... Скажите, кто эти Пирс и Вилькинс — те самые, что удрали из Ричмонда?

— Это банкиры-растратчики, помещённые судом на испытание в Ричмондскую психиатрическую лечебницу.

— Где я найду подробности их бегства?

— Переройте старые газеты или спросите меня.

— Я предпочту последнее.

Жуя каплуна и запивая его вином, Хог не торопясь рассказал о том, как Пирс и Вилькинс, получив во вре-

меня свидания деньги, напоили надзирателей и скрылись.

— Я понимаю, что вас интересует, — добавил Хог после минуты молчания. — Вы хотите знать, можно ли убежать из сумасшедшего дома. Да, можно. Нужно лишь иметь деньги и наладить хорошие отношения с персоналом... Бывали ли случаи кроме Пирса и Вилькинса? Да, и очень много, иначе в законе не было бы сделано соответствующей оговорки. К слову сказать, кто надоумил вас? Говорите только правду.

— Ричард Грин, адвокат...

— Это — большая бестия. Берегитесь, он станет вас шантажировать.

— Я приму меры, спасибо.

— Ну, хорошо. Желаю успеха.

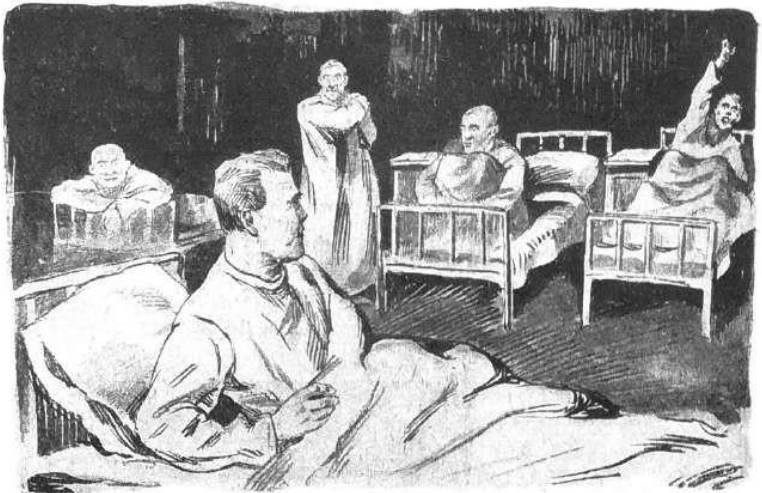
Допив вино, они встали и, выйдя из подъезда, разошлись в разные стороны.

Глава VII.

Побег

Эванс был доставлен в приемный покой психиатрической больницы почти в бессознательном состоянии. Лишь поздно ночью он пришел в себя и понял, где находится. Приподняв голову над подушкой, он увидел большую комнату, всю уставленную кроватями, на которых сидели и лежали какие-то люди в желтых халатах. Время от времени слышались стук кулаков по столу, хриплая ругань и угрозы по адресу надзирателя. Под утро Эванс задремал. Сквозь сон он слышал разговор двух врачей, делавших обход палаты.

В приемном покое психиатрической больницы.

— Вот тот самый, что натворил дел в военном министерстве.

— Случай не вызывает сомнений... Приготовьте свидетельство.

Около полудня Эванса отправили на вокзал Виктории и посадили в поезд, идущий в Кэммэрдаун-хилл. Попав туда, Эванс увидел, что нынешний дом умалишенных совсем не похож на Бедлам, описанный капитаном Мариэттом: больных не били, не калечили и не сажали в смирительные рубашки. Более того, их хорошо кормили и о них заботились. Среди четырех сотен заключенных в Кэммэрдаун-хилл было человек 20-30 совершенно здоровых, таких же, как Эванс. Все они несли те или иные хозяйственно-административные обязанности. Недели через три старший врач, приглядевшись к Эвансу, поручил ему заведывание больничной библиотекой. И вот пошли скучные монотонные, похожие друг на друга, дни: Эванс ел, пил, читал старые романы и обучал алгебре и физике готовившегося в техникум надзирателя Хигса. Единственным развлечением были редкие посещения сестры и Хога.

Однажды в библиотеку, где занимался Эванс, вошел Хигс и сказал:

— Вас хочет видеть старый товарищ по инженерному училищу, ван-Троттен.

Такой фамилии Эванс припомнить не мог, но все же с большим удовольствием пошел на свидание.

***

Встреча произошла в приемной. Гербст, неоднократно выдававший фотографии Эванса, сразу же узнал его.

— Ну, как поживаете, старина? — сказал Гербст, делая незаметный знак рукой. Эванс понял и крепко пожал протянутую руку.

Они отошли и, сев в сторонке, заговорили вполголоса — совершенно так же, как и прочие посетители.

— О ваших работах мне рассказал Хог... Не объясняйте, я все знаю. Кто, по-вашему, выкрал бумаги, сданные в экспертную комиссию? Сторгмет? Да? Тогда беда еще не так велика; вы знаете, его нет в живых, и, вероятнее всего, документы были при нем.

— Из чего вы это заключаете?

— Да хотя бы из того, что Сторгмет, отправляясь отдыхать в загородный дом, выписал туда различные материалы и пригласил рабочих. Все это установлено Хогом. Я лично уверен, что Сторгмет взял отпуск и поехал в деревню лишь для того, чтобы там, на свободе, построить машину по вашим чертежам.

— Пожалуй, вы правы... Что же делать?

— Да бежать из Кэммэрдаун-хилл, и... — Гербст прервал на середине начатую фразу, увидав, что рядом с ними на стул уселся молодой человек с серенькими усиками и худощавым, покрытым веснушками лицом.

— Не бойтесь, — сказал Эванс, — это глухонемой, приезжающий раз в две недели навестить брата. Продолжайте.

— Нужно бежать, и как можно скорее.

— Какой толк? Поймают и опять посадят...

— Вы заблуждаетесь. В Англии существует закон, что человек, бежавший из сумасшедшего дома и пробывший две недели на свободе, признается нормальным.

— Как устроить побег?

— Скажите, какие у вас отношения с администрацией?

— Да очень хорошие; я заведу библиотекой и даю уроки одному из надзирателей.

— Строго следят за вами?

— Нет, мне позволяют ходить в лавку за табаком и удить по утрам рыбу в ручье, протекающем около ограды нашего парка.

— Хорошо... Сегодня двадцать третье марта. Через неделю будьте в шесть часов утра у ручья и подымитесь на гору, где дорога. Там я буду ждать вас в автомобиле... Согласны?

— Да... но как же с костюмом?

— Я привезу один из ваших старых. Эллен говорила, что они целы. Если выйдет что-либо, расстраивающее наш план, телеграфируйте сестре, что заболели и просите ее приехать... Ну вот... В этой коробке с папиросами две пятифунтовые бумажки. Они могут вам пригодиться. Давайте кончать. Мы и так слишком долго разговариваем. Надзиратель начинает коситься... Итак, до тридцатого марта.

— Кланяйтесь Хогу и Эллен.

— Непременно.

***

Вечером 30 марта Хог изменил своим привычкам и принимал гостей не в ресторане, а у себя дома. В комнате было сильно накурено, и в углу, за ширмой, стояла по меньшей мере дюжина пустых бутылок. Хог, Эванс и Гербст сидели у стола и обсуждали, что предпринять в дальнейшем.

— Рано или поздно станет известно, что побег Генри организован богатым иностранцем, — сказал Хог.

— Даю голову на отсечение, что делом заинтересуется Скотланд-Ярд, и тогда, друзья мои, вам, конечно, несдобровать...

— Что же делать?

— Да убраться из Англии подобру-поздорову. Здесь вам все равно не удастся спокойно выстроить аппарат. А если бы и удалось, как вы будете производить опыты? Под контролем военного министерства или, быть может, в четырех стенах комнаты?

— Куда же уехать?

— Да куда-нибудь подальше. Ну, Хотя бы на юг Австралии. Там вы сможете за гроши купить целое поместье и делать в нем все, что вам заблагорассудится. В Сиднее легко достать нужные материалы.

— Хог говорит дело, — заметил Гербст.

— Вдобавок, Австралия удобнейшая для нас страна по географическому положению, — добавил Эванс, отрываясь от рассматриваемой карты. — Не надо забывать, что от австралийских портов до Явы всего лишь семь-восемь дней пути.

Все замолчали. Хог вынул часы и, взглянув, сказал:

— Уже четверть пятого... пора спать. Вы, Гербст, отправляйтесь в свой Вавилон, а вы, Генри, устраивайтесь на моей кровати.

Не желая будить прислуги, Хог отправился проводить Гербста коридором до выходной двери.

Хог, Эванс и Гербст обсуждали, что предпринять в дальнейшем.

Уже стоя на пороге, Хог сказал:

— А как же Эллиен? Вы сделали ей предложение?

— Да.

— И все же она должна остаться в Англии.

— Почему?

— Слушайте, нельзя возражать против того, что вы берете с собой Генри. Для Англии он конченный человек, он готов пойти на все, чтобы только построить свою машину, и, наконец, он сизмальства сочувствовал угнетенным народам. Генри и сейчас уже счастлив, воображая себя чем-то вроде шефа малайской революции. Эллиен же для революции не годится, и поэтому оставьте ее пока в покое.

— Вы правы.

Желая смягчить резкость сказанного, Хог перешел на свой обычный шуточный тон:

— Если, Гербст, вы будете президентом, могу я рассчитывать на место редактора малайского официоза?

— Почему бы и нет, но, предупреждаю, вам придется научиться писать по-малайски или, по крайней мере, по-голландски.

— Жаль, не бывать мне, значит, малайским редактором.

— Не беда, и в Лондоне не пропадете.

— Надеюсь.

— Прощайте.

— Прощайте.

Гербст скрылся в темноте. Слышно было, как он спускался по лестнице.

Глава VIII.

Освобождение Явы

Осенью 1934 г. положение в Индонезии было не менее напряженным, чем год назад: на Суматре шла партизанская война, на Целебесе волновались безземельные крестьяне, а на Борнео бастовали рабочие нефтяных промыслов. Ява была наружно спокойна, но восстания можно было ждать каждую минуту.

В Батавии жили, как па вулкане, но это не мешало веселиться: рестораны и бары были полны народа, оперетта делала полные сборы, и по вечерам нарядная толпа заливала главные улицы европейской части города.

6 августа городские власти чествовали амстердамскую парламентскую делегацию, а неделю спустя начались празднества в честь пришедшей австралийской эскадры. Вечером 14 августа город был иллюминирован, в скверах играла музыка, и к ярко освещенному губернаторскому дворцу то и дело подкатывали экипажи и автомобили. Празднества выгнали на улицу обычных ресторанных посетителей, и в баре «Маршал-Дандэм»¹⁾ было пусто.

— До чего мы дожили, Гюнт, — сказал хозяин высокому худощавому человеку, прислонившемуся к стойке, — во всем зале лишь двое посетителей...

— Н-да... — процедил сквозь зубы Гюнт и, сплюнув, прибавил: — Тяжелые времена.

---

1) Маршал Дандэм — губернатор Явы в 1812 г. «Знаменит» сооружением шоссейных дорог, при проводке которых погибло до 150000 насильно согнанных туземцев. - Ред.

Единственные посетители лениво потягивали пиво и перекидывались отрывистыми фразами:

— Это ведь наглость: сперва поехать на завод искусственного льда, а уже потом сделать визит губернатору...

— Не надо забывать, что хозяева австралийцы.

— Вы уверены в этом?

— Да.

— Вы сами видали их?

— И неоднократно; каждый раз за доставленные материалы со мной расплачивался мистер Пирс или мистер Андэрс...

— Правда, что у одного из них кровь не совсем чиста?

— Да, мать мистера Андэрса была, очевидно, евразианка¹⁾. Но сам он джентльмен в полном смысле слова и, кажется, бывший офицер индийской армии.

Услыхав фамилии Пирса и Андэрса, Гюнт насторожился и начал внимательно прислушиваться к разговору. Несколько секунд спустя он уже стоял около стола, за которым пили посетители.

— Извините меня, господа, — сказал Гюнт, — если я не ошибся, один из вас часто видится с заводчиком Андэрсом.

— Ну, да...

— Не замечали вы у него шрама на правой руке?

— А почему это вас интересует?

— Да я знал в Симбле офицера по фамилии Андэрс. Позже он вышел в отставку и уехал в Австралию. У этого Андэрса был на руке яркий широкий шрам от раны, полученной во время охоты на ягуара.

---

1) Евразианка — женщина наполовину туземной крови. Термин этот получил право гражданства уже более четверти века и очень распространён в восточноазиатских колониях. - Ред.

— Пожалуй, вы нашли приятеля. Вчера заводчик, перебирая латунные трубки, засучил рукав, и я видел красную полосу от локтя до кисти руки.

— Вот, вот... на днях я схожу на завод. Прощайте.

Когда Гюнт вышел, хозяин буркнул из-за стойки:

— Извините, господа, что не успел предупредить. На будущее время вы этого молодчика остерегайтесь, он служит в тайной полиции...

***

Лишь поздно ночью губернатор голландской Индии освободился от приема гостей. Пройдя к себе в кабинет, он облегченно вздохнул и, надев вместо мундира белый китель, уселся в удобное просторное кресло.

Вошедший вслед за ним секретарь начал доклад. Дела были не хороши: революционная пропаганда росла, войска волновались, и даже обыватели стали забывать о прошлогодней воздушной бомбардировке.

— На что они надеются? — спросил губернатор.

— Точно не знаю, ваше превосходительство, но слышал, что революционеры обладают каким-то новым изобретением, каким-то аппаратом, могущим защитить от воздушного нападения.

— Пустяки, возможно ли это?

— Конечно, нет...

— Я так и думал. Скоро светает, я не задерживаю вас. Скажите только, как обстоит дело с отправкой частей на Целебес и Борнео?

— Они сегодня уезжают, но среди них большое брожение.

— Ничего, там они скоро «перебродают». Прощайте.

— Всего наилучшего, ваше превосходительство.

Губернатор уже начал раздеваться, когда в спальню, не стучась, ворвался секретарь.

— Важные новости... заговор... та самая машина, — говорил он, путаясь и, очевидно, не находя нужных слов.

— Садитесь и расскажите толком, что случилось.

— На заводе искусственного льда строят ту самую машину, о которой мы только что говорили.

Что за ерунда? Завод принадлежит почтенным людям, австралийцам. К ним ездит британский консул, — у них только сегодня утром были в гостях офицеры с дредноутов «Сидней» и «Мельбурн».

— Не верьте всему этому, ваше превосходительство, — они не почтенные люди и вовсе не австралийцы.

— Кто же они?

— Один из них — англичанин, другой же — беглый яванский бунтовщик Эдуард Гербст...

— Сударь, вы сошли с ума, — ведь Гербст же погиб при бомбардировке Батавии...

— Выходит, что нет...

— Откуда вы это взяли?

— Так говорят начальник полиции и Гюнт.

— Они имеют доказательства?

— Целый ворох...

— Гм, допустим, что все это так. Но с чего же они взяли, что Эдуард Андерс, он же Эдуард Гербст, строит на своем заводе какую-то дьявольскую машину?

— Уже с месяц по городу ходят слухи о каком-то изобретении, попавшем в руки революционеров. Полиция арестовала несколько человек и в конце концов дошла до первоисточника слухов. Последним оказался известный вашему превосходительству адвокат Дэнга-

Синг. Его сегодня ночью допросили. Вот стенограмма показаний на восьми листах, собственноручно подписанная Дэнга-Сингом.

Губернатор внимательно прочел все 8 листов показаний и, помолчав несколько минут, сказал:

— Все это серьезнее, чем можно было бы думать. Действуйте энергично. Все лица, упомянутые в показаниях Дэнга-Синга, должны быть немедленно же арестованы. Гюнт возьмет на себя ликвидацию завода. Через четверть часа будут готовы соответствующие бумаги. Пусть начальник полиции захватит полсотни гвинейских солдат и отправляется.

***

Уже рассвело. Гербст, стоя у порога фабричного здания, разговаривал с сержантом стрелкового полка.

— Идите в казармы и сообщите комитету, что мы против выступления; бригада должна подчиниться приказу и плыть в Целебес. Передайте, кроме того, майору Третеру, что я вам говорил. Поняли?

— Слушайте, — сказал сержант, — кажется, стреляют...

Выстрел прорезал утреннюю тишину, за ним другой, потом третий... Затрещал пулемет...

— Что-то случилось... Бегу в казарму.

— Прощайте.

Вернувшись на фабрику, Гербст приказал запереть двери и спустить занавески на окнах. Убедившись, что все сделано как нужно, он сел к письменному столу и начал перебирать грудку лежавших на нем бумаг. Время тянулось мучительно медленно. Наконец позвонил телефон.

— Алло, кто говорит?

— Майор Третер, принявший командование над стрелковой бригадой. Это вы, Гербст?

— Что случилось?

— В казарму пришла политическая полиция и начала арестовывать всех бывших на последнем собрании у адвоката Синга. Солдаты взволновались и разобрали оружие. И вовремя!.. Подходил батальон гвинейцев. Их встретили пулеметом. Через полчаса к нам присоединились туземные войска, артиллерия и броневики. Губернатор располагает лишь гвинейским полком да небольшим отрядом морской пехоты. В наших руках все правительственные учреждения, радиостанция и телеграф.

— Что вы говорите?!

— Все так... Да, кстати, знаете, что? При столкновении наших с гвинейской ротой был убит полицейский агент Гюнт. В кармане у него нашли подписанный губернатором приказ о вашем аресте и розыске строящейся машины. Видите, все идет к лучшему... Не случись восстания, вы бы сидели в тюрьме.

— Пожалуй...

— У Синга вы говорили, что приступаете к установке машины. Как подвинулась работа?

— Она заканчивается.

— Напрягите все силы. Я же со своей стороны вступлю в переговоры с голландцами и постараюсь выиграть время.

— Все возможное будет сделано.

— Я пришлю сейчас роту солдат для охраны фабрики.

— Благодарю.

Гербст прошел в помещение, где устанавливалась машина, и, отведя в сторону руководившего работой Эванса, рассказал ему о восстании.

— Есть ли надежда, Генри?

— Думаю, что да. Каким временем мы располагаем?

— Считайте сами: подготовка самолетов к экспедиции и самый перелет от воздушной базы голландцев к нам займут часа четыре-пять...

— Тогда еще ничего... Гоните только побольше слесарей и монтеров...

Через час в ворота фабрики уже въезжали автомобили с людьми и материалами. Отдав нужные распоряжения, Гербст прошел в кабинет. Звонил телефон:

— На губернаторском доме белый флаг, — сообщил Третер.

— Правительственные войска сдались со своим штабом.

С 7 часов утра завод искусственного льда стал главным штабом восставших: там заседал революционный комитет Явы, и оттуда отдавал приказания принявший командование войсками майор Третер.

В 8 часов гарнизоны Сурабайи, Паганда и острова Тимора прислали радио о том, что они присоединяются к восстанию. Немного позже пришло сообщение, что голландское командование на Суматре отказывается вступить в какие бы то ни было переговоры.

В 9 часов с радиостанции сообщили, что голландский воздушный флот находится в пути. Через полчаса он был уже у побережья Явы.

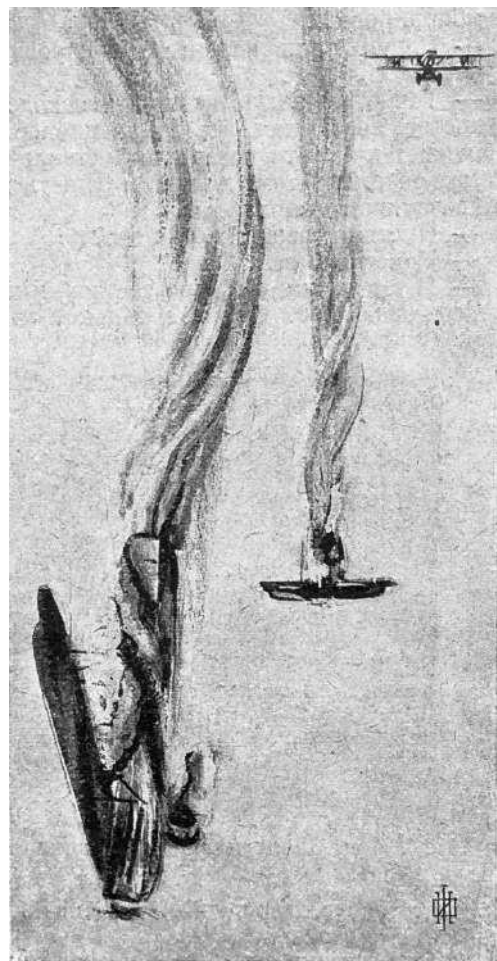
— Эти дьяволы летят быстрее, чем можно было предполагать, — выругался Гербст.

— Машина установлена и через полчаса начнет работать, — ответил Эванс.

— А вдруг что-нибудь случится?

— Тогда всем нам будет конец...

Ровно в 10 часов Эванс позвал к себе Гербста и Третера.

— Все готово, — сказал он. — Я буду управлять машиной. Вы, Гербст, идите наверх. Захватите с собой компас и подзорную трубу. Как только заметите на горизонте голландские самолеты, сообщите сейчас же по телефону направление. Вы, Тре-тер, разошлите отряды для захвата снизившихся самолетов. Бросьте для этого кавалерию и автомобильные части.

Гербст поднялся на верх. Фабрика стояла на пригорке, и с ее плоской крыши было видно, по крайней мере, на 20 км вдаль. В воздухе было тихо, и море лениво плескалось о берег.

Вниз полетела горящая «птица», за ней другая...

Но вот на горизонте показались какие-то точки: похоже было, будто летит небольшой пчелиный рой. Гербст взглянул на компас и, взяв телефонную трубку, передал: «Зюд-вест 10, 15 км»¹⁾.

---

1) Зюд-вест — юго-запад. - Ред.

— Через две минуты они попадут в зону действия лучей, — ответил Эванс.

Самолеты росли и сближались с каждой секундой. Сердце Гербста билось, будто хотело вырваться наружу...

И вот началось... Раздался ряд далеких взрывов, за клубились в воздухе облака белого и черного дыма, вниз полетела, кружась, горящая «птица», а за ней другая, третья... Горизонт затянуло пеленой...

Победа была полная. Из 75 самолетов, вылетевших в экспедицию, назад ни один не вернулся.

Ява праздновала победу...

Глава IX. «Кровь и кофе»

За время, прошедшее со времени бегства Эванса из Кэммэрдаун-хилла, Перси Хог сделал карьеру. Он был уже не репортером, а заместителем редактора — фактическим хозяином газеты. 16 сентября Хог пришел в редакцию с раннего утра и к 8 часам уже закончил отправку в типографию материала для специального выпуска, посвященного яванским событиям.

Освободившись от текущих дел, Хог взял телефонную трубку и позвонил.

— Это вы, Эллен? Могу вам сообщить интересные новости. Ява опять восстала. Ваш братец скрутил голландский воздушный флот... Как сделал он это?.. Очень просто — лучами своей машины... Что было дальше?.. Да на Яве республика, и ваш жених что-то вроде президента или председателя совета министров. Вам надо ехать. Немедленно явитесь ко мне за инструкциями. Не забудьте только захватить все имеющиеся у вас фотографии брата. Вы получите билет и двадцать фунтов.

Через минуту Хог опять уже звонил по телефону:

— Правление пароходства? Да? Скажите, когда уходит ближайший пароход по Дальневосточной линии?.. Послезавтра, восемнадцатого сентября? Прекрасно... оставьте для газеты одно место первого класса до Сингапура. Едет женщина. Благодарю.

Принесли черновой оттиск экстренного выпуска. С газетного листа глядели напечатанные жирным шрифтом подзаголовки:

«РАЗГРОМ ГОЛЛАНДСКОЙ ЭСКАДРИЛЬИ»

**«10 САМОЛЕТОВ ПОПАЛИ В РУКИ ВОССТАВШИХ»
«ДРЕДНОУТ, НАМЕРЕВАВШИЙСЯ БОМБАРДИРОВАТЬ БАТАВИЮ, ВЗЛЕТЕЛ НА ВОЗДУХ».**

Далее шли интервью с учеными, военными специалистами и, наконец, воспоминания, написанные самим Хогом об изобретателе удивительной машины.

С чувством удовлетворения Хог потянулся, встал, запер дверь, опять уселся за стол и принялся писать.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Хог, — это вы, Эллен? Великолечно... Ах, извините, я сейчас отопру.

Мигом оглядев принесенные фотографии, Хог сказал:

— Вы едете послезавтра. Из Сингапура вы должны прислать подробную телеграмму. В Батавии вы должны немедленно же получить от брата и жениха статьи и иллюстрационный материал. Вы также должны сообщить Эдуарду Гербсту, что газета, которую я редактирую, ждет от Яванской народной республики официальных объявлений и публикаций. Поняли? Я поговорю с вами обо всем этом подробнее перед отъездом. Завтрашний номер мы заполняем тоже наполовину Явой. Идите к Престону, третья комната направо. Скажите ему, что я велю сделать с ваших слов статью строк на триста. Потом снимитесь у нашего фотографа: завтра мы даем ваш портрет на две колонки. За это вы ничего не получите, но ничего и не заплатите. Поняли? Выкатывайтесь, мне некогда...

Выпроводив Эллен, Хог снова запер дверь и уселся писать политический фельетон.

Несколько минут Хог сидел в раздумье, не будучи в состоянии придумать заголовок. Наконец он взял лист чистой бумаги и наверху написал четким, ясным почерком: «Кровь

и кофе».

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР АБРАМОВ
ПУТЕШЕСТВИЕ НА ГЕЛИКОМОБИЛЕ

Фантастический очерк

5

В. САФОНОВ
ПРИШЕСТВИЕ И ГИБЕЛЬ СОБСТВЕННИКА

Фантастический памфлет

19

А. Е. АДАЛИС, И. СЕРГЕЕВ

ХЕВЕС – ХЮТТИ

Фантастический роман

45

ТИМ ИММОВИЧ
ОШИБКА ИНЖЕНЕРА ДЭННИ

Фантастический рассказ

251

НИК. ШПАНОВ (К. КРАСПИНК)

ЛЬДЫ И КРЫЛЬЯ

Фантастический рассказ

283

НАТАЛИЯ БЕНАР

ЧЕРНЫЙ ПАУК

Фантастическая повесть

307

С. Л. ГРАВЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ
Научно-фантастическая повесть

431

К. ГРИГОРЬЕВ
КРОВЬ И КОФЕ
Фантастическая повесть
509

